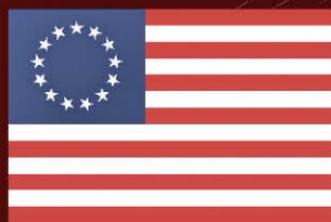

Ю. М. Галенович

ИСТОКИ АМЕРИКАНО- КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ВКН

Ю. М. Галенович

ИСТОКИ
АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ
ОТНОШЕНИЙ

2-е издание, электронное

ВКН

Москва
2020

Галенович, Юрий Михайлович.

Г15 Истоки американо-китайских отношений / Ю. М. Галенович. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 466 с. — Москва : Издательский дом ВКН, 2020. — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-7873-1658-2

В настоящее время становится все более очевидным, что на мировой арене двумя «главными игроками» являются американцы и китайцы. Во всяком случае, и те, и другие соперничают и, так или иначе, претендуют на лидерство.

Возникает вопрос о характере их взаимоотношений, история которых насчитывает около 240 лет. Это и мало, и много. С одной стороны, исторически это краткий срок. С другой стороны, здесь многое заставляет задуматься. Обращение к истокам представляется полезным для понимания их нынешнего состояния и перспективы. Это и повод говорить о взаимоотношениях наций на планете.

Всего лишь два века тому назад иностранцы стучались в двери Китая, добиваясь их открытия, а сегодня китайцы стучатся в двери остального человечества. Речь начинает идти о проблеме их взаимного приспособления.

Мы хотели бы познакомить читателей с тем, какими представляли себе китайцев и Китай американцы начиная с XVIII века.

УДК 327[(470+571):(510)]
ББК 66.4(2Рос),9(5Кит)

Электронное издание на основе печатного издания: Истоки американо-китайских отношений / Ю. М. Галенович. — Москва : Издательский дом ВКН, 2019. — 464 с. — ISBN 987-5-907086-24-1. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
Купцы.....	35
Дипломаты	60
Миссионеры	89
Война	137
Пресса.....	217
Иммигранты.....	298
Восток США	349
Запрет.....	401
Заключение.....	444
Об авторе	453
Перечень работ автора	459

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время люди на Земле, одни в большей, другие в меньшей степени, начинают ощущать, что впервые в истории человечества складывается ситуация, при которой явно начинают выделяться две его части: китайцы и некитайцы, китайцы и остальное человечество.

Китайцы составляют примерно одну пятую часть человечества, но это самая многочисленная и самая однородная часть человечества.

Видимо, раньше или позже придется не только в теории, но и на практике обратиться к вопросу о том, каково нынешнее состояние и какова перспектива или перспективы взаимоотношений китайцев и некитайцев, китайцев и остального человечества.

И здесь на первый план выходит вопрос о взаимоотношениях двух современных «главных игроков» на мировой арене — китайцев и американцев. Именно они, каждая из этих двух наций, то есть двух народов и стран, претендуют на лидерство.

Подойти, приблизиться к пониманию вопроса о взаимоотношениях китайцев и остального человечества можно, обратившись к истории взаимоотношений Америки и Китая, Китая и Америки. Эта история и не коротка, и не длинна. Она насчитывает более 240 лет, если начинать отсчет с момента создания Соединенных Штатов Америки в 1776 году.

В истории их взаимоотношений имел место такой период, когда в США законом был исключен, запрещен въезд в США рабочих из Китая. Это произошло в 1882 году. Закон уточнялся в 1892 и 1902 годах. В 1943 году в ситуации, когда США и Китай стали союзниками во Второй мировой войне, в войне против Японии, закон был отменен, прекратил свое существование. Однако и после отмены этого закона, до 1965 года, существовали квоты на въезд китайцев в США. В настоящее время численность населения США составляет 309 миллионов человек. Из них китайцев 4 миллиона, то есть китайцы составляют 1,4% населения США.

В 2012 году в США был принят акт об извинениях перед Китаем за принятие и существование упомянутого закона. При этом активную роль играла первая китайка по происхождению — сенатор США от штата Калифорния.

В конце января 2018 года президент США Д. Трамп заявил, что Китай является для США соперником, который бросает вызов американским экономическим интересам и ценностям.

В 2018 году в КНР пропагандировалась мысль о том, что все страны мира должны выбирать: либо следовать политике Си Цзиньпина, ратующего за «общее будущее» человечества, либо «оказаться на поводу» у Дональда Трампа, который выдвигает лозунг «Америка прежде всего». При этом также утверждалось, что Китай, китайцы — это единственная в мире нация, которая сохранила свою древнюю цивилизацию и в то же время способна наилучшим образом управлять делами всего человечества, особенно в процессе экономической глобализации и установления нового мирового порядка.

Таким образом, очевидно, что руководители нынешних государств американцев и китайцев, США и КНР, в одно и то же время и соперничают, и стоят перед необходимостью искать пути к сосуществованию на мировой арене.

В 1969 году издательство Калифорнийского университета выпустило книгу Стюарта Миллера «Нежелательный иммигрант. Образ китайцев в представлении американцев, 1785–1882» (Stuart Creighton Miller. *The unwelcome immigrant. The American Image of the Chinese, 1785–1882.* University of California Press, 1969).

Обращение к труду профессора Миллера в настоящее время вызывается рядом причин. Его работа появилась в конце 1960-х годов, в тот момент, когда назрело изменение американо-китайских отношений, когда пришло время установления равноправных отношений двух самостоятельных и независимых наций и их государств. Это предполагало изменение и утверждение новых представлений о Китае в Америке. Это же предполагало необходимость переосмысления заново всей истории американо-китайских отношений. Одной из таких попыток явилась книга профессора Миллера. Она написана спустя почти 200 лет после образования США и начала сосуществования Америки и Китая на мировой арене. В книге фактически излагается понимание американцами истории их взаимоотношений с китайцами.

К настоящему времени истекло почти 50 лет после того, как в Пекине состоялось рукопожатие президента США Р. Никсона и председателя ЦК КПК Мао Цзэдуна. Время дает возможность углубленно изучать и практику двусторонних отношений, и теоретические или научные представления о характере и сущности этих отношений. При этом оказывается, что многие представления об истории американско-китайских отношений устарели или требуют осмысления заново.

Обращение к ряду положений работы профессора Миллера дает возможность увидеть, какие трактовки ситуации во взаимоотношениях американцев и китайцев существовали в прошлом и над чем необходимо задумываться в настоящее время.

Труд профессора Миллера основан на богатом фактическом материале. Это позволяет относиться к нему и как к фундаменту рассмотрения истории американско-китайских отношений, и как к поводу присмотреться к характеру взаимоотношений американцев и китайцев, а также китайцев и людей других наций.

Сама история требует и делает целесообразным обращение в тот или иной период, в частности в настоящее время, к тому, что происходило в прошлом, в частности в данном случае, двести — двести пятьдесят лет тому назад, а далее на протяжении первых ста лет из этого отрезка истории.

Итак, благодаря, в частности, труду профессора Миллера у нас есть возможность задуматься над фактами и высказываниями людей, начиная со второй половины XVIII века по конец XIX века; далее присмотреться к тому, как в Америке оценивали все это в конце 1960-х годов, накануне рукопожатия Мао и Никсона в Пекине, то есть накануне начала нынешних отношений Китая и Америки, КНР и США, и, наконец, высказаться на эти темы с позиций сегодняшнего дня, в конце второго десятилетия XXI века.

Все это вместе взятое позволит, насколько это удастся сделать, попытаться понять, с чего начались отношения между американцами и китайцами, что в них в те времена происходило и какие уроки или выводы можно сделать из всего этого.

Встреча американцев и китайцев на нашей планете — это встреча двух очень разных частей человечества. В каком-то смысле при знакомстве американцев и китайцев тогда встретились американцы — люди, во многом представлявшие высшие достижения человечества и в области политики, и в сфере экономики; и китайцы — люди, представлявшие во многом далеко отставшие взгляды

и на политическую, и на экономическую, да и на духовную жизнь общества.

Американцы существуют как национальная общность всего лишь 240 лет. Китайцы насчитывают за собой историю в несколько тысячелетий. Китайцы, их нынешние руководители выдвигают призыв к «великому возрождению великой нации Китая». Иными словами, обращаются к прошлому, рассчитывая найти в нем ключ к управлению делами человечества в настоящем и будущем. Американцы говорят: «Америка прежде всего», то есть настаивают на своем праве отстаивать в первую очередь интересы американцев как современной нации на земном шаре.

Американцы только во второй половине XX века в значительной степени «переварили в своем плавильном котле» людей разных национальностей, и в результате появилась американская национальная общность. Люди, граждане США, говорят: «Я — американец» — вне зависимости от расы и национальной принадлежности. При этом национальная принадлежность не мешает убеждению в том, что американцы существуют как единая нация. Она неоднородна, у нее нет подавляющего большинства — сердечника из людей одной национальной общности. Как говорил В. В. Маяковский, это «красивые цветные группы».

Китайцы хотя формально и внешне подчеркивают, что существует понятие единой нации Китая, в которую входят люди 56 национальностей или национальных общностей, но, по сути дела, представляют собой население страны, подавляющее большинство которого — это люди одной национальной общности, ханьцы.

В настоящее время происходит встреча китайцев как нации со всеми остальными нациями на планете, с каждой из всех остальных частей человечества на Земле.

Здесь возникает много проблем. Согласование интересов, взаимное приспособление оказывается делом затяжным и трудным.

В то же время вопрос о взаимоотношениях американцев и китайцев здесь очень существенен. Поэтому важно обращать внимание на отношение американцев к китайцам, в том числе к китайским иммигрантам в США, к китайцам по национальности, проживающим или живущим в Америке.

Исторический факт состоит в том, что, по мнению большинства американцев, китайцы в определенный момент истории, а именно в 1882 году, оказались нежелательными иммигрантами на территории США. Это явилось выводом из того впечатления,

из того представления, из того образа китайцев, который сложился у американцев на протяжении первого века контактов американцев и китайцев на территории Америки, то есть с конца XVIII до конца XIX века. Такая или в чем-то сходная или подобная проблема возникла и возникает практически почти во всех странах и требует изучения и в каждой отдельной стране, и применительно к взаимоотношениям китайцев как нации и всего остального человечества.

Что касается США, то стремление не допускать в США китайцев проявилось в 1882 году в форме закона, как и в целом негативное отношение к Востоку, которое превалировало в США в конце XIX столетия.

Миллер в своей книге исследовал эту проблему. Конечно, это сделал и к таким выводам пришел не он один. Однако его труд настолько представительен, что он заслуживает именно такого к нему отношения и рассмотрения.

Ситуация осложнена тем, что в США на китайцев, живущих или находящихся в Америке, многие привыкли смотреть как на национальное меньшинство или группу населения страны, представляющую меньшинство, в то время как сами китайцы, в том числе и живущие в США, по преимуществу исходят из того, что они никогда и нигде на всей Земле не были, не являются и не будут меньшинством.

Миллер посвятил свою работу сообществу американцев китайского происхождения и их возрастающему чувству собственного достоинства. В этом сразу же проявилось отношение Миллера к китайцам как к тем, кто достоин уважения и имеет основания бороться за уважение другими их достоинства, а эти другие, другие американцы, недостаточно уважают или уважали в прошлом достоинство китайцев, на что прозрачно и намекает Миллер. В то же время у профессора Миллера имеется представление об этих китайцах как о людях, которые сами себя относят к числу американцев, у которых исторически китайское происхождение.

На самом деле речь изначально и вплоть до настоящего времени идет о китайцах, которые так или иначе осознанно или неосознанно стремятся или вынуждены оставаться *чжун го жэнь* — «людьми Китая, людьми центрального государства», китайцами, своего рода «собственностью, имуществом» нации Китая, КПК, руководителя или руководителей КПК, находясь в Америке. И мало того, чувство собственного достоинства китайцев, пропагандируемое руководителями КПК — КНР, таково, что они счи-

тают себя самой главной нацией на Земле и при этом полагают, что американцы обязаны китайцам, что за американцами есть исторические долги.

Важно обратить внимание на тот факт, что единственными иммигрантами, на пути въезда которых в США в XIX веке был поставлен барьер, причем в форме закона, были китайцы. В свое время антипатия американцев по отношению ко всем «не белым» предлагалась как объяснение появления в 1882 году закона о недопусшении китайцев (исключении их из числа людей, желавших приехать в Америку) в США.

В XX столетии в США появилась характеристика сообщества китайцев в Америке как угрозы обществу, преданному идеалам свободы и американского патриотизма. При этом звучало и настойчивое требование ко всем новичкам пускать корни в американскую почву и принимать условия существования и жизни в Америке.

Профессор Миллер предложил еще более новый на то время взгляд на проблему. С его точки зрения, антикитайские настроения носили общенациональный или всеамериканский характер и не были только локальным явлением. Дело было не в том, чтобы не допускать, скажем, в Калифорнию китайских рабочих-кули; дело было не в «заговоре» только калифорнийцев против китайской иммиграции. Речь шла о столкновении чрезвычайно контрастирующих между собой культур и ценностей. События и их развитие в середине XX столетия и далее подтвердили все это.

Те люди, которые в XIX веке формировали американское общественное мнение, рисовали китайцев как фактически уникальное сообщество людей, являющихся рабами, идолопоклонников, приверженцев древних традиций, политически сервильных, морально развращенных и отвратительно ущербных. Китай при этом виделся как никоим образом не приемлющий идеалы прогресса XIX века, свободу и цивилизацию, которым была предана современная для того времени Америка. Выдающийся американский мыслитель Ральф Уолдо Эмерсон был абсолютно убежден в безнадежной отсталости китайцев. По контрасту японцы вызывали в Америке восхищение тем, что их страна активно модернизировалась, почти принимая американские ценности и надежды. Речь идет об отношениях между разными культурами и народами в современном мире.

Конфронтация между китайцами как самым древним из современных народов и американцами как одной из живых и активных

наций среди современных наций всего мира позволяет видеть наш нынешний мир в движении и изменениях.

Сам профессор Миллер начинает свою работу с напоминания о том, что прежде всего необходимо обратиться к тем страхам перед желтой опасностью или угрозой, которые существовали в американском обществе в конце XIX века. Профессор Миллер пришел к мысли о том, что ему следует отказаться от своего первоначального намерения исследовать вопрос о желтой опасности. Вместо этого необходимо систематизированно рассмотреть эволюцию развития неблагоприятного представления о китайцах в Америке XIX столетия и проанализировать роль этого образа при принятии общенационального решения об исключении китайцев из того плавильного котла, в котором варилась и «поспевала», смешиваясь, нация американцев.

В США выход в свет труда профессора Миллера приветствовался. При этом отмечался ряд особенностей этой работы, в частности то, что труд профессора Миллера основан на солидном фундаменте, на многочисленных источниках, на изучении письменного наследия, публикаций в газетах, журналах, статьях и книгах периода с конца XVIII до начала XX века. В этом труде исследуется скорее не вопрос о том, что собой представлял китайский иммигрант в Америке, а вопрос о том, по каким причинам он оказался там нежелательным.

В книге представлен полный анализ, который доступен в настоящее время, впечатлений американцев в Америке о Китае в том виде, как это было зафиксировано за первое столетие контактов. Образ Китая складывался под воздействием мнения нескольких категорий американцев: купцов, дипломатов, миссионеров. Работа профессора Миллера — своего рода дорожный указатель для дальнейших исследований более глубокого и широкого плана.

Этот труд открывает новые измерения для понимания причин исключения китайцев в 1882 году, а в равной степени и в целом негативного отношения к Востоку, которое стало превалировать в США в конце XIX века. Этот труд открывает проблему в более широком и значительном ее виде. Именно поэтому работа заслуживает большого доверия.

Она хорошо документирована и обоснованна, наполнена размышлениями, позволяет по-новому взглянуть на вопросы с исторической точки зрения. При этом она написана так, что ее могут читать не только ученые, то есть простым и ясным языком без профессионального жаргона.

Труд профессора Миллера приветствовали в Америке как дополнение к умножавшейся в то время литературе о китайцах в США. Если говорить о методах и источниках для этой работы, то она обещает демонстрацию того, в каком направлении можно дальше анализировать историю групп меньшинств в Америке и вообще в мире — так видели труд профессора Миллера в момент его выхода в свет в США.

* * *

Свою задачу в данном случае мы видим в том, чтобы, основываясь на рассмотрении фактов, содержащихся в работе профессора Миллера, попытаться разобраться в том, что происходило во взаимоотношениях американцев и китайцев, как складывались эти отношения, каким было представление в США о китайцах, что все это может означать и для других наций в их взаимоотношениях с китайцами.

Все это требует самого внимательного отношения к тексту работы профессора Миллера. Мы попытаемся обращаться ко всем существенным, с нашей точки зрения, содержащимся в ней фактам и высказываниям, формулировкам и терминам.

Это тем более необходимо, что в нашей стране до сих пор специально не обращались к исследованию этой темы применительно к взаимоотношениям американцев и китайцев. Представление об истории взаимоотношений американцев и китайцев в нашей стране складывалось на основе пропагандированного во времена СССР взгляда на американцев как на «главного врага» объединенных общей идеологией коммунистов России (СССР) и Китая (КНР).

Перейдем к рассмотрению некоторых положений работы профессора Миллера. (При цитировании *курсивом* будем в скобках указывать страницу упомянутого труда.)

Предваряя текст своей работы, профессор Миллер подчеркивает, что он начинал ее как исследование вопроса о страхе американского общества перед желтой угрозой в конце XIX века. Это констатируется как факт. Собственно говоря, человеку и человечеству изначально присуще стремление к самосохранению, к обеспечению не только своей жизни, но и прежде всего своего существования.

История, очевидно, внушила людям мысль, а может быть, эта мысль заложена в людях от природы, что постоянно, всегда возникали те или иные угрозы существованию людей на планете, существованию той или иной нации. Каждый человек стремится обеспечить свое существование. Каждая нация, каждое национальное сообщество стремится обеспечить свое существование.

Вне зависимости от того, обосновано это или не обосновано, но в Америке в итоге знакомства с китайцами на протяжении первого столетия этих взаимоотношений возник страх перед тем, что там именовали *yellow peril* — желтой угрозой. Речь, очевидно, шла о том, что для американцев как нации в целом возникла угроза не только жизни, но и самому физическому существованию этой нации со стороны нации Китая. При этом в умах многих американцев это формировалось и воспринималось как угроза белым со стороны желтых, то есть речь шла о противостоянии белой и желтой расы. Вполне очевидно, что такой страх возникал на том этапе развития человечества, когда вопрос о расах, об их взаимоотношениях тревожил людей в разных странах очень сильно. Разумный ответ на вопрос о сосуществовании рас, особенно в массовом сознании, тогда еще не был найден.

Более того, если говорить о США, то и в результате первоначального опыта общения людей Америки и Китая, и в результате происходившего как в двусторонних отношениях, так и на международной арене, и в результате событий внутри Китая к середине XIX века в Америке вопрос о том, что именовалось желтой угрозой, оказывал сильное давление на умы людей.

Эта мысль присутствовала в умах, в сознании американцев и в дальнейшем, по крайней мере вплоть до середины XX века. Очевидно, что и по этой причине профессор Миллер, приступая к своему труду, исходил из того, что главное для него — исследование истоков страха американцев в связи с желтой угрозой со стороны китайцев.

Профессор Миллер занялся этими изысканиями в ситуации, когда установление нормальных межгосударственных отношений между США и КНР стало неизбежным. Однако здесь продолжал стоять вопрос о желтой угрозе, то есть вопрос о том, как к этому относиться и как строить двусторонние отношения, имея в виду существование представлений о желтой угрозе, существование страха перед желтой угрозой в Америке.

Здесь необходимо отметить, что в свое время в Китае, в частности, Сунь Ятсен тоже считал, что существует угроза китайцам со стороны американцев. Сунь Ятсен думал, что численность населения США может превзойти численность населения Китая. Одним словом, можно констатировать, что при встрече американцев и китайцев в начале их знакомства и в той, и в другой стране возникло чувство опасности, грозящей с противоположной стороны.

В XX веке произошло много событий, оказавших влияние или воздействие на состояние взаимоотношений между Америкой и Китаем. В частности, по планете прокатились две мировые войны, монархия в Китае в результате вооруженного восстания была заменена республикой, Китай подвергся нападению Японии, победить японцев удалось благодаря вкладу в это союзников Китая, прежде всего нашей страны и американцев, затем в Китае была внутренняя война между Гоминьданом и Компартией, а далее возникла КНР. Отношения между КНР и США не были установлены при создании этого китайского государства. Период отсутствия дипломатических отношений длился с 1949 по 1979 год, хотя на практике межгосударственные связи возникли в 1972 году, а переговоры начались в конце 1960-х годов.

Все это имело одним из своих следствий определенный, занявший более двух десятилетий разрыв процесса знакомства и даже общения двух наций. За это время сохранялись и старые представления о партнере, и возникал новый образ того, с кем фактически не было связей. Все это могло и должно было сказаться на отношениях сторон после того, как в 1972 году Никсон и Мао пожали друг другу руки при встрече в Пекине.

К установлению отношений США и КНР, каждая сторона, шли со своими представлениями и со своим пониманием того, чего они хотели от этих отношений. В обстановке подготовки к установлению контактов и отношений и появилась работа профессора Миллера.

Очевидно, что главный исходный пункт для него был, как уже упоминалось, в том, чтобы искать причины возникновения в Америке страха перед желтой угрозой. Может быть, он имел в виду решение вопроса о том, насколько живучи такие представления и вообще насколько существенен этот вопрос в отношениях американцев и китайцев в дальнейшем. Может быть, задача была

в том, чтобы попытаться понять, что можно сделать, чтобы развитию знакомства не мешали прежние страхи.

В процессе работы профессор Миллер стал принимать во внимание разницу в отношении к китайцам на западе и на востоке США, по крайней мере в первой половине XIX века. Далее он обратил внимание на то, что в Америке с уважением относились к Китаю до Опиумной войны. А на востоке США благожелательно относились к вопросу о китайской иммиграции вплоть до 1882 года.

Америка — страна, как будто бы искусственно созданная человечеством на американском континенте. Сюда приезжали люди с разных сторон, с других континентов. Возникло представление о том, что Америка — это своего рода плавильный котел, в котором варится и вызревает американская нация, то есть американцы как нация.

Здесь, возможно в результате тех или иных оценок знакомства с китайцами, у американцев и возник вопрос о том, отвечает ли интересам американцев как нации допущение китайцев в их страну в качестве равноправного ингредиента, который загружается в тот плавильный котел, из которого и выходит новорожденная нация Америки.

Дальнейшие занятия этой темой привели профессора Миллера к мысли отказаться от изучения вопроса о желтой угрозе, заменив это исследованием систематической эволюции неблагоприятного образа китайцев в Америке XIX века и анализом роли такого образа китайцев, его воздействия на общенациональное решение американцев исключить китайцев из плавильного котла внутри США.

Итак, подчеркнем, что изначально в принципе фактически всех желающих приветствовали в США с тем, чтобы они становились в процессе их «варки» или «плавки» в американском «плавильном тигле» или «плавильном котле» неотъемлемыми равноправными частями американской нации.

Единственным исключением в истории США стало исключение путем принятия закона, то есть в законодательном порядке, из собрания людей разных национальных общностей, разной этнической принадлежности китайцев. Здесь и возникает вопрос о том, как и почему это произошло.

Таким образом, по сути дела, возникает вопрос о том, в чем суть взаимоотношений двух наций, американцев и китайцев, что характерно для этих взаимоотношений, какую роль при этом могли играть предубеждения или несовместимость?

Каким образом в общенациональных всеамериканских масштабах возникло и было законодательно оформлено решение о несовместимости китайцев с нацией американцев?

Какую роль в этом процессе сыграли предубеждения?

Наконец, возникает вопрос о том, что из всего этого можно извлечь для лучшего понимания и нынешнего состояния, и перспектив взаимоотношений между китайцами и остальным человечеством?

Судя по тому, что пишет профессор Миллер, ему представляется, что искусственно возник, был создан и существовал своего рода «дурман», которым в Америке было окутано и представление о китайцах, и сам образ Китая в США.

Во всяком случае, исследование профессора Миллера дает возможность на большом фактическом материале, который он собрал и который он по-своему интерпретировал, попытаться составить свое представление о характере и процессе развития взаимоотношений американцев и китайцев.

Первая часть его исследования посвящена описанию того «дурмана», которым были окутаны США на протяжении первого столетия взаимоотношений с Китаем, и того образа Китая, который в этой ситуации создавался в Америке.

Здесь важно сразу же обратить внимание на то, что у американцев и китайцев, между их странами, нет общей границы. Страны разделены Тихим океаном. Взаимоотношения американцев и китайцев начались с того, что отдельные американцы переплыли на своих судах океан и доплыли до Китая.

Так в Китае появились своего рода «разведчики», представители нации американцев. Это были купцы, дипломаты и миссионеры. Они-то и стали первыми «информаторами» американцев о китайцах. Они направляли в США свою информацию, находясь в Китае, являясь как бы «внутренними информаторами», «информаторами изнутри».

Это, с одной стороны, придавало их сообщениям достоверность, а с другой стороны, большинство людей в Америке не имели возможности на собственном опыте перепроверить достоверность и правильность их сообщений.

Все это и привело к формированию в Америке сначала образа китайцев без возможности «пощупать это своими руками». Так действительность и представление о ней, ее образ оказались на

какое-то время разорванными. Оказалось, что, с одной стороны, существует «настоящий» «реальный» Китай и, с другой стороны, имеется образ китайцев, образ Китая, представление о них у американцев. Более того, можно сказать, что это наложило и продолжает накладывать свой отпечаток на представление в США о Китае.

Здесь же попутно необходимо сказать, что у всякого процесса, очевидно, есть две стороны. В данном случае необходимо принимать во внимание и представления о Китае у американцев, и представления об Америке у китайцев. Мы сосредоточимся на представлении о Китае и о китайцах у американцев. В возможной степени попутно попытаемся увидеть и то, как к американцам относились в Китае.

Настроения, существовавшие и широко распространенные в США накануне принятия закона о недопущении китайцев в США, в известной степени отражало высказывание сенатора от штата Мэн Джеймса Блэйна 14 февраля 1879 года:

«Эти азиаты неспособны идти нога в ногу с населением нашей страны и становиться внутренне однородной с ним его составной частью. Моя мысль состоит в том, что речь идет по сравнению с иммиграцией из европейских государств о тех иммигрантах, для которых не существует (принятого у нас) понятия семьи, которая не признает характера взаимоотношений между мужем и женой, которая не соблюдает правила взаимоотношений между родителями и детьми, которая ни в малейшей степени не подержана облагораживающему цивилизованному влиянию представлений о душе и домашнем очаге» (С. 3).

Собственно говоря, это было обобщение, основанное на преобладавших в американском обществе представлениях о китайцах, итог знакомства американцев и китайцев на протяжении тех первых ста лет, которые прошли с момента создания Соединенных Штатов Америки.

Американцы увидели, что в лице китайцев, прибывавших на территорию США и оседавших там, они столкнулись с инородным и чужеродным элементом, с «представителями иной галактики», которые не вписывались и не желали вписываться в американские условия жизни, в американские представления о жизни и взаимо-

отношения людей, не желали становиться составной частью американцев как нации.

Собственно говоря, в Америке складывалось мнение о том, что китайцы оказались несовместимы с американцами. Они оставались «куском Китая» на территории США. Они оставались подданными китайской империи в республике на территории Северной Америки спустя почти сто лет после создания США.

Семья, муж и жена, родители и дети, душа и домашний очаг — все это основополагающие понятия в системе незыблемых для американцев ценностей. Здесь, подчеркнем, речь идет прежде всего об отношениях между людьми и о человеческих ценностях. Именно вопрос о человеке, о человеческой личности, о человеческом достоинстве, о ценности человеческой жизни, человеческого отношения к человеку в принципе разделил уже тогда изначально американцев и китайцев.

Итак, в 1882 году в Америке был принят Закон об исключении (недопуске, ограничении допуска) китайцев в США (The Chinese Exclusion Act of 1882). Он действительно занимает особое место в истории Америки. Это было первое отступление от официальной политики открытости, допущения иммиграции, которое произошло на этнокультурных основаниях. Точно так же это был первый шаг американцев как нации на пути, который в конечном счете вел к противоречивому введению в 1920-х годах закона о квотах допуска в США иностранцев. Менее очевидным было для людей то, что такое решение оказалось вызовом тем расплывчатым представлениям о плавильном котле, продуктом которого и являлись американцы как нация (С. 3).

Американцы и китайцы встретились как две нации, у которых различная история, различные истоки их рождения, вызревания, формирования, создания и существования нации как народа и страны.

Американцы — это, очевидно, естественное новообразование среди национальных общностей на планете. История планеты сложилась таким образом, что на бескрайних просторах Северной Америки, где жили относительно немногочисленные коренные жители — индейцы, появились в процессе освоения всей планеты люди, прежде всего из Европы. При этом это были те, кто не только не желал быть чьим бы то ни было подданным, но и выдвигал на

первое место не понятие монарха, государя, короля, царя, императора, вождя племени, а понятие народа и человека, человеческой личности как находящееся превыше всего.

Это, в частности, предполагало открытый доступ в новую нацию всех желающих и разделявших мысль о человеке, о человеческой личности, о народе, о республике как о государстве народа, как о незыблемой основе. Это включало в себя и мысль о равенстве всех людей, всех национальных общностей, о том, что Америка и по своему названию открыта для всех в нее «входящих»: Соединенные Штаты (Государства) Америки. Возникло понятие плавильного котла, в который по прибытии на жительство в США попадал каждый, становясь равноправным гражданином Америки, принимая Америку как свою родину, как свое отечество и будучи уже не принадлежностью, не имуществом, не подданным другого государства.

На пути осуществления этих идей и планов возникли препятствия. До сих пор сложным и до конца не решенным остается вопрос об аборигенах, об американских индейцах. Вопрос этот осложняется тем, что территория США — это их, индейцев, земля. Кстати, попутно необходимо отметить, что со стороны китайцев предпринимались попытки доказать, что американские, североамериканские индейцы — это составная часть нации Китая.

Возник и еще полностью не решен вопрос о людях из Африки, которых привезли в США в качестве рабов, и об их потомках. На пути решения вопроса о них, об афроамериканцах, сделано многое. Один из них, Барак Обама, был президентом США.

В свое время довольно трудным был вопрос об ирландцах, особенно, очевидно, из-за того, что они были католиками, в то время как значительная часть населения состояла из протестантов. Но и здесь движение в сторону решения вопроса является значительным. Все вышеупомянутые проблемы не подвергают сомнению вопрос о включении всех этих людей в состав нации американцев.

Наконец, возник и продолжает существовать вопрос о допущении людей тех или иных национальностей в США. Существовал и продолжает существовать вопрос о квотах. Возникают ограничения на допуск в США людей тех или иных национальных общностей или государств.

На этом фоне существует и вопрос о китайцах в Соединенных Штатах Америки. Сначала американцы думали, что это такие же иммигранты, как люди из других стран. С течением времени ока-

залось, что речь идет о проблемах во взаимоотношениях двух в настоящее время главных соперников на мировой арене в борьбе за руководство делами земного шара.

То, что китайцы не желают становиться и не становятся составной частью американской нации, стало более или менее ясно к концу XIX века. Именно тогда, в 1882 году, и появился в Америке закон об исключении китайцев из списка допускаемых в США иммигрантов. До того времени китайцы не были в этом списке. Речь не с самого начала пошла об их недопущении в Америку. Эту особенность ситуации необходимо учитывать, приступая к рассмотрению вопроса о нежелательности, с точки зрения американцев, допущения китайцев в качестве иммигрантов в США, о взаимоотношениях двух наций: американцев и китайцев.

В то же время важно отметить, что изначально реакция в Америке на миграцию из Китая была благоприятной. В китайцах приветствовали представителей древней и пользующейся уважением цивилизации. Их прибытие добавляло, вносило свою лепту в то, что выходило из упомянутого плавильного котла.

Затем в Калифорнии, особенно на предприятиях горнорудной промышленности, из-за конкуренции за места работы для шахтеров возникла антипатия к французам, австралийцам, чилийцам, а затем и резкая ксенофобия по отношению к китайцам. Политического отзвука это не имело вплоть до 1869 или 1870 года.

Только финансовая депрессия 1869 года, совпавшая по времени со строительством трансконтинентальной железной дороги, повлекла за собой переполнение Сан-Франциско безработными и разочарованными людьми, и тогда антикитайские чувства вышли на поверхность на общенациональном уровне.

Представление о китайцах в Америке сначала складывалось под влиянием того, что писали и сообщали побывавшие в Китае американские купцы, дипломаты и миссионеры, и здесь превалировал образ Китая как страны с древней и достойной уважения цивилизацией. Итак, «на расстоянии», то есть до встречи на территории Америки с привезенными туда на работу китайцами, в США не было того, что именуют антикитайскими настроениями.

Из этого следует важный вывод о том, что людям в определенные периоды их истории лучше всего оставаться, каждой стороне, хозяином в своем собственном доме, в массе своей не общаться.

В другой стране лучше всего чувствовать себя гостями, которым неизбежно придется приспособиться к обычаям и законам

хозяев, стать частью существующей нации — хозяина. Особенно тогда, когда это затрагивает материальные или экономические и финансовые интересы. Исходить из того, что непосредственное общение с китайцами на территории какой-либо другой нации почти неизбежно приводит к соперничеству, противостоянию и столкновению жизненно важных интересов.

Главное же тут в том, что все это оборачивается нанесением ущерба иным нациям или иной нации, что происходит вследствие стремления китайцев, китайской стороны руководствоваться исключительно собственной выгодой и ущемлять иностранцев, не-китайцев. Столкновение экономических интересов приводит со временем к осознанию того, что китайцы и в этой области при экономических и финансовых связях всегда стремятся не к равноправию и независимости, самостоятельности, а к подавлению партнера, к тому, чтобы командовать им. Устанавливать над ним свое господство в той или иной степени и форме.

Итак, в истории взаимоотношений американцев и китайцев сначала был период общения между людьми «на расстоянии». Люди обеих стран в массовом порядке друг с другом не общались и не сталкивались. И тогда представление о китайцах в Америке было благожелательным.

Однако затем китайцы появились в Америке. Они прибывали туда не добровольно и не индивидуально, а по «оргнабору», то есть с целью работать, зарабатывать, занимая рабочие места. Это коснулось в первую очередь Калифорнии. Туда в ходе золотой лихорадки поспешили французы, австралийцы, чилийцы. Затем к ним присоединились китайцы. С ними боролись за рабочие места те, кто к тому времени уже был американцем.

Предприниматели стремились нанимать и привозить на работу из-за рубежа, в особенности из Китая, тех, кому можно было меньше платить. Создавалась своего рода «корпорация» «хозяев»-китайцев (в Китае) и «хозяев»-американцев (в Америке). Одни «хозяева» продавали людей, труд людей из Китая, другие покупали людей, труд людей из Китая. И те, и другие «хозяева» были эгоистами. Заботились только о своей выгоде. Страдали от этого те китайские люди, которые были вынуждены условиями своего существования соглашаться на дешевую оплату их труда и на труд далеко от своих домов, от своей родины.

Некоторую роль при этом играло и то обстоятельство, что в те времена в Китае численность мужского населения значительно

превосходила численность женского населения. Это означало, что «рабочая сила» из Китая прибывала в Америку, «экспортировалась» из Китая и «импортировалась» в Америку исключительно или в подавляющем большинстве в те времена «в виде» только «мужских особей». Среди них не было женщин и детей. Это не был «семейный» переезд на постоянное место жительства или семейное, индивидуальное и добровольное переселение китайцев в Америку.

Так, уже под воздействием того, что происходило в самой Америке, там возникло отрицательное представление о китайцах.

Все это особенно усугубилось в 1869 и 1870 годах, когда совпали финансовая депрессия и строительство трансконтинентальной железной дороги. Конкуренция за рабочие места особенно обострилась. Именно тогда недовольство китайцами вышло на поверхность в общенациональном плане, то есть в масштабах США в целом.

Исследование такого порядка должно начинать с истоков, со времен еще до 1850-х годов. Китайцы не появились на берегах Америки в вакууме, при отсутствии каких-либо мнений о них. Американцы торговали с китайцами с 1785 года и с энтузиазмом поддерживали протестантов-миссионеров в Китае начиная с 1807 года. Миссии в Пекин англичан, голландцев и русских и более всего англо-китайская война 1840 года особенно ясно высветили американские представления о Китае (С. 7).

Здесь фактически выражается согласие с понятной мыслью о том, что представление одной нации о другой нации складывается постепенно на протяжении всего времени знакомства этих наций.

Для взаимоотношений американцев и китайцев характерно то, что сначала американцы появились в Китае, а китайцы не появились в Америке. Знакомство оказалось на первых порах односторонним, происходило на территории Китая.

При этом американцы приступили к знакомству с китайцами на территории Китая фактически почти одновременно в двух сферах. Прежде всего в сфере материальной заинтересованности, сфере торговли, то есть в сфере коммерческих или деловых торговых отношений. Почти тут же американцы попытались воздействовать на Китай в сфере религии, сфере идеологии.

Можно сказать, что в этих двух фактах нашла свое определенное выражение суть американских представлений того времени не только о Китае, но и обо всех остальных нациях, об остальном человечестве. Американцам представлялось, что всеобщий интерес, объединяющий людей интерес — это торговля, обмен товарами. В то же время американцам представлялось, что всему человечеству должны быть присущи общие религиозные верования, общая вера в одного-единственного бога. При этом они исходили из того, что сами раньше китайцев обрели веру в истинного и единственного бога, и делились этой верой в данном случае с китайцами, несли им правильную веру.

В целом есть основания считать, что экономика и идеология, с точки зрения американцев, были теми их двумя мощными орудиями или рычагами, которые давали китайцам возможность следовать за американцами.

У китайцев на все это был свой, иной взгляд. Здесь главную роль играло традиционное представление китайцев о себе как о центре Вселенной, или Поднебесной, и об отношении ко всем иным-прочим как к периферии и варварам, еще не людям, которым только предстоит познать и принять единственную высшую культуру на планете — культуру нации Китая.

Однако, прежде чем обратиться к позиции и поведению китайцев, необходимо сказать о том, в чем тогда состояли ошибки американцев.

Американцы должны были соблюдать три главных принципа международных отношений: мир, самостоятельность, равноправие партнеров при их взаимоотношениях на мировой арене.

Американцы соблюдали принцип мира. Они не пришли в Китай с войной, не начали войну против Китая на территории Китая с целью установить или навязать свое господство над китайцами.

В то же время они не только попытались извлекать большую выгоду из торговых отношений, но, что важнее всего, они не действовали так, чтобы никоим образом не затронуть независимость и самостоятельность китайцев там, где речь шла о верованиях, о религии.

Таким образом, американцы думали, что они действуют исключительно так, что китайцы должны были бы быть не только довольны, но и благодарны американцам и за торговлю, и за приобщение к американской материальной культуре, и за идеологию, и за стремление обращать китайцев в христианскую веру.

Здесь попутно необходимо обратить внимание на то, что внешний (по отношению к Китаю) мир, или остальное (с точки зрения китайцев) человечество, неоднократно в истории пытались обратить китайцев или население части территории Китая в ту или иную «веру»: так получилось с буддизмом, так было с исламом, так было с христианством и, наконец, так получилось с марксизмом. И во всех случаях китайцы остались китайцами и китаизировали со временем в той или иной степени в разных формах все упомянутые религии и идеологии либо не допускали их самостоятельного развития и существования внутри Китая как частей неких общих, общемировых религий и идеологий. Собственно, в какой-то степени это относится и к тому, что существует в качестве общечеловеческих нравственных понятий.

Для того чтобы в полной мере понять общенациональное решение исключить китайцев (из числа тех, кто приезжал в Америку; не допускать, исключать или вытеснять китайцев из Америки), принятое в 1882 году, существенным представляется принять во внимание исторически сложившееся представление об этих людях (образ этих людей) в умах американцев и проанализировать взаимоотношения между этим образом и последующими событиями как в Китае, так и в США. Например, в Калифорнии выделяют 1870 год как решающий год в организации антикитайских сил на Западном побережье Америки. Лето этого года стало свидетелем первых «мощных демонстраций» в Сан-Франциско (С. 7).

Говоря об истории взаимоотношений американцев и китайцев, невозможно обойти или не упомянуть такое событие, как принятие в США в 1882 году закона об исключении китайцев, недопущении китайцев в Америку. Это решение созревало на протяжении ряда десятилетий. Оно сформировалось как общенациональное, всеамериканское решение.

Очевидно, что в истории США впервые произошло решительное столкновение между понятием свободы человеческой личности (в том числе ее передвижения по планете) и необходимостью самосохранения нации от грозящих ей, по ее мнению, опасностей.

Здесь одна нация проявила свое отношение к другой нации. Это то событие, которое вписано не только в историю двух тогдашних государств — Соединенных Штатов Америки и Великой Цинской империи, но и в историю взаимоотношений Америки и Китая как

двух стран и двух народов, то есть как двух наций. Именно в этом и заключается главное значение этого события.

Это прежде всего означало, что история взаимоотношений американцев и китайцев началась в определенном смысле с того, что для американцев китайцы, как и люди других стран (в то время особенно и по преимуществу Европы), не только имели право, но и приветствовались в США как пополнение граждан Америки, пополнение американцев как нации.

Однако прошло всего несколько десятилетий, и американцы пришли к общему или превалировавшему, сыгравшему тогда решающую роль мнению о том, что китайцев допускать в Америку нельзя, что их следует исключить из числа людей различных стран, которые приезжали в США, допускались в США и приветствовались в США.

В связи с этим и возникает вопрос о том, как же так случилось, что китайский иммигрант, иммигрант из Китая стал нежелательным иммигрантом в Америке; по каким причинам это могло произойти? Это было уникальным событием в мировой, всемирной истории. Это, возможно, наложило свой отпечаток на дальнейшие взаимоотношения американцев и китайцев.

Более того, с этим связан и вопрос о совместимости американцев и китайцев. Немалую роль играет при этом и вопрос о взаимных предубеждениях: предубеждениях американцев относительно китайцев и предубеждениях китайцев относительно американцев.

В данном случае столкнулись представления американцев и китайцев о своем положении, положении каждой из этих наций в мире, о взаимоотношениях своей нации и остального человечества.

К 1882 году в умах американцев сложилось историческое представление о китайцах. В умах китайцев также имелось свое представление об американцах как части некитайцев, части варваров, обитающих на периферии Небесной империи.

Речь шла о событиях, происходивших на территории США. Поэтому, помимо образа китайцев в умах американцев, играли свою роль и события, происходившие в Калифорнии. Именно в этой связи в Америке и появились такие термины, как «антикитайские силы» и их «мощные демонстрации».

Вообще важно обратить внимание и на то, что великие умы в каждой стране, политические руководители каждого государства могли видеть всю картину взаимоотношений американцев и китайцев в более благоприятном свете.

Однако — и это важно — во взаимоотношениях людей Америки и Китая, прежде всего на территории Америки, происходило своего рода знакомство на «бытовом», «низовом», «простонародном» уровне, своего рода знакомство «масс» людей той и другой нации. И именно это и породило в значительной, если не в решающей степени и само представление о том, что речь идет обо всех китайцах как нации, о необходимости противостоять всем китайцам как нации, отсюда и родился термин «антикитайские силы».

В Америке, в данном случае в исследовании профессора Миллера, этому термину придается отрицательное значение. В то же время нельзя не считаться с настроениями широких масс людей. Нужно понимать, что у этого явления имеются свои глубокие корни, свои причины. Необходимо думать о том, что следует делать, чтобы добиться взаимопонимания людей Китая и людей любой другой страны. Здесь необходимы усилия с обеих сторон. Особенно имея в виду то, что руководители Китая, во всяком случае начиная с Мао Цзэдуна, в своей пропаганде и идеологии прежде всего стремились и стремятся присваивать себе как «свою собственность», «свое имущество» такие понятия и термины, как «Китай», «нация Китая», «народ», «страна», «отечество», «родина», «государство».

Они хотели бы навязать людям и в Китае, и вне его, на мировой арене, себя и только себя как единственное и законное воплощение нации Китая, Китая как страны, как отечества, родины, государства. Собственно, всего того, что они пожелают вкладывать в понятие Китая. Они хотели бы «приватизировать» понятие Китая. В то же время они использовали и используют термин «антикитайский» не только как безусловно несущий отрицательное значение, но и как бранный и предназначенный для того, чтобы при необходимости, с их точки зрения, ставить любого иностранца в положение «антикитайца», иными словами, «исторического должника» или «виновного» перед нацией Китая, то есть перед ними. В этом свете употребление в работе профессора Миллера терминов «антикитайские силы» и их «мощные демонстрации» заслуживает раздумий.

Иными словами, после или в результате первого столетия знакомства и взаимоотношений американцев и китайцев возник вопрос о том, что нации далеко отстоят одна от другой, более того, в известном смысле противостоят одна другой. Как бы там ни было, а встал вопрос о поисках сосуществования, приемлемых для

обеих сторон правил сосуществования. Становилось очевидным, что здесь предстояло приложить много усилий и пройти длинный путь.

Однако другие события того же лета также в равной степени послужили катализатором усиления настроений (возражений) против китайской иммиграции: первые китайские рабочие прибыли в Норт-Адамс, штат Массачусетс, и в Бельвиль, штат Нью-Джерси; сенат США отказался предоставить право натурализации китайским иммигрантам; в Китае имели место убийства христианских миссионеров; и, наконец, китайские «кули» в Перу подняли кровавое восстание — и все это стало сенсацией, так и подавалось прессой на Восточном побережье Америки.

Однако было бы ошибкой механически связывать эти события с американским решением вытеснить китайцев в 1882 году. Очевидно, что воздействие этих событий на создание старого образа Китая играет ключевую роль. Человеческий ум видит сначала объект или ситуацию и только затем определяет для себя, что попадает в его поле зрения. Скорее он сначала выдает определение ситуации или объекта и только затем видит то, чему он уже дал определение. «Находясь в смущении перед внешним миром, — заявлял Уолтер Липпман, — мы выбираем то, что нашей культурой уже определено для нас в форме стереотипов из области нашей культуры» (С. 8).

В 1958 году американцы, среди которых был проведен опрос относительно того, с чем они скорее всего связывают такие слова, как Китай и Азия, смешивали враждебность и любовь, восхищение и презрение, ностальгию и страх (С. 8).

На общественное мнение в Америке о китайцах оказал влияние и воздействие целый ряд факторов. Здесь и сложившийся в Америке образ китайцев, и первые опыты общения с китайцами как на западе, так и на востоке США

Наряду с этими событиями, происходившими на территории самих США, свою роль сыграли сообщения об убийствах христианских миссионеров в Тяньцзине, а также о кровавом бунте китайских иммигрантов в Перу. Иными словами, к тому, что происходило на территории США, необходимо было присовокупить то, что происходило как в самом Китае, так и в других странах.

Необходимо также отметить, что, во всяком случае в свое время, самая многочисленная колония китайцев в истории появилась и действовала именно на Южно-Американском континенте, в Перу. Так южноамериканцы, в первую очередь и особенно перуанцы, смогли на практике познакомиться с поведением китайских иммигрантов. Сведения об этом, конечно же, оказали свое воздействие на общество в США.

В Америке, в США складывались свои стереотипы применительно к китайцам. Вплоть до середины XX столетия здесь соседствовали разнородные или несовместимые понятия: Китай и Азия, враждебность и любовь, восхищение и презрение, ностальгия и страх.

Все это является весьма характерным для представлений, в частности, о китайцах во многих странах. Очевидно, что для каждого из этих представлений и чувств были те или иные свои основания. Вплоть до настоящего времени из прошлых веков тянется мысль о существовании некоего обобщенного Востока, который противостоит Западу. С этим связано и представление о китайцах как о людях монголоидной расы, как об азиатах, хотя, по сути дела, давно пора понять, что каждую нацию необходимо видеть именно как эту нацию, а не как часть чего-то более общего и включающего ее в свой состав.

Китай — это не Азия. И Азия — это не Китай. Эти понятия нет оснований приравнивать. Хотя и нынешние китайские политические лидеры пытаются говорить об общности судьбы для всех людей и стран, которые они включают в то, что именуют Азией.

Сегодня Китай — это прежде всего или в первую очередь одна отдельная страна. Все ее соседи — это также отдельные страны, у которых есть историческая память общения с Китаем и которые превыше всего ставят необходимость больше никогда не попадать под господство Китая.

История сложилась таким образом, что во многих странах, особенно в удаленных от Китая, не имеющих общей границы с Китаем или имеющих такую границу на большом удалении от своей столицы, сначала, при первых контактах с китайцами, возникало некое своего рода сказочное представление о Китае. Отсюда рождались и любовь ко многому китайскому, к китайской экзотике, и восхищение фактически неизвестным народом, его способностями и укладом его жизни, его культурой. Для всего этого были и есть основания.

Вместе с тем не только отдельному человеку, но и нации присуща интуиция, необъяснимо возникающее представление о непознанном или находящемся в процессе узнавания. Возможно, именно из неких фактов, особенностей, деталей люди в других странах видели в поведении китайцев нечто, что их пугало. Отсюда и возникали страх и презрение к китайцам. Очевидно, что нужно время, усилия, причем в каждом случае с обеих сторон, чтобы установить необходимые обеим сторонам взаимоотношения той или иной нации с китайцами.

Процесс замены старых стереотипов новыми представлениями сложен.

По мере того как Китай стал нашим союзником во Второй мировой войне, представление о героических китайцах, особых друзьях Соединенных Штатов возникало из книг, кинофильмов и официальной пропаганды.

В настоящее время успехи китайских коммунистов оборачиваются угрозой начала новой фазы в этом историческом цикле мнений (С. 9).

Представление о той или иной нации складывается и под влиянием реальной ситуации, и под воздействием умозрительных представлений. История сложилась так, что американцы и китайцы стали союзниками во время Второй мировой войны, особенно и главным образом на Тихом океане. К уже имевшимся у американцев благожелательным представлениям о китайцах тогда добавилось и отношение к китайцам как к военным союзникам, как к тем, с кем Америку объединяет общая ненависть к японским агрессорам.

Вероятно, здесь играло свою роль и желание американцев иметь на Дальнем Востоке, где тогда действовала враждебная США Япония, нацию-союзника, нацию-друга. Ею и предстал для американцев того времени Китай. Свой вклад в это внесла супруга Чан Кайши Сун Мэйлин, которая в ходе своей поездки в США выступила с лекциями и обращениями к американцам. При этом она была двуязычной, то есть говорила с американцами на их родном языке без акцента.

В нашей стране подобная ситуация тоже возникла, но начиная еще с 1920-х годов. У нас не только под воздействием пропаганды,

но и под влиянием событий в мире возникло искренне сочувствие к китайцам. В них видели людей бедных, честных и трудолюбивых, а затем и тех, кто боролся против японских агрессоров, и, наконец, тех, кто пошел «вместе с нами под знаменем марксизма».

И в случае с США, и в случае с СССР в истории взаимоотношений с китайцами тогда, особенно в связи со Второй мировой войной, был период возникновения иллюзорного образа друга и союзника, кем видели в Америке и в СССР китайцев.

И в том, и в другом случае этот период оказался относительно кратковременным. Дальнейшие события раньше или позже показали, что существует и играет свою роль в этих взаимоотношениях не иллюзорный Китай, а реальный Китай со всеми его особенностями. При этом события внутри Китая стали в конечном счете определять характер взаимоотношений и Америки с Китаем, и СССР (РФ) с Китаем.

Профессор Массачусетского технологического института Гарольд Айсаакс аргументирует, что тематика, которую он представил в виде абстракции, — это часть представлений на основе культуры... (С. 9) Если быть более точным, американская культура создает такие представления о Китае и о китайцах, которые находятся между собой в резком контрасте на протяжении двух последних веков (С. 9–10). Айсаакс охарактеризовал эти периоды в терминах доминирования того или иного представления в отношении американцев к китайцам следующим образом:

- 1. Век уважения (восемнадцатый век).*
- 2. Век презрения (1840–1905).*
- 3. Век благожелательности (1905–1937).*
- 4. Век восхищения (1937–1944).*
- 5. Век освобождения от иллюзий (1944–1949).*
- 6. Век враждебности (1949–...) (С. 10).*

С точки зрения Айсаакса патерналистское отношение, которое он обнаружил у своих современников, может быть списано на счет «старых специалистов по Китаю»; чувство презрения на счет Боксерского восстания или даже Тяньцзиньской резни; а страх мог брать начало из фильма Бориса Карлова или, может быть, даже из желтых орд Чингисхана. Все то, что представлено в характеристике этих шести исторических периодов, сыграло свою роль в формировании нынешнего образа китайцев в умах американцев (С. 10).

История взаимоотношений американцев и китайцев, как, впрочем, и китайцев и людей других стран, в том числе нашей страны, складывалась и в значительной степени продолжает складываться в ситуации, когда пока реального, существенного и массового знакомства с китайцами еще не происходит или оно начинает происходить, находясь в самом начале. Наряду с этим, то есть наряду с взаимоотношениями на расстоянии или главным образом на расстоянии, обнаруживается, что на ситуацию оказывает значительное, все более значительное воздействие политика самого Китая, нынешнего государства на китайском континенте.

У американского исследователя речь идет о столетиях «патерналистского» отношения к китайцам. Это своего рода естественные чувства, возникавшие у американцев при первом знакомстве прежде всего с тем, что именовалось и представлялось «старым Китаем».

Оказалось или оказывается, что «патернализм», то есть в данном случае ощущение, чувство, что твоя нация в каком-то смысле «выше», главнее китайцев, действительно на протяжении истории был присущ ряду наций.

Однако со временем выяснялось и к настоящему моменту выяснилось, что теперь и на будущее скорее другим нациям придется обороняться и защищать свою независимость и самостоятельность, принцип равноправия во взаимоотношениях с китайцами, которые проявляют и, очевидно, будут проявлять своего рода «патернализм», то есть претензии на положение старшего в семье народов, в сообществе наций на мировой арене, «капо» или старосты в «бараке человечества».

В 1850 году в общественных школах Нью-Йорка ученикам предложили написать то, что им известно о Китае. Большинство написали о том, что им стало известно из уроков географии: огромное население, расположение на карте, товары для торговли, но некоторые охарактеризовали китайцев (С. 10). Пять учеников думали, что китайцы нецивилизованны, один счел их высокоцивилизованными и еще один сверхцивилизованными (С. 10–11).

Исторически можно свести представления о китайцах на Западе к двум основным видам. С одной стороны, существует благоприятный образ Китая, которому присущи величие древности и почтенной древней мудрости: это Китай Конфуция, отца

Маттео Риччи, Лейбница, Вольтера, Энсона Берлингема, Линь Юйтана и мадам Чан Кайши. Резко контрастирует с этим другой основной образ стагнирующего... полуцивилизованного поля действий... бесчеловечных орд: это Китай Даниэля Дефо, лорда Энсона, Джона Квинси Адамса, Дениса Керни, Сакса Ромера и Мао Цзэдуна.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы показать, как неблагоприятный образ Китая эволюционировал и стал доминировать в американском мышлении на протяжении XIX века и как он в конечном счете сказался на реакции американцев на китайскую иммиграцию (С. 11).

Итак, образ Китая за его рубежами, не говоря уже о соседних с Китаем странах, начиная с Индии и заканчивая Кореей, то есть, что важно для нас, на Западе и в нашей стране или включая и нашу страну, — это один образ или образ одной страны с двумя непохожими друг на друга лицами: одно лицо представляется заслуживающим уважения, другое — внушает опасения.

Сочувствия и уважения заслуживает и требует к себе китайский народ; опасность исходит, если говорить о настоящем времени, от Мао Цзэдуна и его последователей.

Лучше понять Китай может помочь обращение к тем вопросам, о которых говорит профессор Миллер, а это исследование эволюции образа Китая в умах американцев. Собственно говоря, может возникать вопрос о том, откуда и по каким причинам появился неблагоприятный образ Китая, представление о китайцах как о нежелательных иммигрантах, то есть об их вкраплении в нацию американцев. И почему в конце XIX века он стал доминировать в американском мышлении. Это может помочь и нам в России глубже понять то, что происходило в истории и происходит сейчас в наших взаимоотношениях с Китаем и китайцами.

По-видимому, корни отношения американцев к Востоку находятся в нашем европейском наследстве.

...Эпплтон (в 1959 году) выделил три фазы развития образа Китая в европейском уме до 1800 года. От Марко Поло до «Путешествий сэра Джона Мандвилля» в XVI веке существовало представление о сказочном, совершенно невообразимом мире, за чем последовали более реалистично оцененные достоинства китайской цивилизации. Затем, во второй половине XVII столе-

тия, миссионеры-иезуиты начали идеализировать систему власти в Китае, законы и конфуцианскую философию. Это было типично для третьей идеалистической фазы, и все это имеет значение только по той причине, что это оказало воздействие на Америку XIX столетия. Великий китайский мудрец был возведен этими иезуитами, отзывавшимися о нем с восхищением, в ранг христианского пророка; они охарактеризовали его философскую систему как «науку принцев» (С. 11).

Это происходило в эпоху разума и абсолютизма на Западе, и китайская социальная система предлагала привлекательную модель европейским философам. Один из ученых на Западе писал: «Китай явился объектом восхищения как земля, где царил порядок, мораль». Этим восхищались все, и более всего Вольтер (С. 11).

Восхищение Китаем и Мудрецом (Конфуцием) всегда было бóльшим в Англии, чем на европейском континенте. И в то же время репутация Китая снизилась более быстро в Англии, чем где бы то ни было еще, во второй половине XVIII века (С. 12). К концу XVIII века третья фаза, по Эпплтоу, то есть идеалистический подход к Китаю, явно завершилась (С. 12). По-видимому, ощущение тех, кто формировал общественное мнение американцев в период, когда их страна была колонией, должны были быть такими же, как и чувства европейцев или по крайней мере англичан. Однако это не было так в случае с Китаем (С. 13).

Первым событием из числа тех, которые имели резонанс во всем мире и помогли формировать образ Китая в Америке, была Опиумная война 1839–1842 годов.

В конечном счете прибытие китайцев в Калифорнию спровоцировало страх у нации, который можно объяснить неблагоприятным представлением об этих людях; этот страх предшествовал их высадке на американских берегах. Присутствие китайцев на западном берегу усилило многие из негативных стереотипов относительно них, что в свою очередь сочеталось с другим беспокойством, охватившим американское общество в XIX веке. Китайцы прибыли в середине полемики о рабстве, когда новейшие тогда расистские теории развивались и когда американцы становились более чувствительны к антисептике и микробам. Стимулирование мысли о «кулизме», возбуждавшейся редакциями газет, мысли о враждебных зародышах и микробах — все это более адекватно объясняет общенациональное решение исключить (не допускать) китайских иммигрантов, чем калифорнийский заговор (С. 15).

Образ Китая складывался в Европе, в США сначала «на расстоянии», без непосредственного соприкосновения. Тогда преобладали сказочные, иллюзорные представления. Одновременно в Китае иностранцы искали совершенную систему власти и взглядов (философии), порядка и благоденствия.

Существенную роль сыграло соприкосновение англичан с китайцами с началом торговых связей между этими странами. Здесь эмоциональный и идеалистичный подход стал уступать более рациональному взгляду.

Затем произошла Опиумная война. Это существенно сказалось на образе Китая в Америке. Собственно говоря, именно тогда у американцев появились страх или опасения относительно китайцев, их отношения к иностранцам.

А далее в Америку пришла первая волна китайских иммигрантов, и опыт общения между американцами и китайцами заставил американцев придать вопросу о китайских иммигрантах, о присутствии китайцев в Америке, о намерениях китайцев внедриться в гущу американцев большое значение.

Здесь свою роль сыграло также и важное для американцев отношение к рабству, к любым попыткам возродить рабство, а в китайских иммигрантах видели не свободных людей, добровольно приезжавших в Америку с целью стать равноправными членами именно американского общества, а слой людей, которых именовали «кули», видели в них проявление «кулизма», то есть попытки снова внедрить рабство в американское общество, которое этого не желало.

Наконец, Америка тогда быстро прогрессировала в том, что, очевидно, можно считать цивилизацией. Прежде всего в данном случае в сфере науки, медицины, здравоохранения. Здесь представления американцев, их возведенная в высшую степень забота о чистоте и необходимости обезопасить Америку от заразных заболеваний, от грязи оказали существенное влияние на принятие закона об исключении, то есть о недопущении китайских иммигрантов в США.

Собственно говоря, знакомство американцев и китайцев, не успев начаться по-настоящему, было, по сути дела, прервано и снова стало знакомством на расстоянии. Это, во всяком случае, сохранило у американцев и у китайцев многие из прежних взаимных представлений.

КУПЦЫ

Изложение своего видения образа китайцев в Америке, созданного на основании докладов и сообщений американских торговцев, мореплавателей, которые вели торговлю с Китаем в 1785–1840 годах, профессор Миллер предваряет цитатой из выступления Ральфа Уолдо Эмерсона.

Чем ближе мы приближаемся в нашем созерцании и размышлениях к желанию сжато выразить свою мысль, тем более отвратительной предстает эта нация глупцов. Китайская империя пользуется точно репутацией мумии, которая сохраняет вплоть до волоска на протяжении от трех до четырех тысяч лет самые отвратительные черты в мире. Я и даром не возьму освященную веками мерзость этого необычного народа... Все, что Китай может сказать, обращаясь к собранию наций, — это должны быть слова: «Я сотворил чай».

1824 год. Из записей Ральфа Уолдо Эмерсона.

Профессор Миллер далеко не случайно обратился к высказыванию именно Эмерсона*, общепризнанного в Америке выразителя общественного мнения.

Американцы являются в истории человечества «рукотворной» нацией, свободной от ряда «исторических оков».

Эмерсон выразил мнение американцев, поощрявших движение человечества вперед, преодоление границ и ограничений, свободу человеческой личности и отрицание ими того, что сковывает людей. Эмерсон противопоставил «человека творческого» «человеку-мумии».

* Ральф Уолдо Эмерсон (1803–1882). Американский философ, эссеист, поэт. Крупнейший американский романтик. Родоначальник трансцендентализма (социальное равенство, близость к природе). Ключевые понятия: личное нравственное совершенствование, в котором раскрываются общечеловеческие истины.

Профессор Миллер представил читателям взгляд на Китай с точки зрения американских купцов, которые вели торговлю с Китаем.

Здесь прежде всего необходимо обратить внимание на значение самого факта начала и периода существования отношений такого рода при отсутствии межгосударственных отношений. Торговые связи в истории взаимоотношений американцев и китайцев предшествовали их межгосударственным отношениям.

В китайском языке есть выражение: *минь цзянь вай цзяо* — отношения или связи между народами или нациями. Иногда кое-кто под воздействием пропаганды КПК применяет в этом случае термин «народная дипломатия», который не точно выражает суть и содержание приведенного термина, а скорее затемняет вложенный в него смысл.

В китайском языке речь идет о том, что народы существуют вечно, что связи между народами также существуют вечно, в отличие от связей между государствами, которые носят временный характер, что связи между народами устанавливаются раньше и независимо от существования связей между государствами, а точнее, тогда, когда связей между государствами еще нет.

Такая ситуация накладывает свой отпечаток и на связи между нациями, и на историю двусторонних отношений. При установлении и развитии межгосударственных отношений связи между народами могут сохраняться, хотя на них может накладываться отпечаток государств и их политики.

Вместе с тем основополагающим в этом случае является понятие «народ», «связи между народами», а не понятие «дипломатия». Дипломатия, особенно в настоящее время, в КНР видится как оружие в руках государства, а народная дипломатия как рычаг в руках МИД КНР; государство стремится манипулировать понятием народа в своих интересах.

Речь не идет о том, что есть якобы «две дипломатии»: одна — дипломатия государства, другая — народная дипломатия. Скорее можно сказать, что КПК намеренно применяет термин «народная дипломатия», чтобы выдавать свои усилия в сфере внешней политики в случаях, когда КНР не имеет возможности действовать как государство, за усилия народа, за «дипломатию народа, народную дипломатию». Иными словами, за определением «народная» в этом термине кроется современное государство на китайском континенте и правящая в нем политическая партия.

Итак, очевидно, что в труде профессора Миллера имеется в виду образ Китая в представлении о нем американских купцов или тех, кто занимался торговлей Америки с Китаем.

Стойкое, устойчивое предположение в американской историографии, описывающей американо-китайские отношения, — это убеждение, вера в то, что американцы высоко оценивали китайскую цивилизацию в те ранние годы торговли с Китаем, грубо говоря, с 1785 по 1840 год (С. 16).

В своем введении к исследованию современных американских представлений о Китае Гарольд Айсаакс характеризовал тот период как своего рода «век уважения», за которым последовал «век презрения», продолжавшийся с 1840 по 1906 год.

Если принимать во внимание подход американских историков к взаимоотношениям Китая и Америки, трудно представить себе, что Айсаакс мог прийти к какому бы то ни было иному выводу. В пионерских работах на эту тему Кеннет Латурет и Тайлер Деннет представляли себе период до 1840 года как тот, когда мнение американцев о Китае сводилось к «уважению и восхищению». Латурет утверждал, что Небесная империя «внушает нечто вроде благоговейного страха и даже предмета зависти» в Америке (С. 16).

Такого мнения придерживались авторы очень многих историй американской дипломатии (С. 16–17).

Итак, несмотря на то, что в истории взаимоотношений Америки и Китая на протяжении первого века их существования возникали разного рода осложнения, все-таки к началу XX века в целом в представлениях американцев о Китае «уважение и восхищение» соседствовали с «благоговейным страхом и предметом зависти».

Все это свидетельствовало о том, что подлинного понимания китайцев, их отношения к иностранцам у американцев не было. Американцы исходили главным образом из своих представлений о себе, обо всем остальном человечестве. При этом они одновременно могли и восхищаться новым и неизвестным для себя, и интуитивно ощущать непонятную, но угрозу своим ценностям со стороны китайцев.

Первый англо-китайский конфликт в 1840 году драматически разрушил то высокое мнение о ее достоинствах, которым пользовалась «Серединная империя (Серединное королевство)», как писал об этом Латурет:

«Внезапное сильное изменение чувств имело место, и Китай из положения того, кто пользуется уважением и кем восхищаются, в результате абсолютного поражения Китая перед британским оружием и нежелания Китая получать (принять, воспринимать) общение (сношения, связи) с Западом и принимать идеи Запада, пришел к ситуации, когда в отношении Китая возникло чувство презрения к нему (к Китаю)... По контрасту с их прежними идеями о его (Китая) величии неожиданно (внезапно) обнаружилось слабости (Китая); и именно такое впечатление распространилось по всей Америке и Европе, то есть распространилось впечатление, что Китай оказался в упадке и находился в упадке (был в упадочническом, декадентском состоянии), что Китай умирал (находился в состоянии умирающего) и Китай в громадной (в величайшей) степени упал (упал его престиж) по сравнению со своим же блестящим (славным) прошлым (со своей прошлой историей)» (С. 17).

Опиумная война разрушила многие прежние представления о Китае, породила мнение о слабости и упадке Китая.

Все, что происходило с Китаем, во всяком случае начиная с XIX века, все, что происходило и внутри самого Китая, и в его отношениях с внешним миром, было прежде всего главным образом порождено ситуацией внутри Китая. Являлось следствием развития событий внутри самого Китая. Это были его собственные слабость и упадок. Только или прежде всего сами китайцы приводили свою страну, ее государство к упадку и к слабости.

Конечно, действия иностранцев, столкновения иностранцев и китайцев сказались на Китае. Однако это был лишь дополнительный фактор в развитии Китая. Китай к XIX веку обладал таким многочисленным населением, был настолько огромен, что никто из иностранцев не мог поставить его под свой контроль, под свое господство. Не мог навязать ему свою идеологию, религию или свое представление о ценностях для общества внутри страны или на международной арене. Ошибка многих иностранцев состояла в том, что они исходили из возможности существенно влиять или воздействовать на Китай и на китайцев.

Иностранцы пришли к выводу о слабости и упадке Китая. Китайцы использовали эти мысли для того, чтобы подкрепить свои устойчивые традиционные и иррациональные представления о том, что Китай — главная нация на Земле, что иностранцы ви-

новаты в его унижении, упадке, слабостях и они должны платить по историческим счетам нации Китая за оскорбления, унижения, попытки господствовать над Китаем, утрату китайцами обширных территорий и акваторий.

Другие историки сопротивлялись тому, чтобы принять (согласиться) столь драматичное объяснение такого пересмотра мнения. Дантон, например, относил пересмотр мнения о Китае на счет воздействия протестантских миссионеров, чьи доклады и сообщения после 1840 года рисовали Китай в мрачных тонах. Это делалось ими с той целью, чтобы объяснить все происшедшее поражением Китая в его обращении к новой вере или его же поражением в деле извлечения (достижения, установления) громадной поддержки со стороны его аудитории на Западе. Тен, с другой стороны, относил потерю Китаем уважения (высокой оценки) на Западе на счет индустриализации Запада, что и делало Китай во все возрастающей степени отсталым в глазах людей Запада. Роза Хам Ли определяла (идентифицировала) китайскую иммиграцию как эффективный инструмент в процессе порчи (нанесения ущерба) положительного образа Китая в США. Какими бы правдоподобными ни казались эти объяснения по контрасту с тем, что Латурет поместил в фокус внимания одно-единственное событие, все эти ученые видели середину XIX века как своего рода поворотный пункт, до которого Китаем восхищались и Китай уважали в США, если не вообще в целом на Западе (С. 17).

Процесс знакомства американцев как нации с китайцами как нацией требовал длительного времени, усилий обеих сторон и понимания обеими сторонами необходимости считаться с проявлением партнером стремления к полной независимости и самостоятельности. Здесь свою роль играло представление каждой стороны о своих нравственных ценностях, которые и те, и другие считали пригодными для себя, для партнера, для всего человечества.

Следовательно, период недопонимания был неизбежен.

В частности, американцы, протестантские миссионеры, исходили из того, что они несли с собой одну-единственную для всего человечества истинную веру, к которой китайцы просто обязаны были приобщиться, в которую китайцы должны были обратиться.

У китайцев было иное представление и о себе, и о своих нравственных ценностях, и, что самое главное, об иностранцах.

Столкновение идеологий, столкновение религий препятствовало нахождению взаимопонимания.

У сторон было также разное представление о прогрессе в области промышленности, в области индустриализации. Американцы видели себя локомотивом индустриализации, паровозом прогресса, а китайцев — «хвостовым вагоном», отсталыми людьми в области индустриализации, которая, с точки зрения американцев, была необходима для движения человечества вперед. И здесь взгляды сторон расходились и сталкивались.

В результате середина XIX века действительно оказалась временем столкновения взглядов обеих сторон. Тогда в Америке и возникло отношение к Китаю как к «отстающей» от нее нации, даже мнение о том, что китайцы настолько глупы, что не хотят брать те плоды индустриализации и цивилизации, которые им фактически «на блюдечке» предлагали те же американцы. Иначе говоря, у американцев возникало и ощущение, что китайцы оказываются по отношению к ним неблагодарными людьми. Это ранило чувства американцев как нации.

Со своей стороны китайцы, потерпев поражение в Опиумной войне, начали возвращать в себе ощущение своей «правоты» в предъявлении претензий англичанам, людям Запада, иностранцам.

В частности, и американцев китайцы обвиняли в том, что и они виноваты в нанесении унижений и оскорблений Китаю.

Создавалась ситуация взаимных обвинений, недопонимания, накопления взаимного недовольства и взаимных претензий.

С самого начала торговли в 1785 году американские ожидания были романтически нереальными или преувеличенными. Сами торговцы и редакторы (американских газет, формировавшие общественное мнение) предвкушали громадный доход от торговли, в которой, как они верили, американцы в конечном счете будут доминировать (С. 18). Для некоторых из них это должно было стать естественным результатом поставки Америкой обильного количества джина и тюленьих шкур, что позволило бы нам разрешить беспокоящую проблему сбалансирования торговли, с которой столкнулись другие нации Запада (С. 18–19). Для других, которые были настроены более мистично, судьба должна была свести вместе самую молодую нацию с самой старой нацией. Только искусственно созданное вмешательство могло блокировать судьбу нашей торговли в Китае. Один из таких торговых

пророков делал вывод: «Спасибо Господу, что интриги христианского суда не могут оказывать воздействие на мудрые правила (законы) мира Востока» (С. 19).

Американцы начали торговать с Китаем, исходя из уверенности в том, что такая торговля окажется весьма прибыльной. Иначе говоря, за первыми плаваниями в Китай стоял прежде всего коммерческий расчет. Американцы рассчитывали сбывать в Китае джин и тюленьи шкуры. В общем-то, это был расчет на то, что придется иметь дело с некими новыми и неизвестными, наивными и дикими племенами.

Расчет на сбалансированную и выгодную торговлю существовал, но не оправдался.

Помимо экономических надежд и расчетов в Америке рассчитывали на то, что смогут использовать правила, существовавшие в Китае, таким образом, чтобы получать большую выгоду, чем от торговли со странами, где существовали «интриги христианского суда». И это был наивный расчет на возможность использовать некое «неведение» китайцев, их якобы «неумение» торговать.

Наконец, в Америке считали, что речь шла о взаимодополняемости самой старой нации (Китая) и самой молодой нации (Америки).

Как бы там ни было, но одно то, что, с одной стороны, выступали люди с многотысячелетней историей и культурой, а с другой — люди, отражавшие представления о мире, сложившиеся на основе самых главных достижений мира Европы, должно было со временем дать понять американцам, что им придется иметь дело с партнером или соперником в сфере торговли, который им ни в чем не уступал, особенно когда речь шла об экономической или коммерческой выгоде.

Таким образом, изначально расчеты американцев в сфере торговли с Китаем не имели под собой прочной основы. Торговля на практике могла лишь показать, на что следовало обращать внимание, и говорила о том, что Америке в лице Китая достался жесткий конкурент и в области торговли.

Джон Кинг Фэйрбэнк сделал наблюдение: «Американский коммерческий интерес в Китае всегда представлял собой громадную смесь фантазий (воображения) и надежд». К этому можно добавить оборотную сторону вопроса, поскольку вознаграждение

за торговлю никогда не превышало упомянутых нереалистичных надежд (ожиданий). Вплоть до 1840 года объем торговли никогда не превышал шести процентов всей нашей внешней торговли в каком-либо отдельном году, и после этой даты он составлял ежегодно менее двух процентов (С. 19).

В 1791 году Александр Гамильтон, купец и вице-консул в Кантоне, писал в Вашингтон: «Возможно, есть необходимость во всех деталях описать для вас, каково приходится купцам из нашей страны вести дела в Кантоне, как они в действительности себя чувствуют, оказываясь в сфере действия китайских властей (китайского правительства)». Речь шла о поведении китайских купцов, оскорблениях со стороны мандаринов (чиновников), распространенности фальшивых обещаний и т. д. В конце он отмечал: «Большинство тех, кто видел китайцев, считают их теми, кто заслуживает презрительного к ним отношения, и это вне зависимости от того, насколько важными они сами считают себя» (С. 20).

Такого рода комментарии порождают сомнения в ценности (обоснованности) утверждений о том, что купцы из США были дружелюбно настроены по отношению к китайцам, а это решающе важно, если говорить о вере в то, что американцы восхищались китайцами и уважали китайцев до Опиумной войны (С. 20).

Исходя из того, о чем говорит профессор Миллер, есть основания сделать вывод о том, что у взаимоотношений американцев и китайцев, начиная со сферы торговли, с самого начала имелись фактически две стороны: иллюзорная, декоративная, выражавшаяся в несбыточных ожиданиях американцев, и реальная, возникавшая у тех американцев, которые на практике столкнулись и с китайскими мандаринами, то есть с чиновниками, с властями Китая, и с китайскими торговцами.

Отношение к американцам, приплывшим в Китай торговать, оказалось смесью оскорблений со стороны китайских властей с ложью и обманом со стороны китайских купцов. Нечестность китайских партнеров в торговых, коммерческих отношениях сразу же поразила американцев. Это и вызвало у них чувство, которое они называли презрением, к таким китайским партнерам.

Принимая это во внимание, необходимо отметить, что реалии торговли с Китаем стали вполне определенной стороной двусто-

ронных отношений, а выражавшееся некоторыми из тех американцев, кто писал о Китае, восхищение китайцами, уважение китайцев существовало как бы отдельно и никоим образом не превалировало даже и до Опиумной войны.

Профессор Миллер изучил отзывы о Китае тех, кто практически имел в тот период дела с китайцами. Это дало возможность получить представление о том времени. Вступление или вводное положение, гласящее, что купец-янки в это время был свободен от расизма, а также был в достаточной степени настроен антианглийски (был англофобом), что это производило на свет тесный союз (американцев) с китайцами против их общего врага, то есть против британцев, и ощущение или видение в китайской социальной системе (в системе китайского общества) свидетельств локальной демократии (демократии на местном уровне) и видение социальной мобильности (китайского общества) — все это подвергалось сомнениям, если принимать во внимание содержание проведенного профессором Миллером исследования и опроса.

В Америке было довольно широко распространено мнение о ряде сторон взаимоотношений между американскими купцами, торговавшими в Китае и с китайцами. Например, утверждалось, что купец-янки был свободен от расизма. Он был настолько настроен против англичан, что это давало возможность американцам и китайцам выступать против англичан как против их общего врага.

В Китае на местном уровне существовали такие проявления демократии и социальной мобильности, которые были похожи на то, что существовало в Америке.

Итак, у американцев существовали вышеупомянутые заблуждения. Попутно отметим, что остатки некоторых из этих представлений иной раз проявляются и в настоящее время.

Утверждение о том, что американские купцы до 1840 года были свободны от расовых предрассудков (предубеждений), подтверждается этими записями. Только двое из 55 опрошенных проявляли интерес к расовой характеристике китайцев... Один из них говорил о природной среде, которой он и объяснял расовые различия. И он действительно был поставлен в тупик тем фактом, что китайцы, готтентоты и американские индейцы — все они жестоко обращались с женщинами, несмотря на громадные различия природной среды для каждой из трех этих групп (С. 21).

Один из наблюдателей утверждал, что поведение китайцев «вызывается более сутью (характером) и поведением властей, чем характером народа» (С. 22).

Некоторые авторы выражали очень теплые чувства по отношению к отдельным китайцам (С. 22).

Также под вопросом находится утверждение о том, что отношения с китайскими купцами, которые вели дела с иностранцами (с американцами), с необходимостью (с неизбежностью) отражали американское отношение (отношение американцев) к китайцам в целом (С. 22).

Профессор Миллер рассматривает и вопрос о расовых предрассудках у американцев по отношению к китайцам.

В отличие от англичан американцы, которые вели торговлю с китайцами, очевидно, считали неприемлемым для себя такое явление, как рабство. Одновременно неприемлемым для них был и расизм. Неприемлемым было и сочетание рабства и расизма. Вполне вероятно, что по прибытии в Китай у большинства из них не было никакой расовой предубежденности, так сказать, «белых людей» по отношению к китайцам как к людям иной, «желтой расы».

В то же время у американцев возникали вопросы. Вопрос, в частности, о том, почему китайцы так жестоко обращались с женщинами. Американцы видели, что китайцы обращаются с женщинами так же жестоко, как американские индейцы и готтентоты. Здесь находило свое проявление присущее американцам и китайцам различное отношение к человеческой личности и, в частности, к женщинам. Жестокость, доходящая до бесчеловечности, в обращении с женщинами, начиная с новорожденных младенцев и заканчивая отношением к женам и наложницам, — это то, что было присуще традиционным воззрениям и поведению китайцев в семье и в обществе. Здесь американцы и китайцы не могли найти общий язык.

Здесь же необходимо сказать, что о вопросе о расе, о расовых предубеждениях есть основания говорить и применительно к американцам, и применительно к китайцам. У обеих сторон были свои предубеждения, и встал вопрос о том, как избавляться от этих предубеждений.

Некоторые американцы считали, что упомянутая жестокость по отношению к женщинам вызывается в большей степени харак-

тером и поведением власти, чем характером народа в Китае. Это была попытка разграничить власти и народ Китая. Действительно, такое различие проводить необходимо, особенно когда речь идет о жестокости и бесчеловечности властей.

Американцы также отмечали, что возможны теплые чувства по отношению к китайцам. Это также означало, что можно и нужно различать человеческую личность и власти в Китае. На личном уровне отношения между людьми определяются их индивидуальными склонностями и привязанностями, здесь возможны и дружба, и любовь, когда же речь идет о взаимоотношениях народов и тем более государств, тогда свою часто вредную роль играют власти, в данном случае по большей части власти Китая.

Обследования ситуации показали, что отношения между сообществами американцев и британцев в Кантоне скорее были дружественными, отношениями сотрудничества и близкими взаимоотношениями, чем отношениями вражды между этими двумя национальными группами (С. 23).

В моменты, когда иностранцы подвергались притеснениям или оскорблениям со стороны китайских официальных лиц, межнациональная вражда среди людей Запада обычно приостанавливалась (С. 24).

Внутри общего фронта людей Запада общий язык и культура на земле иностранцев связывали более тесно англо-американское сообщество в Кантоне. К 1825 году существенная вовлеченность людей этих двух наций в незаконную торговлю опиумом сцементировала их молчаливую Антанту (союз) в Кантоне. Это не укрылось от китайцев, которые именовали американцев «англичанами второго сорта» (С. 24).

Когда иностранцы попадали в Китай, когда они на практике имели дело с китайцами, тогда по большей части именно то, с чем они сталкивались, отношение к ним китайцев, поведение китайцев, побуждало иностранцев интуитивно и инстинктивно спланиваться и понимать, что китайцы видят всех иностранцев как нечто целое, чужое и чуждое, против чего они, китайцы, как единое целое ведут своего рода борьбу в той или иной области отношений между людьми, государствами, народами, нациями.

История неоднократно свидетельствовала о том, что иностранцам, людям разных народов под давлением отношения к ним,

политики по отношению к ним властей Китая, которую осуществляют по воле этих властей массы населения Китая, приходилось объединять усилия с целью защитить свои общие интересы от наступления со стороны китайских властей.

Существовавшие в Америке представления о некой «похожести» Китая на Запад, то есть на нашу собственную социальную систему... не нашли подтверждения в записях, которые оставили купцы (С. 24). Наоборот, критика деспотизма в Китае, карательной системы законов и была самой заметной, когда речь шла о свидетельствах всего этого (С. 24–25). Деспотия, тирания для купцов была тем же, что язычество для миссионеров-протестантов. Это означало, что все слабые места, все недостатки Китая виделись (рассматривались) как функции одного этого дефекта, как «нечистый источник, из которого устремлялся черный поток пороков с тем, чтобы заразить всю нацию». В глазах этих купцов Китай представлял собой такой режим, в котором каждый чиновник терроризировал тех, кто ему подчинялся, результатом чего были трусость, разложение (коррупция), продажность и обман (хитрость). «Их правительство в такой степени, что этим можно только восхищаться, приспособлено к тому, чтобы превращать их в лицемеров и мошенников». Так суммировал взгляды купцов на политическую систему Китая Эразмус Дулитл. Он в сжатом виде описывал эту систему следующим образом: «Это пример деспотии (тирании), где вам в глаза скорее бросается “образ власти”, чем дворняжка, лающая на нищего» (С. 25).

Знакомство американцев и китайцев началось в XVIII веке и продолжалось в первой половине XIX века, несмотря на то что это не были, так сказать, нормальные полные межгосударственные дипломатические отношения.

Общались люди, прежде всего купцы, которые приплывали на своих судах из Америки, прежде всего с ее восточного побережья. Это были янки, то есть сторонники отмены рабства и противники колониального положения США. Сторонники борьбы против колониализма Великобритании.

Так получилось, что именно эти купцы-янки стали теми американцами в значительной степени в личном качестве, которые познакомились с китайцами, с китайскими чиновниками и китай-

скими купцами на низовом или местном уровне, а не на уровне правительства, императора, не на уровне столицы Китая.

Им довелось познакомиться со многими сторонами жизни китайцев. Именно они сформулировали свое представление о китайцах и донесли его до людей в США.

И здесь выявилась важная особенность того, с чем американцы, Америка столкнулись в Китае. Оказалось, что в Китае существуют и осуществляются деспотизм или деспотия и карательная система законов. Иными словами, весь «порядок вещей» в Китае был несовместим с «порядком вещей» в Америке. Столкнулись американская свобода и китайская деспотия. Это были две разные «власти».

Плюс к этому в Китае существовала карательная система законов. На практике это означало, очевидно, определенное проявление того, что именуется конфуцианством. Каждый чиновник вне зависимости от его ранга чувствовал себя на своем «месте» господином, который терроризировал тех, кто ему подчинялся или должен был подчиняться. Он был своего рода тем «старшим в семье», который командовал всем «семейством».

В результате подчиненные проявляли трусость, разложение (коррупцию), продажность и обман (хитрость). Власти Китая превращали людей Китая в лицемеров и мошенников. Представляется, что это «вечное явление», которое в какой-то степени присуще и современному Китаю.

Это правительство (эта власть, эти власти) было, конечно же, тем первым (по времени, по порядку) китайским институтом, с которым купцы (из США) вступали в контакт, поскольку таможенные чиновники (таможенные власти) поднимались на борт, как только был брошен якорь. ...При этом чиновники из Поднебесной получали возможность купить нечто западное, например «часы с кукушкой», за часть их рыночной стоимости. И даже тогда инструкции, обязывавшие чиновников заплатить за часы, без вариантов игнорировались китайскими компрадорами (туземцами на службе у иностранных покупателей — порт.). Купец стоически принимал это вымогательство, с которым он непременно сталкивался и в других портах. Конечно же, он изумлялся длительности той процедуры, с помощью которой китайские чиновники скрывали подлинный характер торговой операции. Однако было вполне очевидно, что эти купцы, особенно в ранний

период торговли, теряли уважение к правительству, которое превращало своих чиновников в тех, кого Эплтон именовал «нищими», «попрошайками» (С. 25).

С самого начала знакомства американцев с китайцами американцы столкнулись с вымогательством со стороны китайских чиновников, служащих таможни. Они фактически становились компрадорами и оказывались должниками иностранцев. Так у американцев возникало понимание того, что китайские чиновники готовы за деньги выполнять то, что было нужно иностранцам.

Однако же контакты купцов с правительством (с властями) обычно выходили далеко за рамки взяточничества таможенных властей (С. 25). Власти обижали купцов.

Схватки западных купцов с китайским законом между 1785 и 1840 годами дали этим купцам возможность увидеть китайское правосудие в действии (С. 25). Кто-то (из купцов) предупреждал: «Они надуют вас, если смогут, поэтому ваше дело — углядеть, чтобы они этого не сделали» (С. 31). Купцы называли китайцев «странными людьми» (С. 31).

Американцы также убедились в том, что в торговле с китайцами они находились под двойной угрозой: с одной стороны, власти могли в любой момент обидеть иностранцев; с другой стороны, китайская сторона всегда стремилась к тому, чтобы обмануть иностранцев, надуть их при любых сделках.

Пороки, так, как они определены с точки зрения христианской морали, — это еще одна важная тема. Сообщения о пороках китайцев не зависели от прибытия протестантских миссионеров, поскольку купцы заметили наличие идолопоклонства, азартных игр и проституции на «лодках с цветами» и время от времени упоминали о полигамии и детоубийствах новорожденных. Однако купцы не останавливались на этих пороках и в меньшей степени ханжески (фарисейски) рассказывали о них, чем обычные миссионеры (С. 31).

При знакомстве американцев с китайцами столкнулись не только представления о торговле, о поведении в купеческой среде. Это была материальная сторона дела, взаимоотношений. Здесь играли

роль материальные интересы и имевшиеся у обеих сторон представления о том, как поступать в отношении партнеров. Американцы считали, что тут должны соблюдаться некие законы, правила, нормы морали. Китайцы видели это как состязание сторон в обмане.

Как бы там ни было, а речь шла о материальной стороне жизни, о взаимоотношениях людей с обеих сторон. Важно то, что американцы и китайцы набирались опыта общения между собой, пусть даже в такой ограниченной и в то же время важной и вечной сфере, как торговля.

Одновременно знакомились между собой и те люди обеих сторон, для которых на первом плане были свои представления о морали, о нравственности, о пороках.

Отношение к порокам, с которыми американцы столкнулись в Китае, у купцов и миссионеров было различным. С точки зрения купцов, достаточно было увидеть, разглядеть эти пороки, принять во внимание необходимость учитывать их воздействие на торговые операции, отметить их наличие и продолжать заниматься своим главным «делом» — покупкой чая и продажей джина и тюленьих шкур. Христианская мораль была для американских купцов «вторым делом».

Иной вопрос — отношение миссионеров к соблюдению правил христианской морали. Для них это было главным интересом и целью в жизни. Они, как и купцы, по прибытии в Китай, во время пребывания в Китае столкнулись с целым рядом того, что с точки зрения христианской морали является пороками:

Идолопоклонство.

Азартные игры.

Проституция на «цветочных лодках».

Полигамия.

Убийство новорожденных.

Конечно, рассказам миссионеров об этих пороках было присуще и ханжество. Однако важнее всего здесь столкновение разных и несовместимых взглядов на эти пороки.

Идолопоклонство

Прежде всего христианство отрицало идолопоклонство. У христиан и китайцев были разные представления о том, чему поклонялись и одни, и другие. Несовместимыми оказались Иисус Христос и «идолы», которым поклонялись китайцы.

В Китае нашлись люди, которые соглашались с тем, чтобы их обращали в христианскую веру. Были и те, кто хотел стать христианином. В то же время и китайские власти, и подавляющее большинство населения не желали, грубо говоря, «признавать иностранного бога».

Возникло противоречие на основе разных представлений о всеобщности творца и принадлежности того, о чем в данном случае говорится, той или иной нации. Столкнулись две нации. Китайцы имели свое представление. Американцы — свое. Совместить эти представления было невозможно. Вопрос остается открытым и в настоящее время.

По статистическим данным, появившимся в средствах массовой информации, в Китае в 2017 году было 38 миллионов протестантов и 6 миллионов католиков (по другим сведениям, 10 миллионов католиков и 50 миллионов протестантов); по не официальным данным, их общая численность доходит до 90 миллионов. При этом правящая партия, то есть КПК, вела переговоры с Ватиканом о согласовании правил совместного назначения католических епископов, однако религия в этом смысле оставалась, с точки зрения китайских властей, китаизированной и должна была вечно оставаться именно и только такой, то есть находиться в подчинении КПК — КНР. Стороны договорились, то есть Ватикан согласился с тем, что КПК будет обладать правом решающего голоса при назначении епископов в КНР.

Азартные игры

Азарт, пристрастие к азартным играм, можно сказать, в крови у китайцев. Это продолжается и в настоящее время. На рубеже прошлого и нынешнего столетий мне доводилось слышать в Сычуани, где люди на каждом шагу играли в азартные игры, что *цюань го да ма* — «вся страна (весь Китай) играет в мацзян». Одним из примеров может служить пристрастие жены Мао Цзэдуна Цзян Цин, а также Дэн Сяопина и его партнеров к карточной игре. Возможно, здесь китайцы издавна традиционно нашли лазейку, куда человек на время может уйти от ужасающе жестокой действительности и жесточайшей конкуренции внутри Китая в борьбе за существование, за выживание, что развивает и углубляет эгоизм и толкает на погружение в азартные игры.

Проституция

Это традиционное явление в Китае. Проституция была запрещена нынешними властями Китая практически сразу же после создания КНР, в конце 1949 года. Однако до тех пор она была, собственно говоря, обычным, привычным явлением, способом выживать.

В настоящее время в современном кинофильме в КНР можно увидеть кадры публичного дома в Южном Китае, где богатые посетители выбирают себе «объекты» из взвода девиц в шортах и военной форме, похожей на форму советской Красной армии, марширующих перед ними под мелодию песни «Вперед, заре навстречу». Кстати здесь проявляется и желание таким образом мстить тем, кто «незаконно отнял китайские земли».

Полигамия

И это дожило до сегодняшнего дня, конечно, приобретая новые формы. Это существовало всегда в старом Китае. Мао Цзэдун и его сторонники в известной степени сохраняли или допускали существование всего этого в различных формах. В КПК даже был термин *хуан лян фу жэнь* — «желтолицая жена» Речь шла о той женщине, с которой номенклатурный работник КПК жил в деревне, на «опорной базе», до захвата власти над городами. Затем у него в городе появлялась городская жена. Режим, существующий в КНР, разлучал семьи на десятилетия. Мужей посылали в командировки на годы, поэтому создавались новые семьи.

В последние десятилетия появилось более двухсот миллионов *минь бин* — рабочих из крестьян. Это были мужчины из деревни, которые шли на заработки в города, отсылали деньги домой, а в городе у них появлялись новые семьи. Это тоже традиция Китая в ее новой форме.

Убийство новорожденных

Главным образом девочек. И это практически всегда существовало в истории Китая. В каком-то виде продолжает существовать и сегодня. Сказалась на этом и политика «одного ребенка на семью». Из-за этой политики возникали и упомянутые убийства, и случаи, когда женщины уезжали в деревню, там тайно рожали детей. Таких женщин именовали «партизанками». Попутно отме-

тим, что в китайской кинематографии рассказывают и о покупке семьями в деревнях женщин из городов с целью производства наследника — мальчика.

Все перечисленные явления разделяли американцев и китайцев. Можно сказать, разделяли китайцев и остальное человечество или его значительную часть.

Такого рода практика была ожидаемой в стране идолопоклонства, и купцы прибывали совершать сделки по покупке чая, не будучи заинтересованы в душах (не проявляя интереса к тому, что творилось в душе) (С. 31–32).

Купцы были в большей степени поражены (оскорблены) склонностью китайцев к азартным играм (С. 32).

«Этот порок превалирует среди людей любого ранга в обществе», — объяснял Вуд. «Дети играют в азартные игры. Люди играют ради приобретения (покупки)». <...> «Ничто иное не снижало мнение о китайцах в такой большой степени» — такова в глазах купцов была эта склонность к азартным играм (С. 32).

Довольно странно, что эти купцы, которые по большей части были пуританами (святошами), не выражали никакой серьезной озабоченности в отношении потенциально еще более взрывчатых вещей — полигамии и убийства новорожденных детей. Писали, что китайские женщины топили в реке не менее трети новорожденных девочек... (С. 32).

Точно так же мягко оценивались «цветочные лодки» и употребление опиума в Китае. Об этом купцы упоминали, однако они оставляли на долю (предоставляли) протестантских миссионеров дело осуждения, возможность распекаль китайцев за эти их пороки. Громадная вовлеченность купцов в контрабандную торговлю опиумом объясняет сдержанность при обращении к этой теме. Однако провал купцов в деле осуждения пороков китайцев в целом проистекает из недостатка у них воображения в деле осуждения всех сторон (граней) китайской культуры (С. 33).

Восприятие пороков китайцев американскими купцами заставляет думать о том, почему именно такой была их реакция на то, с чем они столкнулись в Китае.

Вероятно, что, прибыв в Китай, они увидели и осознали, что речь идет о фактически еще одной вселенной: так много было этих китайцев, и такой громадной предстала эта часть человечества.

У китайцев и в Китае были свои правила. Очевидно, что с ними приходилось считаться. Этого требовали материальные интересы. Интересы торговли, выгоды.

В то же время купцы-янки более всего были поражены тем, что в Китае невероятно распространены азартные игры. С точки зрения этих чрезвычайно предприимчивых американцев, азарт, то есть риск в торговле должен был быть максимально исключен. Он должен быть исключен в деловой жизни и активности. Так обстояло в основном дело в Америке. Не то в Китае. Оказалось, что американцам пришлось торговать с азартными партнерами. Это разрушало представления о возможности честной, упорядоченной торговли, то есть торговли по определенным правилам, которые соблюдались обеими сторонами. Обман — вот то, что оказалось присуще самой природе тех китайцев, с которыми столкнулись американцы. Обман оказался неотъемлемой составной частью предпринимательской деятельности, в частности торговли.

Полигамия и убийство новорожденных детей в меньшей степени, если не вообще, касались торговых операций американцев с китайцами. Очевидно, что американцы с самого начала связей с китайцами стремились отделять торговые, экономические связи от всего остального, присущего взаимоотношениям двух этих наций.

Это касается и проституции в Китае. Здесь особых противоречий у американцев и китайцев не наблюдалось.

Важно иметь в виду и то, что американцы были вовлечены в торговлю опиумом. Поэтому материальная заинтересованность преобладала при определении американцами, торговцами из США своего поведения в Китае тогда, когда речь шла о материальных отношениях с китайцами.

Наконец, важно обратить внимание на то, что сложившаяся ситуация и отношение американцев к порокам китайцев имели своим следствием недостаток изучения американцами всех сторон китайской культуры.

А именно понятие культуры в самом широком и глубоком смысле и определяет известную и вполне определенную несовместимость американцев и китайцев. Культурная несовместимость, присутствие при этом определенной предвзятости — это как раз то, что появилось с первого момента встречи американцев и китайцев и что до сих пор продолжает играть свою роль в их современных взаимоотношениях.

Тот факт, что англичане легко одержали победу над китайцами в 1840 году, не мог явиться большой неожиданностью для упомянутых купцов (С. 33).

Давным-давно, еще в начале XIX века, купцы (Фаннинг, Делано, Эпплтон, Холбрук и Дулитл) предсказывали, что коалиция (европейцев) европейских наций, возможно, опрокинет (добьется падения, краха) Небесную империю. Около 1830 года Вуд настаивал, что любой военно-морской флот Запада (флот любой отдельно взятой страны) сможет сделать это сам, в одиночестве. Семь других купцов, однако, доказывали, что Китай сможет восполнить свои недостатки (отсутствие у него навыков и способностей) в военном искусстве и в индивидуальной храбрости другими путями (С. 33).

Все-таки необходимо снова и снова возвращаться к вопросу об Опиумной войне, или об англо-китайской войне 1840–1842 годов.

Здесь прежде всего важно обратить внимание на то, что это была первая война между китайцами и заморскими иностранцами (не говоря о соседях Китая), первая война между англичанами и китайцами.

Возникновение такой войны означало, что отношения между иностранцами и китайцами, начавшиеся мирно, путем мирной торговли, не смогли вечно продолжаться. Война стала непременной частью отношений Китая с иностранцами. Это означало, что обе стороны считали, что иными методами разрешать возникшие и возникавшие в отношениях вопросы невозможно. Война оказалась не только допустимой, но и неизбежной при определенных обстоятельствах.

Следовательно, обе стороны, то есть китайцы и остальное человечество, стали исходить из того, что война между ними допустима и неизбежна. Все дело в обстановке, обстоятельствах, интересах сторон, соотношении и расстановке сил.

Отсюда возникает и вопрос о том, как остальному человечеству или его частям добиться вечного мира во взаимоотношениях с китайцами.

В определенном смысле вопрос о войне в принципе стоит и для самих китайцев. Здесь все зависит от того, кто именно находится у власти в Китае.

Далее необходимо обратить внимание на вопрос о том, почему эта война именуется Опиумной. Действительно, на практике речь

шла об опиуме, о торговле с иностранцами, прежде всего с англичанами, опиумом в Китае. Знакомство иностранцев с китайцами в те времена началось с торговли, значительную часть которой составляла торговля опиумом. Это было ненормальное явление. Опиум губил жизни многих людей в Китае.

Вместе с тем опиум был востребован в Китае, востребован китайцами. Тяга к употреблению опиума возникла в Китае, запрос на опиум исходил из Китая. Очевидно, что только сами китайцы и в результате развития событий в самом Китае могли отказаться от употребления опиума, положить конец этому злу в Китае.

Торговля опиумом приносила англичанам средства, которые они использовали для закупки чая в Китае, не говоря о прочих китайских товарах. Может быть, можно задуматься о том, что Китай, именно сам Китай был тогда болен болезнью опиума, опиокурения. Англичане воспользовались болезнью Китая.

Эта болезнь китайцев должна была со временем пройти. Отношения между англичанами и китайцами должны были продолжаться. Война 1840–1842 годов должна была безвозвратно уйти в историю.

Одновременно речь шла о том, чтобы между сторонами возникли и развивались торговые и иные отношения. Здесь жизнь требовала открытия Китая для торговли иностранцев в то время и прежде всего в Китае. Опиумная война (или война 1840–1842 годов) имела своей целью и открытие Китая для торговли, то есть имела цели, которые в конечном счете обеспечивали в перспективе интересы и англичан, и других иностранцев, и китайцев. Человечество так или иначе продвигается вперед. Итоги войны 1840–1842 годов шли на пользу движению человечества по этому пути.

Важно также обратить внимание на то, что в свое время купцы и иные иностранцы понимали, что война рано или поздно неизбежна, а также считали, что военную победу над китайцами способна одержать и Англия, и военный флот любой другой страны даже в одиночку. Таким было реальное соотношение военных сил в то время. Следовательно,

- и война была неизбежна из-за столкновения интересов сторон;
- и поражение Китая в этой войне было неизбежно;
- и открытие периода, когда война оказалась и казалась естественным средством решения проблем во взаимоотношениях китайцев и иностранцев, было неизбежно;

- и стремление китайцев устранить неизбежность их поражения в грядущих войнах и, более того, овладеть всеми видами вооружений и достичь такого положения, такой расстановки и соотношения сил, когда Китай в военном плане сможет диктовать иностранцам, остальному человечеству свои условия, — все это оказалось неизбежным следствием англо-китайской войны 1840–1842 годов.

Если некоторые американцы видели (рассматривали) военную немощь (неспособность) Китая скорее как нечто странное, чем то, что достойно презрения, то их чувства в связи с трусостью были более сильными (С. 33–34). Даже окруженная мифами, небывшими Великая стена на севере оказывалась в их глазах символом трусости или малодушия китайцев. Дулитл заявлял: «Проявления трусости вызывают нападения, потому что таким образом выставляется напоказ страх» (С. 34).

Купцы упоминали о технологической и научной отсталости Китая. Однако репутация Китая как изобретателя орудийного пороха, компаса, прививок и печатания вызвала вопросы в связи с такого рода утверждениями. Некоторые указывали на то, что китайцы использовали порох только в хлопушках, фейерверках и так продолжалось вплоть до той поры, пока Запад не познакомил их с орудиями (пушками). Утверждалось также, что китайские моряки все еще оставались «жителями берега, сухопутными моряками», которые боялись потерять сушу из вида, несмотря на то что их предшественники, предки изобрели компас. Некоторые купцы настаивали на том, что поскольку научное познание вслед за этими изобретениями никогда не было в полной мере осознано (осуществлено) китайцами, поэтому все эти изобретения были в большей степени своего рода случайностями, чем настоящими открытиями. Некоторые утверждали, что все эти изобретения попали в Китай с Запада через Индию и были похищены с целью удовлетворения тщеславия китайцев (С. 34). Многие купцы считали, что китайское общество было полностью застывшим, статичным. Фаннинг писал: «Китайцы — это странные люди в этом смысле, склонные следовать старым обычаям и формам». Другой считал, что китайцы, по сути дела, «проявляли враждебность к каким бы то ни было улучшениям». Еще один купец пришел к заключению о том, что «если бы мир был таким, как китайцы, мы должны были бы носить фиговые листочки» (С. 35).

Здесь перечисляется целый ряд преубеждений и необоснованных обвинений, что, собственно говоря, свидетельствует о разнообразии представлений о китайцах и о том, что восприятие Китая людьми Запада было смесью точных наблюдений и явных ошибок, которые зачастую вызывались именно предвзятостью, в данном случае американцев.

У купцов сосуществовали диаметрально противоположные мнения о Китае: либо восхищение и преклонение, либо враждебность и презрительное отношение. Делано: «Китай первый там, где речь идет о величии, богатстве и грандиозности (великолепии), по сравнению с любой другой известной страной». Робертс: «Китайцы нынче чрезвычайно суеверны... в высшей степени развращены и порочны: азартные игры являются всеобщими... они употребляют пагубные наркотики... (при этом они) ненасытны... Самые ужасные, отталкивающие пытки применяются, чтобы вынудить признания, и судьбы, как это замечено, в высокой степени подвержены коррупции; разнообразие и изобретательность проявляются и выставляются напоказ в процессе продления (намеренного затягивания) пыток несчастных преступников... И все это могут придумывать те, кто изодрен в жестокости, кровожадности и бесчеловечности» (С. 35).

Свидетельства, оставленные этими американцами в ходе торговли с Китаем до 1840 года, не подтверждают мнение, что эти люди восхищались Китаем, с уважением относились к Китаю и высоко оценивали китайцев и их культуру; поэтому мы вынуждены сделать вывод, что большинство американцев, которые бывали (путешествовали) в Китае до 1840 года, рассматривали китайцев как нелепо одетых, одержимых суевериями и предрассудками, нечестных, хитрых, жестоких и маргинальных членов человеческой расы, которым недостает смелости, интеллигентности, умений (профессиональных навыков) и воли сделать что-то в отношении угнетающей тирании, под гнетом которой они живут (существуют), или в отношении тех социальных условий, которые составляют их окружение. Немногие участники опроса даже в достаточно серьезной степени равнодушно мирятся с поведением китайцев, но испытывают удовлетворение, смехотворно отгоняя их своим хохотом, и обращаются к своему занятию — доставке чая на американский рынок (С. 36).

Пожалуй, важно обратить внимание и на то, что американские деловые люди, в данном случае торговцы или купцы, столкнулись с реальными китайцами на самом низовом, «базарном» или «рыночном» уровне и разглядели многие присущие им привычки и поведение. В то же время при этом практически первом знакомстве американцев и китайцев на уровне «простых людей» — представителей своих наций бросается в глаза весьма существенная особенность отношения американцев к китайцам. Американцы осуждали китайцев прежде всего и главным образом за то, что им недостает смелости, интеллигентности, умения и воли, чтобы сделать что-то в отношении угнетающей их тирании, под гнетом которой они существуют, или в отношении тех социальных условий, которые составляют их окружение, их, так сказать, «природную (или окружающую) среду». Конечно, нации существуют, живут и производят изменения, некоторые из которых оказываются частями общего прогресса человечества. Американцам в данном случае было присуще чувство гордости и удовлетворения тем, что им удалось достичь многого в борьбе против угнетавшей их тирании, против рабства и против многочисленных ограничений, которые сковывали свободу этих людей, их представления о соотношении человеческой личности и прав человека, в тех районах земного шара, откуда они и приплыли в Америку.

По сравнению с другими категориями «поставщиков (внутренней) информации», которые распространяли сведения о Китае среди американцев, купцы были в целом менее образованны. Они, естественно, оставили меньше (формальных) записей, чем европейские дипломаты, которые основали свои миссии до 1840 года, или миссионеры-протестанты, которые не только издали много книг о Китае, но и имели свою прессу в США (С. 36).

Было бы, однако, большой ошибкой недооценивать влияние купцов на процесс создания и развития образа Китая в Америке, среди американцев (С. 36). Влияние купцов на отношение американцев к Китаю не ограничивается только тем, что доводилось до общества в целом (С. 36).

Эти мореплаватели также рассказывали о своем опыте и о своих мнениях в частном порядке своим друзьям, соседям и ассоциациям бизнесменов, как устно, так и в своих письмах, то есть используя чрезвычайно профессиональные средства коммуникации. Сегодня все это теоретиками общественного мнения рас-

считается как наиболее эффективное средство возбуждения и формирования мнений. Необходимо (также) проэкзаменовать сообщения еще двух категорий производителей информации изнутри Китая, доведения ее до американской аудитории: профессиональных дипломатов и миссионеров-протестантов (С. 37).

И в свое время, и ныне «простые люди», особенно те, кому волею судьбы довелось вступать в деловые или бытовые взаимоотношения с китайцами, прежде всего в самой китайской среде, внутри самого Китая, попав «в окружение» китайцев, получают собственный непосредственный опыт общения с китайцами.

Они и сами усваивают этот опыт и распространяют его разными путями и методами среди своих знакомых и незнакомых им людей. Все это создавало и продолжает создавать своего рода «общее отношение» той или иной нации к китайцам как к нации либо существенно воздействует на такое отношение. И это так или иначе сказывается на политике того или иного государства, его политических лидеров в отношении Китая и китайцев.

Исходя из этого, и в настоящее время необходимо самым внимательным образом изучать мнения этих своеобразных «свидетелей Иеговы», то есть свидетелей поведения китайцев во всех сферах, где людям той или иной нации приходится сталкиваться с китайцами, иметь дело с китайцами на практике.

Это в частности, но в очень важной частности оказывает существенное воздействие на доверие или недоверие людей той или иной нации к китайцам. Это так в значительной степени по той причине, что именно «на низовом уровне», в сфере межчеловеческих отношений люди особенно остро ощущают неравноправное отношение к себе со стороны тех, с кем им приходится общаться.

Итак, «застывшее, вросшее корнями» в души китайцев, иррациональное отношение к иностранцам как к тем, кто «не равен» жителям Небесной империи, кто должен подчиняться им, — это то главное, что уловили американские купцы, начавшие осуществлять торговые операции с китайцами в Китае.

ДИПЛОМАТЫ

Далее в работе профессора Миллера рассматривается взгляд на Китай и китайцев тех иностранных дипломатов, американских и европейских, которые работали в Китае в период с 1785 по 1840 год, то есть вплоть до начала Опиумной войны. Эта часть его работы предваряется цитатой из американской печати.

Ничто не преувеличено в большей степени, чем статус цивилизации и социального прогресса среди китайцев. <...> Администрирование в области общественных дел таково, что это опозорило бы любую страну на планете и собрание законов; оно выражено целым потоком высоких метафор и наполнено столь восхитительной мудростью этих доктрин, но на самом деле оно служит всего лишь маской, скрывающей несправедливость и подавление.

«Американ Квотерли ревью». 1830 год.

Спустя полвека после образования США и начала фактических контактов между представителями двух государств — Соединенных Штатов Америки и Великой Цинской империи — американцы на самом высоком в стране уровне осмысления ситуации на международной арене во взаимоотношениях с китайцами уже пришли к четкой оценке того, с чем и с кем приходится иметь дело.

Они увидели, что то, что понимается под термином «цивилизация, состояние или статус цивилизации», и то, что понимается под термином «общественный прогресс, социальный прогресс», если применить критерии оценки всего этого к китайцам, к состоянию дел в Китае, то окажется, что и то, и другое никогда в истории еще нигде не преувеличивалось настолько, насколько это происходит в отношении Китая и китайцев.

Это означало, что и сами китайцы, исходя из своих традиционных воззрений и желания навязывать иностранцам свое представление о себе; и иностранцы, в том числе американцы, по раз-

ным причинам стремившиеся раздуть свое собственное значение как «единственных или первых знатоков Китая»; и мнение о Китае и китайцах создавали ложное представление о китайцах в остальном мире.

Это представление складывалось из двух частей.

Во-первых, создавалось чрезвычайно преувеличенное представление о китайской цивилизации. Она фактически не сопоставлялась по объективным критериям с иными цивилизациями, а намеренно выдвигалась на место «самой главной, самой древней, единственно совершенной» цивилизации. Это в значительной степени проистекало из стремления китайцев и их восторженных иностранных поклонников утверждать центральное и главное, руководящее положение китайцев, их государства на мировой арене.

Именно это и в настоящее время проявляется в политике руководителей КПК — КНР во втором десятилетии XXI века. Именно об этом идет, по сути дела, речь сегодня, когда руководители КПК — КНР выдвигают лозунг: «Великое возрождение великой нации Китая». Под «возрождением» здесь имеется в виду возрождение прежде всего в сознании людей в Китае и в окружающем его «остальном мире» упомянутого в высочайшей степени преувеличенного представления о цивилизации Китая и о социальном прогрессе в Китае; более того, о способности китайцев управлять делами земного шара.

Во-вторых, чрезвычайно преувеличивалось представление о степени социального прогресса в Китае. Более того, создавалось абсолютно извращенное представление и о самом прогрессе, и о том, как обстояли дела в Китае. Американцы в особенности придавали при этом значение тому, что некоторым из них показалась демократичной организация управления делами на уровне муниципальных образований, первичных ячеек общества. При этом и сами китайцы раздували то, что считали необходимым, и американцы, фактически услужливо выполнявшие желания китайцев, создавали искаженное представление о том, что на самом деле было воплощением на практике конфуцианского правила: младший должен подчиняться старшему, в семье должен быть хозяин, государство должно управляться на основе принципа самовластия.

Отсюда и берет начало, в том числе и в настоящее время, навязываемое «остальному человечеству» утверждение о разумности, приемлемости и эффективности принципов и положений конфу-

цианства, выдвигая на первый план его гуманизм и оставляя в забвении его намерение утверждать принцип самовластия и внутри Китая, и на мировой арене применительно к положению Китая среди остальных наций на Земле.

Американцы также уже тогда пришли к выводу о том, что администрирование в области дел, касающихся общества в стране, и система законов в стране — все это всего лишь маски, скрывающие несправедливость и подавление, позорящие страну.

Все это относится, причем в максимальной степени, к нынешнему управлению делами в Китае и к системе законов, к политическому режиму, установленному и осуществляемому КПК — КНР, в особенности Мао Цзэдуном и его последователями.

Начиная изложение взгляда на Китай из Америки, видя это как часть образа Китая и китайцев, создававшегося в Америке для американцев, профессор Миллер обращал внимание на особенности иностранных, европейских дипломатов, писавших о Китае.

Если говорить о трех главных ресурсах, которые формировали американский образ Китая (образ Китая в Америке) до 1840 года, то дипломаты отличаются и от купцов, и от миссионеров в нескольких важных отношениях (С. 37). Самым поразительным был здесь тот факт, что все эти дипломаты-авторы, за исключением двух, вплоть до самого конца этого периода протяженностью в 55 лет были европейцами. В определенном или в каком-то смысле они представляли продолжение этой американской зависимости от трансатлантических источников общественного мнения, что было унаследовано от длительного колониального опыта. Являясь источниками, находившимися внутри (Китая), эти дипломаты могли также заявлять о том, что они видели существенную часть того, что происходило в Китае; речь шла об опыте, который не был доступен (открыт) купцам и миссионерам до начала Опиумной войны (С. 38). К этому присовокуплялся груз правительственных санкций как официальное воплощение политики и мудрости «великих держав». Эти авторы по большей части также являлись аристократами, весьма образованными людьми, занимавшими высокое общественное положение; речь идет о факторе, который ни в коей мере не выпал из вида американских обозревателей (С. 38). Что же до американских редакторов, то для них десять книг о Китае, которые были своего рода

продукцией европейских посольств, для нации (для американцев) были гораздо более важны, чем отчеты менее образованных и менее престижных купцов (С. 38–39).

Американцы тогда почти не имели собственных дипломатов в Китае. Однако они внимательно изучали то, что говорили и писали европейские дипломаты в Китае. Их мнение было важным источником сведений, которые были недоступны купцам и миссионерам. Поэтому мнение дипломатов играло существенную роль, воздействуя на американцев.

В 1791 году Англия направила посольство в Пекин во главе с графом Маккартни, профессиональным дипломатом с опытом работы в Ирландии, Вест-Индии и России, с инструкциями обеспечить торговые привилегии в дополнительных китайских портах, сократить таможенные пошлины, добиться разрешения проповедовать христианское учение в Китае и учредить постоянное британское посольство или пакгауз в столице Небесной империи. Последняя цель была наиболее вызывающей, поскольку китайцы с незапамятных времен приветствовали послов как представителей вассалов их империи, которые являлись в Пекин с данью и затем уезжали (С. 39).

Маккартни китайцы фактически воспринимали как того, кто прибыл с упомянутой данью. Английский посол игнорировал это, то есть такое отношение к нему, такое неуважение его статуса, однако отказался делать поклоны (церемонию, именованную коутоу) вплоть до того, как китаец официально такого же ранга повторит такой же жест, сделает такие же поклоны перед портретом Георга Третьего. В окончательном виде компромисс допускал, что посол опустится на одно колено, то есть поступит точно так же, как перед своим собственным сувереном. Затем китайцы отложили осуществление действий относительно его предложений на лето, а когда наступило это время, они резко отвергли все просьбы англичан и отправили посольство назад в Кантон (С. 39).

В 1791 году англичане направили в Китай своего дипломата Маккартни, который попытался установить отношения с китайскими властями. Китайцы выяснили, в чем состояли задачи Маккартни. Это было следующее:

- (1) обеспечение привилегий в сфере торговли, причем при открытии еще нескольких портов Китая для торговли, помимо Кантона;
- (2) снижение таможенных пошлин;
- (3) разрешение проповедовать христианское учение в Китае;
- (4) учреждение представительства Великобритании в Китае.

Таким образом, речь шла прежде всего о мирных взаимоотношениях равных партнеров на мировой арене.

Речь шла о торговых взаимоотношениях.

Речь шла о разрешении миссионерам проповедовать христианство в Китае, то есть приносить в Китай религиозные взгляды, своего рода идеологию стран Запада.

Наконец, речь шла о создании в столице Китая, естественно на равноправной основе, на основе взаимности, представительства Англии.

Китайская сторона сначала выяснила все это, а затем, по сути дела, отказала во всем. Китайские власти не желали расширения торговли, не желали способствовать расширению торговли. Кроме того, они показали, что не хотят допущения какой бы то ни было иной, то есть не китайской, идеологии, в частности, религии в Китае. Наконец, китайцы не желали устанавливать нормальные и равноправные дипломатические отношения с иностранцами. Все это было сигналом не только для англичан, но и, в частности, для американцев.

Свой отказ китайские власти выразили в самой оскорбительной форме. Они потребовали соблюдения английским представителем правил, которые в Китае были установлены для любых людей, живущих вне собственно Китая. Их в Пекине могли принимать только при условии, что они согласятся признать себя данниками или вассалами китайского императора. Иными словами, китайцы, китайские власти требовали с самого начала от иностранцев подчинения их власти, их приказам, признания своего неравного положения с китайцами; следовательно, китайские власти сразу же показали, что они против равноправия между китайцами и «остальным человечеством».

Англичане не могли согласиться с неравноправным отношением к ним. Миссия Маккартни не привела к результатам. Точнее, англичане показали, что они предложили равноправные отношения, и решили продолжать настаивать на равноправии, несмотря на то что власти Китая не желали пойти на это.

Собственно говоря, здесь важным представляется констатировать и подчеркнуть, что «внешний мир» предложил китайцам при первой же встрече соблюдать принцип равноправия наций, а китайские власти отказались сделать это, доведя до «остального человечества» свою позицию: Китай превыше «всего остального человечества». Так перед «остальным человечеством» сразу же при первом знакомстве с властями Китая возникла задача убедить их в том, что на Земле отношения между нациями возможны исключительно на основе равноправия между ними.

Три важных труда, если говорить об их воздействии на мнение американцев, были опубликованы членами этой миссии (С. 39).

Андерсон заявил, что его намерение написать эту книгу проистекало из желания «поправить ошибки, допущенные аббатом Гросье». Большая часть работ XVIII века, критично описывавших Китай, начинались в такой манере. Каждый автор, казалось, думал, что он — это первый, кто пытался лишить Китай той характеристики, которой Китай не заслуживал и которая ему давалась миссионерами-иезуитами. Гросье считал, что пытки и казни обычны для Китая. Андерсон утверждал, что китайцы, на которых он ссылался, никогда не были свидетелями ничего подобного (С. 40).

Андерсон одно за другим опровергал популярные представления о Китае: правительство Небесной империи было далеко от того, что является тиранией (деспотизмом); этому правительству был присущ «здоровый смысл»; у него было многое, чему Англии следовало поучиться. Особенно тому, как держать под контролем «наиболее неприятные классы общества». Андерсон настаивал даже на том, что бинтование женских ног было мифом. Он клялся, что у всех женщин Китая нормальные ноги; а также вопреки сообщениям о том, что женщин в Китае держат взаперти их ревнивые мужья, он свободно общался с любыми из них. Улицы в Китае «чистые и элегантные», люди «привлекательные и здоровые»; едва ли кто-то поражен оспой. Везде в Китае люди правдивы и честны, исключая Кантон, где они подверглись влиянию людей Запада.

Дороги и каналы в Китае свидетельствовали, что китайцы были с точки зрения обладания наукой столь же продвинуты, как и Запад. Фактически отказ мандаринов обследовать механические и оптические инструменты, привезенные из Англии в каче-

стве подарков, просто-напросто показывал, что китайцам нечему было учиться у европейцев в этом отношении (С. 40).

Андерсон, по мнению Маккартни, пытался восстановить пораженный эрозией престиж Китая в Европе (С. 41).

Один из членов миссии Маккартни, Андерсон, оказался, по сути дела, первым среди дипломатов, кто изложил ставшую для многих иностранцев, имевших дело с Китаем, привычной и казавшейся им правильной, единственно правильной позицию, при которой следовало хвалить в Китае практически все, надеясь, что именно это и только это позволит завязывать, устанавливать и развивать с Китаем отношения, которые смогут обеспечивать мир в двусторонних отношениях и приносить некоторые выгоды и иностранцам.

Именно такое отношение к ведению дел с Китаем с того времени и доныне характерно для части людей, которым приходится иметь дело с Китаем. Во многих странах и сегодня продолжается борьба между теми, кто стремится защищать интересы своих стран и народов от навязывания китайскими властями, особенно Мао Цзэдуном и его последователями, своего господства и контроля, и теми, кто остается на изложенной выше позиции, фактически не защищая или предавая интересы своих стран и народов.

Во взаимоотношениях с Китаем те, кому довелось участвовать в практической деятельности в Китае, разделились на две части. Одни указывали на недостатки и на то, что неприемлемо в Китае, что недопустимо ущемляет права людей других стран, с их точки зрения. Другие прилагали усилия, с тем чтобы создавать впечатление о Китае как о «нации без недостатков», а по сути дела, о том, что нация Китая якобы «выше» и «главнее» всех остальных наций.

Первое расхождение между людьми, представлявшими упомянутые позиции, состояло в том, что одни утверждали, что пытки и казни обычны для Китая. Другие полагали, что никогда не было ничего подобного.

В настоящее время те, другие, пытаются как бы не замечать, например, того, что нынешние руководители КПК — КНР довели до смерти в тюрьме сторонника реформ и соблюдения прав человека Лю Сяобо, который стал лауреатом Нобелевской премии.

Эти другие, очевидно, исходят из того, что в настоящее время КПК — КНР настолько сильны, обладают таким военным и экономическим потенциалом, что к ним можно только «подлажи-

ваться» и им ни в чем не следует возражать, во всяком случае никак не затрагивать вопрос о том, что они именуют политической стабильностью в Китае, то есть никоим образом не критиковать КПК — КНР даже тогда, когда речь идет об общечеловеческой нравственности, о проявлениях человечности и об ущемлении человеческого достоинства и принципов равноправия и независимости наций.

Далее, по мнению Андерсона, одного из людей, сопровождавших Маккартни, правительство Китая было далеко от того, что называется тиранией или деспотией, напротив, ему был присущ здравый смысл, и у него было многое такое, чему Англии следовало бы поучиться. Особенно тому, как держать под контролем «наиболее неприятные классы общества».

При знакомстве и общении с Китаем среди людей из каждой страны возникало расслоение. Оказывалось, что можно было воспринимать Китай по-разному. Причем различия в восприятии Китая и китайцев возникли практически сразу же при знакомстве иностранцев с китайцами и продолжают существовать практически до настоящего времени.

Первым таким различием является диаметрально противоположная оценка политического режима в Китае. Одни иностранцы видели его как тиранию или деспотию. Другие считали, что ничего подобного в Китае нет. Более того, порядки, существовавшие в свое время в Великой Цинской империи, предлагалось воспринимать как проявление здравого смысла. Европейцам даже следовало бы многому поучиться у властителей Китая, особенно тому, как держать в повиновении, под контролем и в состоянии «стабильности», «политической нормальности» тех, кого следовало воспринимать как «наиболее неприятные классы общества».

В настоящее время в принципе во многом, если говорить о мнении иностранцев, которые видят Китай и китайцев примерно так же, как упомянутый Андерсон, то есть человек, сопровождавший Маккартни, речь идет о том, что все государства в мире, все власти в мире одинаковы, поэтому в других странах не следует допускать досужих домыслов о ситуации внутри Китая, не следует рассуждать о стабильности или нестабильности внутри Китая.

Напротив, надо брать с властей КПК — КНР пример в том, как справляться с инакомыслящими и несогласными с существующим политическим режимом; при этом имеются в виду действия Дэн Сяопина в 1989 году на площади Тяньаньмэнь в Пекине.

Англичанин, сопровождавший Маккартни, отрицал очевидное — тугое бинтование женских ног и приниженное положение женщин в семье, их содержание практически взаперти. Он говорил, что ничего подобного не существует. Он же утверждал, что люди в Китае правдивы и честны, а если в Кантоне это не так, то это следствие дурного воздействия Запада. И в настоящее время такое утверждение распространяется теми, кто настроен в пользу политических режимов с предельной концентрацией власти и считает, что в Китае и некоторых других странах следует видеть во всех несогласных «пятую колонну», «агентов иностранных государств», «национальных предателей».

Наконец, Андерсон писал, что китайцы в области науки столь же продвинуты, как и Запад. Им нечему в этом отношении учиться у европейцев. Примечательно, что все это говорилось в конце XVIII века. Многие (в том числе принципиальная позиция) сохранилось до настоящего времени.

Вообще, пожалуй, здесь можно отметить, что речь может и должна идти и о том образе Китая, который складывался у американцев, у людей Запада, у иностранцев вообще, и о том, под воздействием каких реалий Китая складывался этот образ. Ведь иностранцам и в те времена, и в настоящее время приходится сталкиваться именно с такого рода реалиями. Так что одновременно существует и некий образ Китая, некое правильное и неправильное представление о Китае, и реалии Китая, которые играют существенную роль во взаимоотношениях китайцев и иностранцев.

Двое высших членов миссии (то есть сам граф Маккартни и Стонтон) считали, что поведение китайцев — это свидетельство того, что китайцы становятся «полуварварами». На этой стадии, констатировали они с сожалением, ничто не может спасти Китай от быстрого упадка. В журнале Маккартни содержится великолепное (наилучшее) обобщение вердикта (вывода), который оба дипломата привезли домой в Англию: «Империя Китая — это старый, разваливающийся на части первоклассный военный корабль, который благодаря наследственной команде способных и бдительных офицеров ухитряется держаться на плаву на протяжении последних ста пятидесяти лет и наводит страх на своих соседей одной только своей громадой и своим внешним видом. <...> Этот корабль, вероятно, не перевернется вверх дном сразу же и целиком (полностью); он может дрейфовать на про-

тяжении некоторого времени как развалина и затем развалится на части, наскочив на берег; но он никогда не будет восстановлен на своей старой (прежней) основе (днище)» (С. 43).

Практически первая дипломатическая миссия в Китай из Европы сумела дать оценку тому, что европейцы увидели в Китае. Они назвали китайцев «полуварварами», очевидно, по сравнению с теми, в ком они видели передовую часть человечества, и сделали вывод о том, что Китай идет к неизбежному упадку.

Собственно говоря, все время правления в Китае или над Китаем династии Цин, прошедшее с момента воцарения этой династии в середине XVII века и до конца XIX века, было здесь охарактеризовано как период, когда китайская империя продолжала держаться на плаву, однако весь корабль этой империи прогнил; на его днище, или основе, на всем этом многотысячелетнем историческом основании, невозможно было даже вечно удерживаться на плаву. Английские дипломаты предрекали, что этот корабль развалится на части.

Таким образом, китайцам еще предстояло все это осознать, понять, что им необходимо перенять опыт других стран, Запада, остального человечества, принять общие правила, начать вместо старого Китая заново строить новый Китай, но на той же основе, что и другие страны.

История свидетельствует о том, что этот процесс занял по крайней мере двести лет. Даже само понимание того, что китайцы — составная равноправная, а не главенствующая часть человечества, не «высшая раса» или «главная, центральная нация», приходит медленно, а реальное строительство корабля, равного и равноправного, сознательно согласного стать составной частью единого флота человечества, еще не началось; это время еще не пришло.

Из наблюдений Маккартни также следовало, что упадок Китая, ослабление Китая — это не результат давления или воздействия иностранцев на Китай, а это следствие развития событий в самом Китае, следствие его специфики или самобытности, его исключительности.

Андерсон был явным синофилом, а Бэрроу был синофобом (С. 43).

Еще одну книгу о Китае написал участник путешествия графа Маккартни сэр Джон Бэрроу.

Бэрроу повторил все старые обвинения в адрес Китая и добавил к ним несколько новых (С. 44). Власть в Китае была столь гнетущей, деспотичной, что китайцев следовало видеть как рабов. Этим объясняется отсутствие у них чувства чести, то, что они лгали, обманывали и проявляли трусость без стыда. «Раб фактически не может быть лишен чести (у него ее нет)». В некотором смысле Бэрроу приближался к современной расистской позиции, хотя и без экстрима XX века. Он говорил о тесных физических связях, родстве между китайцами и готтентотами. Он свидетельствовал, побывав в Африке, что эти два народа идентичны, если говорить об их голосах, манере разговаривать и темпераменте (С. 44).

Отношение к рабству, к самому понятию рабства и к такому явлению, как рабство, — вот то, что разделяло американцев, приплывших в Китай из Нового Света в конце XVIII века, и китайцев.

Это было ядро, сердцевина расхождений между американцами и китайцами, как в то время, так и поныне. Американцы именно по той причине, что они приплыли из Америки, где рабство было отвергнуто, ощущали несовместимость представлений и поведения людей, которые не принимают рабства, встают против рабства, и тех, кто мирится с рабством, со своим положением раба.

Американцы искали истоки рабства в физической природе человека. Хотя ситуация, сложившаяся в Китае, была следствием традиций, навязанного и принятого порядка вещей, образа существования и образа мыслей.

Он (Бэрроу) писал об умерщвлении младенцев. В Пекине ежедневно убивали двадцать четыре новорожденных, а каждый год девять тысяч. Торрен, один из европейцев, посетивших Китай в XVIII веке, утверждал, что брошенных (на произвол судьбы) детей китайцы ели в медицинских целях (С. 45).

Это не простой вопрос. Конечно, с течением времени, особенно сегодня, все такого рода утверждения и рассказы представляются измышлениями. Однако и их необходимо иметь в виду, составляя представление о китайцах и их истории. Современные китайские писатели, например Мо Янь в романе «Страна вина», иной раз упоминают и о такого рода явлениях в Китае.

Бэрроу видел Китай как нацию великих парадоксов. Хотя Китай был первым по размерам (территории) и населению, он находился почти на дне, если говорить о военной силе. Будучи цивилизованным раньше греков, Китай в настоящее время вряд ли вообще является цивилизованным (С. 45).

Предмет гордости Китая — почтительность к родителям со стороны их сыновей и дочерей — оказывается неубедительным в свете такого явления, как брошенные младенцы. В этом настроении он продолжал: «За строгой моралью и церемониальным поведением народа следует перечень самых больших разврата и распущенности; добродетели и философия ученых объясняются их невежеством и их пороками; если на одной странице они говорят о чрезмерном плодородии страны и о поражающем воображение распространении сельского хозяйства, то на следующей странице выставляются напоказ тысячи людей, страдающих от бедности; и в то время как они превозносят с восхищением прогресс у них в области искусств и наук... без помощи иностранцев они не могут ни отлить пушку, ни рассчитать затмение». ...Даже национальный характер он описал следующим образом: «странное сочетание гордости и убожества, притворной серьезности и реальной фривольности, рафинированной цивилизованности и громадной неделикатности» (С. 45).

Профессор Миллер приходил к выводу о том, что этот автор... оказался совершенно не способен понять то, что китайцы могут иметь свои перспективы в деле обороны (С. 45).

Здесь проявляется присущее многим авторам, писавшим о Китае, недоумение в связи с тем, что они находили в Китае, в поведении китайцев, казалось бы, несовместимые вещи. Возможно, именно громада Китая, огромная численность населения Китая порождали в Китае, у китайцев самые разнообразные взгляды, особенности мышления и поведения. «В Китае есть все» — это, вероятно, применимо и к Китаю.

Одновременно и попутно необходимо заметить, что профессор Миллер, учитывая развитие событий, развитие истории и человечества и Китая, указывал на то, что европейцы и американцы не должны были бы недооценивать то, на что смогут быть способны китайцы в военном деле, в создании своего военного потенциала, очевидно, с использованием всех современных достижений в этой области в мире.

Одно Бэрроу видел в Китае с восхищением: это религиозная толерантность, которая соседствовала с Конфуцием, чья философия, как он полагал, была слишком величественна, чтобы сохраняться в чистом виде среди китайцев (С. 46).

Может быть, дело не в толерантности по отношению к религиям, особенно учитывая современную политику КПК — КНР, которые допускают в Китае деятельность только тех церквей, которые ими китаизируются и прежде всего ставятся под полный контроль со стороны властей КПК — КНР.

Бэрроу писал о величии мыслей Конфуция и о том, что именно возвышенность мыслей Конфуция делает недостижимым сохранение и претворение их в жизнь в Китае, учитывая реальное поведение китайцев в жизни, на практике. Может быть, все это опять-таки относится к такому явлению, как существование в Китае альтернативы, одновременно взаимоисключающих вещей. Они существуют, но при этом важно принимать во внимание, какова реальная политика властителей Китая, находящихся у власти в настоящее время. Эти властители часто используют такой прием, как допущение, на более или менее длительное или короткое время развития явлений, которые они специально выявляют, дают «змеям выползти из нор», чтобы затем покончить с ними, в частности, умертвить живую мысль.

По пятам Маккартни Исаак Титсинг в 1794 году возглавил голландскую миссию в Пекин. Очевидно, что кантонские чиновники и купцы стремились создать «более послушное» европейское посольство, чтобы не оказаться в положении тех, кому пришлось созерцать то, как Пекин закрыл и торговлю после опыта с Маккартни. Члены голландской миссии с готовностью выполнили все требования китайского протокола, и затем оказалось, что все это обернулось лишь тем, что перед ними были выдвинуты просьбы, которые представляли собой дополнительные унижения: церемонию коутоу они должны были исполнить перед премьер-министром, перед частями одежды, на которых было имя императора, и наконец в итоге они оказались перед лицом отказа со стороны дощечки с именем императора. Для Бэрроу это было достаточное доказательство того, что Маккартни действовал разумно, напрочь отказавшись выполнять все эти церемонии.

Однако же Стонтон доказывал, что Запад продолжал недооценивать разведку китайцев (С. 46). Дело было не только в том, что китайские чиновники были в курсе того, что голландцы относительно слабы, но они также узнали, что посольство Титсинга имело только квазиофициальный (как будто бы, почти) статус, будучи в большей степени представителем голландской Ост-Индской компании, чем правительства Голландии (С. 47). Возможно также, хотя и не похоже на то, что китайцы могли знать, что правительство Голландии больше не существовало к тому времени, когда Титсинг достиг Пекина (С. 47).

История миссии голландца Титсинга лишней раз подтверждает то, что китайцы, власти Великой Цинской империи не желали установления нормальных дипломатических отношений с иностранцами. Выполняли иностранцы или отказывались выполнять требования китайских властей, результат был один — отказ равноправно относиться к некитайцам. Все остальные соображения были вторичными или побочными.

Только две книги остались после этого посольства. Йозеф де Гинес, сын знаменитого сиолога и официальный переводчик миссии, опубликовал «Вояж в Пекин» в 1808 году. Поскольку книга не была переведена на английский язык, она осталась незамеченной в США. Ван Браам-Хукгест, второй по рангу сотрудник посольства и натурализованный гражданин США, опубликовал свой двухтомный труд в Филадельфии в 1798 году (С. 47).

После завершения миссии Ван Браам вернулся в страну, которая его приняла, и построил дом на берегах реки Делавер в Бристоле, в 20 милях от Филадельфии. Там он создал атмосферу Востока... Дом был популярен среди элиты Филадельфии.

При таких обстоятельствах можно было ожидать, что книга Ван Браама получит популярный отклик на нее в США. Однако она была хорошо принята, особенно в Филадельфии, но никогда не имела такого влияния, как книга Стонтона, появившаяся в том же году, или работа Бэрроу, которая была опубликована пять лет спустя.

Позиция Ван Браама была недалеко от позиции Стонтона. В ней содержались многочисленные критические замечания в адрес Китая, которые далее смягчались его очевидной ностальгией по старому Кэфею (старое поэтическое название Китая) (С. 47).

Он соглашался с общей оценкой «примитивных» по уровню научных знаний в Китае. Однако он с восхищением отзывался о мостах в Китае, о системе обогрева в домах и т. д. (С. 48).

Он неоднократно предупреждал, что китайцев следует (скорее) судить по их собственным меркам и вкусам, чем по стандартам Европы. Даже когда автору преподнесли обгрызенные кости с императорского блюда за обедом как знак чести и благоволения, Ван Браам объяснял, что император «вне всяких сомнений» не знал, насколько отвратительно это было для европейца. Он столкнулся с коррупцией, был шокирован взятками при дворе императора. Однако он писал, что в мире везде есть коррупция. Он писал о военной некомпетентности китайцев, об унижениях, которым подвергались в Китае женщины, и приходил к выводу о том, что «китайцы живут по-своему счастливо. И чего еще им желать? Почему они должны стремиться открывать что-то еще» (С. 48).

Он был релятивистом в области культуры задолго до появления такого термина. Он проявлял искреннее восхищение народом и обычаями, что было редкостью среди его европейских соотечественников. Только его критическое отношение к «кули», что он называл «самой настоящей низостью китайской нации», заставляло его терять чувство восхищения китайцами и космополитичность (С. 48).

Взгляды Ван Браама типичны для некоторых других европейцев, побывавших в Китае. В них находило свое выражение желание «понять» китайцев, исходить из того, что «китайцы живут по-своему счастливо». Это было проявление стремления оставаться на уровне декоративных взаимоотношений иностранцев с китайцами. При этом подразумевалось, что китайцы всегда будут продолжать жить «по-своему» и быть «по-своему» счастливыми, причем оставаться и существовать в «своем» Китае.

Ван Браам осуждал существование кули в Китае и согласие с их существованием других китайцев, да и многих из них самих. Инстинктивно Ван Браам, вероятно, понимал, что в Китае, таким образом, полностью отрицается человеческое достоинство, когда речь идет о людях, выполнявших самый тяжелый труд, то есть о кули, что к ним относятся бесчеловечно. Однако Ван Браам, очевидно, прятался от мысли о том, что это недопустимо и внутри Китая, и на международной арене.

После наполеоновских войн Британия направила другую миссию в Китай под руководством лорда Амхерста, еще раз попытавшись учредить постоянное посольство в Пекине, открыть порты для торговли и в целом добиться дальнейших торговых уступок от китайцев (С. 48). Однако Амхерст оказался еще менее успешен, чем его предшественник лорд Маккартни (С. 48–49). Переговоры относительно церемонии коутоу были краткими и неприятными. Амхерст напрочь отказался совершать такие жесты, выражающие почтение, хотя китайские официальные лица настаивали на утверждении, что Маккартни выполнил церемонию. В результате Амхерст немедленно был выслан из Пекина, даже не увидев императора. Официальный историк посольства сэр Генри Иллис назвал действия китайцев «беспрецедентной наглостью» (С. 49).

Амхерст, как и Маккартни и Титсинг, оставил на долю других сотрудников посольства все описания этой миссии.

Один из них отрицал существование (такого факта, как) умерщвление младенцев. Этот купец Абель, сопровождавший миссию, постоянно выказывал восхищение тем порядком, который Китай установил над обширным районом в форме деспотического правления, и эффективностью строительства дорог и каналов. Таким образом, в данном случае превалировали более благожелательные взгляды, которые все еще существовали, наряду со стремительно возраставшими враждебными чувствами (С. 49).

Хирург доктор Джон Маклеод остро враждебно относился к Китаю. В 1816 году он был на корабле с миссией Амхерста. Кораблю отказали в причале в Кантоне после посещения Кореи и Формозы (С. 49).

С точки зрения этого автора, китайцы реагируют только на силу. Он констатировал: «Полумеры представляются плохим методом во всех случаях, особенно когда речь идет о нецивилизованных народах...» (С. 50) Вместо церемонии коутоу Маклеод рекомендовал будущим миссиям в Китай применять «удары по башке» (С. 50). Маклеод свидетельствовал, что Ансон дал такой же совет Западу ранее (С. 50).

«Терпение (воздержанность) и ошибочная снисходительность более великих цивилизованных стран, — предупреждал он, — придает храбрости этим дикарям. Причем не только с тем, чтобы

рассматривать всех европейцев как варваров, но фактически и третировать их как таковых» (С. 50).

В книгах иностранцев, побывавших в Китае, появилось утверждение о том, что добиться договоренности с китайцами, установить нормальные торговые и иные отношения можно, только применив силу. Терпение и снисходительность не дадут желательных результатов.

Иными словами, иностранцы приходили к выводу, что поведение властей Китая было настолько враждебным, что это требовало применения силы в целях достижения с китайскими властями договоренностей на основе равноправия. Сила виделась при этом как рычаг, позволявший добиваться равноправия. Такой была реакция иностранцев на неравноправие, проявленное властями Великой Цинской империи.

Работе Маклеода присущи два других важных аспекта. Вплоть до того времени, когда миссионеры-протестанты прибыли во множестве, он был единственным автором, который открыто и со всей серьезностью поставил вопрос о статусе Китая как цивилизованной страны. Бэрроу лишь намекал на это. Согласно мнению Маклеода: «Китайцы... являют собой мрачный пример извращенности человеческой природы; они демонстрируют собой такой народ, который на протяжении неких двух тысяч лет жил в обстановке первых лучей восхода, проблесков цивилизации и в результате состояния, когда были явлены некие узколобые (узкие, ограниченные) принципы, так никогда и не превратился из рассвета в полноценный солнечный день. Однако, исходя из глупых предположений, считая себя венцом творения, и при абсурдной тирании, сковывавшей человека по рукам и ногам там, где дело касается человеческого понимания, делая это путем запрета каких-либо инноваций и улучшений, Китай (по мнению китайцев) может и должен быть в настоящее время величайшей нацией в мире» (С. 50).

Люди, которые писали о Китае, в частности Маклеод, задумались над вопросом о том, является ли Китай цивилизованной страной. Понятие цивилизации представлялось им при определенных условиях применимым ко всем частям человечества. Исходя из своего понимания цивилизации, они относили страны либо к цивилизованным, либо к нецивизованным.

Побывав в Китае, Маклеод первым усомнился в том, что Китай является цивилизованной страной. Так было выдвинуто положение о том, что понятие цивилизации, цивилизованности разделяет иностранцев, европейцев, людей Запада, включая США, и китайцев. Нецивилизованность китайцев при этом, с точки зрения Маклеода, выражалась и в том, что они, китайцы, исходили из глупых предположений, считали себя, то есть китайцев, в отличие от некитайцев венцом творения. Это означало, что образу мыслей китайцев, с точки зрения Маклеода, были присущи национальный эгоизм, национальный эгоцентризм, мысль о превосходстве китайской нации, своего рода «расовое превосходство» китайцев над людьми всех остальных наций.

Одновременно китайцы не возражали против жизни в условиях абсолютной тирании или деспотии, будучи скованы по рукам и ногам там, где речь шла о каком бы то ни было творчестве и о нововведениях, об улучшении жизни человека, людей. Китайцы, будучи именно такими, одновременно считали себя величайшей нацией в мире.

Итак, с одной стороны, китайцы не были цивилизованны, с другой стороны, они не протестовали против существования в условиях тирании, и при всем при этом, с их точки зрения, Китай мог и должен был быть «в настоящее время величайшей нацией на Земле».

Отсутствие цивилизованности, с точки зрения европейцев, сочеталось с претензиями на роль величайшей, то есть главной и господствующей нации на планете. Господство нецивилизованной нации — вот будущее человечества, если бы оно попало под господство китайцев. Вероятно, что к таким мыслям приходили Маклеод и другие иностранцы.

Позднее миссионеры-протестанты поставили под вопрос статус Китая как цивилизованной страны по той причине, что Китаю недоставало открытия слова Божия. Однако Маклеод пришел к такому же заключению, потому что китайцам недоставало западной концепции прогресса, при которой ценились торговля (коммерция) и постоянные нововведения (инновации). Осуждение статичного положения Китая и его ориентации на прошлое в возрастающей степени превалировало по мере продвижения XIX века вперед, особенно среди американских купцов. Ведущие апологеты китайской цивилизации, такие как Ван Браам, Стонтон и Абель, были теперь традиционалистами, которые восхищались китай-

ским акцентом на древних обычаях и инстинктивно симпатизировали строго управляемому аристократическому обществу в Китае (С. 50).

По иронии судьбы в XVIII веке жили такие новаторы, как Вольтер, Лейбниц и Уильям Темпл, которые в целом восхищались Китаем (С. 50–51).

Прогресс, торговля, нововведения — вот то, что представлялось, в особенности купцам, отражением и выражением главных тенденций в их мире в XIX веке.

В Китае они осуждали и его статичное положение, а также его ориентацию на прошлое.

Попутно отметим, что и до сих пор в Китае продолжают, уже в новых условиях, говорить о «великом возрождении великой нации Китая». Так поддерживается существование мысли о превосходстве нации Китая, которое якобы существовало в прошлом в мировой истории.

Иностранные дипломаты при этом иной раз оказывались своего рода традиционалистами, консерваторами, потому что они восхищались именно упором в Китае на древние обычаи и инстинктивно симпатизировали строго управляемому аристократическому обществу в Китае. По сути дела, это было сочувствие «порядку», «стабильности», «устойчивости», а на самом деле самовластию, самодержавию, феодализму и фашизму в их нынешних формах в современном мире, прежде всего в Китае.

Так в Китае, в воззрениях иностранцев на Китай сталкивались прогрессивные и регрессивные суждения. В двери Китая стучался прогресс. Китай не хотел открывать эти двери и при этом претендовал на то, что система управления населением, обществом, то есть политический режим, существующий в Китае, якобы был наилучшим во всей мировой истории. Тут имели место и предубеждения, и несовместимость представлений обеих сторон о «правильном» и «неправильном» поведении китайцев и иностранцев в отношении друг друга. Эти части человечества начинали знакомиться, но при этом пока выяснялось в большей степени то, что их разделяло, а не соединяло. Так постепенно вызревал конфликт между китайцами и остальным человечеством.

Другая значительная черта книги Маклеода состояла в том, что он, как и Бэрроу, кажется, предвещал современные расист-

ские позиции (взгляды). Рассуждая о синофилах в Европе, он делил их на две группы. Одна... восхищалась китайцами на том единственном основании, что привычки у них неизменны, что они преданы своим древним обычаям. Другая группа, состоящая из синофилов, приписывала подозрительность, низость, мошенничество, глупое высокомерие и все иные дурные качества китайцев их порочной власти. Эти люди были в достаточной степени глупы, чтобы верить в то, что, изменив власть, китайцы станут «веселым, цивилизным, производительным и честным народом». В то же время он предостерегал, что у характера, присущего китайцам, имеются глубокие корни и что явно похоже на то, что сама власть в Китае — это продукт «природного дефекта», присущего народу Китая. Здесь Маклеод не только предвидел теорию генома культуры, но и утверждал, что всякий, кто не видит Китай в таких характеристиках, был синофилом (С. 51).

У иностранцев, изучавших Китай, пытавшихся составить собственное представление о Китае и донести его до людей в своих странах, возникал трудный вопрос о том, почему у китайцев имеются такие дурные качества, опасные для остального человечества, почему им присущ такой характер. И здесь приходила в голову мысль о том, что все это идет «от природы», от заложенного самой природой дефекта культуры китайцев.

Вплоть до настоящего времени ответа на этот вопрос нет. Можно говорить об иррациональности поведения Мао Цзэдуна и его последователей. Однако исчерпывающего или убедительного объяснения их поведения нет. Приходится просто считаться с тем, что Мао Цзэдун и его последователи вели и ведут себя именно так, а не иначе, и приспособливаться к этому, реагировать на это, защищать свое человеческое достоинство при встрече с этим.

Последняя и самая важная из работ о Китае, произведенная миссией Амхерста, была журналом-дневником сэра Генри Иллиса. По частоте ссылок редакторов американских журналов до Опиумной войны она уступала только докладам Бэрроу и Стонтонна.

Мнение автора о китайском обществе было точно так же низким (С. 51). Он мало что добавил к мнению предшествующих синофобов (С. 51–52).

Иллис критично оценивал деспотичную форму правления в Китае. Это была та тема, которая действительно разделила на два лагеря авторов-дипломатов. В памяти каждого из них все еще был шок от французской революции. Такие люди, как Маккартни, Стонтон, Андерсон, Ван Браам и Абель, восхищались эффективностью, с которой Пекин контролировал огромную массу китайцев. Иллис не принял это. Он пришел к выводу о том, что китайский абсолютизм зашел слишком далеко и степень, до которой человек «оказывался в зависимости от милости или каприза деспота» и даже самого мелкого чиновника, неприемлема «для любого цивилизованного человека» (С. 52).

Иллис зачастую ясно давал понять, что он рассматривает китайцев как полуживилизованную или полуварварскую нацию. Сардонически он принимал утверждение синофилов о том, что Кантон не представляет собой истинную картину Китая, добавляя, что его путешествие во внутренние районы убедило его, что кантонцы были более продвинуты, чем (другие) китайцы где бы то ни было еще, в силу их контактов с цивилизованными европейцами! Однако в каждой из частей Китая люди и их культура были «ниже на много градусов по сравнению с цивилизованной Европой во всем том, что создает подлинное величие нации» (С. 52).

Иллис также не принимал ссылку на классовые различия с тем, чтобы смягчить свою критику. Например, в ходе дискуссии по вопросу о личной гигиене китайцев он настаивал на том, что «ужасный неприятный запах (вонь), присущий им персонально», исходит от мандаринов так же, как и от кули (С. 52).

В своем заключительном анализе Иллис назвал китайцев теми, кто лишен и того, и другого: «утонченности и комфорта цивилизованной жизни» и «дикого (природного) интереса, присущего большинству полуварварских (полудикарских) стран». Он делал вывод с явным вызовом (презрением): «Если бы не... пустячное удовлетворение, возникающее из-за того, что мне довелось быть одним из немногих европейцев, которые посетили внутренние районы Китая, я бы считал время, которое пролетело, ушедшим безвозвратно» (С. 52).

В труде Иллиса подчеркивалось, что для любого цивилизованного человека неприемлема та степень, до которой человек оказывался в зависимости от милости или каприза деспота и даже самого мелкого чиновника. Таким образом, именно вопрос об уважении

к человеческому достоинству, к человеческой личности, отрицание деспотизма, самовластия — вот то, что разделяло европейцев и китайцев, в первую очередь власти Китая.

Итогом русской миссии в Китай в 1821 году явилась книга о своем путешествии Георгия Тимковского, опубликованная в 1827 году.

По сути дела, это не была миссия в полном смысле этого слова, поскольку русским было разрешено с 1728 года постоянно иметь шесть священников и четырех «прислужников (служек)» в целях размещения русской церкви в Пекине и для изучения китайского языка. Русским было разрешено вести торговлю только на суше, и размещение русских в Пекине представляло собой не постоянное посольство в нормальном смысле, а грубый эквивалент иностранных учреждений в Кантоне. Тем не менее книга Тимковского воспринималась американскими издателями скорее как высказывания дипломата, нежели купца. А ее автора видели как важный источник сведений (идущих) изнутри Китая, поскольку он провел целый год в Пекине и показал дополнительные знания о районах Монголии и китайских регионах, граничащих с Сибирью. По сути дела, Тимковский повторил те же самые критические соображения, которые были присущи другим авторам-дипломатам. Поскольку несколько американских купцов утверждали, что Китай и Россия одинаково являются деспотиями, причем в одной деспотии управляют бамбуком, а в другой дубиной, интересно отметить, что этот русский дипломат со всей остротой осуждал жестокие законы, палочную дисциплину и применение бесчеловечных пыток в Китае. Суждения Тимковского относительно Китая были, однако, менее критичны, чем думали об этом несколько американских наблюдателей; один обвинял его в клевете на китайцев, а другой в попытке «подтвердить мнение Бэрроу о моральной неполноценности (низости) этой страны» (С. 53).

Важно отметить, что записки русского дипломата Тимковского были изданы на Западе и оказали свое влияние на восприятие там китайцев. Тимковский был знатоком Китая. Он со всей остротой осуждал жестокие законы, палочную дисциплину и применение бесчеловечных пыток в Китае. Таким образом, в этом отношении все иностранцы придерживались одинаковых взглядов.

Впечатления Джона Дэвиса от 1836 года, хотя они и появились позднее, нельзя опустить при обозрении факторов серьезного влияния на мнение американцев о Китае. Его работу можно сравнивать с трудами Стонтона и Бэрроу, если судить по дискуссии в американских журналах на протяжении большей части XIX столетия, и все это публиковалось в десятках изданий по обе стороны Атлантики. Дэвис прибыл в Китай в составе миссии Амхерста, остался там в качестве официального представителя Ост-Индской компании и вошел в состав неудачной миссии Напье в 1834 году. В то время Китай все еще отказывался принимать профессиональных дипломатов, кроме как в качестве части специальных посольств. В миссиях, которые функционировали в этот промежуток, имелись лишь спикеры в интересах купцов, которые действовали по национальному признаку. Неопределенный статус Напье и привел к провалу его миссии в 1834 году. С окончанием чайной монополии Ост-Индской компании (компании Восточной Индии) британцы попытались нанять Напье в качестве официального посла; однако китайцы хотели принять его только как торговца, как прежде всего спикера от имени группы торговцев и только во вторую очередь как дипломатического клерка.

Описание Китая Дэвисом было эклектичным и пестрым (С. 53).

Его финальным выводом было следующее: китайцы не в полной мере заслуживают той серьезной критики, которая обращена в их адрес европейцами; их «недооценивают или скорее им нечестно приписываются определенные моральные качества». Дэвис, однако, соглашался с тем, что в общении с китайцами эффективным методом является только сила. Адмирал Дрюри и лорд Напье, в частности, игнорировали этот урок, что усилило «высокомерие китайцев» (С. 54).

Дэвис также подтверждал вывод о том, что в общении с китайцами эффективным методом является только сила.

Рассказ о дипломатах, участниках дипломатических миссий в Китай, которые оставили свои воспоминания об этих путешествиях, можно завершить обращением к тому, что было выпущено в свет двумя членами миссии под руководством Робертса, которую президент США Джексон направил в Азию в 1832 году.

По сути дела, это был первый шаг правительства США с целью начать действовать в этом районе земного шара.

Итак, свои воспоминания оставил прежде всего сам Робертс.

Робертс руководил миссией, направленной президентом США Джексоном в несколько азиатских королевств в 1832 году.

Робертс оспаривал утверждения других дипломатов о том, что тирания в Китае дает такой результат, как порядок и спокойствие. Он писал, что, напротив, «почти ежедневно на самых видных местах в Кантоне и его окрестностях появляются бросающиеся в глаза объявления об убийствах, бунтах, грабежах, шокирующих и противных природе человека преступлениях или похищениях детей, убийстве новорожденных, самоубийствах, то есть обо всех тех зверских и противных природе преступлениях, о которых мир когда-либо слышал или читал» (С. 54).

Более в манере протестантских миссионеров Робертс не только выражал ощущение шока, но и реальное негодование в связи с поклонением идолам и пороками, которые он обнаружил в Китае (С. 54–55). «Они живут без Бога и отделены от духовной жизни, поклоняются делу своих рук, позоря человеческий разум», — гневно возмущался он (С. 55).

Здесь обращает на себя внимание различие во взглядах на Китай европейцев и американцев того времени.

Европейские дипломаты или их часть, очевидно под воздействием бурных событий в Европе, страшась революций, руководствуясь стремлением к покою и порядку, иной раз оправдывали тиранию в Китае, считая ее залогом порядка и спокойствия.

Американец Робертс, чья страна возникла в результате восстания против колониальной зависимости от англичан, обращал внимание на то, что тирания в Китае есть, а порядка нет. Более того, в Китае совершаются зверские и противные человеческой природе преступления.

Не менее важным представляется и то, что в основе взгляда на Китай у этого американца, представителя президента Америки, лежали те общечеловеческие ценности, которые для христиан в Америке неотделимы от Бога. Робертс считал, что китайцы находятся в отрыве от духовной жизни, поклоняются делу своих рук, позоря человеческий разум.

Таким образом, американцы, власти США, такой их представитель, как Робертс, исходили из того, что в основе знакомства, взаимопонимания и установления нормальных отношений должны лежать общечеловеческие ценности, духовная совместимость, а не прихоть отдельных правителей, тем более тиранов и деспотов.

Наконец можно остановиться на писаниях Рашенбергера, которые можно назвать дипломатическим отчетом только в пограничном смысле. Он служил хирургом на корабле миссии Робертса. Как и Маклеод, он не был профессиональным дипломатом. Однако принимал участие в дипломатической миссии. В США он пользовался высокой репутацией. Более того, он был тем единственным американцем в Китае, который видел Небесную империю с чувством достаточного космополитизма и в более широкой перспективе. Например, согласно его наблюдениям, не было медицинских противопоказаний, запретов есть кошек и собак. «Действительно, если искусство кулинарии принимается в качестве критерия цивилизованности нации, я должен буду проголосовать за китайцев как самый цивилизованный народ на Земле». Рашенбергер был почти единственным американцем своего времени, осознающим реальную ценность китайской кухни (С. 55).

Профессор Миллер, очевидно, разделяет мнение Рашенбергера, который, по мнению Миллера, был в свое время тем единственным американцем в Китае, который видел Небесную империю с чувством достаточного космополитизма и в более широкой перспективе.

Итак, речь шла о космополитизме и перспективе, то есть об умении понимать то полезное, что существует и развивается в интересах или в составе человечества в целом, и исходить из того, что будет происходить с человечеством в далеком будущем.

С точки зрения Миллера и Рашенбергера, необходимо понимать все то в Китае, что можно принять с таких общечеловеческих позиций. А также исходить из того, что в перспективе, в том числе в далекой перспективе, Америке и Китаю так или иначе, но все равно придется сосуществовать на нашей планете.

В принципе это разумная точка зрения. Весь вопрос в том, как оценивать воззрения властителей государства на китайском континенте и при этом понимать, что существует необходимость сохранять человеческое достоинство американцев, русских, всех других

наций, особенно тогда, когда на него так или иначе посягают последователи политики Мао Цзэдуна.

Что же касается китайской кухни, то здесь снова можно вспомнить уже приводившийся пассаж о том, что китайцы могут гордиться тем, что они «изобрели» чай (кстати, первые представители Китая, побывавшие в России, говорили о русских: *хэ цзю бу чи ча* — «они пьют вино, но не вкушают чай»). К этому можно добавлять и китайскую кухню, и китайскую медицину. Да мало ли что еще хорошего, созданного китайским народом за историю его существования и жизни. Все то, что идет на пользу человечеству, — это общий вклад в культуру и историю человечества. Здесь каждый народ и каждая страна вносят и разнообразие, и свои достижения.

Рашенбергер ратовал за тесное сотрудничество между британцами и американцами в Китае, выражая благодарность за симпатию британских резидентов и их гостеприимство. Однако он чувствовал, что «каким бы тесным ни было их общение, социальные связи и индивидуальная дружба», американцы придерживаются сепаратного (своего отдельного) курса, основанного на их коммерческих и национальных интересах. Фактически это была мягкая критика в адрес лорда Напье и того, что Рашенбергер рассматривал как психологическую подготовку к войне британцев против Китая (С. 55).

Здесь важно обратить внимание на то, что американцы с самого начала стремились осуществлять политику в отношении Китая, руководствуясь прежде всего своими коммерческими и национальными интересами. Это означало, что американцы искали с китайцами взаимопонимание на двусторонней коммерческой и торговой основе. А также что они отделяли двусторонние американо-китайские интересы от интересов других стран, прежде всего англичан. Здесь также просвечивает такая мысль, что американцы видели, что британцы сползают к войне с Китаем. Американцы предпочитали оставаться в стороне от такой войны и доводили до китайцев такую свою позицию.

При всем при этом американцы считали необходимым и важным для себя тесное общение, социальные связи и индивидуальную дружбу с англичанами в Китае. На протяжении определенного времени у иностранцев в Китае в том или ином случае возникала

необходимость совместно отстаивать общие или совпадавшие интересы.

Несмотря на образованность Рашенбергера и его космополитичность, его выводы резко отличались от выводов Робертса и во многих отношениях от выводов Бэрроу, Иллиса и Маклеода. Он писал о китайцах:

Это тот народ, который разрушает сделанное его же предками; это та нация, внутри которой самые постыдные преступления являются обычным делом; ...где торговец надувает и своего соотечественника, и иностранца; где знание языка — это самая дальняя граница (пределы) науки; где язык и литература несколько не адекватны обычным целям жизни, они остаются на протяжении веков без улучшений; где хранители морали — это люди без чести или честности; где правосудие продажно до такой степени, которой нет примеров на всей Земле; где великий законодатель Конфуций, столь почитаемый, оказывается недостойным того, чтобы его прочитали, если мы не будем искать здесь оправдание в бедности его писаний, принимая во внимание невежество того времени, когда он жил; где вся цепь человеческих существ, от императора до самого низкого его вассала, живет, обманывая и мучая друг друга» (С. 55–56).

Иностранцы, в том числе Рашенбергер, многое замечали в Китае. Они давали всему этому свою оценку. При этом исходили из своих прежде всего нравственных представлений и своей системы ценностей.

В целом оказывалось, что иностранцам при знакомстве с Китаем и китайцами пришлось самым внимательным образом присматриваться к порядкам, образу жизни в Китае, к политике властителей Китая внутри страны и в то же время отделять свои наблюдения о внутренней жизни в Китае от своих же представлений и заинтересованности той или иной страны в двусторонних отношениях с китайцами и их государством.

В целом взгляды этих дипломатов являются параллельными и темам, по которым высказываются критические мнения, и расхождению во мнениях, которые возникли, исходя из опроса купцов (анализа всей совокупности сообщений купцов о Китае). Только Андерсон и Абель попытались полностью отрицать какую бы

то ни было ценность главных критических соображений людей Запада, когда те осуждали китайцев. Другие, то есть Стонтон, Ван Браам и Дэвис, к сожалению, приняли эти обвинения и относили их либо на счет ностальгии по Кэфэю (романтическое старое наименование Китая) времен своей молодости и юношеского воображения, либо на счет реалистических аргументов относительно универсальности пороков, коррупции и гнета. Некоторые гневно осуждали морально китайцев, что редко встречалось у купцов. Только Тимковский не проявлял эмоций и сожалений ностальгического порядка. Хотя по своему тону работы дипломатов и походили на писания миссионеров, дипломаты и миссионеры различались в главном: даже самый критически настроенный дипломат, за единственным исключением Робертса, выражал великое уважение религиозной толерантности Китая и его религиозного равнодушия (безразличия, индифферентности) (С. 56).

Итак, профессор Миллер считает, что у иностранцев существовали два взгляда: либо великое уважение религиозной толерантности Китая, либо мнение о религиозном равнодушии, безразличии, индифферентности Китая.

Это действительно вопрос, на который либо невозможно найти ответ, либо можно ограничиться поисками ответа. То, что в Китае в 1949 году к власти пришла Коммунистическая партия Китая и она остается у власти почти семьдесят лет вплоть до настоящего времени, показывает, что население Китая оказалось готово либо принять, либо воспринять правление коммунистов с их атеизмом.

Может быть, китайцы всей своей историей, особенно бесконечными войнами, оказались приучены к тому, чтобы заботиться прежде всего индивидуально о себе, своем выживании и существовании, то есть заняты борьбой за жизнь; они приучены равнодушно относиться к религии.

В XIX веке в Китае была большая религиозная война, Тайпинское восстание, но и это скорее была междоусобица в среде ханьцев, хотя и окрашенная в некие цвета христианства, однако при мысли о том, что китайское христианство не подчиняется никакой внешней или иностранной власти или силе.

Повторим, что китайцы заняты прежде всего вопросом о выживании, индивидуальном выживании. Они эгоисты, в том числе и в отношении религии. Они ведут борьбу в индивидуальном, а иной раз и в общем порядке за свою жизнь, за свое выживание.

Случилось так, что в Китае идея высшей силы, идея бога, который выше всего, выше правителя государства, не нашла ни восприятия, ни притягивания.

В то же время иностранцы, как это видится в настоящее время, ошибались, принимая отношение китайцев к религии за толерантность. В особенности нынешние власти КПК — КНР стремятся все китаизировать: духовную жизнь, религию, идеологию и даже население других стран. Мысль о сплоченности нации, о главенстве понятия нации, о навязывании нацией Китая своих правил всему человечеству — вот то, что заменяет и подменяет религию в современном Китае. КПК допускает существование религий в КНР исключительно с целью использовать это в качестве рычагов, позволяющих правящей партии контролировать последователей той или иной религии. Пример с фалуньгун, то есть с возникшей отдельно от государства религией, которую власти сначала допустили, рассчитывая использовать и ее в целях строительства социализма, а затем запретили, показывает суть политики КПК в отношении религии.

МИССИОНЕРЫ

Кроме купцов или торговцев, а также дипломатов свой существенный вклад в формирование в сознании американцев представления о Китае, образе Китая внесли миссионеры-протестанты; их деятельность в Китае практически на протяжении почти всего XIX века, с 1807 по 1870 год, и их сообщения для жителей США о Китае на протяжении всего этого периода.

У купцов была материальная заинтересованность. Этим во многом определялись их деятельность и их взгляды на Китай, а также их доклады о Китае, о том, что происходило в их взаимоотношениях с китайцами. Это главным образом сфера общения в области практической жизни, так сказать, «простых людей».

Дипломаты, в те времена прежде всего европейские, а не американские дипломаты, исходили, очевидно, из государственных интересов в понимании столиц направлявших их государств. Это, как и доклады купцов, помогало постепенно составлять представление как о поведении китайцев, в том числе китайских чиновников, представителей власти, так и о практике взаимоотношений «государственных людей», иностранцев с китайцами.

А вот миссионеры — это нечто в каком-то смысле несколько иное. Здесь не было прямого материального интереса. Здесь не главенствовали практические государственные интересы той или иной страны. Здесь речь шла об основе основ, то есть о соотношении духовного мира иностранцев, в частности и прежде всего протестантов из Америки, и китайцев, о нравственных, духовных ценностях. В реальной жизни оказалось, что, с точки зрения властей Китая, речь шла о своего рода «покушении» неких миссионеров из-за рубежа на привычные, устоявшиеся веками и тысячелетиями представления о духовной жизни человека, общества в Китае.

И действительно, миссионеры хотели они того или не хотели, но представляли свободных людей нового мира того времени, американцев, при их знакомстве с подданным империи, несвободными людьми, в той или иной степени рабами старого мира, каким явился перед ними тогдашний Китай.

Профессор Миллер знакомит читателей с главными направлениями протестантской мысли, когда дело касалось процесса знакомства иностранцев с китайцами, «узнавания» китайцев иностранцами, взаимопонимания между ними.

Преподобный Роберт Моррисон прибыл в Китай в 1807 году, он открыл новый канал прямой (непосредственной) информации об этой нации. Протестантский миссионер (миссионер-протестант) явился третьим «хранителем врат» и тем, кто владел (руководил, командовал) самой широкой аудиторией в Америке. Дело не только в том, что миссионеры опубликовали чрезвычайно много книг и статей в журналах о Китае и о своем опыте, но и в том, что у них имелись периодические издания, ценность которых увеличивалась еще более широкой религиозной прессой и значительным числом церковных кафедр, с которых они пропагандировали свои взгляды на Китай (С. 57).

До 1840 года в Китае находились только двадцать миссионеров-протестантов, включая двух наборщиков-печатников и учителя. Так писал профессор Латурет, чья энциклопедическая работа является великолепным путеводителем по их деятельности. Громада докладов, журналов и книг, которую произвела на свет эта группа, по-разному влияла на формирование в Америке образа китайцев (С. 57).

Кеннет Латурет разделял свои работы на «популярные и полупопулярные».

Публикации в американских газетах были чрезвычайно многочисленными.

Самой важной в Нью-Йорке была газета «Панплист», а с 1812 года «Мишнару геральд».

В Кантоне издавалась газета «Чайниз репозитори» с 1832 по 1851 год. Распространялась в Китае и в США.

Вероятно, значительным является тот факт, что первый протестантский миссионер Роберт Моррисон из Лондонского миссионерского общества отправился в Кантон в 1807 году через Нью-Йорк, а не прямо из Лондона. Энтузиазм в этом деле был больше в США, чем в Англии (С. 58).

Все это приводит к выводу о том, что протестантские миссионеры в Китае явились продуктом религиозной культуры и такого социального движения (перемещения людей), которое преодолевало национальные границы на Западе. Они

(миссионеры) представляли собой часть трансатлантических настроений в XIX столетии, что и породило «Армию спасения» и Христианскую ассоциацию молодых людей, а также движение борьбы против рабства, за права женщин и трезвость и плюс к тому распространение Библии в языческих странах (С. 60).

Миссионеры-протестанты, которые появились в Китае в начале XIX века, имели ряд особенностей.

Они, конечно же, были своего рода пропагандистами своего учения, своей веры.

Это была одна из ветвей христианства, а именно протестантизм.

Одновременно они были своего рода интернационалистами своего времени. Они были представителями такого перемещения людей, такого социального движения, которое преодолевало национальные границы на западе и даже движения с запада на еще более дальний запад, чем в определенном смысле оказался для миссионеров и Китай. Это означало, что их деятельность не сковывалась и не ограничивалась рамками их «принадлежности» США. Они несли в Китай целый комплекс идей. Впоследствии это вылилось в появление и деятельность «Армии спасения» и Христианской ассоциации молодых людей.

Они боролись:

- против рабства,
- за права женщин,
- за трезвость.

Свою задачу они видели и в распространении Библии в странах, которые, с их точки зрения, были языческими. Таким образом, их духовный или идейный багаж был обширным. Поэтому и их деятельность была многогранной.

Жорж Дантон полагал, что подавляющее большинство миссионеров были столь же примитивны, как и китайцы, которых они обращали в свою веру, применяя такой «тип пропаганды, который был лишь “на чуточку” более попытки заменить одни суеверия (религиозные предрассудки) другими» (С. 60).

По этой причине, продолжал свои рассуждения Дантон, они добивались успеха в обращении в свою веру лишь тех китайцев, у которых были серьезные психологические проблемы, по крайней

мере на ранней стадии прозелитизма (обращения в свою веру, появления новообращенных) (С. 61).

Однако утверждения Дантона были (в случае с попытками изгнания дьявола) чрезмерными. Представляется, что провинциализм скорее (в большей степени), чем замена одних предрассудков другими (одних суеверий другими), описывает (дает понимание) концепцию Китая и китайцев с точки зрения миссионеров (С. 61).

С чем же приходили в Китай миссионеры-протестанты?

«Та цивилизация, которую Евангелие даровало нашей Новой Англии, — это самая высокая и лучшая цивилизация, какую только видел мир» — так заявляли некоторые миссионеры. Восхищение Китаем, которое выражали миссионеры-иезуиты более века тому назад (по сравнению с XIX веком), совершенно отсутствовало в комментариях более поздних миссионеров-протестантов. Самые теплые чувства, которые могли выражать (производить) последние, — это своего рода патернализм по отношению к китайцам, видение китайцев как «детей тьмы», осуждение тех душ, которые были неспособны выдержать испытания, проверку их решимости спасти самих себя. Этот провинциализм наилучшим образом нашел свое выражение в том изначальном шоке, который американские миссионеры испытали, оказавшись перед лицом такого общества, в котором «само имя нашего Спасителя не одобрялось, если не было ненавидимо миллионами». Этот автор, кажется, не был готов столкнуться с язычеством в такой степени. «Целые города отданы во власть идолопоклонства!» — восклицал Элиа Бриджмен с интонацией неверия (неправдоподобия) (С. 61).

Профессор Миллер говорит о провинциализме американских миссионеров-протестантов в Китае. Очевидно, что при этом он имеет в виду ограниченность миропонимания этими миссионерами, которые не видели всей «широты» мира, планеты, сводили огромный необозримый разнообразный мир к «одной ограниченной его частице — провинции» — и в то же время считали, что их воззрения должны быть воззрениями всех, с кем им доведется встретиться на Земле.

Уверенность в своей «правоте», в своей «правде» была присуща этим миссионерам. Это могло играть свою роль, помогало обращению некоторых китайцев в христианскую веру.

В то же время здесь присутствовало некое «снисходительное отношение» иностранцев по отношению к китайцам.

В этом, кстати, проявилось отличие от миссионеров-иезуитов, то есть католиков, которые начали свою проповедь в Китае за век до того, как туда прибыли миссионеры-протестанты.

Иезуиты осознанно или неосознанно попытались «проникнуть» в души китайцев, добиться их благосклонности и согласия с догматами католической религии, потакая представлениям китайцев о своей культуре, о своей цивилизации, о своей истории, о самих себе как о высшем достижении человеческого рода на Земле. Отсюда и восхищение иезуитов перед Китаем и китайцами.

Католицизм проник в Китай. До сих пор в Китае имеются католики. В то же время католицизм не «овладел» населением Китая. Он не уподобился в этом смысле буддизму, не стал, подобно буддизму, «семейной религией» китайцев.

Протестанты пришли с иным настроением. Они видели себя «бойцами идеологического фронта», теми, кто несет свет. Они относились к китайцам, которые не воспринимали их учение, как к «детям тьмы».

Они с самого начала считали, что вокруг них живут в Китае «заблудшие овцы». Они негодовали, заявляя, что «само имя нашего Спасителя не одобрялось, если не было ненавидимо миллионнами».

Таким образом, явление миссионеров-протестантов в Китае было своего рода попыткой привнести в Китай иную идеологию, религию, учение, причем с позиции превосходства этой идеологии, религии, учения над тем, что уже было у китайцев. Это была попытка неравноправного отношения к китайцам. И по этой причине она была обречена на провал.

Протестантизм в определенной степени укоренился в Китае. До сих пор там есть десятки миллионов верующих. Однако он не стал общепринятым, не овладел большинством населения в Китае.

Первые миссионеры-протестанты были ошеломлены и количеством людей, живущих в Китае, и числом китайцев, которые поклонялись своим идолам и не принимали христианской веры.

Эти две волны христианства — католичество и протестантизм — пришли в Китай в XVII–XIX веках, в какой-то степени проникли в гущу китайского населения.

История показала, что иностранные верования, религии, учения, идеологии или отвергаются китайцами, или на время и в

определенных формах и с определенными целями (в интересах правящей в КНР Коммунистической партии Китая) используются в современном Китае. Однако при этом происходил и происходит процесс китаизации этих религий и идеологий. Сначала это произошло с христианством, затем с марксизмом. Китайцам оказывается нужным или китайцы стремятся использовать в своих целях только то, что они китаизируют, превращают в свое китайское, в собственность и принадлежность нации Китая. Так произошло с религиями. Так произошло с марксизмом.

Изначальный шок миссионеров, прибывавших в Китай, не испарился по мере продолжения (девятнадцатого) столетия дальше. Очевидно, что их провинциальность не допускала того, что все сообщения, которые отправляли домой пионеры-протестанты, готовили их к встрече лицом к лицу с «империей сатаны (империей дьявола)» (С. 62).

Их первые доклады (сообщения) друзьям и в религиозные газеты продолжали отражать тот шок, когда у них перехватывало дыхание, когда они испытывали ужас, когда их охватывало чувство беспомощности, неверия в то, что происходило прямо на их глазах. В 1850 году семейная пара, муж и жена, оба миссионеры, писала: «Наше пребывание в этой очень далекой стране привело нас к прямому контакту с язычеством. Языческие монстры смотрят нам прямо в лицо и бросают вызов нашей силе. Никогда ранее мы не желали столь страстно, чтобы у нас было то красноречие, которое заставляет сдвигаться с места, те способности производить слова, которые жгут. Все наше существо потрясено тем, что мы обнаружили себя совершенно новыми (неподготовленными и голенькими), в отрыве от земли Библии, воскресения и христиан, оказавшись посреди неисчислимого множества тех, кто не боится и не знает того Бога, которого мы любим и которого мы обожаем» (С. 62).

Здесь появляется термин «империя дьявола» или «империя сатаны» применительно к тому Китаю, с которым пришлось столкнуться миссионерам-протестантам (попутно вспомним, что в прошлом веке в Америке термин «империя зла» применялся к СССР).

Очевидно, что это вообще свойственно американцам — видеть в государствах, с которыми не удается найти общий язык или ко-

торые не согласны с общечеловеческими или представляющимися им общечеловеческими нравственными понятиями и ценностями, договориться об общечеловеческих нравственных ценностях и понятиях, то «зло», того «дьявола», с которым американцы несовместимы, против которого они должны бороться, защищая свою веру, свои представления, прежде всего о нравственности.

В случае с Китаем американцы сначала столкнулись с тем, что они именовали «язычеством» в Китае, или «китайским язычеством», как частью общемирового язычества, а затем с тем, что они именовали «китайским коммунизмом», «красным Китаем». Так для американцев «сатана» или «дьявол», вселившийся в китайцев издавна, тысячелетия тому назад, если не присущий им от рождения нации, затем усилился «злом» или «дьяволом» коммунизма. Перед американцами возникло «двойное зло», «двойная империя»: «империя дьявола и империя зла». При этом «зло» представляло и в традиционных представлениях китайцев, и в их трактовке коммунизма или социализма.

При знакомстве американцев и китайцев столкнулись различные, во многом несовместимые представления о порядке вещей. О том, каким должен быть человек и каким должно быть его поведение.

Это было столкновение устоявшихся тысячелетиями представлений китайцев и представлений американцев, которые считали, что именно они и представляли собой в то время высшее достижение человечества; что именно они и их идеология, их верования, их миропредставления и мировоззрение — это соединение всего лучшего в человечестве, что именно их страна являлась высшим достижением человечества к тому времени.

Миссионеры-протестанты называли китайцев язычниками, которые «не боятся и не знают того Бога, которого мы любим и обожаем». Американцев повергало в шок и то, что таких язычников-китайцев неисчислимо множество.

Попутно можно лишний раз отметить, что вопрос о численности населения так или иначе волновал и, возможно, продолжает волновать и американцев, и китайцев. В свое время Сунь Ятсен думал, что существует опасность того, что США превзойдут по численности населения Китай. Мао Цзэдун, очевидно, придавал большое значение увеличению численности населения Китая. В этом он видел залог непобедимости и торжества в конечном счете нации Китая во всем мире.

При знакомстве американцев и китайцев на территории Китая, особенно в XIX веке, возникло представление о противопоставлении земли китайцев и земли Библии, воскресения и христиан. С точки зрения верующих американцев вставал вопрос о бесконечно длительной и неимоверно трудной борьбе сначала с целью обратить китайцев в свою веру, а затем хотя бы взаимно приспособиться друг к другу.

Таким образом, представления китайцев о самих себе, представления американцев о самих себе были фактически несовместимы. Здесь предстояло понять, что никто никому ничего навязать не сможет, и вопрос не в предубеждениях, хотя именно с них и начиналось общение, а в том, чтобы понять, что все мы — китайцы и некитайцы — люди, что у нас одно место обитания — планета Земля, а потому обеим этим частям человечества необходимо искать точки соприкосновения. Искать взаимопонимание, на основе которого может рождаться взаимное доверие, которое и может, одно только оно, стать прочной основой сосуществования и сожизни на планете, на основе трех главных принципов: мира, независимости и равноправия.

Провинциальные качества (провинциализм) миссионера также проявились в его относительно наивном ожидании (надежде) того, что имеется возможность быстро изгнать сатану (дьявола) в Китае просто евангелическими посланиями, то есть «теми словами (тем глаголом), которые жгут». Когда же легкая победа не появлялась (не оказывалась) на пороге, он (миссионер) приходил к заключению, что китайцы — это нечто в гораздо большей степени злое, чем те невинные жертвы дьявола, которых можно было найти в иных языческих странах; китайцы, однако, были его (сатаны) сознательными агентами, которые получали персональное удовлетворение, благодаря тому что они бесчестили Бога, осуществляя акты идолопоклонства и безнравственности. Бесчисленные описания «оргий идолопоклонства», в которых миссионеры видели «дьявольский экстаз», представляются намеком на своего рода сексуальную сублимацию (возгонку) таких языческих обрядов. В то же самое время похотливые (непристойные, развратные) действия, осуществлявшиеся публично, описывались в таких религиозных метафорах, которые раскрывали мотивацию всего этого как деяния дьявола (поклонение дьяволу). «Девочки, едва двенадцати лет, отдавались во власть животной страсти

мужчин. Родители превращали в проституток своих дочерей; мужья своих жен; братья своих сестер — и все это они делали с дьявольской радостью». Так писал Гутцлаф (С. 62).

Разврат поглощал китайцев, которые были «подлы (низки) и загрязнены до шокирующей степени», это констатировал Вильямс в своем классическом труде «Серединное королевство» (С. 62). Молодые девушки никогда не находились в безопасности, когда они были одни; их соблазняли «картинами, песнями и прочими прелестями Афродиты» с тем, чтобы завлечь во «врата ада», совершать «отвратительные акты», — заявлял он (С. 62–63).

Преподобный Маклей видел безнравственность как то, что распространено в Китае повсеместно, и то, что не скрывается. «Ее разлагающее и унижающее достоинство воздействие распространяется (пропитывает) на все классы общества. <...> Формы этого порока, который в иных землях таится в темных местах или обнаруживается лишь в полуночных оргиях участников вакханалий, в Китае проявляется не в свете полуночи; ...эта похоть находит готовый доступ в расположение семьи, на форум и в храм» (С. 63).

Принятые в Китае, привычные для всех сословий в Китае отношения между людьми, в том числе или прежде всего в семье, особенно разделяли миссионеров и китайцев. Здесь миссионеры видели разврат, безнравственность, видели в китайцах «сознательных агентов дьявола».

Более объективно и более систематично исследующие вопросы западные обозреватели обычно и в целом описывают китайцев как чрезвычайно скромных, почти щепетильных в своей нелюбви к какой бы то ни было публичной демонстрации привязанности, любви между полами. То, что миссионеры были свидетелями публичных сексуальных оргий, подтверждает (иллюстрирует) утверждение о том, что человек действует следующим образом: не видит, а затем определяет то, что он видит, но вместо этого сначала что-то определяет, чему-то дает определение и только после этого видит то, что он уже определил, чему он уже заранее дал определение. Поэтому то, что миссионер увидел, может быть объяснено только в терминах, отражающих его заранее существующие предвзятые соображения обо всех языческих

обществах, и необходимостью иллюстрировать (подтвердить примерами) обвинительный акт, обвинение китайцев в том, что они-то и являются агентами дьявола. Следовательно, он не повторяет, не как будто бы повторяет вслед за купцами их насмешки (их смех в адрес) над идолами, которым поклоняются китайцы. Поскольку эти монстры не объясняются одними лишь религиозными предрассудками или суевериями, но тут должно бросить взгляд и увидеть дьявола, необходимо посмотреть на дьявола, чтобы воодушевиться. И действительно, само существование (сам смысл существования, основа существования) китайцев для некоторых миссионеров было осквернением или профанацией их Бога. Эта их несакральная Антанга с Вельзевулом была формализована использованием в интересах империи дракона в качестве его символа, сама форма дьявола, в которой он представлен в Апокалипсисе; это было продумано, «и действительно, этот великий монарх дикарей не мог принять никакой еще более впечатляющий вид, чтобы показать свое соответствие с “Принцем Силы Воздуха”, что работает в случае неповиновения детей». <...> И действительно, даже тогда, когда их прямо, без экивоков, осуждают за «служение принцу демонов», китайцы «не изумляются, но находят славу в этом своем постыдном поведении». Так писал Гутцлаф (С. 63).

«Простые люди», например купцы или торговцы, просто-напросто смеялись над некоторыми особенностями поведения китайцев. «Идейные люди», то есть в данном случае миссионеры-протестанты, для которых основа основ и их мировоззрения, и их поведения была неразрывно связана с понятиями добра и зла, рая и ада, Бога и дьявола, встретившись с китайцами, никоим образом не ограничивались насмешками, но искали объяснение поведения и мировоззрения непохожих на них людей Китая в обращении к мысли о том, что в Китае они столкнулись не просто с неким язычеством, но с самим дьяволом и его агентами.

Уже одна только эта мысль исключала в то время совместимость американцев и китайцев, нахождение понимания, взаимного понимания, тем более взаимного доверия.

Профессор Миллер считает, что и упомянутые купцы, и миссионеры не были объективно и систематически исследующими вопросы западными обозревателями. Кажется, что его мысль в данном случае состоит в том, что объективный и систематизи-

роанный, то есть научный подход к поведению и образу мыслей китайцев не только позволял бы и позволяет в настоящее время найти рациональное объяснение их поведения, но и создает основу для взаимопонимания американцев и китайцев.

Думается, что сам ход истории взаимоотношений иностранцев и китайцев показывает, что дело обстоит не столь просто. Все то, что профессор Миллер, очевидно, хотел бы отнести на счет предвзятости, предубеждений, предвзятости, на самом деле было проявлениями поведения, а поведение диктовалось мировоззрением, а это мировоззрение иной раз представляло не как рациональное, а как иррациональное. Таким образом, поставленные здесь вопросы пока не находят убедительного разъяснения.

По контрасту с обеими группами, то есть и с купцами, и с дипломатами, миссионеры-протестанты с презрением относились и к Конфуцию, и к его философии.

Возможно, что все это было частью того антилиберализма в процессе религиозного возрождения в XIX столетии, что зачастую имело своим результатом атаку общего характера на «свободных мыслителей», деистов и трансценденталистов. Преподобный Давид Абель объяснял «все восхищение Конфуцием и его системой» функцией «невежества» среди китайцев и «неверия» среди «более просвещенных» людей. Ирония ситуации была при этом в том, что существует малое свидетельство того, что деисты, трансценденталисты или унитаристы когда-либо обращались за вдохновением к писаниям китайского мудреца (С. 63). По крайней мере такие люди, как Джефферсон, Йозеф Пристли, Генри Эйр, Уильям Чаннинг и Теодор Паркер, не оставили ни малейших следов какого-либо интереса к Конфуцию (С. 63–64).

Миссионеры, прибыв в Китай, начав свои попытки обращать китайцев в христианство, неизбежно столкнулись с именем Конфуция и с присутствием Конфуция и его мыслей в мировоззрении китайцев. Конфуций при этом предстал перед миссионерами-протестантами в определенном смысле как некий «эрзац бога» в Китае, для китайцев. Конфуций оказался для миссионеров тем, с кем пришлось «бороться» с целью заменить его «настоящим богом».

Поэтому миссионерам пришлось задуматься над вопросом о Конфуции и выражать свое мнение о нем.

В своем исследовании влияния Востока на трансцендентализм (идею трансцендентальности) профессор Артур Кристи основывался целиком и полностью на индийской и персидской философиях и не преуспел в документальном обосновании утверждения о том, что Эмерсон использовал Конфуция в интересах своих идей относительно взаимоотношений внутри общества. Достоверно, насколько это можно увидеть, то, что немногочисленные заявления Эмерсона о Китае или о мудреце не являются проявлением восхищения. Напротив, в 1824 году Эмерсон выразил удивление по поводу того, что «наши предки (отцы-основатели США)» могли быть «взяты в плен» (попасть под воздействие) чем-либо китайским. Все, что Эмерсон смог обнаружить в китайской цивилизации, как свидетельствовал или признавался он сам, — это была «одуряющая порочность», а пиком китайской мудрости было делание (производство) чая. Более того, этот мудрец в сфере гармонии был особенно критичен в отношении Конфуция за то, что тот простил и рационально обосновал все социальные несправедливости Китая. «Однако же как я ненавижу Китай! Эту “кричаще безвкусную вазу”», — воскликнул он. Он, однако же, оставил некоторую надежду, надежду на то, что «громкая и лежащая на боку волна восточного населения» вскоре может быть «взбаламучена (приведена в движение) и очищена встречными потоками» и «отбросит ночной кошмар, который на протяжении столь длительного времени держал в оцепенении ее недвижимый ум» (С. 64).

Здесь важно упоминание о том, что американский мыслитель Ральф Уолдо Эмерсон, выражая превалявшие настроения мудрецов в Америке XIX столетия, просто, но и, очевидно, обоснованно удивлялся самой мысли о том, что «отцы-основатели» США могли быть взяты в плен или попасть под воздействие чего-либо китайского. Возможно, в какой-то степени и могло быть так. Однако представляется, что это было нечто декоративное, внешнее, кратковременное и создавшееся под воздействием неких сообщений, информации, частных мнений, но не основанное на реальном и близком глубоком знакомстве с Китаем и его реалиями.

Именно XIX век явился тем столетием, когда американцы впервые действительно и на практике начали знакомиться с Китаем и китайцами. И вот тогда-то Эмерсон и сделал вывод о том, что

всей китайской цивилизации была присуща одуряющая порочность.

Иными словами, то, что представлялось американцам пороками, составляло содержание того, что предстало перед ними в виде китайской цивилизации.

Эмерсон считал, что пик китайской мудрости — это производство чая. Здесь, с одной стороны, признавалось, что китайцы внесли этот вклад в мировую цивилизацию. С другой стороны, очевидно, что американцы исходили из того, что и они, и европейцы внесли в мировую цивилизацию настолько большее, что имели основания так говорить о Китае и о китайском чае.

Эмерсон осуждал Конфуция за то, что тот простил и рационально обосновал все социальные несправедливости Китая.

Эмерсон сравнивал Китай с «кричаще безвкусной вазой», которую он ненавидел.

В этих словах было выражено столкновение взглядов тех американцев, которые выступали против социальных несправедливостей и привычных и принятых в Китае настроений в пользу оправдания этих несправедливостей. Причем такое оправдание подавалось в Китае как глубочайшие в мировой истории, культуре и цивилизации мысли китайских мудрецов, превосходящих мыслителей всех иных наций.

Вопрос о социальной справедливости сразу же разделил американцев и китайцев, если говорить об их первом знакомстве со взглядами друг друга.

Эмерсон сравнивал Китай с громадной и лежащей на боку волной восточного населения.

Это совпадало в какой-то степени и с мнением А. С. Пушкина о «недвижном Китае», и с мнением Наполеона, который считал, что Китай пока еще спит и опасность для остального человечества нагрянет тогда, когда Китай проснется.

Эмерсон выражал надежду на то, что встречные потоки, то есть веяния мысли, идущие из Америки, Европы, смогут взбаламутить и очистить эту волну, отбросить ночной кошмар, который держал в оцепенении недвижимый ум волны восточного населения (здесь можно вспомнить о том, что Мао Цзэдун говорил о ветре с Востока, который одолевает ветер с Запада).

Так в США складывалось представление о движущейся вперед Америке и Европе и о пока еще пребывавшем тогда в оцепенении, причем в оцепенении ума, Китае с громадой населения.

Очевидно, что в весьма значительной степени это и была характеристика того, с чем пришлось столкнуться американцам в первый век их знакомства с Китаем и китайцами.

Правда то, что культ Конфуция в Европе XVIII столетия тесно ассоциировался с философией, и удивительно то, почему упоминание о Вольтере могло трансформировать писания американских редакторов, превратить все это в чистую желчь целый век спустя. Некий редактор из Филадельфии, который благожелательно обозревал враждебный по отношению к Китаю доклад Бэрроу, писал: «И поэтому не удивительно обнаружить придирчивый дух Вольтера, который повлек за собой позор на само имя философии... неохотно соглашаясь с готовностью и одобрением со всеми химерами китайского воображения» (С. 64).

Каковы бы ни были причины, но протестантские миссионеры, и клир, и редакторы религиозных изданий, не проявляли любовь (не восхищались) к Конфуцию в XIX веке. И даже те немногие среди миссионеров, у которых было лучшее (по сравнению с другими) мнение о нем, пылали гневом в отношении имевших место ранее попыток находить совпадения, сходство между учением их Спасителя и китайского мудреца. Роберт Моррисон писал: «Конфуций был умным и хорошим человеком», но «всего лишь человеком»; в то время как Христос был «воплощением Бога во плоти». В конце концов, Симпсон Гилбертсон предостерегал: «ум не способен без просветления раскрыть тайны нашего существования или отыскать подлинные основы истинной морали (нравственности)» (С. 64).

Даже то «немногое хорошее», писали миссионеры, что можно обнаружить в трудах Конфуция, было «покрыто невежеством, суевериями и язычеством» (С. 65).

Многие миссионеры просто отвергли философию Конфуция как скучную и банальную, но определенно в достаточной степени безвредную (С. 65). <...> Это была «безжизненная и хладнокровная система», которая была «бессильна в настоящем и безнадежна для будущего мира» (С. 65).

Единственной возможной угрозой, которую представляло конфуцианство, по мнению этих миссионеров, было то, что уступчивость и согласие, с которыми оно было принято в Китае, отпугивало жителей Серединного царства от стремления обрести истинного Бога (С. 65).

Однако другие и даже те же миссионеры при разного рода обстоятельствах были менее безразличны, когда речь шла о конфуцианской философии, которая, как они считали, была вредоносна по отношению к индивидууму и способна вводить в заблуждение китайцев на многие века (С. 65).

Нет сомнений в том, что репутация Конфуция существенно пострадала в XIX столетии и что миссионеры-протестанты сыграли при этом решающую роль (С. 66).

Профессор Миллер констатировал, что американские миссионеры-протестанты в XIX веке сыграли решающую роль в том, что репутация Конфуция существенно пострадала.

Очевидно, что ситуация сложилась в ходе исторического развития таким образом, что при первом знакомстве европейцев с китайцами европейцы попытались узнать китайцев, понять китайцев. И при этом они узнали о Конфуции, об отношении к нему в Китае, о существовании в Китае традиции с уважением относиться к мудрецам или к тем, в ком видели мудрецов, в древности.

Собственно говоря, записанные высказывания этих мудрецов или тех слов, которые приписывались этим мудрецам, и в первую очередь Конфуция, вероятно, с точки зрения миссионеров-протестантов, в известной степени заменяли китайцам Библию.

Рано или поздно должно было произойти столкновение имени и авторитета Конфуция в Китае с принесенным в Китай миссионерами-протестантами именем и учением Христа.

Христианство при этом выступало в качестве такой духовной основы, которую американские миссионеры-протестанты считали абсолютно правильной, не допускающей никаких сомнений, требующей принятия и подчинения. Столкновение идеологий китайцев и европейцев (американцев) было неизбежным. И оно начало происходить в XIX веке.

Миссионеры-протестанты не проявляли любви к Конфуцию в этом столетии. Максимум, на что соглашались эти миссионеры, — это признание Конфуция хорошим человеком, но всего лишь человеком, а не Спасителем. Так оказывалось, что иностранцы, христиане, американцы, миссионеры-протестанты принижали в глазах многих китайцев Конфуция до уровня того, кто был ниже христианского или навязывавшегося христианами Бога. Для многих китайцев «чужой» бог никак не мог быть выше того, кто считался авторитетом в Китае.

Более того, миссионеры-протестанты считали, что у Конфуция в его рассуждениях даже то немногое, что там было хорошего, было покрыто невежеством, суеверием и язычеством. Конфуцию, таким образом, не только отказывали в божественности, в равенстве с христианским Спасителем, но именно Конфуций и представлял воплощением невежества, суеверия и язычества.

Иными словами, идейно американцы и китайцы полностью расходились. Учение Конфуция виделось миссионерам бессильным в настоящем и безнадежным для будущего мира.

Иными словами, они не принимали ни значения взглядов Конфуция для китайцев, для всего человечества в настоящем, но и отрицали его пользу для будущего человечества. Миссионеры считали, что система взглядов Конфуция была вредоносна по отношению к индивидууму. Иными словами, именно отношение к человеку, к человеческой личности, к достоинству человека разделило американцев, миссионеров-протестантов, и тех китайцев, которые исходили из принятия для себя взглядов Конфуция в качестве руководящих идей.

Здесь можно подчеркнуть, что власть имущие нынешнего Китая пропагандируют Конфуция, пытаются «навязывать» его человечеству в качестве символа мудрости Китая, нации Китая и в то же время выдвигают в качестве национальной идеи «великое возрождение великой нации Китая». А это означает, что речь идет не о «новизне», не о стремлении к новому, к «новому Китаю», а о возвращении в прошлое, к древности, о возрождении того, что было в прошлом. Так, оказывается, что Китай, несмотря на использование там многого из области современных технологий, по-прежнему мысленно устремлен не в будущее, а в прошлое.

Очевидно, что так происходит по той причине, что в Китае хотели бы представить дело таким образом, что именно в прошлом в мире царил тот настоящий всемирный «новый порядок», при котором Китай, нация Китая руководили всеми делами человечества, властвовали над миром.

Здесь может возникнуть мысль о том, что возвращение в прошлое, возрождение нации Китая — это и есть возвращение к тому, к чему было всегда предназначено человечество, а именно к ассимиляции китайцами, нацией Китая всего человечества.

Попутно можно обратить внимание на то, что известный и авторитетный, влиятельный китайский ученый Ли Шэньчжи осуждал Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина за то, что они навязывали китайцам

худшее в конфуцианстве — мысль о вечности и неизбежности согласия с режимом самовластия.

В 1863 году преподобный Джеймс Легг, миссионер в Китае и уважаемый в Оксфорде синолог, утверждал в своем широко известном переводе китайских классиков, что конфуцианство лучше всего «приспособлено к примитивному, безыскусному состоянию общества». Легг, однако, тщательно отделял себя от тех миссионеров, которые относили все социальные пороки Китая на счет этой философии: «Я не возлагаю вину за присущее им, китайскому правительству и народу, презрительное высокомерие (по отношению ко всем прочим) на Конфуция. То, что я считаю предосудительным, — это то, что он не оставил ни принципов, ни записей, позволяющих проверить развитие такого духа». Свое заключение Легг снабдил уничтожающим финалом: «Однако же я сейчас должен оставить мудреца. Я надеюсь, что я не поступил с ним несправедливо; однако в результате длительного изучения его характера и мнения я не в состоянии относиться к нему как к великому человеку» (С. 66).

В Англии Джеймс Легг, который перевел на английский язык труды Конфуция, китайских мудрецов, считал, что конфуцианство «лучше всего приспособлено к примитивному, безыскусному состоянию общества». Из этого следовало, что, с точки зрения Легга, мысли Конфуция были продуктом своего времени.

Легг также приходил к выводу о том, что он не в состоянии относиться к Конфуцию как к великому человеку. Позиция Легга свидетельствовала о том, что в XIX веке люди в Европе, на Западе стремились жить в своем времени, отказывались быть связанными ограничениями, которые время накладывало на высказывания древних китайских мудрецов. Собственно говоря, это был призыв к человечеству жить не в прошлом, а в настоящем, стремиться в будущее, не ставить преграды перед полетом мысли человека, перед свободой человеческой личности.

Представляется, что позднее в XIX веке репутация Конфуция вернула себе значительную часть своей прежней утраченной основы. В самом конце своей жизни Эмерсон пересмотрел свое мнение, похвалив Конфуция как «единственного гения, которого, как кажется, азиаты имели для своего морального возрождения»,

и некоторые почитатели Конфуция нашлись среди американских гуманистов (С. 66). Однако же ни в чем этот сдвиг в оценке не нашел своего проявления более драматично, как в пересмотренном мнении Легга во втором издании его переводов, опубликованном в 1893 году, которое следует сравнить с более ранним, с тем чтобы в полной мере оценить, насколько далекое путешествие совершило его мнение за тридцать два года: «Однако же я сейчас должен оставить мудреца. Я надеюсь, что я не поступил с ним несправедливо; однако чем больше я изучал его характер и мнения, тем больше я приходил к высокой оценке в своем взгляде на него. Он был очень великим человеком, и его влияние было в целом великой пользой для Китая, в то время как его поучения дают важные уроки для нас, для тех людей, которые исповедуют учение (школу) Христа» (С. 66–67).

Итак, спустя некоторое время Легг дал иную оценку Конфуцию: «Он был очень великим человеком, и его влияние было в целом великой пользой для Китая, в то время как его поучения дают важные уроки для нас, для людей, которые исповедуют учение Христа». Легг тогда высоко оценил Конфуция. Прежде всего применительно к той эпохе, когда жил этот китайский мудрец.

В то же время Легг предложил сочетать поучения Конфуция и учение Христа. Легг не пояснил, как он это себе представляет. Предложение Легга повисло в воздухе. Оно, пожалуй, отражает распространенное мнение о том, что с именем Конфуция следует считаться. Люди вынуждены это делать или заявлять об этом. Однако остается вопрос о том, что Конфуций оправдывал самовластие и в Китае, и, очевидно, везде в Поднебесной.

Легг говорил, что Конфуций — это единственный гений, которого азиаты имели для своего возрождения. Под азиатами имеются в виду китайцы или прежде всего китайцы. Речь идет о возрождении, а здесь возникает вопрос о том, что именно предлагается «возродить», как это делать и по какой причине нечто из прошлого должно быть принято людьми как то, что должно определять будущее.

В добавление к идолопоклонству, безнравственности и критике Конфуция практика умерщвления младенцев и варварское отношение к женщинам постоянно проявлялись в описаниях Китая миссионерами. В то время два последних в ряду этих явлений явно

не были новыми, они пребывали в забвении вплоть до того времени, когда эти миссионеры приехали в Китай и появились на сцене, и гордость преподобного Медхерста тем, что они первыми представили эту ужасную практику полному вниманию Запада (внимание Запада в ее полном виде), представляется вполне обоснованной. На самом деле, в действительности многие миссионеры цитировали английского дипломата сэра Джона Бэрроу как авторитета в вопросе об умерщвлении младенцев в Китае, делая его даже свидетелем, видевшим своими глазами такую практику (все это на практике), чего он сам никогда не заявлял. «Некоторые из сцен, свидетелем которых он был, будучи в Пекине, были почти неправдоподобными», — писал о Бэрроу Абель. «Еще до того, как повозки по утрам объезжали окрестности с целью собрать тела младенцев, выброшенные на улицы... собакам и свиньям дозволялось бросаться на них. Тела тех, которых находили, доставлялись в общую яму за городской стеной, куда живых и мертвых сбрасывали вместе». Преподобный Джеймс Невилс, однако, сообщал, что «благотворители» в Китае создавали «дома младенцев», куда их можно было отдавать с тем, чтобы их последние моменты (в их жизни) не были испугом перед пастью голодных псов. Статьи об умерщвлении младенцев в публикациях миссионеров и религиозных изданиях зачастую снабжались рисунками башен без окон и лишь с небольшими отверстиями (щелями), в которые «матери-язычницы, лишенные естественных чувств», могли засовывать своих нежелательных детей. Оценки протестантскими миссионерами масштабов этой практики превосходили сделанные дипломатами, даже Бэрроу, и любым из тех, кто сообщал об этом ранее, описывая то, что происходило в Китае. Уильямс предполагал, что до сорока процентов всех девочек, рожденных в Китае, были «умерщвлены» своими родителями, и Абель подсчитал, что их число доходило до семидесяти процентов. Однако существовало еще более важное и существенное качественное различие между взглядами миссионеров на умерщвление младенцев в Китае и взглядами дипломатов или купцов (С. 67). Большинство западных путешественников в Китай, которые сообщали об этом явлении, объясняли его как функцию бедности и потому ограничивали это явление только самыми низкими по имущественному положению классами в Китае (С. 67–68). Миссионеры, однако, сообщали об умерщвлении младенцев как о всеобщей практике в Небесной империи (С. 68).

Итак, с точки зрения европейцев и американцев, им пришлось, находясь в Китае, в первые годы, десятилетия и столетия знакомства с китайцами столкнуться с рядом явлений, которые свидетельствовали о диаметральной разнице взглядов, духовной жизни, представлений о человеческой жизни и о жизни населения той или иной страны.

Это были прежде всего следующие явления.

- Идолопоклонство.
- Безнравственность.
- Взгляды Конфуция сравнительно с учением Христа.
- Умерщвление младенцев
- Варварское отношение к женщинам.

В частности, при знакомстве американцев с китайцами — а это знакомство изначально происходило на земле Китая — американцы столкнулись с тем, что в Китае совсем не так, как в Америке, относятся к младенцам, особенно к девочкам, и к женщинам. Это было отношение, укоренившееся среди населения, всех его слоев. Миссионеры-протестанты в особенности внимательно отнеслись к тому, что в Китае умерщвляли значительную часть людей при рождении.

Уильямс сделал наблюдение: «Два общих высших критерия цивилизации среди народа — это высокое искусство в деле умерщвления наших приятелей-мужчин и степень уважения к женщинам». Весьма немногие миссионеры критиковали китайцев за то, что им недостает военной силы. И, напротив, Моррисон думал, что отсутствие «духа героизма» делает китайцев, если говорить о темпераменте, лучше приспособленными к христианству, чем многие европейцы. Однако миссионеры были менее чем философичны по отношению к тому, как в Поднебесной относятся к женщинам, как там третируют женщин. Если их не убивают при рождении, то они находятся в небрежении вплоть до того времени, когда будут проданы тому, кто предложит высокую цену, в качестве жен, наложниц или проституток. Им дозволяется жить только для того, чтобы реализовать выгоду (профит) из наименьшего по размерам вложения, — протестовали против всего этого миссионеры. Даже в качестве законной жены женщина в Поднебесной живет «в постоянном унижении и несчастьях» — это так в соответствии с мнением большинства миссионеров (С. 68).

Люди Запада считали правильным и бесспорным ценить умение мужчин воевать и проявлять уважение к женщинам.

В Китае миссионеры-протестанты столкнулись, как им показалось, с чем-то иным. Они почему-то, то есть исходя из привычных у себя дома представлений, думали, что китайцам недостает военной силы, что у них отсутствует дух героизма. При этом некоторые из миссионеров пускались в философские рассуждения на тему о том, что отсутствие духа героизма может явиться предпосылкой к большей склонности к обращению в христианство.

Возможно, что здесь играло свою роль прежде всего то, что первое прикосновение американцев и китайцев друг к другу было мирным и бескровным. Вероятно, играло роль и то, что в области военной техники, вооружений, средств ведения войн американцы, европейцы в те времена явно превосходили китайцев.

Одним словом, здесь на протяжении десятилетий имели место только рассуждения. До практического знакомства с проявлением военной силы, военного умения, мужества и приемов ведения войны тогда дело не доходило. Эта тема оставалась на уровне своего рода досужих рассуждений.

В отношении к женщинам дело обстояло иначе. И это были не предубеждения, а такой была реальная жизнь, которую иностранцы ощутили, прибыв в Китай.

Они увидели следующее.

Во-первых, женщин, то есть младенцев женского пола, убивали при рождении. Это сразу же давало понять, что женщин в Китае с древних времен привыкли видеть как существ, которые ниже мужчин, не равны мужчинам. Более того, в них вообще не видели людей, человека. Их убийство было в Китае как бы узаконенной традицией, правом и обязанностью убивать «лишних», осуществляя своего рода отбор в пользу «высшей расы», которой оказывались мужчины.

Во-вторых, будучи оставленными жить, не будучи убитыми, женщины фактически вплоть до того момента, когда они приобретали «товарный вид», то есть годились на то, чтобы ими воспользоваться или их использовать, находились в небрежении, то есть их жизнь не была равноценна жизни ребенка и подростка мужского пола.

В-третьих, судьба женщины в Китае обычно или по большей части — это продажа тем, чьей собственностью женщина являлась, тому, кто предложит большую цену, причем с самого раннего возраста.

В результате они становились женами, наложницами или проститутками, причем помимо их воли и желания. Им позволялось жить только ради того, чтобы реализовать выгоду из наименьшего по размерам вложения. Таково было реальное положение женщин в Китае, такова была реальная действительность.

Это были факты, а не предубеждения. И именно против этого протестовали миссионеры-протестанты.

Большинство миссионеров считали, что даже в качестве законной жены женщина в Поднебесной живет в постоянном унижении и несчастьях.

Некоторые изменения в этой ситуации произошли и происходят. Тем не менее и при власти КПК, власти Мао Цзэдуна и его приверженцев и последователей, положение женщин в Китае во многом, особенно невидимом постороннему наблюдателю, оставалось таким, как сказано выше. Более того, фактически существовал порядок, при котором партия, ее органы, ее номенклатура распоряжались судьбами девушек и женщин, предписывая им, за кого выходить замуж, а мужчины, особенно члены номенклатуры КПК, нередко бесчеловечно обращались с женщинами, фактически вели себя как животные по отношению к женщинам.

Попутно необходимо сказать, что в такое положение попали десятки тысяч женщин из России, когда они в 1990-х годах, будучи завлечены в Китай, поехали туда в качестве «артисток», а оказались в сексуальном рабстве и погибли, пропали без вести.

Миссионеры в отпуске, у себя дома, были желанными ораторами (спикерами) перед организациями, ратующими за права женщин в США; некоторые из этих организаций стремились использовать пример Китая как демонстрацию аморальности и деградации общества, которое должно следовать за несправедливостью в отношении женщин. (Эти организации пытались что-то делать в этом отношении.) <...> Однако миссис Шак предостерегала: эти группы должны держать в уме, что «печальные условия для людей нашего пола в Китае никогда не будут облегчены, вплоть до того времени, когда христианство восторжествует на этой жестокой земле» (С. 68).

Хотя миссионер был занят социальным злом и недостатками характера, которые он ощущал в Китае, он не всегда подробно останавливался на них в своих сообщениях из Китая в США. До определенной степени суть его докладов и манера, в которой он

относился к специфическим китайским институтам, зависели от его настроения в тот момент, когда он писал свои сообщения. При этом ему было присуще лавирование между проявлениями нереалистичного оптимизма относительно перспектив обращения китайцев (в истинную веру) и острым разочарованием относительно очевидного отсутствия успеха (в этом деле) (С. 68). (Миссионеры не раздражались гневными тирадами против китайцев и их общественной системы.) (С. 68).

Профессор Миллер писал свою книгу, исходя из мысли о том, что в Америке в XIX веке во многом, если не главным образом под воздействием искусственно созданного, неверного образа китайцев случилось так, что американцы — торговцы или купцы, дипломаты, миссионеры-протестанты — создали негативное отношение к китайцам.

В результате в США в конце XIX века, а точнее, к началу 1880-х годов сложилось практически охватившее всю Америку мнение о том, что китайцев следует считать нежелательными иммигрантами в Америке.

В результате в 1882 году был принят закон об исключении китайцев из перечня тех, кого приветствовали в Америке как желательное дополнение к нации американцев. Китайцам тогда был закрыт путь в общество американцев.

Однако же для профессора Миллера возникает вопрос о самом процессе формирования представления о китайцах, образа китайцев в Америке, среди населения США. И здесь становится необходимым обратиться к тому, с чем на практике столкнулись в Китае, в частности, миссионеры-протестанты, как они реагировали на то, что им довелось увидеть и услышать.

Конечно, у них и до приезда в Китай были свои убеждения. Стали ли эти убеждения предпосылкой их превращения в предубеждения относительно китайцев? Оказалось ли их отношение к китайцам следствием их предубеждений?

Предубеждения, конечно же, существовали и играли свою роль. Вместе с тем представляется, что работа профессора Миллера дает возможность обратить внимание на то, что наиболее существенно, является гораздо более существенным, чем предубеждения, то есть на факты и на их интерпретацию.

И опять-таки попутно возникает мысль о том, что в чем-то позиция, на которой оказались протестанты-миссионеры, сход-

на с ситуацией, в которой оказались, в частности, коммунисты из СССР в Китае в XX веке, когда им представлялось, что у китайских коммунистов «та же» вера, что и у них.

В моменты наивысшего оптимизма миссионер подчеркивал те стороны китайской жизни, которые давали ему уверенность в быстром успехе. Репутация Китая в деле всеобщей грамотности и применительно к разумным ценностям, например, указывала на быструю конверсию, — оптимистично обосновывал такую точку зрения миссионер. Элиа Бриджмен исступленно объявлял, что «нигде более на Земле» не было «так много человеческих существ, способных читать слово Бога». И даже еще более важно то, что китайцы были «назойливо любопытны — терпеливы в исследованиях — любили литературу». Абель заявлял, будучи полон уверенности, что такие привычки могут лишь привести жителей Поднебесной к христианской правде, если она будет им представлена. Моррисон доказывал, что они были более приспособлены к прозелитизму, чем большинство народов; им не присуще «угрюмое чувство зазнайства (чести)», и по контрасту с европейцами «китаец встанет и будет приводить доводы в разговоре с другим человеком, в то время как англичанин просто собьет другого ударом кулака, а итальянец ударит ножом». Будучи вооружены такими своими убеждениями, некоторые миссионеры совершали нелегальные путешествия из Кантона в полной уверенности, что деревенские жители (Китая) не только способны читать их религиозные трактаты, но будут желать, если не стремиться, обсуждать их содержание с ними (С. 69).

Здесь необходимо вспомнить о том, что американские миссионеры-протестанты появились в Китае только в начале XIX века. До того времени на протяжении двух предшествовавших столетий в Китае действовали прибывшие туда миссионеры-католики, а точнее, иезуиты.

Таким образом, в истории были две волны попыток обращения китайцев в христианство. Сначала этим занимались католики-иезуиты, а затем протестанты.

Представители каждой из этих двух волн поначалу были полны оптимизма. Миссионеры-протестанты думали, что обращение в христианство произойдет быстро, что китайцы более склонны обратиться в христиан, чем другие народы.

Некоторые из этих миссионеров-протестантов предприняли попытки проникнуть во внутренние районы Китая из Кантона, где они первоначально обосновались, в надежде найти там среду, готовую стать верующими христианами.

Когда же множившиеся, как гора, расстройства (разочарования, крушение надежд) изменяли настроение миссионера и повергали его в неопределенность и разочарование, он пересматривал свои оценки грамотности, интеллектуальности и рационализма китайцев. Моррисон был доведен (довел себя) до белого каления упрямством своих слуг, которые напрочь (полностью, совсем) отказались обсуждать с ним религиозные дела. Один из них грубо и прямо уведомил (информировал) его: «В моей стране не в обычае разговаривать о деле Бога». Эти миссионеры начали приводить тот аргумент, что, будучи далек от ясного мышления, китайский ум был настолько «переполнен грехами и мраком», что он оказывался неспособен функционировать вовсе. В своем знаменитом тексте, посвященном Китаю, Уильямс довольно пространно рассуждал о «понижающем качество эффекте, воздействии язычества (варварства) на интеллект», что позволяет жителям Поднебесной думать только на уровне «имитации», но не «творчества (изобретательности, выдумки)» — отсюда «славянская зависимость» от «старых обычаев», которая так расстраивала (срывала планы) миссионера (С. 69).

«Оцепенение умов в языческих странах непостижимо для того, кто всю свою жизнь прожил в христианской стране», — писал Уильямс своему отцу после своих первых разочаровывающих попыток достичь понимания с китайцами с помощью посланий Бога. «Мы выдали китайцам кредит в надежде (ради) на более индивидуальное мышление (интеллект) и смелость, чем это обычно дается таким невежественным и робким народам», — приходили к выводу редакторы «Чайниз депозитори» в момент обескураженности (С. 69).

У миссионеров-протестантов, впервые столкнувшихся с китайцами, знакомившихся с китайцами, очевидно, было свое сложившееся, принятое в их стране мнение о том, что всем людям, в том числе китайцам, присущи некие общие характеристики, что людей объединяет грамотность и ее уровень, интеллектуальность и рационализм китайцев.

Очевидно, что эти иностранцы начинали свое общение с китайцами, исходя из того, что для человечества в целом, для всех его частей важен уровень грамотности населения, причем под грамотностью подразумевается во всех странах одно и то же. Все люди высоко ценят интеллектуальность. Интеллектуальность у всех народов означает, в частности, одни и те же общечеловеческие нравственные понятия. Точно так же толкуют понятие рациональности, то есть исходят из того, что разумный подход к вопросам, ко всему должен быть тем, что одинаково для всех народов.

При знакомстве с китайцами иностранцам приходилось в прошлом приходиться к выводу о том, что и грамотность по-разному понимается и означает разное в Китае и в других странах. И интеллект, представления людей о мире и обо всех проявлениях жизни на Земле также оказываются различными. Наконец, у китайцев имеется свое, отличное от других людей, более того, навязываемое китайцами другим людям представление о «справедливости и рациональности». (В частности, это положение присутствует в позиции Мао Цзэдуна и его последователей по вопросу о границе, о неравноправных договорах во взаимоотношениях с нашей страной; все эти вопросы предполагается решать на основе принципа «справедливости и рациональности», естественно, в понимании и трактовке всего этого исключительно китайской стороной.)

Первые времена, составившие столетия, знакомства иностранцев, в данном случае американцев, с китайцами оказались столкновением фундаментальных представлений, в случае с миссионерами-протестантами — о Боге, об их христианской вере.

Они полагали, что принятие христианства и есть общий путь человечества, общая судьба человечества, общее будущее человечества, и есть восхождение к высшей степени развития человечества.

Оказалось, что в случае с китайцами это не так. Китайцы имели свои представления о грамотности, интеллектуальности и рационализме.

Оказалось, что ум и мышление американцев, с точки зрения миссионеров-протестантов, не принимаются за эталон китайцами. Произошло столкновение умов, представлений об уме, представлений об образе мышления между американцами и китайцами.

Оказалось, что дело не в предубеждениях, а в разных представлениях. Это означало, что каждый стремился оставаться независимым и самостоятельным, и при этом речь шла о равноправии сторон.

Оказалось, что дело не в совместимости, а в понимании существования различий и в необходимости прежде всего найти пути сосуществования, сожительства, а далее искать точки и сферы взаимного понимания, не навязывая своего мнения соседу по планете.

Однако к пониманию необходимости для китайцев и любой части остального человечества исходить из принципов мира, самостоятельности и равноправия предстоял длинный путь, движение по которому далеко не закончено, к приемлемому для всех сторон результату еще не пришли.

Во времена, о которых идет речь, миссионеры-протестанты начали утверждать, что ум китайцев далек от ясного мышления, переполнен грехами и мраком, вовсе не способен функционировать, что язычество (или варварство) китайцев воздействует на их интеллект, что китайцы способны думать только на уровне имитации, а не творчества, что им присуща славянская зависимость от старых обычаев. (Любопытно, что здесь способность к творчеству приписывается американцами только себе и отрицается ими применительно и к китайцам, и к славянам.)

Один из миссионеров писал: «Оцепенение умов в языческих странах непостижимо для того, кто всю свою жизнь прожил в христианской стране».

Другие миссионеры утверждали, что китайцы — это невежественный и робкий народ, которому иностранцы (очевидно, при первой встрече) выдали кредит, причем больший, чем другим таким народам, в надежде на интеллект и смелость.

Итак, себя миссионеры-протестанты видели несравненно более интеллектуальными и смелыми, творческими людьми, чем китайцев. Прежде всего это говорит о состоянии человечества в те времена. Далее, это свидетельствует о том, что и перед китайцами, и перед американцами тогда встала задача искать пути к взаимному узнаванию, взаимному пониманию, взаимному доверию. Этот процесс продолжается и в настоящее время.

Если бы это было только дело (вопрос об) умственной заторможенности, миссионер мог бы реагировать на это (встретить это) с большим оптимизмом и усилиями; однако, поскольку миссионер скользил дальше вниз по пути разочарования, он чувствовал дьявольскую порочность китайского процесса познания (С. 69). «Их умы, как представляется, отливаются в иную форму

(матрицу); и их мысли отливались в манеру, своеобразную (удивительную) для них самих», — жаловался Медхерст (С. 69–70).

Для того чтобы проиллюстрировать эту порочность, некий миссионер подробно описал, как китаец сжег большой лист бумаги с крупной печатной надписью на нем по-китайски: «Тот, кто верит в меня, никогда не умрет; однако же тот, кто верит не в меня, умрет». <...> Другие миссионеры сообщали, что многие из их потенциально обращенных видели в распятии Христа доказательство того, что он не был настоящим Богом. Один китаец даже предположил, что Христос заслужил свою позорную смерть за то, что отверг своего природного отца, Иосифа! Такова была извращенная логика и порочная природа мышления китайцев, с которой миссионеры должны были столкнуться, предпринимая попытки спасти Небесную империю (С. 70).

Понятие бога в трактовке американцев, миссионеров-протестантов, в случае с китайцами при попытке обратить их в христианство не стало предпосылкой решения вопроса о взаимоотношениях. Оно не сближало американцев и китайцев, а разделяло и отдаляло одних от других.

В дальнейшем становилось все более очевидно, что ни религия, ни идеология в представлении о них других частей человечества не были приемлемы для китайцев. Более того, все это оказывалось, с точки зрения китайцев, тем, что следовало в конечном счете китаизировать, превратить в собственность китайцев, в орудие осуществления ими своей глобальной стратегии.

Поскольку миссионер обычно бегло говорил на одном или более диалектов китайского языка, он обычно использовал их для того, чтобы иллюстрировать особый и извращенный китайский менталитет, который продолжал обескураживать его в его лучших намерениях (усилиях). Природного китайского термина для обозначения понятия религии не было в кантонском диалекте, отметил Медхерст, там отсутствовало и понятие греха. Грех ассоциировался с преступлением. Об этом газета «Мишнари геральд» писала с некоторым изумлением. «Убийство, поджог и адюльтер» рассматривались как преступления, в то время как «обман, ложь, блуд, прелюбодеяние, азартные игры, пьянство, чванство и курение опиума» таковыми не виделись. И что же человек мог подумать о народе, который сохранял чувство строжайшего

осуждения в случае, если кто-то покидал свою страну в то время, когда его родители были еще живы, однако же прощал прелюбодеяние, «поскольку обе стороны согласны»? Так писалось в статье упомянутого издания. Китайский язык был настолько извращенным, приходил к выводу преподобный Дулитл, что было почти невозможно доносить «правду Евангелия». Дулитл был расстроен и заявлял об этом. «Само изобретение китайского языка должно быть приписано дьяволу, который сотворил его с целью предотвратить распространение христианства в стране, где у него имелось так много рьяных и способных субъектов» (С. 70).

Миссионеры-протестанты столкнулись в Китае с тем, что у американцев и китайцев были разные представления о том, что следует считать преступлением.

В Китае преступлениями считались убийство, поджог и адюльтер. В то же время преступлениями не считались обман, ложь, блуд, прелюбодеяние, азартные игры, пьянство, чванство и курение опиума. Китайцы при этом оказывались более терпимыми к слабостям и недостаткам человека, человеческой природы и более жестокими там, где, с их точки зрения, речь должна идти о наказании.

Протестанты также удивлялись тому, что в Китае осуждалось то, что человек покидал страну в то время, когда его родители были еще живы, и при этом прощалось прелюбодеяние, поскольку «обе стороны согласны».

В целом складывается впечатление, что у каждой страны, у ее жителей, в данном случае у американцев и китайцев, был свой устав, и в чужой монастырь со своим уставом ходить не следовало.

Путь к пониманию этого оказался долгим. При этом история сложилась таким образом, что сначала американцы, другие иностранцы пытались заставить китайцев соблюдать их устав или уставы, а затем, то есть в настоящее время, китайцы во все возрастающей степени пытаются навязывать остальному человечеству свой устав. Все еще предстоит понять, что всем придется жить в вечном мире при полной самостоятельности каждой из частей человечества и при их абсолютном равноправии.

Многие стороны жизни китайского общества являлись субъектом конфликтующих трактовок в писаниях миссионеров. В какой-то момент безразличие китайцев к религии могло приветствоваться как дар провидения. Это означало, что в Китае «не

было абсурдных догм» или серьезных религиозных обязательств, которые надо было бы выкорчевывать, как это имело место в других языческих странах. Так писалось в «Методист квотерли ревью», объяснявшей это своим читателям. В другое время та же самая характеристика считалась первым и бесспорным доказательством (свидетельством) того, что китайцы были лишены каких бы то ни было чувств (С. 70). Не только ум китайцев был «равнодушен, апатичен», но и их сердца были настолько «не затронуты, не тронуты» и «бесплодны», что «даже сказка (история) о кресте не находила никакого отклика в их корыстной груди» (С. 70–71).

Дискуссии о тирании (деспотизме) и о ксенофобии в Китае в источниках (сведений), созданных миссионерами, также имели своим следствием такие же превращения (превратности) применительно к гармонии, такую же смену настроений, когда чередовались циклы надежды и безнадежности (разочарования) в настроениях авторов. Деспотизм не принимался в расчет в моменты надежды как либо слишком преувеличивавшийся на Западе, либо просто как то, что было слишком неэффективно, чтобы представлять собой какое бы то ни было серьезное препятствие для миссионеров. Некоторые миссионеры оптимистично предсказывали, что общественное мнение (мнение в обществе) было сильнее, чем полагали люди Запада, и было способно эффективно противостоять любому высокомерию властей (правительства). Жизнерадостный оптимизм преподобного Уильяма Спееера даже привел его к выводу, что Китай — это фактически демократия: «В мире мало наций, где свобода народа более велика, в большей степени основана на их интеллигентности (уме) или где она более внимательно охраняется от деспотизма, чем это происходит в Китае» (С. 71).

Иностранцы также столкнулись в Китае с деспотизмом. Миссионеры-протестанты пытались, исходя из сменявшихся настроений, по-разному оценивать этот деспотизм. Некоторые иностранцы (в том числе и в настоящее время) пытались даже утверждать, что в Китае общественное мнение было сильнее, чем полагали люди Запада. Некоторые делали вывод о том, что Китай — это фактически демократия, где имеется свобода народа, которая охраняется от деспотизма. Здесь желаемое принималось и продолжает приниматься за действительное.

Но даже в своем самом радужном настроении никто из других миссионеров не заходил столь далеко, и они удовлетворялись просто тем, что настаивали на том, что прямое обращение к людям (к народу) позволит им обойти неэффективный деспотизм (тиранию) в Китае. Однако эта оптимистическая линия в рассуждениях также вынуждала их отрицать, что китайский народ был столь же враждебен по отношению к иностранцам, как это считалось на Западе. Ксенофобия просто была официальной политикой, которая не отражала подлинные чувства народа в Китае, к такому заключению приходили миссионеры в подобные моменты. Преподобный Чарльз Гутцлаф в 1833 году возбудил (наэлектризовал) мир миссионеров своим докладом о нелегальной поездке в деревни вне района Кантона, которая убедительно протестировала эти оптимистические утверждения. Он сообщал, что везде его тепло приветствовали дружественные люди, которые с радостью принимали его миссионерскую пропаганду. Официальные попытки (попытки властей) препятствовать его успеху или в той или иной степени беспокоить его были сорваны популярными демонстрациями в его поддержку, — рассказывал Гутцлаф. Его достижения приветствовались миссионерами как доказательство их самых оптимистичных надежд на изменения политических условий в Китае. «Народ не мизантроп, но будет радоваться состоянию большего общественного соития», — объявляла «Мишнари геральд». Преподобный Льюис Шак объявлял: «Китайский народ проявляет любовь и гостеприимство по отношению к иностранцам» (С. 71). Выражения возобновившейся уверенности в прогнозах о быстром обращении китайцев (в христианство), как только официальные китайские ограничения будут устранены или обойдены, распространялись, как пожар, в сообщениях прессы миссионеров в ответ на доклады прусского миссионера (С. 71–72).

Американский миссионер Эдвард Стивенс и его английский коллега Уильям Медхерст последовали примеру Гутцлафа на китайских берегах. В отличие от своего прусского коллеги, они, однако, поступили разумно и отказались от свободного доступа на китайскую землю, предложенного им торговцами опиумом, а эти торговцы часто совершали такие вояжи и за свой счет, дорого заплатив, наняли корабль и команду. Свидетельства Гутцлафа и вера в правоту своего дела побудили Стивенса и Медхерста к поведению в невероятно незаконной манере. По их свидетель-

ству, они разрушили местный суд и школу, игнорировали обращения и приказы китайских чиновников и даже отталкивали чиновников Поднебесной в ряде случаев (С. 72).

Для миссионеров-протестантов возник и вопрос о ксенофобии китайцев.

На него давались различные ответы. Однако, во всяком случае, утверждалось, что ксенофобия существовала, но была якобы всего лишь официальной политикой, которая не отражала подлинные чувства народа в Китае.

Имел место даже частный случай, когда миссионеры действовали, нарушая китайские законы, разрушили здания местного суда и школы (считая их принадлежностью и частью того режима, который следовало свергнуть), игнорировали обращения и приказы китайских чиновников.

Это было прямое обращение к «доброму» китайскому народу и призыв к нему свергать власть китайского «начальства». Попытка осталась попыткой и никаких результатов не имела.

Хочет этого кто-то или не хочет, однако и тогда, и в настоящее время в массе своей иностранцы чувствуют себя в Китае чужими и чуждыми. В этом действительно проявляются вполне определенные настроения китайцев. Китайские власти, во всяком случае их часть, играют на иррациональном и инстинктивно-интуитивном отношении населения Китая к иностранцам как к «некитайцам», а зачастую и как лишь к тем, кто *е сян жэнь* — «тоже ведь похожи на людей», и используют это в своей политике при осуществлении своей глобальной стратегии.

Однако, несмотря на свою агрессивность, Стивенс и Медхерст не заявляли о внушительном успехе, который обещали доклады Гутцлафа. Более того, продолжавшиеся провалы попыток найти дружественную, принимающую их аудиторию или существенное количество обращенных в истинную веру где бы то ни было в Китае привели к менее оптимистичной оценке эффективности китайской тирании (деспотизма) и дружественной (натуры) природы его народа по отношению к иностранцам. С точки зрения некоторых миссионеров и редакторов, страна «стонала под гнетом абсолютной тирании (деспотизма)» и христианство не могло преуспеть вплоть до той поры, пока не будет устранено двойное ярмо маньчжуров и дьявола, которое буквально держало

людей в рабстве. Будучи далеки от дружелюбности, люди были «корыстны, продажны, мошеннически хитры, были вымогателями и были жестоки», — заключил Маклей, обозревая исключительно медленный прогресс миссии в Китае. Уильямс предостерегал, что «показная доброта» китайцев была лишь фасадом: «Вежливость, которую они демонстрируют, редко имеет своим мотивом добрую волю, и, следовательно, тогда, когда предостережения исчезают (испаряются, когда с ними с ними бывает покончено), становятся видны грубость, жестокость и вульгарность сути дела...» Даже Моррисон, который, как представляется, лично был более благожелательно, чем большинство миссионеров, настроен по отношению к китайскому народу, сам оказался спровоцирован на то, чтобы исходить из чувств разочарования. Он охарактеризовал характер народа как «показной, неискренний, атеистичный по духу, эгоистичный, с холодной кровью и негуманистичный (бесчеловечный)» (С. 72).

Дело было не в предвзятости, не в предрассудках, хотя они существовали, причем с обеих сторон.

Дело было и не в несовместимости, хотя изумление иностранцев, впервые знакомившихся с Китаем и китайцами, под воздействием увиденного и услышанного можно понять.

Дело было в том, что планета у людей одна, а человечество — это многообразное и единое целое.

Люди — вечные соседи на Земле. Им приходится и придется сосуществовать, жить рядом, в идеале по-добрососедски.

У всех частей человечества своя, причем различная культура и история. В том числе есть различия в образе жизни и в образе мышления.

Выжить можно, только взаимно знакомясь друг с другом, не отгораживаясь, не замыкаясь или не допуская открытости, но будучи открытыми по отношению друг к другу.

Выжить можно, только поняв, что прежде всего необходимо договориться о вечном мире, об абсолютном недопущении войн, военных столкновений друг с другом.

Выжить можно, только в достаточной степени познакомившись друг с другом, в достаточной степени узнав друг друга.

Выжить можно только на основе достаточного знакомства, только на основе понимания и признания необходимости соблюдения принципов:

- вечного мира в каждом двустороннем отношении,
- полной независимости каждой части человечества
- и их абсолютного равноправия.

Человечеству, каждой его части необходимо найти пути к взаимопониманию, а далее к взаимному доверию и к созданию прочной и надежной основы для вечного взаимного сосуществования и жизни на одной планете.

Американцы, миссионеры-протестанты, впервые познакомившись с китайцами, попервоначально, вероятно, продолжали считать себя, ощущать себя представителями самой передовой религии, а также пионерами, осваивавшими все более дальний для них запад, где им довелось встретиться все с теми же, но и иными индейцами, с якобы нецивилизованными дикарями или варварами, которых следовало и было необходимо обратить в истинную правильную веру, в христианство.

Американцам предстояло узнать и понять, как, впрочем, и китайцам, что человечество многообразно, что на пути развития и взаимного понимания придется узнать и понять соседей по планете, не таких, как они.

Однако на том, первом этапе знакомства возникли практически неизбежные вопросы и проблемы.

Себя американцы видели как людей, освободившихся от тирании, от чужого господства, от колониальных порядков, от рабства, от наследия тяжкого европейского прошлого. Они считали, что сами освободились от тирании в Америке, и стремились выступить против тирании в Китае. С их точки зрения, Китай страдал от абсолютной тирании. Так они оценивали политический строй, существовавший в Китае.

Речь не шла о войне США против этого строя. Речь, с точки зрения американцев, шла о просвещении китайцев. Или о победе «правильной религии», «правильной идеологии» в Китае благодаря моральным и идейным усилиям миссионеров-протестантов. Это была, с их точки зрения, своего рода религиозная «мирная война» или война за обращение китайцев в христианство. С их точки зрения, христианству предстояло устранить двойное ярмо: маньчжуров, то есть власти над китайцами Великой Цинской империи, и дьявола, то есть идолопоклонства и варварства, которые буквально держали людей в Китае в физическом и духовном рабстве. Американцы видели себя освободителями китайцев от этого рабства.

Миссионеры-протестанты, очевидно, видели себя своего рода Народно-освободительной армией, или Армией освобождения народа Китая, армией, состоявшей из прогрессивных иностранцев, знавших, что нужно китайцам.

Делу освобождения, делу Спасителя мешало, по мнению американцев, то, что сами китайцы были корыстны, продажны, мошеннически хитры, были вымогателями и были жестоки.

Вежливость, которую они демонстрировали, которую они выставляли напоказ, редко была проявлением доброй воли, диктовалась мотивом доброй воли; за этим таились грубость, жестокость и вульгарность. Характер народа был показным, неискренним, по своему духу атеистичным, эгоистичным, характером с холодной кровью, характером негуманистичным, бесчеловечным.

Весь вопрос был в том, что каждому народу присущи всевозможные качества. Каждому народу самому предстояло и предстоит оценивать свои качества, избавляться от одних качеств, развивать в себе другие качества.

И все же необходимо пытаться разбираться в характере соседей по планете и принимать или не принимать во внимание наблюдения и выводы относительно китайцев тех людей, иностранцев, которым довелось тесно соприкоснуться с китайцами.

В своем самом желчном настроении миссионеры зачастую применяли апокалипсическую фразеологию, рисуя китайцев как тех, кто «сидит в темноте и пребывает в стране, над которой нависла тень смерти». И действительно, такой термин, как «Королевство тьмы», использовался применительно к Китаю в источниках миссионеров почти так же часто, как «Небесная империя» или «Срединное королевство», и один весьма популярный миссионер рассказал о Китае, назвав свое произведение неправдоподобно: «Темнота в светящейся земле» (С. 72). Такие термины редко разъяснялись, однако оставляли смутное выражение разочарования большинства миссионеров (С. 72–73).

«Увы! Это мрачная земля для одухотворенного ока, здесь нет никакой ободряющей перспективы — все это мрачная темнота», — сокрушался Моррисон. Для Уильямса этот мрак заключался в «ужасных, полных страха безнравственных вещах и наводящих страх ужасах язычества», результатом чего являлся «совершенно не поддающийся контролю поток греховности (безнравственности)». Что же касается «тени смерти», порождавшей таким

поведением, а в равной степени и упрямого сопротивления жителей Поднебесной, их нежелания принимать спасение от посланцев Господа, то это был предположительно тот реванш, который Господь предвидел, хотя это так никогда и не было сказано. И действительно, при обсуждении этой тьмы и смерти миссионеры часто впадали в употребление вряд ли вразумительных слов (С. 73).

Дна уныния миссионер достигал тогда, когда он начинал чувствовать полную тщетность всех своих усилий и даже колебался в своей уверенности, что Бог хотел, чтобы Китай был обращен в христианство. ...Однако такая экстремальная потеря надежды была редкой и эфемерной в любом случае. Когда миссионер доходил до предела своего отчаяния, он обычно приходил к выводу, что Господь не может и не будет терпеть такие мрачные социальные условия в Китае и даст ответ на все это, причем драматичный и скорый, и такое заключение возвращало миссионера к новому циклу надежды (С. 73).

Миссионеры-протестанты употребляли применительно к Китаю для его характеристики термин «Королевство (царство) тьмы». Очевидно, что здесь был заложен тот же смысл, который вкладывался в термин «империя зла», появившийся в США позднее и применительно к другой ситуации и к другой стране.

Еще более наносили урон покосившейся репутации Китая в Америке XIX века перемежавшиеся дебаты среди миссионеров по вопросу о том, может ли какая-либо языческая нация правильно быть классифицирована как цивилизованная нация. Немногие миссионеры отозвались эхом на утверждение редакторов «Библикал репертору», что Китай представляет собой «высокую степень цивилизации», однако «противоположную нашим собственным представлениям о хорошем вкусе». И в то же время они неохотно следовали простому утверждению Руфуса Андерсона... который резко отказывался рассматривать какую бы то ни было языческую нацию как цивилизованную. Это было так по той причине, что его заявление вызывало необходимость рассматривать классические цивилизации Греции и Рима как варварские (С. 73). Также было очевидно, что существует явное различие между Китаем и примитивными языческими обществами» (С. 73–74). Как бы там ни было, а в Китае имелось правительство, каким бы «плохим» оно ни было; система письма, пусть «примитивная», да и некая

наука, хотя и «абсурдная». <...> Такие характеристики, будучи, однако, маргинальными, со всей ясностью помещали Китай «целиком и полностью выше всех других языческих наций», — заключал Маклей (С. 74).

Однако весьма немногие миссионеры проявляли желание рассматривать Китай как полностью цивилизованный, и большинство миссионеров удовлетворялись термином «полуцивилизация» или соглашались с Уильямсом в том, что это была «цивилизация с дефектами (дефективная, неполная цивилизация)». Дело было в том, что существовало просто слишком много таких черт (особенностей, сторон) китайской жизни, которые в их глазах происходили из «невежества и варварства»; некоторые из них «сводили Китай на один и тот же уровень с самыми примитивными племенами человечества». Под «очень изысканной цивилизацией», предупреждал один редактор, китайцы были «морально наиболее скверным народом. Грех распространил свой смертельный яд на весь организм политики». Цивилизация Китая имела только «элемент стабильности, но не улучшения», объяснял Уильямс, что и препятствовало китайцам в достижении той высшей цивилизации, которая ассоциируется с христианством. Приходя к тому же заключению в 1833 году, редакторы «Миссионари геральд» проявляли осторожность, обуславливая то, что Китай «был в состоянии подъема или в состоянии соперничать (sic) с самыми просвещенными нациями».

По мере того как шел XIX век, китайцы, казалось, теряли даже это отличие. Публикации миссионеров выражали все меньше оговорок при наименовании их «варварами», и в 1870 году преподобный Вуд явно не испытывал никаких затруднений, включая китайцев в свой труд «Нецивилизированные расы». Элегантно разодетый мандарин выглядел странно, не на своем месте, будучи помещен на фронтисписе этой книги среди татар и эскимосов в шкурах, татуированного вождя маори и полуголых бушмена из Австралии, африканского охотника и американского индейца, которые и представляли, по Вуду, «нецивилизированные расы». Описание культуры Китая, обычно приводившееся в публикациях миссионеров, часто делало ненужными исчерпывающие заключения о природе китайской цивилизации (С. 74).

Для миссионеров, столкнувшихся с Китаем и китайцами, возникал и вопрос о соотношении варварства, язычества и цивилизации. Вопрос о том, считать ли Китай цивилизованным?

С точки зрения некоторых миссионеров, Китай было невозможно отнести к полностью нецивилизованным нациям или к полностью цивилизованным нациям. Поэтому речь у некоторых миссионеров шла о получивилизованности Китая либо о его принадлежности к «нецивилизованным расам». Некоторые миссионеры считали, что цивилизации Китая был присущ элемент стабильности, но не улучшения. Очевидно, что именно в этом они и видели главное отличие своей цивилизации от китайской цивилизации.

Здесь также просвечивало утверждение о том, что в Китае его правители тысячелетиями создавали такую систему власти и такую обеспечивавшую существование этой системы власти цивилизацию, что ее суть и главное содержание состояли в том, чтобы сохранять стабильность, неизменность политической власти, политического режима, существовавшего в стране. Очевидно, что это в современных формах присуще системе власти в Китае и в настоящее время.

Можно также обратить внимание и на то, что некоторые миссионеры даже утверждали, что Китай находился в состоянии подъема или в состоянии соперничать с самыми просвещенными нациями. И это говорилось в 1833 году. Очевидно, что люди думали и о далеком, но неизбежном будущем.

В 1864 году редактор «Лондон таймс» насмехался над миссионерами, предположив, что они ставили телегу впереди лошади. Взяв в качестве иллюстрации восстание тайпинов, он утверждал, что люди должны сначала быть цивилизованны, прежде чем кто-то может ожидать, что они поймут и примут христианство, не разрушая его. Будучи возмущен этим доводом, Самюэль Морс предоставил свою страницу редактору миссионеру Самюэлю Уильямсу для изложения его логики (С. 74). В ответ на редакционную статью в «Лондоне» Уильямс настаивал на том, что христианство было не только агентом, который цивилизовал, но без него не может быть цивилизации (С. 74–75). К 1883 году, однако, Уильямс писал... что, принимая во внимание громадный рост обращенных в Китае, «быстро проходит то время, когда людей Страны цветов можно справедливо классифицировать среди нецивилизованных наций» (С. 75).

С точки зрения некоторых миссионеров-протестантов, христианство и цивилизация были неразрывно связаны. Поэтому они

считали, что обращение китайцев в христианство — это то, что стимулирует процесс цивилизации Китая. Таким образом, они, очевидно, исходили из того, что вместе с учением Христа они несут в Китай ту цивилизацию, которая и считается таковой на Западе, в остальном мире.

Дальнейшее влияние на образ Китая для американцев оказал упор протестантских миссионеров на громадной численности населения Китая. Хотя это едва ли была новая тема, и пресса миссионеров, и сам протестантский клир (духовенство) в общем и целом сознательно вели кампанию с тем, чтобы американцы знали (насторожились) о громадной численности языческих душ и о необходимости приложить усилия с целью обратить Небесную империю в христианство. Миссионеры часто стремились сделать эти цифры менее абстрактными, сравнивая их с населением других стран (наций) или призывая читателя представить себе, что список китайцев с интервалами между именами в шесть футов восемнадцать раз опояшет планету Земля. <...> «Ум не способен охватить такое число», — заявлял Гилбертсон. «Четыреста миллионов! Что это означает? Пересчитайте их. Если вы будете делать это днем и ночью без перерыва на еду или сон... пройдут одиннадцать дней, прежде чем вы отсчитаете первый миллион...» Более того, это гигантское население «растет с пугающей скоростью» — так предостерегали американцев (С. 75).

Миссионеры-протестанты обращали внимание на громадную численность населения Китая, которая «растет с пугающей скоростью».

Это, в частности, показывает, что сам вопрос о численности населения Китая, о численности китайцев относительно с численностью американцев или других наций, с численностью населения планеты давно занимает людей. Миссионеры говорили об этом с целью представить лишнее основание важности своей миссии — обращения громадной массы языческих душ в христианство.

Параллельно с этим возникал вопрос о том, что соотношение численности китайцев и остального населения Земли действительно является уникальным, если говорить о человечестве в целом.

Могли возникать вопросы.

По какой причине или причинам это произошло?

Какую роль тут играли факторы, зависящие или не зависящие от людей?

Чем это может обернуться в будущем?

Простой ответ: обращение китайцев в христианство снимет вопрос о национальной принадлежности, то есть фактически вопрос о нации, о нациях и их взаимоотношениях, представлялся кому-то удовлетворительным, а кому-то неудовлетворительным.

Во всяком случае, опасения в этой связи возникли и в определенной степени продолжают существовать.

Вне каких-либо вопросов то, что мотивация, находившаяся за такой кампанией, состояла в том, чтобы заполучить большую поддержку для дела миссионеров в Китае. Усилия давали и побочные эффекты, особенно сопрягаясь с наихудшими оценками миссионерами иррациональности, жестокости, отсутствия моральных понятий и половых извращений китайцев. И именно такое сочетание сыграло свою роль в руках синофобов в Америке, а также национальная озабоченность относительно способности Китая наводнить страну почти бесчеловечными ордами, причем это выражалось даже теми, кто был против исключения китайцев из списка допущенных в США иммигрантов как метода решения проблемы (С. 75).

Профессор Миллер считает, что само появление синофобов в Америке и их деятельность, ее результаты, в частности объявление китайских иммигрантов нежелательными, явились следствием необъективного отношения к Китаю и китайцам и были не оправданы и не обоснованы. В то же время он признает, что миссионеры определяли то, что, с их точки зрения, было пороками и недостатками китайцев. Это были иррациональность, жестокость, отсутствие моральных или нравственных понятий и половые извращения.

В Америке возникла общенациональная озабоченность относительно способности Китая наводнить страну почти бесчеловечными ордами. Такие настроения или такие мысли разделяли большинство американцев, в том числе и те, кто был благожелательно настроен в отношении допущения китайских иммигрантов в США. Таким образом, речь тут шла и об объективных обстоятельствах, и о необоснованных страхах. И то, и другое существовало в действительности.

Гери Дантон не был одинок среди ученых, когда возлагал на протестантских миссионеров ответственность за создание на Западе крайне неблагоприятного образа или представления о Китае. Два профессора У Чао-куан и Тэн С. У. пришли к таким же заключениям, осуждая миссионеров за «расовое высокомерие» и даже расизм. Недавно Рэймонд Доусон из Оксфорда снова осудил миссионеров за то, что они считали китайцев «в лучшем случае таким народом, величайшие умы которого были с необходимостью непременно худшими по качеству и массы населения которых были подобны потерявшимся детям, подобны тем голодным, которые нуждаются в Святом Духе и в худшем случае являются собой тот субъект, который Уильямс описывает как “своего рода степень моральной деградации, которой едва ли можно дать исчерпывающее определение или для которой можно найти адекватное определение”». И к этому Доусон добавил, что «темные стороны нынешнего популярного образа отвратительных китайцев, представленные в кино и в юморе, могут вне сомнений им приписываться» (С. 76).

Картина, если попытаться судить о ней объективно, непредвзято, предстает сложной и неоднозначной.

Факт состоит в том, что практически за XIX век в Америке сложилось общенациональное настороженное отношение к китайцам. Особенно к китайским иммигрантам. Оно возникло в значительной степени благодаря мнению американцев о себе, о нации американцев как идущей впереди человечества, собственно говоря, ведущей борьбу, выполняя возложенную на нее миссию за обращение язычников в христианство и приобщение их к цивилизации.

Взгляды некоторых, если не многих, миссионеров-протестантов на Китай и китайцев действительно были расовым высокомерием или расизмом. Несовместимость многих представлений этих американцев и китайцев могла порождать и порождала такие оценки и настроения.

С точки зрения этих американцев, китайцы находились в состоянии моральной деградации. Действительно, американцы и китайцы стояли тогда на разных стадиях развития или состояния человеческого общества. Временная нестыковка, временная несовместимость представлений друг о друге была неизбежна. Время и усилия, новые факты могли внести изменения в сложившуюся тогда картину.

Доказательства (свидетельства, очевидные факты) в поддержку таких голословных утверждений действительно впечатляют. Ничто китайское не ускользнуло от критического пера миссионеров. Даже достойная уважения система экзаменов в Китае была сведена этими перьями и упражнениями в письме к роли увековечения конфуцианских банальностей (С. 76).

В оценках профессора Миллера проскальзывает стремление или желание сочетать несовместимое.

Например, если говорить о системе экзаменов в Китае, существовавшей с древности, то профессор Миллер писал, что эта система достойна уважения. Однако он же при этом замечает, что существует и такая оценка этой системы, как увековечение конфуцианских банальностей. Последняя оценка, очевидно, отражает мнение ее авторов о том, что в Китае назрел отказ от этой системы именно по той причине, что то, что здесь названо конфуцианскими банальностями, действительно тормозило развитие мысли и жизни в Китае и, что самое главное, увековечивало систему самовласти в Китае. Люди стремились вырваться из пут средневековья, мрака и самовласти.

Существовала «демагогическая синофобия на Западном берегу (США)» (С. 76). По иронии судьбы те протестантские миссионеры, которые благожелательно относились к иммиграции китайцев в США, видя в этом еще одно (дальнейшее) средство обращения их в христианство, должны были защищать жителей Поднебесной (Небесной империи) от почти идентичных (то есть синофобских) обвинений, особенно связанных с сексуальной неразборчивостью и извращениями. Оскар Хендлин пишет, что на Западном берегу (США) выдвигались обвинения в том, что «жители Востока обманом завлекали маленьких девочек в свои прачечные с целью совершения таких преступлений, которые слишком ужасны, чтобы себе их даже просто представить» (С. 76). Однако было бы серьезной ошибкой приходиться к заключению, что такого рода страхи относились лишь к тихоокеанскому побережью, что подразумевает профессор Хендлин, или приписывать их графу Гобино и другим расистам XIX века, как он предполагает (С. 76–77). Эти сексуальные страхи выражались в общенациональных (американских) масштабах, и ответственность за особенно это неправильное представление

о поведении китайцев остается на плечах протестантских миссионеров (С. 77).

Несомненно, что мотивация этих искажений и упор миссионеров на худших аспектах китайской жизни состояли в намерении эксплуатировать Китай как дидактическую модель. Разврат, нечестность, ксенофобия, жестокость, деспотизм, грязь (непристойность) и интеллектуальная низость, которые он ощущал в Китае, были всем тем, что Уильямс называл «тем, что сопутствует язычеству». Таким образом, Китай служил миссионерам и священникам полезной иллюстрацией дьявола язычества и преимуществ (достоинств) христианства. Худшие картины происшедшего в Китае также помогали заручаться большей поддержкой для дела миссионеров. Типичный призыв дать деньги и иметь больше миссионеров, брошенный в 1833 году, начинался словами: «Увы! Ведь насколько же всеобщим является крик тех выброшенных (при рождении) и умирающих младенцев, на которых не обращают внимания в Китае! За этим (внешним, показным) парадом манер, доведенных до самых обычных (приемлемых) регулярных форм... находится нация, вопящая под гнетом и насилием, их суды переполнены взяточничеством и несправедливостью и даже еще худшими мерзостями». Но такие виньетки из жизни китайского общества были предназначены оставаться в умах читателей и продолжать оказывать воздействие на их представления о Китае еще долго после того, как они подтверждали их (читателей) смутные представления о том, что христианская цивилизация была наилучшим из всех возможных миров, или извлекали (отдавали) несколько монет с целью спасти китайских младенцев от их ужасной участи (С. 77).

Вообще применительно к положению в Китае, применительно к борьбе, которую на территории Китая вели в XIX веке миссионеры-протестанты, складывается грандиозная, имеющая всемирное значение картина столкновения передового и отсталого, стремления к свободе и желания оставлять все, «как было», в состоянии застоя и деградации. Европейцы, американцы пытались как бы «разбудить» Китай. В результате оказывалось, что, с одной стороны, их попытки были тщетными. С другой стороны, Китай развивался сам по себе, внутренние процессы в Китае определяли и его состояние, и перспективы его движения. В Китае люди чувствовали на себе некоторое воздействие внешнего мира, однако все это

имело в лучшем случае побочное и временное значение, главное определялось в самом Китае, самими китайцами. Так было, так остается и в настоящее время.

И тем не менее крайне проблематично приписывать только миссионерам-протестантам создание неблагоприятного образа китайцев, который эволюционировал на Западе на протяжении XIX столетия. Тут немедленно возникало такое препятствие, как описание Китая важным католическим миссионером в этот период. Речь идет об описании аббатом Хаком, которое очень мало чем отличается от того, что представляли читателям его коллеги-протестанты. Действительно, аббат Хак также предъявлял обвинение протестантским миссионерам за то, что они выставляли напоказ этноцентристское презрение к китайцам.

«Мы не должны целиком презирать китайцев, — умолял он, — возможно, есть даже больше того, что достойно восхищения и поучительного в их древних и любопытных институтах». Однако все критические мотивы, которые можно обнаружить в источниках протестантов, имеются также в работе Хака. Он отвергал конфуцианскую философию как «самый настоящий спинозизм (то, что присуще последователям Спинозы)» и подробно останавливался на жестокости, умерщвлении младенцев и безнравственности, которые он ощущал в Китае, добавив к ним некоторые свои новые наблюдения. Например, аббат Хак сообщал, что родители буквально забивали своих больных детей, чтобы защитить здоровых от духа дьявола (С. 77). Что же касается девочек-младенцев, то они не просто или не только выбрасывались за ненадобностью, но, согласно мнению этого французского последователя Лазаря, они обезглавливались их отцом для того, чтобы прогнозировать свой шанс на рождение наследника, причем делалось это в манере, когда кровь девочки обгадряла его нож мясника (С. 77–78). Описание аббатом непристойной похотливости и публичных сексуальных оргий не отличается от тех, что имеются в писаниях протестантов, как и от его финального призыва к китайскому народу: «О, язычники! Настоящие дети демона, который находит наслаждение в крови... Когда же ваши сердца будут тронуты милосердием Иисуса Христа?» (С. 78).

Здесь отметим, что фактически и миссионеры-протестанты, и миссионеры-католики, по сути дела, одинаково соприкоснулись

с реалиями тогдашнего Китая и одинаково ужаснулись тому, что им довелось увидеть и услышать, ощутить.

Весь ужас для них, очевидно, был в том, что учением Христа, его проповедью им удавалось сделать лишь самую малость. Предстояло сожигательствовать именно с таким Китаем, который они видели, дыхание которого они ощущали.

Более серьезный вызов интерпретации, согласно которой миссионеры-протестанты несут тотальную ответственность за то, что они испортили репутацию Китая на Западе, представляет собой, однако, то влияние на этот процесс, которое оказали авторы — купцы и дипломаты. Один купец, Вуд из Филадельфии, предвидел обвинения со стороны Дантона за целый век до него; однако собственная книга Вуда представляла собой почти непрерывную обличительную речь против китайцев и их институтов. По иронии судьбы миссионер Маклей возложил на купца ответственность за это, что настолько же очевидно, как и тот важный вклад Вуда, который его книга внесла в развитие неблагоприятного образа китайцев в Америке XIX века. Вильямс смеялся, как над чем-то смешным, над утверждением в популярной книге по географии о том, что «совершенно очевидно, что в интересах миссионеров было сильно умалять ум и религиозный характер китайцев». Незадолго до этого Вильямс напомнил своим читателям, что сэр Джон Бэрроу осудил миссионеров «за то, что они отводили китайцам самое дальнее место в своих взглядах». Однако Бэрроу выдвинул такое обвинение в 1803 году, за четыре года до того, как первые миссионеры-протестанты прибыли в Китай. Очевидно, что он имел в виду миссионеров-иезуитов, что должно было быть известно Вильямсу. Только в 1905 году протестантский миссионер признал, что его коллеги сыграли существенную роль, разрушая уважение к Китаю на Западе. Такая чувствительность, обращенная в прошлое, была редким качеством среди миссионеров XIX века (С. 78).

И даже если назначить миссионеров теми, на ком лежит львиная доля ответственности за создание в высшей степени неблагоприятного образа (Китая в США), то это должно делаться на той основе, что они стремились к большей эффективности распространения их взглядов, равно как и к всеобщности (общему подходу) и эмоциональному качеству этого критицизма (С. 78–79). Возмущение морального порядка, нашедшее выражение в коммен-

тариях миссионеров, не столь очевидно в комментариях купцов и определено (конечно же) в меньшей степени выражено в работах дипломатов. Сосредоточение в работах миссионеров внимания (постановка их в фокус) на язычестве отвергает (опровергает) все стороны жизни китайского общества и ведет к более ярко выраженным нападкам на моральные и интеллектуальные характеристики народа и развитие его характера. Все это распространялось религиозной прессой и с кафедр протестантов, то есть в высокой степени специальных и персонализированных средствах, которым современная теория коммуникаций придает громадное значение (ценность) с точки зрения его воздействия (в смысле его влияния) на общественное мнение. Эта теория также предполагает взаимоотношения между климатом мнений и сущностью коммуникации, так что послания не только оказывают воздействие на мнения, но и мнения также воздействуют на содержание посланий. Другими словами, сюда вовлечена определенная степень инерции, она вовлечена в создание (играет свою роль в создании) образов и мнения. И именно такое взаимоотношение помогает объяснить, как миссионер, купец и дипломат взаимно усиливали взгляды друг друга на китайцев. Решающее преимущество, которым владел при этом миссионер, заключалось в качестве его посланий и в том типе системы коммуникаций, который он использовал. Это преимущество может быть сбалансировано тем, что купец и дипломат взяли старт раньше (чем миссионер), сознательно (умышленно) оставляя в стороне (отводя в сторону) то, до какой степени имело место уважение, которым китайцы все еще пользовались на Западе в XVIII веке, то есть за несколько десятилетий до того, как в Китае действительно развернулось движение протестантских миссионеров. Очевидно, что ответственность за разрушение репутации Китая в США должна быть разложена (распространена) на все три категории тех, кто (стал информатором изнутри Китая) побывал в Китае (С. 79).

Профессор Миллер осуждает купцов, дипломатов, миссионеров-протестантов за разрушение репутации Китая в США.

Здесь необходимо принимать во внимание несколько обстоятельств. Узнавание американцами Китая и узнавание китайцами Америки, взаимное знакомство американцев и китайцев не было одновременным процессом, не было двусторонним движением.

Сначала американцы добрались в своем «походе на запад» до Китая. Три категории американцев побывали в Китае, сообщали соотечественникам о Китае. Это были торговцы, или купцы, или деловые люди, бизнесмены. Это были дипломаты, государственные служащие. Это были миссионеры-протестанты, духовные пастыри.

Таким образом, были задействованы три сферы: экономика или торговля; межгосударственные отношения; духовная жизнь или идеология. Бизнесмены, дипломаты, пастыри внесли свой вклад в знакомство американцев с Китаем. Это знакомство с этой точки зрения было относительно всесторонним. При этом американцы доверяли именно и прежде всего американцам, которые побывали в Китае.

Конечно, их взгляды содержали в себе предвзятость, предубеждение, преувеличение негативных сторон жизни в Китае. Это сказывалось на образе Китая в США. Однако они сообщали о фактах. Плюс к этому, думается, что каждой нации присуще чувство самосохранения, защиты ради своей независимости, равноправия с другими нациями. Сочетание всего этого и привело сначала к появлению в 1882 году закона о китайцах как нежелательных иммигрантах, а затем со временем к отмене этого закона.

Прежде чем оставить тему об информаторах изнутри Китая, в повестку дня выдвигается вопрос об эволюции сравнительно (относительно) важных книг о Китае, которые эти корреспонденты изнутри Китая создавали. Редакционные статьи по Китаю и в равной степени библиография, списки рекомендованной литературы и учебники на эту тему продолжали цитировать тех или иных (особенных) авторов как авторитетов по Китаю в большей степени, чем они писали о других людях. Например, работы Дью Халде, Бэрроу, Стонтона и Уильямса высились как труды громадной силы на протяжении всего XIX столетия, в равной степени так же их и цитировали. Редко этих авторов не было в списках литературы, рекомендованной для чтения. На этой основе можно сконструировать гипотетический американский книжный шкаф по Китаю на 1855 год, во многом в той самой манере, в которой Лоуренс Рот сконструировал общий колониальный книжный шкаф на 1755 год (С. 79).

Такая гипотетическая коллекция включала бы в себя то, что было написано несколькими торговцами, чьи книги не были столь

всеохватывающими, чтобы с них начинать, и кто, если говорить об их авторитете, не был столь грандиозен для редакторов, как миссионеры и дипломаты (С. 79–80). Возможно, что работы Вуда и Добела могут быть представлены наряду с одной менее популярной книгой, например, Делано, Фаннинга, Шоу или Холбрука. Перечень дипломатов Бэрроу, Стонтона, Иллиса и Дэвиса явно должен быть под рукой наряду с одной или двумя менее значительными работами: Ван Браама, Тимковского, Робертса, Абея или Маклеода. Работы миссионеров-протестантов господствовали бы в шкафу: работы Моррисона, Милна, Медхерста, Лоури, Гутцлафа, Абила, Бриджмена, Шака и Уильямса. Однако доклады католических миссионеров не должны отсутствовать. Наряду с «классической» работой иезуитов Ле Конта и Дью Халде сюда надо добавить аббата Хака, сочинения (тома) которого были опубликованы только в 1855 году.

Однако не многое можно брать с уверенностью из перечня книг или из тех ссылок, которые часто приводятся, имея в виду того или иного конкретного автора. Дальнейшая оценка влияния этих работ на представление американцев о Китае должна быть основана на их воздействии на содержание средств массовой информации и на школьные учебники. Во всяком случае, после 1840 года события, которые произошли в Китае, были более важны для дальнейшего формирования (определения) представления американцев о китайцах (С. 80).

Труд профессора Стюарта Миллера достоин уважения, в частности, и по той причине, что он проделал громадную работу. В США сохраняются исторические архивы. Профессор Миллер, судя по его труду, изучил все, что было написано в книгах, учебниках, а также всю прессу, все газеты и журналы, в которых писали о Китае и об американо-китайских отношениях, с начала этих отношений и по конец XIX века. Такую работу проделал американец в Америке. В нашей стране никто такими изысканиями не занимался. Поэтому представлялось важным, насколько это удастся, познакомить читателей в нашей стране с трудом профессора Миллера. Работа историка и должна быть именно такой скрупулезной, кропотливой и дотошной.

ВОЙНА

Опиумная война (1840–1842) — это первая война в новое время, начиная с XIX века, между англичанами и китайцами, китайцами и европейцами. Она имела значение и для мировой истории. Ее значение прежде всего в том, что она показала, что соприкосновение китайцев и иностранцев, знакомство иностранцев с китайцами, если говорить о XIX веке, с неизбежностью привело к войне. Решать возникшие проблемы мирным путем оказалось невозможно. Каждая из сторон считала, что ее позиция должна оставаться непоколебимой и потому она вправе и должна защищать эту позицию всеми доступными средствами и методами, не исключая, а, напротив, считая необходимой войну.

Так война тогда вошла в как бы обыденный и необходимый арсенал средств внешней политики во взаимоотношениях обеих сторон: Китая и иностранцев — в то время пришельцев с точки зрения Китая с запада, хотя именно для них, имея в виду американцев, Китай и был западом, а сами они продолжали свой «великий кругосветный поход» на запад из Европы и Америки.

Движение Запада, того, что привычно именуется Западом, то есть движение из Европы, Западной Европы, осуществлялось сначала по направлению на восток от Западной Европы, но натолкнулось на такое препятствие, как Россия, которая не желала становиться частью Запада, частью Западной Европы, объединяться с ней в единое целое.

Затем продолжилось в направлении на запад от Европы, то есть сначала в Америку, Северную и Южную Америку и далее на запад, в сторону прежде всего Китая. И там это движение натолкнулось на Китай, который не желал становиться частью того, что в его традиционном представлении о всемирной плоской Поднебесной было Западом, но пришло с востока, если говорить об американцах.

В мировой истории возникла ситуация, когда центр цивилизации был в Средиземном море, в Западной Европе, в Европе и когда

попытки расширить его на восток и на запад натолкнулись на решительное нежелание сначала России, а затем Китая становиться частями единой мировой цивилизации.

Поэтому с тех времен Россия и Китай, Китай и Россия стали теми двумя частями мира, которые оказались двумя препятствиями на пути движения центра мировой цивилизации к превращению ее во всечеловеческую цивилизацию.

Можно сказать и по-иному: при встрече иностранцев и китайцев, которая изначально произошла в Китае, своего рода будущее человечества столкнулось с прошлым человечества. У каждой из этих двух частей человечества имелись основания сохранять и развивать все то полезное, что имелось у них в багаже. Существовала и возможность обмениваться этим полезным с каждой стороны. Сторонам пришлось также осознать, что навязать они одна другой ничего не могут. Процесс обмена мог быть только добровольным и осознанным. Этот обмен мог осуществляться и оказываться полезным для обеих сторон только в том случае, когда обе стороны твердо соблюдают три главных принципа их взаимоотношений на мировой арене: вечный мир в их двусторонних отношениях, абсолютную независимость и самостоятельность каждой стороны, полное их равноправие.

При всем при этом в то же время очевидно, что китайцам предстояло осознать, что иностранцы пришли в Китай со многими такими достижениями, которые могли быть восприняты в Китае и могли принести пользу китайцам, что в свою очередь могло способствовать общему прогрессу человечества.

Иностранцам также предстояло все это понять и наряду с предложением китайцам своих достижений познакомиться с Китаем, попытаться понять его, найти и применить все то из Китая, что могло пойти на пользу иностранцам.

Итак, дело было в том, чтобы каждая сторона продолжала оставаться совершенно независимой и самостоятельной, чтобы другая сторона с полным уважением относилась к этому желанию, и одновременно обеим сторонам предстояло взаимно искать и находить понимание, использовать все то из багажа другой стороны, из ее исторического наследия, что могло оказаться полезным для нее.

Знакомиться, но не сталкиваться, не создавать и не поддерживать состояние противостояния или конфронтации, исключать войну в любой ее форме из двусторонних отношений. Коренные интересы каждой из сторон этого требовали. Однако понять все

это и тем более воплотить все это, или хотя бы часть всего этого, на практике было трудно. Это требовало громадных усилий каждой стороны и весьма продолжительного времени, по крайней мере нескольких столетий. Поэтому процесс взаимного знакомства иностранцев и китайцев, китайцев и иностранцев оказался таким длительным и таким трудным и сложным. Попытки упрощать ситуацию ни к чему хорошему не приводили. Человечество обучалось и продолжает учиться всему этому на практике.

Итогом наблюдений людей Запада за Китаем и китайцами к концу Опиумной войны явилась краткая оценка этого, содержащаяся в «Британской энциклопедии»:

Китаец холоден, коварен и подозрителен; всегда готов обмануть, перехитрить тех, с кем он имеет дело; чрезвычайно жаден и лжив; он сварлив, придирчив, мстителен, однако в то же время робок и труслив. Китаец на службе — это странное сочетание наглости, оскорбительного высокомерия и низости, посредственности, убожества. На всех уровнях и при всех условиях он полностью игнорирует правду.

*Китай // Британика: Энциклопедия.
7-е издание. Том VI. 1842.*

В Америке, очевидно также по следам Опиумной войны, появилась следующая характеристика китайцев:

Характер китайца ни в коем случае не приятный. Человек это раболепный, лживый и напрочь лишенный того, чтобы считаться с правдой. От императора до нищего попрошайки, на любой ступени общества, в любом ранге существует система обмана и лицемерия, притворства, практической деятельности без угрызений совести и раскаяния. <...> Никогда ни в коей мере нельзя доверять китайцам.

*Сэмюель Гудрич. Сказки Питера Парли об Азии для детей.
Филадельфия, 1859. С. 57–58.*

Очевидным представляется вывод профессора Миллера о том, что Опиумная война популяризировала неблагоприятный образ Китая и китайцев в США.

Иначе говоря, такой образ складывался постепенно и как бы естественно по мере все большего знакомства американцев с Китаем и китайцами, и на этой основе во время Опиумной войны, собственно сама Опиумная война, все то, что было с ней связано, только или всего лишь способствовали закреплению, если не укоренению, распространению в Америке неблагоприятного образа Китая и китайцев.

Не сама эта война или не только эта война формировала образ китайцев в Америке, для американцев. Война лишь способствовала распространению и укоренению в умах американцев такого представления о Китае.

Очевидно, что у американцев и англичан в середине XIX века сложилось общее негативное мнение о китайцах. И дело тут не в том, кто в этом виноват, и даже не в том, объективна ли такая оценка, насколько она отражает истинное положение вещей.

Дело, пожалуй, в том, что обе нации, участвовавшие в этой войне, то есть и англичане, и китайцы, имели в то время, или ко времени начала войны, такое представление о сопернике, которое не позволило им мирно решать вопросы, искать пути мирного сосуществования, не допускать возникновения войны. Война эта случилась тогда, когда обе стороны идейно уже пришли к мысли о неизбежности и необходимости войны.

Несомненно (без каких-либо вопросов) первая англо-китайская война 1839–1842 годов (одни историки датируют ее 1839–1842, другие 1840–1842) послужила ускорителем (катализатором) кристаллизации (оформления) американского образа Китая (образа Китая, представления о Китае) на популярном (народном, общедоступном) уровне. Так произошло более (по большей части, по преимуществу) в силу изменений в области культуры в США (американской культуры), чем явилось сенсационным сигналом (призывом, обращением) самой этой войны. Два десятилетия, между 1840 и 1860 годами, — это имеющий кардинальное значение период для эволюции культуры в США (американской культуры), во время которого народ сбросил с себя большую часть своего провинциализма. В качестве историка культуры Карл Боде описывал это следующим образом: «Соединенные Штаты являлись простой или примитивной нацией тогда, когда начались сороковые годы, и стали комплексной нацией тогда, когда закончились пятидесятые годы (девятнадцатого столе-

тия). *Народ и само это слово, будучи напечатанным, соединились»* (С. 83).

Если говорить о США, об отношениях американцев и китайцев, то у профессора Миллера есть основания считать, что эта война послужила катализатором оформления представления о Китае в Америке на популярном или народном уровне. Здесь важно иметь в виду, что американцы с той поры начали объединять в своем сознании понятия своей страны, своего государства и своего народа. Понятие монарха, императора стало для американцев чужим, неприемлемым. Республика, с их точки зрения, была, безусловно, лучше монархии. Все это сказывалось на взаимоотношениях между американцами и китайцами, особенно при их первом знакомстве.

Здесь сыграли свою роль два фактора: сама война, или сам факт такой войны, и изменения в области культуры в США. Что касается войны, то американцам пришлось принять тот факт, что во взаимоотношениях с Китаем война, в частности, и в особенности в то время, оказалась неизбежной. Следовательно, ее больше нельзя было считать чем-то недопустимым или невозможным. Какие-то вопросы в отношениях с Китаем оказалось (для англичан, а следовательно, в принципе и для американцев) невозможно решать мирно.

Американцы пытались отделять себя от англичан, когда речь шла о войне между англичанами и китайцами. Американцы не участвовали в той войне. В то же время им приходилось одновременно и продолжать предпринимать попытки создавать и строить отношения с Китаем, и оставаться в значительной степени на стороне англичан в целом ряде вопросов, связанных с войной.

Война в истории взаимоотношений Китая и Запада случилась. Таков был факт. Его пришлось принимать во внимание. Это была та война, которая превращала понятие войн в применимое не только к отношениям двух государств на уровне того или иного региона, но и на уровне планеты. Ведь это была война одной части человечества — китайцев — против другой части человечества — англичан.

В то время американцы и англичане были относительно близки, а американцы и китайцы довольно различны и, во всяком случае, не близки. Именно по этой причине та война затронула и американцев, заставила США реагировать на нее и во внутренней, и во внешней политике, в действиях на международной арене.

Ту войну невозможно видеть только как войну двух государств: Великобритании и Великой Цинской империи. Не менее важно принимать во внимание то, что все это происходило в очень важный для американцев как нации период. Именно в середине XIX века два десятилетия, с 1840 по 1860 год, оказались периодом, имеющим кардинальное значение для эволюции американской культуры. Америка перешла из состояния примитивной нации в состояние комплексной нации. Американский народ именно тогда стал американской нацией. Американцы стали нацией и вышли на мировую арену. Они больше не замыкались внутри своей страны.

В Америке это обозначают словом «провинциализм». Сюда, очевидно, входят такие характеристики, как отсталый, простоватый и грубоватый, то есть имеют в виду некоторую отсталость, узость, ограниченность взглядов, связанную с жизнью в глухой, отдаленной от центра провинции.

Америка познакомилась с Китаем, начала знакомиться с Китаем именно в тот момент, когда она из некой мировой провинции превращалась в передовую, первоклассную страну, гордилась своими достижениями и в материальной, и в духовной сфере. Собственно говоря, именно в середине XIX века Америка обрела свою подлинную культуру, осознала себя страной, действующей и играющей свою важную и во многих отношениях передовую роль на планете. Рождение американской культуры совпало с моментом знакомства американцев с китайцами.

Важным фактором этого изменения было развитие первого настоящего средства массовой информации. Это сыграло существенную роль в донесении (представлении) Опиумной войны до внимания американского народа в ее (войны) полном объеме, для всеобщего и полного внимания (С. 83–84).

В XIX веке на мировой арене происходило первое знакомство двух наций: американцев и китайцев. Американцы кристаллизовались и появлялись как нация мирового значения, осознающая свою глобальную роль в мировой политике.

Американцы создавали и свое государство, и свои средства массовой информации, которые стали неотъемлемой частью американского образа жизни и американского образа мышления. Они стали фактически еще одной ветвью власти в США. Американский

народ, возможно в более значительной степени по сравнению с другими народами, стал читающим народом, народом, частью жизни которого стало знакомство со средствами массовой информации, в том числе с информацией о жизни на мировой арене. Это было одно из проявлений стремительного развития американского общества, развития такой страны, как США, развития демократии в США.

Китай как государство оставался Великой Цинской империей со всеми ее недостатками. Он оставался все еще почти неподвижным. Его первое существенное движение произошло во время Тайпинского восстания 1850–1864 годов. И это было движение против существования Великой Цинской империи. Восстание тайпинов было подавлено, и Китай как государство, как монархия еще на протяжении почти пятидесяти лет оставался в состоянии застоя и гниения. В эти годы накапливался «материал», который помог народу и стране избавиться от Великой Цинской империи, но этот процесс был длительным и медленным.

В то же время Китай был и оставался самостоятельной нацией на планете, которую никто не мог ни поставить под свой контроль, ни подчинить себе, ни превратить в свою колонию. Попытки могли иметь место; в малой, незначительной части они могли приводить к тому, что казалось успехом, но было лишь временным достижением.

Таким образом, на мировой арене в XIX веке знакомились друг с другом передовая страна и отсталая страна. В этой ситуации средства массовой информации, дешевые газеты в США стали средством влияния на американцев. Они относительно быстро доводили до большей части населения Америки информацию о Китае, о взаимоотношениях США и Китая, о взаимоотношениях Китая с другими странами и, в частности, об Опиумной войне.

Дешевые газеты, предшественники современных массовых газет, появились в 1830-х годах, и их борьба со «старшими», более «респектабельными» газетами с Уолл-стрит достигла кульминации в 1840-х годах. В той манере, которая напоминала испано-американскую войну конца предыдущего столетия. Все это создало поле битвы для широкого сражения (конфликта в борьбе) за доминирование между новым жанром и газетами, обслуживавшими в большей степени истеблишмент. Дешевая пресса ринулась в войну и скандалы и применила такую агрессивную тактику,

как абордаж судов из Китая в Сэнди-Хук в штате Нью-Джерси, чтобы победить своих соперников, которые яростно протестовали, заявляя, что лишь они одни «имели право» получать новости на борту. Джеймс Гордон Беннет, очевидно, с радостью наслаждался соперничеством... И не только Небесная империя была побеждена, но и «ленивая, прогнившая, коррумпированная, беспринципная, невежественная, варварская, эгоистичная, обанкротившаяся, умирающая пресса с Уолл-стрит» пострадала от такой же судьбы в этом процессе.

Описание Китая в этих газетах, которые по большей части игнорировали Китай вплоть до начала Опиумной войны, отражало в высшей степени неблагоприятное отношение (концепцию) к Небесной империи. Первая страница в бостонской газете в 1840 году — это хороший пример взгляда на Китай, выраженного в копеечной прессе в самом начале конфликта (столкновения): «...Китай — страна, где много букв (иероглифов), много фонарей и мало идей. Люди там с длинными ушами, эллиптическими глазами, плоскими носами, цвета оливок, монголоидной расы». ...Такой образ китайцев не ткался из воздуха, однако он был связан с такого рода отношением к Китаю, которое было присуще американским журналам и учебникам, по крайней мере, на протяжении десятилетия перед Опиумной войной (С. 84).

В США именно в 1840–1850-х годах появилась копеечная пресса. Это отражало потребности массы населения страны. Одновременно позиция этой копеечной прессы или дешевых газет, газет для массы населения, по вопросу о Китае явилась отражением созревающего и созревшего к тому времени общепринятого или приемлемого для большинства населения взгляда на Китай.

Это был своего рода итог представлений о китайцах и о Китае, вызревавших в широких слоях американского общества, начиная, во всяком случае, с момента образования США, то есть с 1776 года.

И здесь проявилось два феномена.

Во-первых, оказалось, что Китаю уделяли мало внимания, его как бы не замечали или стремились не замечать. Во взаимоотношениях с Китаем этот феномен возникал и возникает в разных странах при разных обстоятельствах, однако под ним всегда имеются основания.

Во-вторых, оказалось, что общее представление о Китае и китайцах в США являлось к тому времени негативным.

Таким образом, когда говорилось и говорится о том, что сначала в Европе, в Америке сложилось благоприятное, благожелательное отношение к Китаю, уважение к его древности, к его культуре, то оказалось, что это в значительной степени декоративные, временные и поверхностные представления некой «элиты», которой «посчастливилось» как-то соприкоснуться с Китаем, побывать в Китае, составить себе представление о китайцах.

Когда же в конце XVIII — начале XIX столетия началось некоторое, пусть первое общение с китайцами в практическом плане, то есть когда началась торговля с Китаем, когда стало больше людей практики, которые на своем опыте узнали, с кем им приходится иметь дело в Китае, тогда они, зная факты, стали распространять сведения о Китае и китайцах.

Оказалось, что у китайцев, как и у любых частей человечества, много недостатков, что нет оснований строить китайские воздушные замки и идеализировать Китай, его людей, их привычки, его культуру, его историю, а главное, его власти, структуру и систему власти в Китае.

Фактически оказалось, что к началу англо-китайской войны 1840–1842 годов и в Европе, в Англии, и в Америке сложилось вполне определенное и во многом негативное мнение о человеческих качествах (или по крайней мере о несовпадении многих привычек и обычаев людей в Китае и в государствах Европы и в США) китайцев, о характере той власти, которая существовала в Китае.

Сердечного согласия во взаимоотношениях иностранцев (европейцев и американцев) и китайцев не возникло и не получилось. В существенной части это явилось результатом инстинктивного и интуитивного желания каждой стороны защищать то, что ей представлялось своими жизненно важными интересами.

Просмотр (изучение) 59 журналов и 55 газет, появившихся между 1785 и 1840 годами, раскрывает следующее: существуют вполне определенные тенденции в отношении к Китаю в этих СМИ перед Опиумной войной. Прежде всего кто-то мог преувеличивать тот интерес, ту заинтересованность в Китае, которая существовала в Америке в первой половине XIX века, интерес к торговле Америки с этой нацией; особенно это присуще газетам. Первое успешное плавание в Китай капитана Джона Грина

в 1785 году побудило редакторов к яростному поиску информации о Небесной империи (С. 84). Часть популярных текстов в области географии, работа Дью Халде и путевой журнал Кука породили серию сообщений в значительном числе газет (С. 84–85). Упор при этом был сделан на рутине жизни, на повседневной жизни китайцев. Редактор в Провиденсе в 1785 году писал: «Позднее больше было сказано о Китае, было несколько анекдотов с проявлением уважения к Китаю; сомнительно для нас, приемлемы ли они». В то же время он отмечал сообщения о колоколе в Нанкине, о численности войск, размещенных в Кантоне, и об улицах в Пекине, которые он описывал как «длинные и узкие, но чрезвычайно чистые». Возвращение судна «Паллас» в Балтимору... не спровоцировало большего интереса. Первое путешествие в Кантон судна из Салема не вызвало любопытства к Китаю даже в местной печати. Вплоть до Опиумной войны ежедневные газеты довольно сильно ограничивали свои комментарии экономической разведкой и надеждами на рост богатства как следствие торговли с Китаем (С. 85).

Можно отметить, что вплоть до Опиумной войны американские ежедневные газеты довольно сильно ограничивали свои комментарии экономической разведкой, то есть стремлением понять, какие выгоды можно извлечь из торговых и иных отношений с Китаем, и надеждами на рост богатства Америки как следствие торговли с Китаем.

Серьезные комментарии о китайцах приходились на долю журналов до 1840 года, и даже здесь это носило ограниченные масштабы вплоть до десятилетия, предшествовавшего англо-китайской войне, когда число статей о Небесной империи резко увеличилось. На протяжении первых трех десятилетий торговли американские редакторы (издатели) демонстрировали свое явное предпочтение старой, более благожелательной концепции относительно китайцев. Они быстро обнаружили, что мнения европейцев противоречат одни другим, когда речь идет об оценке достоинств китайской цивилизации. <...> Одни осуждали все китайское. ...иезуиты преувеличивали все это. <...> Редакторы были неграмотны (невежественны) в вопросе о китайцах... Они оказались беспомощны перед лицом растущей критики в адрес китайцев со стороны торговцев, возвращавшихся или писавших

о Кантоне. Редактор «Бостон мэгазин» писал: «Многое было сказано и за, и против китайцев. Одни путешественники с высшим восхищением писали о них, в то время как другие доходили до полной противоположности и тоже с крайностями; причем последних становилось все больше, чем первых. <...> Когда мы слышали сообщения (о Китае), нагруженные упреками, основанные на реальных и претендующих на это фактах, тогда у нас не было возможности возражать; и хотя это было нам неизвестно, было естественно в интересах человеческой природы исходить из желания думать, что они, возможно, не были правы» (С. 85).

Очевидно, что в США практически всегда большую роль при формировании общественного мнения играли редакторы журналов и газет. Именно они определяли политику своих редакций, отбирали материалы для публикации, а главное, выступали с редакционными статьями, к которым масса читающего населения прислушивалась.

Характерен и процесс, который с течением времени происходил в умах этих редакторов. Они были всегда настроены критически по отношению ко всем репортажам, сообщениям, мнениям. В том числе известных писателей, авторов книг о Китае.

В то же время они были практичными людьми. Поэтому они обращали внимание на факты. Однако и в этом случае они подвергали все сомнению.

Применительно к Китаю это вылилось в первоначальное желание прислушаться к мнению тех людей, которые побывали в Китае и благожелательно описывали то, что они там увидели. Далее редакторам пришлось принять на себя лавину фактов из практической взаимной деятельности американцев и китайцев. Они публиковали эти факты или рассказы об этих сторонах взаимоотношений американцев и китайцев. При этом они, считая это проявлением человеческой природы, исходили из желания думать, что и те люди, которые писали о фактах, возможно, были не правы. Так формировалось относительно объективное представление о Китае в Америке.

Но это ясно выраженное предпочтение редакторами более лестного образа китайцев не означало того, что острая критика, которая все больше преваляровала в европейских интеллектуальных кругах в конце XVIII века, игнорировалась американскими

издателями (редакторами) (С. 85–86). <...> Большинство американских редакторов в это время занимали осторожную позицию и сохраняли уважительное отношение или вовсе игнорировали сюжеты о Китае (С. 86).

В конце XVII — начале XVIII века большинство американских редакторов занимали осторожную позицию, проявляли уважение к Китаю.

В 1811 году на основе книги Джона Бэрроу в журнале в Филадельфии появлялись синофобские статьи. Одним из редакторов этого журнала был Чарльз Колдуэл, ключевая фигура раннего периода эволюции современной расистской теории. Он был против моногенезиса и за полигенезис: такие разные народы, как монголы и негры, с одной стороны, и европейцы, с другой стороны, не могут принадлежать к одной расе. Однако было бы искусственно разделять татар и китайцев, поскольку оба народа не только походят по внешности, но и в своем умственном «идиотизме (глупом поведении)» (С. 86).

В американской печати в те времена появлялись статьи, которые профессор Миллер называет синофобскими. Здесь интерес представляет спор людей того времени по вопросу о том, каким было происхождение человечества и его частей.

Одни люди считали, что у всех частей человечества был один источник. Это означало, что все люди равны и в принципе одинаковы. Это было важно для тех, кто исходил из возможности найти общий язык, узнать и взаимно понять друг друга. При этом отрицались и отменялись любые предположения об изначальной, природной, физической принципиальной несовместимости людей разных национальных общностей, людей разных рас.

Другие люди считали, что источники зарождения и появления разных частей человечества различны. Это, с одной стороны, как бы оправдывало поведение тех или иных народов, призывало приспособляться одних к другим. В то же время это обосновывало неприязненное отношение европейцев к китайцам. Утверждалось, что монголы и негры, с одной стороны, и европейцы, с другой стороны, не могут принадлежать к одной расе. Мало того, утверждалось, что было бы искусственно разделять татар (под татарами имелись в виду монголы) и китайцев, поскольку оба народа не

только походят по внешности, но и в своем «умственном идиотизме (глупом поведении)».

Такой подход был проявлением тупика в понимании необходимости сожительства всех народов, всех национальных и расовых общностей на основе полной независимости каждой из них и их абсолютного равноправия.

Человечество в случае со знакомством китайцев и европейцев (американцев) столкнулось со всемирной, глобальной проблемой знакомства людей разных рас. Необходимости и неизбежности их сожительства, взаимного приспособления. Человечеству оказалось далеко не просто даже осознать наличие такой проблемы и тем более необходимости искать и найти такую форму и такие методы ее решения, которые бы обеспечили всему человечеству его дальнейшее существование и сожительство. Путь к осознанию всего этого был долгим и нелегким. Однако иного пути не было.

Но этот журнал «Порт фолио» был в меньшинстве среди американских периодических изданий вплоть до того времени, когда случилось посольство лорда Амхерста и больше журналов присоединилось к лагерю синофобов (С. 86). Один из редакторов такого рода в 1818 году пришел к выводу, который отражает разочарование, созданное работами профессиональных дипломатов, американских торговцев и двух английских миссионеров Моррисона и Милна: «Правда в том, что мы в настоящее время целиком избавились от заблуждений, от утверждений о необходимости уважать китайские мудрость и совершенства, которые заинтересованные представления иезуитов (о Китае) успешно создавали (С. 86–87). <...> (В последнее время) все книги о Китае повторяют тот же самый доклад о полуварварском статусе страны, которая когда-то рассматривалась как обитель добродетели и совершенства (утонченности)» (С. 87).

И тот же самый редактор, который когда-то восхищался китайцами, теперь не только отказывал им в статусе цивилизованных, но и заходил так далеко, что ставил Китай намного ниже других наций Азии. Он был в затруднении из-за почти бесчеловечного поведения в Китае и задавался вопросом о том, не следует ли искать ответ в климате, специфичных социальных институтах и приверженности обычаям или «искать его в характере и духе (гении) самих китайцев»? Журнал Колдуэла не затруднялся, предлагая следующий ответ: «Китайцы никогда не смогут стать

великим и независимым народом, потому что они не обладают такой энергией души и физическим устройством, которые необходимы для производства такого результата. Они по своей конституции являются слабой, хилой и ничтожной расой людей». Но такое чисто расистское объяснение должно было ждать несколько десятилетий прежде, чем у него появилось популярное подтверждение (популярная поддержка). А вплоть до того времени интерпретация поведения китайцев в общем основывалась скорее на религиозных или политических, чем на генетических, определениях (С. 87).

В истории взаимоотношений иностранцев, людей из Европы, с китайцами был период, когда большую роль играли иезуиты. Они были заинтересованы в том, чтобы проникать в Китай, обосновываться в Китае, оказывать воздействие или влияние на Китай. Проповедовать свою религию в Китае. При этом они полагали, что исключительное уважение «ко всему китайскому» в их отзывах о Китае поможет устанавливать, развивать отношения с Китаем и, что было главным для них, постепенно обращать китайцев в свою веру.

Так зародилась сохраняющаяся до сих пор в различных странах тенденция фактически быть в глазах китайцев «дамой, приятной во всех отношениях». В расчете на обеспечение своих коренных интересов. Этот расчет, фактически являвшийся попыткой обмануть китайцев, оказался проигрышным. Развитие исторических событий показало, что отношения можно строить не на стремлении «подладиться», «поддакивать», «приспособиться» к Китаю и китайцам, а на полном равноправии и абсолютной независимости партнеров: китайцев и некитайцев.

По сути дела, дипломатические отчеты о Китае, представленные обеими миссиями, то есть миссиями Маккартни и Амхерста, не получили никакого широкого признания в американских журналах вплоть до времени уже после 1825 года. Один редактор заявлял в 1828 году, что «имена Маккартни, Бэрроу и сэра Джорджа Стонтона ныне знакомы каждому читателю». Отсюда он ошибочно приходил к заключению о том, что миссия Маккартни в 1793 году была необычайно популярна в США. Фактически эта миссия и книги, появившиеся в результате этой миссии, по большей части игнорировались и были обнаружены

лишь три десятилетия спустя, когда американские журналы начали больше интересоваться Китаем.

В 1830 году многие черты китайской жизни, такие как экзотические ингредиенты кухни и фармакологии, равно как и ранее проявившее стремление позабавиться... начали провоцировать отвращение и подозрения в американских журналах. Кошки, собаки и крысы заменили такие кулинарные деликатесы, как черные яйца... могилы и суп из ласточкиных (птичьих) гнезд при описании китайской кухни. (В 1818 году речь шла о поедании человеческого мяса...) Более общими стали такие высказывания после 1830 года. Один редактор из Олбани, штат Нью-Йорк, сообщал с ужасом, что китаец убивал молодых девушек для того, чтобы «пить жидкости из их тел» в медицинских целях (С. 87). Верили, что «рисовые зерна, погруженные в свежесрезанный желчный пузырь», — это мощное противоядие от многих болезней», — раскрывал он тайны (С. 87–88).

Такого рода гротескная вера становилась более востребованной по мере движения времени в том столетии. Это усилилось во многих журналах после 1830 года из-за пыток и публичных казней в Китае, которые описывались со страшными деталями. Даже Иезекайя Нильс, который до той поры был сосредоточен главным образом на экономической информации в связи с торговлей с Китаем, описывал такие действия в Небесной империи и сообщал, что публичные казни были столь многочисленны, что мандарины даже отказывались присутствовать на них, во всяком случае «если не будут казнить одновременно во время церемонии по крайней мере пять или более преступников». Сенсационное описание одной казни напомнило редактору «Нью-Йорк миррор» о предупреждении Роберта Моррисона: «Людам в нашей части света очень мало известно о тех, кто существует на Востоке» (С. 88).

Жестокость, фактически абсолютно бесчеловечное отношение в Китае к преступникам, вообще к людям ужасали американцев.

Сообщения о жестоком обращении с женщинами получили широкое распространение в женских журналах еще до 1830 года. <...> «Простая чувственность» поработала китайскую женщину; ей присуща «терпимость к растущей чувственности». <...> Влияние протестантских миссионеров выразилось в широком

распространении этой темы на протяжении десятилетия перед Опиумной войной. «Мы пылаем от возмущения, потому что женщины в Китае рассматриваются законами этой страны как те, кто рождены и предназначены быть рабынями мужчин» — так протестовали редакторы «Аткинсонс каскет» в 1835 году. «В детстве их (женщин) не уважают — в юности продают — в зрелом возрасте заковывают в кандалы» (С. 88).

Европейцы и американцы при знакомстве с Китаем и китайцами сталкивались с бесчеловечным отношением китайцев к женщинам. При этом было очевидно, что это сформировалось издавна и стало тем, что не вызывало общего протеста населения Китая.

К 1835 году критика достигла такой высокой точки, что это вызвало протест редактора «Нью-Ингленд мэгазин» тем, что общественное мнение изменилось и зашло слишком далеко в направлении враждебности:

«Китайцы и не настолько хороши, и не настолько плохи, чтобы быть такими, какими их представляют. Путешественники и миссионеры раннего периода (знакомства с китайцами)... были склонны переоценивать их. <...> Две оппозиционные по отношению одна к другой партии (группы людей) во Франции превозносили китайцев — это иезуиты, с тем чтобы показать важность той страны, которую они обращали (в христианство), и это философы, с тем что они могли отдавать предпочтение доктрине Конфуция по сравнению с Возрождением. Соответственно, путешественники, обнаружив, что многое из того, чем восхищались, действительно не заслуживало этого, были, вероятно, расположены к тому, чтобы отрицать кредит, выданный китайцам за их реальные действительные добродетели, и описывали их в общих терминах как нечестных, негостеприимных, трусливых, фальшивых, неблагодарных» (С. 88).

Здесь, с одной стороны, констатируются факты. С другой стороны, становится ясно, что люди из Европы, каждый слой таких людей, рассказывая о Китае, был озабочен осуществлением своих интересов. Поэтому издавна традиционно в европейских странах, во Франции, затем в Англии, а далее и в США сначала возникала тенденция приукрашивания Китая.

Священнослужители стремились при этом раздуть свою значимость за счет придания значительности, важности Китаю и китайцам как многочисленному объекту обращения в христианство. Иными словами, главными у иезуитов были не Китай и китайцы, а сам церковный или религиозный эгоизм иезуитов.

Другой слой людей — те, кто были философами или назначали себя, рекомендовали себя философами, тоже превознося мудрость китайских древних мыслителей, думали прежде всего не о китайцах, а о самих себе. Они просто использовали возможность рассуждать о ком-то до того времени неизвестном, например о Конфуции, однако делая это оружием или орудием в сокрушении того, что им не нравилось в Европе, то есть в данном случае идей Возрождения.

Так оказывалось, что в первый период знакомства с Китаем, когда это знакомство формировалось на основе сообщений о Китае немногочисленных людей из Европы и Америки, как бы естественным образом формировалось представление о китайцах, которое сами эти создатели общественного мнения стремились использовать в своих эгоистических групповых целях или интересах.

Также естественным было появившееся в дальнейшем, при более близком знакомстве, разочарование в поведении китайцев. Получалось, что сначала преувеличили достоинства китайцев, а затем преувеличили их недостатки. Хотя реальное положение вещей в Китае оказалось возможным познавать лишь постепенно, это потребовало длительного времени, и сделать правильные выводы на этом основании оказалось очень трудно.

Процесс подведения итогов всего периода знакомства с китайцами фактически продолжается до настоящего времени.

И нигде этот сдвиг во мнении относительно Китая не проявился столь драматично, как на страницах «Норт Америкэн ревью» (С. 88). С самого начала, то есть с 1815 по 1835 год, это престижное издание было чемпионом в вопросе об освещении темы Китая в Америке, и многие из помещенных там статей были близки к низкопоклонству перед тем, что обычно ассоциировалось с миссионерами-иезуитами XVII века. Серединное королевство было в глазах редакторов «вторым цивилизованным миром, гораздо более древним и населенным и в определенном смысле более счастливым и мудрым... чем тот, к которому мы приспособлены». Они рекомендовали, чтобы китайский язык был постав-

лен наряду с греческим и латинским в американских школах «как одна из ветвей либерального знания». Волна критических отчетов относительно Китая просто-напросто с легкостью игнорировалась этими редакторами вплоть до 1828 года, когда они признали пересмотр доклада Тимковского, отказавшись от оценки его как «клеветнического», они впервые признали работы Бэрроу и Иллиса, однако лишь с тем, чтобы цитировать основанную на предубеждениях клевету против китайцев, которая превзошла даже субъект этого обзора (С. 89).

Человеческой природе соответствует в ряде случаев желание и стремление доводить до абсурда или чрезмерно преувеличивать то достоинства, то недостатки объекта наблюдения.

Здесь необходимо прежде всего обращаться к фактам, собирать, систематизировать их и затем пытаться на их основе делать выводы, понимая, что всякие заключения могут оказаться верными до определенной степени и в определенный период времени.

Однако в 1828 году тон статей о Китае в «Ревью» принял глубоко оборонительный характер. <...> Перевод китайского романа на французский язык приветствовался как опровержение растущей критики Небесной империи: «Это дает нам гораздо более благоприятную идею (мысль) (представление) о власти в Китае, чем это может быть извлечено из докладов лиц, прикомандированных к недавним британским миссиям лорда Маккартни и Амхерста. Читателю напоминают о том, насколько слишком строго и слишком критично относились в США к английским путешественникам и самоназначенным философам. И существует более чем один путь с целью примирить свободу народа со спокойной, мудрой (умной) и энергичной властью (администрацией) в том, что касается их общих озабоченностей» — так разъяснял дело редактор-обозреватель. Система экзаменов в Китае фактически являлась тем же самым, что и общедоступные выборы в США, — утверждал этот автор. Фактически редактор признавал, что он был не в состоянии выбрать что-то одно, одну из этих двух систем (двух этих институтов). По его мнению, методы, существовавшие в Китае в целях отбора лидеров, более тесно примыкают к идеалу Платона, и они выдержали испытание тысячелетием, то есть испытание, которое система, которая лишь недавно привела к власти джексонианцев и, возможно, и не

переживет, — намекал обозреватель. Во всяком случае (по меньшей мере), китайский роман демонстрировал, что «конституция китайской империи, вместо того чтобы быть, как это обычно предполагалось, абсолютным и чистой воды деспотизмом (тиранией), с очевидностью является одной из самых обычных (популярных) форм власти (правительства), которые когда-либо существовали...».

В том же самом обозрении любые социальные слабости (слабости, присущие обществу), если судить о них по меркам или по стандартам Запада, которые нашли свое проявление в этом романе, получили пристрастно-благоприятное или юмористическое толкование (С. 89). Можно спросить: были ли полигамия (многобрачие) или то, как вообще относились к женщинам в Небесной империи, таким уж злом (таким дьявольским злом), тогда как это порождало (производило на свет) семейные «теплоту и нежность», которые были описаны в этом романе? (С. 89–90). Ну, конечно же, полигамия могла быть «оскорбительной по отношению к изящной литературе», поскольку никакая нерешительность не могла быть поставлена выше необходимости для героя выбирать между двумя подходящими героями, — высказывал он легкое предположение. Обозреватель допускал, что отсталость в области науки существовала, но это представляло собой функцию и великой классической древности империи, и акцент на «гражданском государственном устройстве» как на «великой науке» (С. 90).

Другие редакторы обратились к тому же роману как к очевидному доказательству того, какова на самом деле (на что в самом деле походит) реальная жизнь в Китае. «Китайский роман может быть лучшим источником информации по Китаю, законов, существующих в Китае, не исключая работ, связанных с западными посольствами» — это утверждалось в «Саутерн ревью» с той целью, чтобы подорвать растущую критику Небесной империи в американских журналах. В противовес общей вере «все в этом романе показывает изысканное состояние общества, наслаждение комфортом и элегантностью, присущим высшей цивилизации».

Достаточно интересно то, что Роберт Дэйл Оуэн привел длинные выдержки из романа в своем издании «Фри инквирер» по совсем иным (разным) причинам. Он увидел в романе полезную поучительную (дидактическую) модель, благодаря которой чело-

век может с легкостью (легко, более легко) узнать, увидеть слабости, недостатки, существующие в том обществе, к которому он сам принадлежит. «Нельзя исключать того (невозможно), что предрассудки сильнее, причуды (капризы) глупости более бросаются в глаза в Китае, чем в Западном полушарии, — объяснял он, — но это ведь китайские предрассудки, причуды и глупости; они и по форме, и по темпераменту, и по одежде так отличаются от наших собственных, что мы поднимаем вверх руки в изумлении перед тем тактом, который все это терпит, и перед той слепотой, которая одобряет их» (С. 90).

Существовал и существует подход, при котором некоторые не-китайцы пытаются все, что происходит в Китае, объяснять тем, что это присуще Китаю, естественно и хорошо для Китая.

Отсюда, кстати, хотя и в частности, проистекает желание Дэн Сяопина и его последователей использовать в общении с иностранцами термин *тэ сэ*. Пропаганда КПК навязывает свой перевод этого термина остальному человечеству: «специфика, со спецификой, специфичные черты или специфичная характеристика». На самом деле точнее переводить этот термин как «особость, самобытность, исключительность». Таким образом, речь идет о «самобытном китайском социализме», «присущем исключительно Китаю», о «социализме Китая».

К 1834 году уважение и низкопоклонство (лесть) перед Китаем, связанные с «Норт Америкен ревью», начали испаряться. В обзоре, посвященном Вико, в этой публикации, Китай использовали с тем, чтобы иллюстрировать циклическую теорию цивилизации (теорию циклов Вико), приходя к выводу, что Серединному королевству уготована судьба «в некий весьма отдаленный день разделить судьбу Рима, Мемфиса и Вавилона». Критикуя британские требования экстерриториальности, редактор соглашался, что китайские законы были действительно негибкими и примитивно мстительными, но при этом редактор настаивал, что иностранцы все же должны подчиняться им или оставаться дома; такой была линия, доводы, которым следовали несколько американских публикаций, которые когда-то слагали панегирики «превосходной» системе законов Китая. Резкий контраст со своим ранним хвалебным отзывом, похвальбой в адрес того «взаимного уважения и гармонии», которые существуют между полами

(в Китае) и что рисовалось в китайском романе, составлял призыв «Норт Америкен ревью»; журнал в 1836 году призывал Китай к ответу за подлое отношение к женщинам (С. 90).

В истории взаимоотношений некитайцев с китайцами в той или иной стране бывали периоды, когда кто-то из некитайцев пытался называть систему законов в Китае «превосходной». Когда же факты говорили о том, что китайские законы были действительно негибкими и примитивно мстительными, те же люди настаивали на том, что иностранцы все же должны подчиняться им или оставаться дома.

Подобная ситуация проявляется иной раз и в случае с вопросом о взаимоотношениях мужчин и женщин. Некоторые некитайцы утверждали, что между полами в Китае существуют «взаимное уважение и гармония». Когда же факты это опровергали, тогда иной раз те же люди призывали Китай к ответу за «подлое отношение к женщинам».

Колебания тут были значительными. Факты со временем заставляли исправлять безудержное захваливание всего китайского. Процесс продолжается.

Еще более шокирующим было презрительное отстранение от себя китайской литературы применительно к публикации, которая восемь лет тому назад прославляла китайскую поэму как пиндарические стихи (классические, древнегреческие стихи) и выражала надежду, что перевод этих литературных (усилий) упражнений будет ускорен западными учеными (С. 90–91). В 1836 году редактор увидел в литературе Небесной империи усилия, «доказывающие удивительную, поразительную слабость китайского интеллекта. Сама тональность мыслей... никогда не поднимается выше презренной посредственности» (С. 91).

...кое-кто видел систему экзаменов как средство производства королей в сфере философии и находил это ничего не стоящим.

...президент Джексон мудро инструктировал Робертса даже не пытаться вести переговоры с китайцами во время его поездки в Азию. Они (редакторы) рекомендовали, чтобы американцы просто пренебрегали законами Китая, ведя торговлю в портах, если они того желают, напоминая им о том, что миссионер Гутцлаф усмирил китайский флот, не имея никакого оружия, — и это писали те же редакторы, которые столь критично относились к бри-

танским требованиям экстерриториальности всего несколько лет тому назад. В заключение они (репортеры «Норт Америкен ревью» Робертс и Рашенбергер) заявляли:

— Для нас, мы думаем, пришло время, когда мы должны перестать называть китайцев славой азиатской расы просто по той причине, что они хвастались тем, что создали своего рода варварскую страну Платона за несколько сот лет до эры Христа; брили свои головы, чтобы подражать плешивости мудрости; печатали с помощью кусочков дерева с вырезанными иероглифами не лучше, чем древние жители Перу, и ввели в моду обучение своей молодежи в духе грубой ненатуральной чудовищности; стихи, которые, если бы их слушали, могли бы побудить Хафиза и Саади разбить свои лиры в припадке эпилепсии (С. 91).

Пожалуй, в обобщенном виде преобладающее среди широкой публики в США отношение к Китаю и китайцам выражено в приведенном выше высказывании американской печати.

В процессе знакомства с Китаем американцы в это время осознали, что ранее в США ошибались, называя китайцев «славой азиатской расы».

Американцам во всяком случае было свойственно преувеличивать, превозносить своих знакомых в определенный период знакомства. В данном случае они исходили из того, что есть азиатская раса, что это — не американцы. Среди наций, принадлежащих к азиатской расе, китайцы — это слава упомянутой расы.

Через некоторое время американцы бросились в другую крайность. Они стали утверждать, что китайцы создали страну, которая является варварской. Оказывается не лучшей, а худшей среди наций азиатской расы.

Так продолжали наносить удар за ударом с тем, чтобы опрокинуть в Америке мнение о мудрости Китая (С. 91). Питер Стивен Дю Понсо, натурализованный американец и любитель филолог и этнолог с международной репутацией, объявил, что китайский язык является более примитивным, чем языки самых диких племен американских индейцев, и это, как думается, явилось дальнейшей научной поддержкой неблагоприятной тенденции, если говорить о мнениях (С. 91–92). Несколько редакторов сознательно и к сожалению констатировали быстрое исчезновение старого образа (представления) Китая, который был ос-

нован на «идеалистических абстракциях относительно фарфора и ящиков с чаем». Лишь немногие после 1855 года все еще оставались верны дружелюбному идеализированному взгляду на Китай. «Сауферн литерари мессенджер» из Ричмонда, что в Вирджинии, стал новым чемпионом в сфере журналистики по Китаю и продолжал петь хвалу (возносить хвалу) даже после Опиумной войны. Китайская выставка Нэйтана Данна в Филадельфии в 1839 году отражала прежний образ Серединного королевства, и один редактор выразил надежду, что это может противодействовать наносящим ущерб (разрушительным) комментариям тех путешественников, которые совсем недавно (в более близкие времена) побывали в Китае. К 1839 году, однако, инерция была явно на стороне критиков Китая в Америке (С. 92).

Можно констатировать, что именно события Опиумной войны привели к преобладанию негативного отношения к Китаю и китайцам в США. Более того, такое отношение созрело еще до той войны.

Немногие из этих редакторов могли быть удивлены исходом Опиумной войны. Слишком многое было сказано о военной отсталости Китая. Миссия Амхерста и действия (акция) капитана Максвелла в Кантоне побудили одного редактора в 1818 году декларировать (заявить), что страна «спит подобно сонному и обессилевшему мамонту... (и так будет продолжаться) вплоть до той поры, пока вторжение с востока или с запада проникнет в это королевство и огнем и мечом удалит прочь грубые и застойные наслоения (настроения), которые обременяют его выведенный из равновесия остов». А статья в «Порт фолио» даже содержала заявление, что это «будет актом подлинной гуманности, если державы Европы объединятся (объединят усилия в борьбе) против этого... дикого и жестокого деспотизма (тирании)». В манере, которая в большей степени присуща авантюристу, чем гуманисту, автор этой статьи, однако, принялся описывать китайских солдат как «пушечное мясо; и, я могу добавить, забава для итыков». Однако опять-таки снова «Порт фолио» оказался впереди своего времени, и такого рода чувства не были широко выражавшимися вплоть до эпохи уже после Опиумной войны. Более общей реакцией американских редакторов было признание того, что Китай распадется на части, лопнет по швам и представит

собой легкую добычу для европейских наций. «Мы не можем отрицать очевидность (доказательство) наших чувств», — писал Сэмюэль Морс. «И, боже мой, если эта банда правителей будет разрознена, разделена на части и эта невысказанно громадная масса населения, этот океан человеческих существ будет брошен в полнейший беспорядок, эта сцена будет ужасной (внушающей страх)» (С. 92).

Именно в период до и после Опиумной войны в печати США появилась мысль о слабости и отсталости Китая. Страну сравнивали со «спящим и обессиленным мамонтом». Считали, что такое положение будет продолжаться до тех пор, пока «вторжение с востока или с запада проникнет в это королевство и огнем и мечом устранил прочь грубые и застойные наслоения (настроения), которые обременяют его выведенный из равновесия осто́в».

«Если державы Европы объединятся в борьбе против этой дикой и жестокой деспотии, — это будет актом подлинной гуманности».

Общим мнением американских редакторов было следующее: «Китай распадется на части, лопнет по швам и предстанет легкой добычей для европейских наций».

«И, боже мой, если эта банда правителей будет разрознена, разделена на части и эта невысказанно громадная масса населения, этот океан человеческих существ будет брошен в полнейший беспорядок, то эта сцена будет ужасной».

Общение с китайцами в первые столетия знакомства с ними государств Европы и США привело многих людей в этих странах, упивавшихся явным превосходством над Китаем в области вооружений, к ошибочным мыслям.

Им показалось, что такое преимущество в обладании военной техникой, вооружениями обеспечит в случае войны быструю и полную победу над Китаем. На самом деле история показала, что ни одна из сторон — ни Китай, ни любые части остального человечества — не имеет никаких шансов одержать победу.

В случае применения оружия, особенно современного оружия массового уничтожения, гарантировано взаимное уничтожение, гибель человечества.

Таким образом, это только в XIX веке война представлялась быстрым и легким средством обеспечения победы и устранения такой опасности, как «китайский мамонт».

Китай многие сравнивали со спящим и обессиленным мамонтом, считали Китай недвижимым или неподвижным. На самом деле население Китая уже тогда было столь многочисленным, что победить Китай в войне на его территории, оккупировать Китай, превратить его в колонию не мог никто и никогда, если говорить о внешних по отношению к Китаю силах.

Уже тогда только сами китайцы могли определять судьбу своей страны. С этим со временем пришлось считаться иностранцам. В то же время, к несчастью, в Китае всегда находились политики и существовали такие настроения у массы населения, которые рождали в Китае мысли о возможности господства Китая и китайцев над остальным человечеством.

Пока можно лишь выражать надежду на то, что в Китае рано или поздно к власти придут разумные люди, которые откажутся и от мысли о начале Китаем войн против кого бы то ни было на Земле, и от глобальной стратегии, направленной на китаизацию планеты, и будут осуществлять внешнюю политику на основе трех главных принципов: вечного мира, абсолютной независимости и полного равноправия во взаимоотношениях с любыми частями остального человечества.

Однако до осознания и понимания всего этого тогда было еще далеко. В XIX веке европейцы и американцы поняли, что в Китае они встретились с дикой и жестокой деспотией. Это было верное впечатление.

Однако эти иностранцы при этом думали, что против такой деспотии нужно бороться огнем и мечом, нужно объединять усилия, считая такую борьбу актом подлинного гуманизма.

Высказывалась мысль, что итогом такой борьбы явится распад Китая на части. Правда, при этом иностранцы были в ужасе от мысли о том, что громадная масса населения Китая окажется в беспорядке, если банда его правителей будет разрознена, разделена на части.

Таким образом, среди иностранцев были и люди, которые считали, что только сами китайцы могут править собой, устанавливать и поддерживать порядок в стране. Беспорядок в Китае при этом виделся иностранцам как ужасная ситуация для остального мира.

Здесь можно лишь сказать, что в настоящее время актуальной и все более актуальной становится задача объединения частей остального человечества в целях достижения договоренности

между ним и Китаем о соблюдении трех упомянутых принципов: мира, самостоятельности, равноправия.

Пока на пути к достижению договоренности, обеспечивающей существование и жизнь человечества, предстоит решить две главные задачи: во-первых, объединить все части остального человечества общей для них целью достижения договоренности с Китаем о вечном мирном сосуществовании, о вечном мире; во-вторых, добиться того, чтобы в Китае отказались полностью и навсегда от мысли о возможности и необходимости установления господства нации Китая над всем остальным человечеством, над всеми его частями, если понадобится, то с применением силы.

Описание (изображение) китайцев в американских учебниках вплоть до 1840 года было таким же, то есть параллельным тому, которое было в отношении китайцев в американских журналах. География явилась одной из первых дисциплин (одним из первых предметов), где происходило развитие американских (школьных) учебников (в США), и той дисциплиной, где Китаю уделялось особое (специальное) внимание (С. 92). Та модель (исследование, составленное в результате рассмотрения) из сорока девяти таких текстов показывает (раскрывает) в высшей степени неприятную картину того, что собой представляли китайцы к 1820 году, картину, которая доминировала в этом жанре на протяжении двух следующих десятилетий, если эта модель, этот образец является вообще репрезентативным, показательным (С. 92–93). Из тридцати шести географов, которые написали эти тексты, двадцать один резко критиковал китайцев, в то же время восемь восхищались ими и семь оставались нейтральны или не укладывались в классификацию. Знаменательно то, что пять из восьми авторов, которые позитивно относились к китайцам, опубликовали свои тексты до 1820 года, в то время как семнадцать из двадцати трех критиков сделали это после той же даты (С. 93).

В последние годы широкое распространение или широкое употребление приобрел термин «геополитика». Обычно тут, кажется, имеют в виду политику в ее глобальных масштабах, применительно к планете Земля в целом. Если принимать во внимание кое-что из истории, то окажется, что в XIX веке большое значение, большое влияние на умы людей оказывала география, учебники по географии, особенно в мире Запада, в Европе и в США.

Что касается России, то далеко не случайно в русской художественной литературе появилась фраза: «География — наука не дворянская».

В Америке в то время сформировалась ситуация, при которой на людей оказывали влияние и воздействие два «источника»: во-первых, пресса, статьи в журналах и газетах, причем пресса стала всеобщей, то есть воздействовавшей на большинство населения; и, во-вторых, учебники географии. И в том, и в другом источнике Китай изображался одинаково. Это по преимуществу была резкая критика китайцев. Конечно, субъективность здесь присутствовала. Настроения отдельных людей, редакторов, авторов учебников, играли роль. И все-таки закономерен вопрос о том, почему это было так. Отчего, по каким причинам отношение было именно таким.

Профессор Джон Нитц приписывал неблагоприятный взгляд (неблагоприятную концепцию) (на китайцев) в текстах по географии одному-единственному английскому автору, Уильяму Гатри, который, по мнению Нитца, навязал «более или менее неблагоприятную характеристику всех азиатов» в качестве «наследства поколений географов». Вне сомнений, что география Гатри была популярна в Америке. Большая часть ее была превращена в сериал (публикацию ряда сообщений) в «Юнайтед Стейтс кроникл» в Провиденсе, штат Род-Айленд, в 1786 году, и один из историков говорит нам, что очень немногие из торговцев отправлялись в Китай в первые два десятилетия торговли без собственных копий «Грамматики Гатри». Джеддиан Морс, первый американский географ, признавал важность и популярность книги Гатри. Ставил ее даже выше, цитируя отрывки из нее. Конечно, такое же описание китайцев, как «самого нечестного, низкого, вороватого кластера в мире, использующего свою природную быстроту в улучшении искусства обмана», цитировалось Нитцем с целью иллюстрировать презрение, презрительное отношение Гатри к китайцам и профессором Рут Миллер Элсон как свидетельство такого же унижительного презрительного отношения в работах Морса.

Однако оба, Гатри и Морс, сбалансировали то, что в их работах порочило китайцев, значительным прославлением великой древности (античности) Китая и упорядоченной социальной системы. Кажется, что Морс сам пересмотрел свою оценку в 1796 году, когда он резко атаковал с кафедры в Чарльстоне,

обрушился на противников за их утверждения о «развращенном народе» Китая и его тиранической власти. <...> В любом случае разделы по Китаю в работах Гатри и Морса были ближе к более благожелательному отношению к китайцам в книгах по географии, изданных до 1820 года, чем едкие критические описания, которые превалировали в таких учебниках после этой даты (С. 93).

Американцы в конце XVIII и в XIX веке продолжали находиться под влиянием англичан во многих областях науки. В частности, именно английский географ воздействовал на американцев в области географии в том, что касалось характеристики китайцев.

Именно англичанин «навязал более или менее неблагоприятную характеристику всех азиатов» в качестве «наследства поколений географов». Именно в связи с этим широко распространилось описание китайцев как «самого нечестного, низкого, вороватого кластера в мире, использующего свою природную быстроту в улучшении искусства обмана».

Судя по этому, возможно, трудно переоценить воздействие опыта в торговле с китайцами на англичан и американцев. У них сложились, по сути дела, общее отношение и общая оценка действий китайцев в этой области.

Такая оценка вытекала из практики торговли англичан и американцев в Китае в это время. В этой оценке много объективной констатации того, что существовало в действительности.

В то же время оказывалось, что уже тогда иностранцы, в том числе англичане и американцы, пытались отграничивать или разграничивать то, что порочило китайцев, когда речь шла о практических, деловых торговых и экономических отношениях, и значительное прославление великой древности (античности) Китая и его упорядоченной социальной системы. Они не соглашались с утверждениями о «развращенном народе Китая» и его тиранической власти.

В целом до 1820 года описание Китая в учебниках по географии было ближе к более благожелательному отношению к китайцам, чем едкие критические описания, которые превалировали после этой даты.

Итак, попытки осуждать кое-что в практике деловых отношений и строить взаимное уважение и взаимное понимание на основе, в частности, признания и восхваления китайской древности возникли уже тогда. Более того, наряду с восхвалением китайской

античности некоторые англичане и американцы восхваляли социальную систему Китая.

Это на практике было началом существующего до настоящего времени у некоторых иностранных политиков и идеологов стремления не затрагивать вопрос о политическом и общественном строе в Китае, о характере находящейся там у власти политической партии — Коммунистической партии Китая, вопрос о стабильности в Китае, не затрагивать положение дел внутри Китая и даже считать, что не только сами китайцы, то есть нынешние власти КПК — КНР, способны поддерживать социальную стабильность в своей стране, но и их опыт является ценным для других народов и стран.

Во всяком случае, мысль о том, что беспорядки в Китае, бунт, восстание, революция, социальные и политические реформы могут создать ситуацию, которая настолько опасна для внешнего для Китая мира, что лучше всего никоим образом всему этому не сочувствовать, не проявлять такого сочувствия и не делать ничего, что содействовало бы такого рода переменам, возникла еще в XIX веке и продолжает существовать и играть свою роль до сих пор, в том числе и в нашей стране, у ее властей.

Здесь важно подчеркнуть, что уже тогда, с одной стороны, появлялись высказывания, осуждающие «развращенный» народ Китая и его «тираническую власть», и, с другой стороны, на Западе, прежде всего в Англии и в США, появились сторонники осуждения таких взглядов на Китай. Очевидно, что они руководствовались двумя соображениями: во-первых, получать практическую, материальную выгоду от торговых и экономических отношений с Китаем; во-вторых, не вмешиваться в дела внутри Китая, не вспоминать о необходимости обеспечивать существование и жизнь человечества, о единстве человечества, о человечности, о гуманизме, о правах человека, о достоинстве человеческой личности, об общечеловеческих нравственных понятиях и ценностях. Все это в своих формах продолжается вплоть до настоящего времени.

Работа известного в мире датского географа Конрада Мальте-Брюна, опубликованная в Бостоне в 1828 году и чрезвычайно популярная в Соединенных Штатах, была более типичной, если говорить о том, каким было отношение к китайцам после 1820 года (С. 93–94). Он содрал кожу с их социальных институтов, прежде чем назвал китайцев «группой поработенных и дисциплинирован-

ных варваров». Однако Сэмюель Гудрич, «Макгаффи восточного побережья», возможно, оказался более способным, чем любой другой географ, в создании презрительного отношения к китайцам в Соединенных Штатах. Гудрич написал множество книг по географии, истории и географические справочники для взрослых и детей. Некоторые из них появлялись под псевдонимом Питер Парли, были написаны от первого лица и создавали впечатление, как будто бы автор ведет репортаж прямо из страны, о которой он пишет. Такая в высшей степени персонализированная форма коммуникации вместе с количеством и популярностью его работ сделала Гудрича важной фигурой в процессе эволюции неблагоприятного образа китайцев в восточной части Соединенных Штатов. Его вывод относительно Китая в 1833 году оставался в основном общепринятым и одобрялся на протяжении всей его карьеры как писателя: «Немногие нации, с чем все в настоящее время соглашаются, пользуются таким малым уважением, или репутацией, или чувствами (по отношению к ним) или настолько двуличны и лживы. Их притворная серьезность так же далека от мудрости, как их обряды и церемонии далеки от вежливости». Все это (эти условия, черты) Гудрич относил к обоим: и к тому, что касалось природы (характера, внутреннего содержания), и к институтам, в чем содержался намек на расистское толкование (объяснение) поведения китайцев, а это толкование стало более общим позднее в том же столетии (С. 94).

После 1820 года в США появились еще более резкие характеристики китайцев. Их называли «группой поработенных и дисциплинированных варваров». О них говорили: «Немногие нации, с чем все в настоящее время соглашаются, пользуются таким малым уважением, или репутацией, или чувствами (по отношению к ним) или настолько двуличны и лживы. Их притворная серьезность так же далека от мудрости, как их обряды и церемонии далеки от вежливости».

Проходит время, а мысли, возникшие у людей еще в XIX веке, требуют того, чтобы что-то из них люди отвергали и одновременно обращали внимание на то, что требует размышлений и настороженности, защиты своих интересов.

Действительно, население Китая до сих пор остается в массе своей послушными исполнителями, которые с готовностью и терпением подчиняются своим вождям и властям.

Продолжает существовать вопрос об отношении к тому, что иной раз именуют «китайской мудростью». Конечно, как и всякий народ, китайцы внесли и вносят свой вклад в мировую копилку мудрости. В то же время то, что в КПК — КНР называют «идеями Мао Цзэдуна», а равно и продолжателей его политического курса, наносило и продолжает наносить вред и народу Китая, и другим народам.

Обряды и церемонии властей Китая и в настоящее время во многих случаях не просто далеки от вежливости, но представляют собой декорацию или фальшь — фасад, прикрывающий совсем иную суть.

Не все из работ этой модели были выражением сугубо критичного взгляда на китайцев после 1820 года. Популярный атлас Бредфорда от 1835 года давал восторженное описание Китая. Работы Скотта, Хью Мюррея были поданы в манере, когда склонялись к более благожелательному взгляду на Китай, и по этой причине чиновники Небесной империи отобрали их с целью перевести их на китайский язык. Однако такого рода работы представляли собой исключение в том десятилетии, которое предшествовало Опиумной войне. Лишенные приукрашивания описания, которые можно найти в учебниках по географии, опубликованных между 1785 и 1840 годами, побудили автора к поиску фундаментального научного исследования этих книг, которое и свидетельствовало о том, что, несмотря на американскую экономическую заинтересованность в Китае, «очень мало стараний было приложено к налаживанию лучших отношений путем развития более благожелательного отношения в американских школьных классах».

В отсутствие более точных средств измерения представляется безопасным заключить, что если говорить о создателях общественного мнения, то благоприятный образ Китая в умах американцев до 1840 года, предполагавшийся некоторыми историками, не существовал. Наоборот, более вероятным представляется то, что эти создатели общественного мнения продвигали концепцию крайне неблагоприятного отношения (к китайцам) (С. 94). Нечего и удивляться тому, что популярный оратор (лектор) Эдвард Эверет отнес китайцев к тем двум третям человечества, которые были «дикарями-язычниками или рабами при самой ненавистной и гнусной гнетущей деспотии», в своем вы-

ступлении в Йельском университете в 1833 году (С. 94–95). Такой вывод, естественно, повлек за собой соответствующее отношение к китайцам в американских журналах и учебниках по географии (С. 95).

Здесь прежде всего необходимо обратить внимание на упоминание о том, что в первой половине XIX века в Китае отбирали работы иностранных авторов, которые пропагандировали выгодные с точки зрения властей Китая взгляды на Китай, для перевода этих работ на китайский язык.

Иными словами, вот уже около двух веков власти в Китае стремятся создавать у китайцев впечатление, что на Западе, во внешнем для Китая мире, есть те, кто пропагандирует точку зрения правителей Китая и на положение дел в Китае, и на роль Китая в мире. В Китае всегда так или иначе брали и берут на содержание подобного рода авторов. Это относится и к нашей стране в настоящее время. Мы имеем в виду, в частности, и тех, кто получает плату за работу в институтах Конфуция, и тех, кто получает деньги, публикуя книги и статьи о Китае, соответствующие пропаганде КПК — КНР.

Образ Китая, представление в Америке о Китае и китайцах и до 1840 года, то есть и до начала Опиумной войны, было по преимуществу мнением о том, что китайцы являются «дикарями-язычниками или рабами при самой ненавистной и гнусной, гнетущей деспотии».

Если гипотеза, предполагаемая на основе этого доказательства (свидетельства), в какой-то мере обоснованна, тогда должна быть некая рефлексия (реакция) в форме ограниченной американской симпатии в отношении британской атаки в Кантоне в 1840 году. Профессор Томас Бейли решительно отвергает такую возможность. Опиумная война происходила в «эру ненависти к британцам», — напоминает он своим читателям. Договор в Нанкине, положивший конец Опиумной войне, и договор при Ашбертоне, разрешивший спор относительно границы в штате Мэн, были подписаны в одном и том же году. То, что американцы почти единодушно поддержали своих уважаемых китайских друзей против другой открыто империалистической авантюры (рискованного предприятия) общего врага, стало выводом, оставленным в качестве наследства поколениям американских исто-

риков знаменитым дипломатом-историком Джоном Фостером в 1904 году (С. 95).

Когда случилась англо-китайская война 1840–1842 годов, в США высказывались разные мнения о том, как к этому отнеслись американцы.

С одной стороны, один из историков напоминает, что это произошло в «эру ненависти к британцам». Другой подчеркивает, что «американцы почти единодушно поддержали своих уважаемые китайских друзей против другой открыто империалистической авантюры (рискованного предприятия) общего врага (китайцев и американцев, то есть против британцев)».

Очевидно, что такого рода настроения в США были. Однако они не «делали погоды», не были главенствующими. Они остались частными и незначительными.

Лекция об Опиумной войне, прочитанная ни больше, ни меньше как такой фигурой, как Джон Квинси Адамс, поднимает вопросы относительно такого заключения (вывода) или по крайней мере создает паузу, прежде чем принять логику утверждения Фостера. В поддержку Англии Адамс аргументирует, что «закон и право» не были «конвертируемыми терминами». Цитируя Ваттели и предвосхищая классический рациональный подход викторианской эры, этот уважаемый старейший государственный деятель настаивает на том, что культивация коммерции (способствование торговле) была «среди (в числе) естественных прав и обязанностей человека (мужчины)». Такое натуральное (естественное) право было «с энтузиазмом принято (к нему присоединились) христианской концепцией — призывом любить своего соседа (своего ближнего), как себя самого», объяснял он, поскольку «нет никакого иного пути, на котором человек может столь много внести (сделать вклад) в комфорт одного и другого (между одним и другим), как коммерция (торговля)». Однако «фундаментальный принцип китайской империи является антикоммерческим (противоторговым)», указывает Адамс. В отличие от более альтруистичных христианских наций, основополагающей мотивацией, стоящей за «неблагодарным (скупым) и антиобщественным» китайским поведением и «основой их системы морали, является эгоистичное наслаждение», — заявлял он. Будучи далек от осуждения английской атаки на Китай, Адамс аплодировал Англии за

то, что она исправила «это громадное грубое нарушение (пору- гание), отступление от права естества», на которое «на про- тяжении длительного времени смотрели сквозь пальцы, которое едва текло тонкой струйкой в действиях самых могущественных христианских наций цивилизованного мира». И, действительно, Адамс аргументировал, что «после того, как возгласили отмену рабства» и «снизили почести по отношению к варварам — аф- риканским последователям Мухаммеда», Англия просто протяну- ла дальше «свою руку либерализма на самый дальний край Азии». Британия стояла «за самое-самое правое дело» в этой войне, ко- торая велась (осуществлялась) не из-за опиума, но «из-за коутоу (низкий поклон, раболепие), то есть, высокомерных и таких, ко- торые невозможно поддержать, претензий Китая», — приходил он к своему выводу (С. 95).

Гораздо более существенным здесь представляется то, что по этому вопросу высказался в своей публичной лекции Джон Квинсли Адамс*.

Адамс был первым президентом США, публично высказав- шимся о Китае. К этому времени он обладал богатым внешнепол- итическим опытом, побывал на дипломатическом посту в России, причем в годы войны России с Наполеоном занимал пост государ- ственного секретаря США, разрабатывал принципы взаимоотно- шений между США и европейскими странами, с 1825 по 1829 год был президентом США. С упомянутой лекцией он выступил в 1842 году.

Адамс выступил в защиту позиции Англии в ее споре с Китаем. Прежде всего Адамс заявил, что «закон и право» не были «конвер- тируемыми терминами». Это означало, что в случае с Китаем ни англичане, ни американцы не могли и не должны были торговаться

* Джон Квинсли Адамс родился в 1767 году, умер в 1848 году. Был шестым по счету президентом США (1825–1829). В 1809–1814 годах был первым по- сланником США в России. В 1817–1824 годах являлся государственным се- кретарем США, одним из авторов доктрины Монро (1823) — внешнеполити- ческой доктрины США, провозглашенной в 1823 году в послании президента США Дж. Монро конгрессу. Эта доктрина декларировала принцип взаим- ного невмешательства стран европейского и американского континентов во внутренние дела друг друга. Доктрина Монро препятствовала приобретению европейскими державами колониальных территорий на американском кон- тиненте и их вмешательству во внутренние дела независимых американских государств.

и идти на уступки, когда речь шла о принципе — соблюдении закона и требований права.

Очевидно, что, с точки зрения Адамса, именно и только Китай требовал отступлений от того, что считалось англичанами и американцами законом и правом.

Это была первая принципиальная позиция Адамса. По сути дела, он исходил из того, что применительно к международным отношениям существует представление о законе и праве. На основе этого представления англичане хотели развивать отношения с Китаем, а китайские власти не желали этого, то есть посягали на закон и право, нарушали представления о законе и праве.

Вместо общепринятых правил, с точки зрения англичан и американцев, китайцы хотели навязать свои правила. Позиция Англии состояла в желании защищать общепринятые, с точки зрения англичан и американцев, законы и права.

Вторая принципиальная позиция Адамса состояла в утверждении того, что способствование торговле — это то, что находится среди естественных прав и обязанностей человека.

Следовательно, Адамс исходил из того, что во взаимоотношениях наций существуют общепринятые законы и права, которые следует соблюдать; собственно говоря, существует международное право, которое должны соблюдать все государства.

Помимо этого в мире существуют естественные или природные права и обязанности уже не государства, а человека. Одним из таких естественных прав и обязанностей является способствование торговле. Все то, что содействует торговле между людьми, оправдано, этот порядок должен соблюдаться. Все то, что мешает людям торговать, должно рассматривать как нарушение естественных прав и обязанностей человека.

Так оказывалось, что Адамс считал, что он защищает и государство, и человека, выступает против нарушения закона и прав китайскими властями. Адамс осуждал власти Китая, считая, что основой их системы морали (системы нравственных ценностей) является эгоистическое наслаждение. С его точки зрения, Англия «протянула руку либерализма на самый дальний край Азии».

Джон Квинсли Адамс пришел к выводу, что Англия вела борьбу за «самое-самое» правое дело; причем эта война осуществлялась не из-за опиума, но «из-за «из-за коутоу (низкий поклон, раболепие), то есть, высокомерных и таких, которые невозможно поддержать, претензий Китая».

По сути дела, иностранцы, прежде всего англичане, но и американцы, уже тогда столкнулись с претензиями властей Китая на господствующее положение; Англия, а вслед за ней и Америка были вынуждены защищать и достоинство человеческой личности, и принцип равноправия в международных отношениях.

Историки никогда не игнорировали эту лекцию Адамса и не относились к ней как к исключительному и необъяснимому отклонению в американском взгляде на войну (С. 95–96). Отказ «Норт Америкен ревью» напечатать его лекцию, кажется, подтверждает веру в то, что синофобия, выраженная в ней, бросает вызов подавляющей американской симпатии по отношению к китайцам. Адамс сам отметил сильную реакцию на свою речь: «Возбуждение общественного мнения и чувств на произнесение этой речи далеко превосходит все те ожидания, которые у меня сформировались». Точное значение этой ремарки — это своего рода предсказание дельфийского оракула, однако обычно приходят к выводу о том, что его синофобия представляла собой наступление (атаку) на сентиментальные связи Америки с Китаем (по отношению к Китаю). Простое объяснение, состоящее в том, что то «сильное общераспространенное мнение», о котором говорил Адамс, было скорее англофобией, чем синофобией, не предполагается (не допускается). И тем не менее, имея в виду едкие критические комментарии относительно Китая в том же «Норт Америкен ревью» перед войной, думается, что надежнее сделать вывод, что редакторы возражали, реагируя не на презрение (неуважение, осуждение) со стороны Адамса по отношению к китайцам, а на оправдание им империалистической авантюры Англии в Китае (С. 96).

В связи с этим выступлением Адамса необходимо обратить внимание на ряд обстоятельств.

Речь бывшего президента США прозвучала как вывод из военных событий, англо-китайской войны в 1840–1842 годах.

Война имела отношение ко всем иностранцам. Адамс не смог не реагировать на такое событие во взаимоотношениях всех иностранцев с китайцами.

Войну многие называли и продолжают называть Опиумной. И на самом деле речь шла об опиуме, о его доставке в Китай, о торговле им в Китае, о продаже его китайцам, о распространении его в Китае, о способствовании распространению этого наркотика в Китае.

Опиум наносил громадный вред здоровью людей, которые жили в Китае и пристрастились к нему. Доставка опиума в Китай диктовалась для иностранцев, которые этим занимались, экономической, материальной выгодой и прибылью.

Англичане были заинтересованы в распространении своей торговой сети на весь известный им мир. В Китае они закупали главным образом чай и фарфор. В уплату китайцы требовали и принимали только серебро. Это вызывало у англичан проблемы. Затем они обнаружили, что в Китае можно продавать опиум, наладили его производство в Индии и развернули громадную по масштабам операцию по сбыту опиума в Китае. Полученные за опиум средства (серебро) англичане пустили на закупку чая. Так появилась «система» англо-китайской торговли.

Через некоторое время правительство Китая, власти Великой Цинской империи, решили воспользоваться ситуацией и остановить проникновение иностранцев в Китай, представителей «внешнего мира» в Китай. Ограничить связи между иностранцами и китайцами. Здесь запрет на торговлю опиумом представился цинским властям удобным рычагом, с помощью которого они решали не только внутренние для государства вопросы, но и прежде всего вопрос о своего рода «новом закрытии» Китая от иностранцев, о восстановлении в возможных формах ситуации во взаимоотношениях Китая и остального мира до начала торговли англичан с Китаем.

Итак, можно констатировать, что курение опиума приняло такие масштабы, что это стало опасно для населения Китая. Отравление населения другой страны наркотиками недопустимо и должно было быть прекращено.

В то же время опиум, борьба с торговлей опиумом оказалась в определенном смысле прикрытием других расчетов властей Великой Цинской империи.

Здесь уместно вспомнить, что главный сановник Великой Цинской империи Линь Цзэсюй, осуществлявший меры по прекращению торговли англичанами опиумом в Кантоне, то есть на юге Китая, говорил, что главная угроза для Китая исходит с севера, со стороны России. Так уже тогда рождались и проявлялись «наметки» стратегии Китая: внушать Западу, что его главный враг — Россия и что Китай здесь на стороне Запада.

Все это подтверждало то, что действия Цинов были частью их внешней политики в целом. Они стремились заново ограждать

Китай от воздействия иностранцев, откуда бы они ни стремились проникнуть в Китай.

Само название *я пянь чжань чжэн* («Опиумная война») позволяло властям Великой Цинской империи переносить внимание на опиум как на главную причину войны, выставить иностранцев «губителями» китайского населения, а себя, власти Цинской династии, защитниками Китая и его населения.

На самом деле обстановка в мире в целом в то время стала складываться таким образом, что страны, в том числе и Китай, постепенно открывались для своих соседей по планете, для всемирной торговли, для всемирных экономических связей, а следовательно, и для влияния на население той или иной страны, в данном случае Китая, со стороны внешнего мира, остального мира. Этому власти Великой Цинской империи не хотели допускать никоим образом.

Здесь можно также вспомнить, что всего через восемь лет после окончания Опиумной войны, то есть в 1850 году, в Китае началось восстание тайпинов под знаменем своеобразного, исключительно китайского, но христианства. А это и было в числе прочих причин проявлением влияния на Китай «со стороны» остального мира.

Таким образом, при полном осуждении отравления людей в Китае опиумом, доставлявшимся, распространявшимся, продававшимся прежде всего, но не только англичанами, необходимо принимать во внимание и другие обстоятельства.

Здесь на первый план выступает необходимость для человечества принимать и защищать общечеловеческие ценности, правила нравственного поведения. Представления о правах человека. Необходимость считаться с достоинством человеческой личности. А далее речь шла о таких общих для всех наций принципах международного общения, как мир, самостоятельность, равноправие.

Действия, предпринятые властями Великой Цинской империи и явившиеся началом войны 1840–1842 годов, были наступлением на международное право, на принцип равноправия и на прогрессивные общечеловеческие представления о природном праве человека торговать, обмениваться товарами с другими человеком. Одной нации обмениваться товарами с представителями другой нации.

Таким образом, внешне речь шла о войне в защиту населения Китая от отравления его англичанами опиумом. Такую торговлю

следовало осудить, запретить и не допускать. Однако с этим неразрывно была связана и суть тогдашнего конфликта: нападение властей Великой Цинской империи на принцип равенства, равноправия наций, принцип свободы торговли, принцип главенства международного права.

Важно, что Джон Квинсли Адамс сумел понять происходившее и публично разъяснил и американцам, и китайским властям, и всему миру свое видение этой ситуации. Адамс выступил со своей речью в момент, когда у населения Америки существовала всеобщая симпатия к китайцам. Это в первый раз случилось в истории США. Впервые уважаемый политик, пользовавшийся авторитетом, своего рода патриарх нации, «раскрыл глаза» людям в Америке, нации на то, что ему, как видевшему все «сверху» и «глубже», было очевидно. Адамс исходил из глобального понимания того, что происходило в мире.

Дело было не в преобладавшем в то время в США, особенно со стороны формировавших общественное мнение редакторов американских газет и журналов, осуждении империалистической авантюры Англии в Китае. Действия Англии при желании можно было трактовать таким образом. Однако, по сути дела, англичане фактически от имени всех иностранцев, представляя весь остальной мир, сопротивлялись стремлению властей Великой Цинской империи сохранить основу взглядов и будущей глобальной стратегии Китая, которая предполагала навязывание остальному человечеству власти, контроля, господства со стороны нации Китая, отрицание принципов мира, самостоятельности и равноправия наций.

Внешне война велась с целью навязать китайским властям свободную продажу опиума в Китае. На самом деле так или иначе в конечном счете продажа опиума была запрещена. Однако в Китае, как следствие именно этой войны, возникло и искусственно поддерживается и раздувается мнение о том, что с этого началось вековое унижение китайцев со стороны иностранцев и тем самым оправдывается сохранение до настоящего времени подвешенных проблем и исторических счетов, в том числе территориальных, ко всем тем народам и странам на Земле, к которым те или иные правители Китая могут и захотят их предъявить.

С этим связан и эксплуатируемый властями Китая тезис о полукOLONIALном положении Китая. Суверенитет и права Китая были ущемлены, договоры с иностранцами, не касавшиеся границ, были неравноправными, однако Китай никогда не был колонией,

тем более полноценной колонией, его положение нет оснований, по сути дела, называть положением полуколонии.

Все привилегии и права иностранцев на территории Китая с течением времени были отменены, прекратили существование. Военным путем Китаю положение колонии навязывала только Япония. От этого Китай избавился при важной роли остального человечества, с которым Китай вступил в союз против агрессии Японии.

Все это было даже в какой-то степени естественным развитием событий. В то же время именно после знакомства китайцев с внешним миром, со странами, которые именуются Западом, начался процесс вхождения Китая в сообщество наций. Очень многое такое, чего китайцы сами не достигли, было принесено в Китай. Китайцы получили от этого процесса такую выгоду и такие вещи, которых они до начала общения с остальным человечеством никогда не имели. Модернизация Китая, приход Китая к состоянию равного партнера на уровне достижений человечества начался именно со времен начала знакомства китайцев и остального человечества, именно благодаря торговым и иным связям, которые остальное человечество предложило Китаю.

Адамс не был тем единственным американцем, который оказался способен отделить свое традиционное недоверие к Англии таким образом, что он смог атаковать ее действия вдоль границы США и Канады или в открытом море и при всем при этом все же видеть ее вторжение в Китай как оборону, как защиту базисных прав человека. Англофобски настроенная «Нью-Йорк геральд» сдирала кожу с Англии в 1841 году за «агрессию и экспансию (расширение)», упоминая инциденты на канадской границе, требования (претензии) на территории на северо-западе, захват американского купеческого судна в Африке и сожжение «Каролины» четыремя годами ранее. Газета опустила в этом списке Опиумную войну, и это не было просмотром или оплошностью, так как всего двумя месяцами ранее Джеймс Гордон Беннет приветствовал британскую атаку на Китай, сравнивая это с поражением мексиканцев и созданием Республики Техас. «Это еще одно проявление англосаксонского духа на богом забытом востоке, выступление против барьеров полуварваров и полуживилизованной расы, которая пребывает в неподвижности на протяжении двух тысячелетий (двадцати веков) или более того», — полагал

Беннет. «Ивнинг пост» Уильяма Галлена Брайана оказалась также способна заявить, что «наконец-то хотя бы раз (хотя бы однажды) девиз Англии “Бог и мое право” смог оказаться «более всего оправданным, став кличем ее сынов на берегах Небесной империи». Приятель Адамса Бэй Статер и кумир циклов чтения лекций Эдвард Эверет также решительно поддержали Англию в Опиумной войне.

Все это все же никак не подразумевает, что большинство американцев поддерживали Англию в Опиумной войне. Это явно было не так (С. 96). Однако небольшое, но важное меньшинство боролось за дело Англии в Китае, и, возможно, на принятие такого решения повлияли американские купцы и миссионеры (С. 96–97).

Также необходимо подчеркнуть, что большинство американцев не поддерживали Англию в Опиумной войне. Однако небольшое, но важное меньшинство боролось за дело Англии в Китае, и, возможно, на принятие такого решения повлияли американские торговцы и миссионеры.

Все это явилось чуть ли не первым в истории взаимоотношений китайцев и остального человечества расколом в рядах этого остального человечества по вопросу о взаимоотношениях с Китаем.

Небольшая часть человечества, небольшое, но важное меньшинство увидело необходимость защищать общепринятые среди передовых людей своего времени нравственные ценности и представления о международном праве, о принципе равенства наций, их равноправии.

Китайцы, прежде всего их власти, при встрече с остальным человечеством и с самого начала, и в определенной степени вплоть до настоящего времени, продолжали считать себя центром Поднебесной (Вселенной), а весь остальной мир периферией, «варварами», которым предстояло либо добровольно принять господствующее положение нации Китая, либо оказаться вынужденными сделать это под соответствующим давлением нации Китая, настолько сильным, что ему никто в мире не мог противостоять.

Профессор Деннет признавал, что Адамс был «близко знаком» с купцами, имевшими дела с Китаем, и профессор Бемис отмечал, что экс-президент был жадным читателем сочинений путешественников в Небесную империю, предположитель-

но торговцев, миссионеров и дипломатов. Документы, которые Адамс собирал в поддержку своей позиции, включали оценку Китая этими группами людей, а также сообщения о знаменитом судебном процессе Терранова в 1821 году, который проходил тогда, когда Адамс был государственным секретарем. И все же эти историки никогда не рассматривали вопрос о каком бы то ни было влиянии на Адамса со стороны купцов или миссионеров. Напротив, Деннет заявлял со всей решительностью, что американцы в Китае, а в равной степени и «религиозные и филантропические круги» в Соединенных Штатах, решительно не одобряли войну, которую вела Англия; утверждение, что он поддерживал, содержалось в одной-единственной статье из «Натс мерчант мэгэзин». Да и Деннет находил странным то, что американский миссионер в сфере медицины Питер Паркер рекомендовал, чтобы Адамс был назначен посланником (комиссионером) в Китай после его «позорной» лекции об Опиумной войне. Паркер сам «был активно вовлечен в деятельность по возбуждению и образованию (воспитанию) общественного мнения в вопросе о Китае», — писал Деннет, оставляя читателям возможность сделать вывод о том, что Паркер симпатизировал жителям Небесной империи. Фактически же позиция Паркера по вопросу о войне была почти идентична позиции Адамса (С. 97).

Джон Фостер также цитировал двух американских миссионеров в Китае, которые были настроены в пользу дела Англии, с тем чтобы продемонстрировать, что Адамс не был полностью изолирован в своем взгляде на войну. Однако Фостер сделал совершенно ясным то, что эти два миссионера были одиночками (исключением, маверик) среди американцев в Кантоне, как Адамс был дома в Америке. Никто систематизированно не проверил утверждение о том, что американцы в Китае выступали против английских действий там; такое утверждение остается более в области логики, чем тут имеются какие бы то ни было реальные доказательства. И все же, если выводы в предыдущих главах этого исследования хотя бы в какой-то степени жизнеспособны (реальны), американцы в Китае должны были поддерживать своих английских друзей против китайцев, к которым они относились с презрением (С. 97).

Судя по фактам, приведенным профессором Миллером в его исследовании, американцы в Китае должны были поддерживать

своих английских друзей против китайцев, к которым они относились с презрением.

При этом под термином «презрение» профессор Миллер и упоминавшиеся им американцы и англичане, очевидно, имели в виду тот, с их точки зрения, факт, что высокие нравственные ценности, общепринятые представления в мире англичан и американцев о человеческой личности, о ее достоинстве и правах, о принципах взаимоотношений наций между собой, то есть о международном праве, фактически о важных нормах, выработанных остальным человечеством, оказались недоступны для понимания их китайцами, не были приняты китайцами, более того, намеренно нарушались китайцами, которые фактически стремились навязать англичанам и американцам, остальному человечеству свои правила и свой «новый порядок».

Зафиксированные чувства торговцев в Кантоне показывают, что подавляющее большинство в этой группе поддерживало англичан в Опиумной войне, имея в виду тесное сотрудничество между двумя говорившими по-английски группами людей в Кантоне, это едва ли удивительно. Когда английские торговцы покинули город, после того как уполномоченный (посланник) Линь Цзэсюй захватил и конфисковал их опиум, американцы продолжали выполнять запросы на китайские товары своих англосаксонских кузенов, которые ретировались в Макао (С. 97). Возвратившись в Провиденс, торговец и в свое время консул в Китае Каррингтон получил письма от шести торговцев из Китая во время враждебных действий, пятеро из которых тепло поддерживали английские действия там (С. 97–98).

Один из них, Исаак Булл, не был англофилом и испытывал некоторые душевные страдания, занимая такую позицию. «Я хочу, чтобы моя собственность была защищена от англичан, а не от китайцев», — с негодованием жаловался он в 1839 году. Через несколько месяцев он, однако, начал осознавать это как борьбу между китайцами и всеми «иностранцами» в Кантоне. И выражал надежду, что она будет доведена до конца и вопрос будет решен навсегда (постоянно, окончательно). «Дела между китайцами и иностранцами развиваются постепенно к желаемому результату, то есть к финальному разрыву между Китаем и Англией», — сообщал он Каррингтону. Спустя несколько недель он был рад тому, что китайцы приказали англичанам покинуть Кантон, что

не оставляло англичанам никакой другой альтернативы, а только сражение. Булл даже был настроен в пользу блокады со стороны англичан, обосновывая это тем, что если она будет установлена перед финальным разрешением вопроса, тогда со стороны Китая не будет сделано никаких уступок. «Англичане могут приводить разумные доводы в разговорах с китайцами вплоть до дня страшного суда, но со стороны китайцев не будет никаких уступок, они не дадут англичанам ничего из того, чего они хотят, если не будет применена сила», — писал он. Такой была почти единодушная уверенность в американской общине в Кантоне, и это было то, о чем писали несколько американских газет во время войны. Торговец или миссионер вне каких-либо сомнений находился за тем заявлением, которое было опубликовано в «Провиденс джурнал»: «От китайского правительства мы не можем ожидать ничего, кроме лжи (лживости, неправды), хитрости (обмана), нарушения обещаний и договоров, предательства (вероломства) во всех его отвратительных (возмутительных, самых гнусных) формах, лести (угодливости, раболепия), проявлений страха, льстивости (гибкости)... спеси, надменности (высокомерия), презрения (неуважения) и безжалостной жестокости в случае, если ему удастся добиться успеха». Тем временем старый торговец в Китае Форбс сумел убедить Дэниэла Вебстера в том, что китайцы понимают и уважают только силу (С. 98).

Подавляющее большинство американцев, которые вели торговлю в Китае, поддерживали англичан в Опиумной войне. Дело было в том, что одни из них раньше, а другие позже осознавали, что речь идет о борьбе между китайцами и всеми иностранцами, а не только англичанами. Англичане выражали и защищали общие интересы всех иностранцев в Кантоне.

При этом некоторые из американцев считали, что «англичане могут приводить в разговорах с китайцами разумные доводы вплоть до дня страшного суда, но со стороны китайцев не будет никаких уступок; они не дадут англичанам ничего из того, чего они хотят, если не будет применена сила». «От китайского правительства мы не можем ожидать ничего кроме лжи (лживости, неправды), хитрости (обмана), нарушения обещаний и договоров, предательства (вероломства) во всех его отвратительных (возмутительных, самых гнусных) формах, лести (угодливости, раболепия), проявлений страха, льстивости (гибкости)... спеси, надменности (высокомерия), презрения

(неуважения) и безжалостной жестокости в случае, если ему (китайскому правительству) удастся добиться успеха».

В этих словах иностранцы, основываясь на практике ведения дел с китайцами, с китайскими властями, сделали свои выводы, указав на то, как ведут и могут вести себя китайцы. Это может относиться и к властям Китая в настоящее время, в частности и прежде всего являющимся последователями Мао Цзэдуна, и в ситуации, когда сила не за ними, и в том случае, если у них есть возможность навязывать свою волю иностранцам.

Сначала для Огустина Херда-младшего было трудно поддержать британские требования к Китаю, несмотря на его тесные и дружественные отношения с английскими торговцами. В своем дневнике он описывал медленную эволюцию (своего подтверждения, признания ситуации); сначала осуждение «заслуживающих презрения» действий китайских официальных лиц, а в конце Херд выразил после войны сожаление в связи с тем, что Англия не завершила работу. Для Уильяма Генри Лоу такой проблемы не было никогда, и он не только поддерживал англичан с начала возникновения трудностей, но и активно служил курьером для капитана Эллиота, когда сражение началось.

Несколько торговцев отметили фактическое единодушие симпатий американцев в Кантоне к британцам, когда начались военные действия (С. 98). Возможно, этого следовало ожидать от таких торговцев, как Уитмен, Ричи, Огустин, Херд и Форбс, которые проявляли симпатии по отношению к британским действиям в Китае (С. 98–99). Однако еще более интересно обнаружить, что два торговца враждебно относились к британцам, это поставило их в положение тех, кто бросал вызов любому согласию, и они с готовностью признали, что их взгляды не совпадали со взглядами большинства их соотечественников (С. 99).

Так, капитан Мартин, который был доволен тем, что «англичане теперь страдают от наказания со стороны деяний своего же дьявола», делал строгий выговор своим соотечественникам в Кантоне за поддержку (ими англичан). Ему, видите ли, было «жаль», что они тоже «нарушали законы Китая», и он жаловался Каррингтону, что у него «не было и мысли о том, что он окажется вне закона». Когда он отплыл из Провиденса, Уильям Хантер, который характеризовал Опиумную войну как «одну из самых несправедливых войн, которые когда-либо одна нация вела против

другой нации», также приходил к выводу о том, что в этом своем взгляде на войну он практически был одинок в сообществе иностранцев в Кантоне. По сути дела, Хантер опубликовал свои записи сорок лет спустя после этих событий и, кажется, удобно (для себя) забыл о том гневе, с которым он сам описывал «акт пиратства» Линь Цзэсюя в 1839 году и свою же собственную надежду на то, что «китайское правительство заплатит за все это... (за) насильственное заключение в тюрьму всех иностранцев в Кантоне... до той поры, пока опиум, **не их собственный**, будет передан этому подлецу верховному комиссару (уполномоченному). <...> Он заманил нас в ловушку, однако прошу тебя Боже, он, возможно, очень поплатился за это» (С. 99).

Фактически и американские торговцы, а не только англичане, осуждали «заслуживающие презрения» действия китайских чиновников с целью конфискации опиума, насильственное заключение в тюрьму всех иностранцев в Кантоне, считая, что Линь Цзэсюй «заманил» их «в ловушку». Американцы фактически единодушно симпатизировали британцам, когда начались военные действия.

Американцы также потеряли свою часть того британского опиума, когда уполномоченный Линь захватил его. Эта нелегальная торговля уже сильно напрягла отношения между китайскими чиновниками и западными торговцами, которые и так никогда не были слишком сердечными, если начинать сначала. Миссионер Сэмюэль Уэллс Уильямс свидетельствовал, что годы, прошедшие с тех пор, как в 1834 году был выслан лорд Напье, были «мрачными». Тогда иностранцы были заключены в своих факториях, слуги из местных жителей получили приказ покинуть эти кварталы, и ограничения, наложенные на миссионеров, были увеличены. Официальная китайская попытка повесить китайца — торговца опиумом на глазах у иностранцев, перед иностранными факториями (кварталами), сорванная (отраженная) английскими и американскими торговцами, привела лишь к тому, что произошло ответное вторжение сотен китайских хулиганов. Такие инциденты озлобляли большинство членов сообщества иностранцев. Хантер свидетельствовал о быстром ухудшении уважения к китайским чиновникам и людям вообще в годы, предшествовавшие первой англо-китайской войне, то есть о той тенденции, которую он полностью считал предосудительной (С. 99).

Американцы также потеряли часть своего опиума, когда Линь Цзэсюй захватил его.

Таким образом, это свидетельствовало о том, что американцы принимали участие в контрабанде опиума в Китай. Китайские власти конфисковали опиум, не делая различий между его владельцами, англичанами или американцами. Отсюда и негодование американских купцов.

Отношения между иностранными торговцами, осуществлявшими нелегальную торговлю, и китайскими чиновниками с самого начала не были сердечными.

В 1834 году после осложнения англо-китайских отношений иностранцы были заключены в своих факториях, то есть изолированы в них, их слуги-китайцы получили приказ покинуть эти кварталы, ограничения, наложенные на торговцев, были увеличены.

Китайские власти предприняли попытку повесить публично перед иностранными факториями на глазах у иностранцев китайца — торговца опиумом. Иностранцы сорвали эту попытку, и тогда в эти кварталы произошло вторжение сотен хулиганов.

В 1966 году во время «культурной революции», особенно в отношении английского представительства и посольства СССР, предпринимались подобные действия. Иностранцы в них были блокированы и окружены сотнями тысяч организованных демонстрантов. Обслуживавшему представительству персоналу из китайцев было приказано покинуть свои рабочие места.

Китайцы были очень заинтересованы в этой своей работе. Ходили слухи, что организатора такого ухода из советского посольства — китайца, действовавшего по приказу соответствующих органов, другие китайцы — работники посольства убили, подсунув его под грузовик.

Здание английского представительства было сожжено. Служащие представительства, женщины, подверглись оскорблениям.

На территорию советского посольства было совершено вторжение. На воротах посольства СССР были укреплены макеты гробов с надписями: «Повесить Брежнева!», «Изжарить в кипящем масле Косыгина!» (Вероятно, Мао Цзэдун таким образом мстил Косыгину за фразу в беседе с Мао Цзэдуном в начале 1965 года: «Вашей борьбы против империализма не видно».)

Эти действия китайских властей заставили вывезти из Китая всех женщин и детей — членов семей сотрудников советских учреждений. На аэродроме организованные *хунвэйбины* — крас-

ногвардейцы Мао Цзэдуна — фактически вынудили женщин и детей из нашей страны, возвращавшихся на родину, пройти сквозь строй оскорблявших их «красногвардейцев» — защитников Мао, сгибаться, наклонять голову, проходя под портретом Мао Цзэдуна, перегораживавшим сверху оставленный для них узкий проход. Мужчины — сотрудники советского посольства защищали своих жен и детей, окружили их живой цепью. В этой цепи с ними стояли сотрудники еще только одного дипломатического представительства — миссии временного поверенного в делах Великобритании.

Таким образом, то, как вели себя китайские власти по отношению к иностранцам еще до Опиумной войны, в чем-то повторилось в действиях китайских властей по отношению к советскому посольству и к британской миссии во время «культурной революции» в 1966 году.

По свидетельствам американских купцов, перед Опиумной войной среди иностранцев быстро ухудшалось отношение к китайским чиновникам и к китайцам вообще.

В 1840 году удавшаяся казнь китайского торговца опиумом под американским флагом стала причиной того, что консул Питер Сноу спустил флаг в знак протеста против этого «прямого и явного оскорбления» Соединенных Штатов (С. 99). Сноу в своем докладе государственному секретарю Форсайту сделал ясным то, что он симпатизировал англичанам и находил требования уполномоченного (комиссара) Линя совершенно нецивилизованными (С. 99–100).

«Для цивилизованного правительства недопустимо, чтобы кровь невинных проливалась в отместку за преступления виновных, — это слишком чудовищно», — жаловался Сноу, имея в виду требования Линя Цзэсюя, чтобы все иностранные торговцы сдали долговые обязательства, которые будут конфискованы, если они (торговцы) будут заключать сделки с опиумом. Своего рода невинный тон доклада Сноу не согласовывался с его же собственным заявлением Линя Цзэсюю о том, что 1540 ящичков опиума, конфискованных у британцев, принадлежали американцам. И действительно, по оценке профессора Чана, «относительное значение американской доли в торговле» было «значительным», и после враждебных военных действий большая часть британской торговли опиумом «продолжалась с американской помощью и под их (американцев) защитой» (С. 100).

Консул Сноу заканчивал свой доклад выводом-признанием своих «обязательств» по отношению к капитану Эллиоту, который обеспечил американцам «защиту» и выражал надежду на то, что «это дружественное и достойное уважения поведение» британцев «будет должным образом оценено нашим правительством у нас дома». Если это не было вполне ясной мольбой об официальной поддержке дела англичан, то Форбс и другие американские торговцы в Кантоне восполнили этот недостаток. Они направили петицию (обращение) в конгресс США с просьбой осудить «грабеж» британских торговцев «своевольными действиями» Линь Цзэсюя и оправдывали блокаду англичанами (Кантона) и их военные действия с той целью, чтобы «ослабить китайское правительство, склонить его к согласию выслушать все справедливые и резонные разумные требования иностранных держав». В заключение они настаивали на том, чтобы правительство США «немедленно приняло меры; и, если это будет сочтено достойным быть принятым в качестве совета, действовать в согласии (согласованно) с правительствами Великобритании, Франции и Голландии или с кем-то из них в их усилиях (попытках) установить коммерческие отношения (торговые отношения)... на безопасной, надежной и почетной основе» (С. 100).

В то время как Аббот Лоуренс представлял эту петицию конгрессу в январе 1840 года, группа торговцев из Бостона и Салема выступила со второй петицией (обращением), в которой они побуждали конгресс не предпринимать никаких необдуманных, неосторожных действий в Китае. Они соглашались с тем, что военно-морские силы в китайских водах необходимы, однако они предостерегали, считая, что такие действия должны быть строго нейтральными. Значительная разница между этими двумя группами петиционеров была в возрасте этих людей: вторая группа подписантов представляла старых «специалистов по Китаю». Однако вторая петиция просто выражала необходимость проявления осторожности и не выражала никакой симпатии по отношению к китайцам (С. 100).

Американские торговцы в Китае, во всяком случае их значительная часть, обратились к правительству США, настаивая на том, чтобы это правительство «немедленно приняло меры; и, если это будет сочтено достойным быть принятым в качестве совета,

действовать согласованно с правительствами Великобритании, Франции и Голландии или с кем-то из них в их попытках установить коммерческие отношения (торговые отношения)... на безопасной, надежной и почетной основе».

Таким образом, уже в то время родилась и пользовалась поддержкой мысль о необходимости для всех иностранцев, которые имеют дела с Китаем, защищать общие интересы, объединяясь перед лицом неприемлемых действий со стороны властей Китая.

Также попутно можно заметить, что уже тогда появлялись the older "China hands" — «старые специалисты по Китаю», которые не то чтобы выступали на стороне Китая, но призывали к большей осторожности во взаимоотношениях с ним.

Поддержка со стороны американских миссионеров англичан в их конфликте с Китаем была не менее всеобщей, чем действия американских торговцев в Кантоне (С. 100). Вильямс объяснял читателям «Мишнер геральд», что Китай нуждается в «сильном ударе для того, чтобы пробудить его от сна воображаемой им доброты и безопасности» (С. 100–101). Сэм Браун, миссионер-учитель (преподаватель), был менее озабочен сдержанностью британцев, чем он сделал это в 1834 году после изгнания лорда Напье: «Как долго будет Англия продолжать носить льва как свой шлем (девиз) и при этом все так же играть роль зайца?» Преподобный Бун из епископальной церкви приветствовал блокаду как гарантию того, что англичане на сей раз собираются воевать: «Есть лишь один барьер на пути к тому, чтобы создать сотни миссий среди этих буквально гибнущих язычников-идолопоклонников, и этот барьер (это препятствие) носит политический характер, это тот барьер, который может быть устранен в один день». Бун предсказывал, что англичане «откроют возможности для наших резиденций (для нашего присутствия), прежде чем закончится нынешний год, откроют города, обитателей которых больше по численности, чем обитателей всех наших городов на побережье Атлантического океана, взятых вместе». Госпожа Шак признавалась: «Как же эти трудности радуют мое сердце; это происходит по той причине, что я думаю, что английское правительство может прийти в ярость и Господь Бог, будучи в своей власти, сможет сокрушить те барьеры, которые мешают Евангелию от Христа прийти (войти) в Китай». Бриджмен и редакторы «Мишнер геральд» присоединились к массе американских миссионеров в их призыве к англо-китай-

ской ссоре (разрыву) как к «великому проекту Провидения с целью открыть Китай для христианства» (С. 101).

Американские миссионеры, как и американские торговцы в Китае, фактически единодушно поддерживали англичан в войне 1840–1842 годов. Они видели в действиях англичан намерение «сокрушить те барьеры, которые мешают Евангелию от Христа прийти в Китай» и «открыть Китай для христианства». Проповедь христианства была целью жизни этих миссионеров. В то же время они в XIX веке так и не смогли понять, что в Китае им добиться этой своей цели никогда не удастся, во всяком случае в такой степени и в таких масштабах, которые бы их удовлетворили.

Однако миссионеры, в отличие от торговцев, были в большей степени озабочены той ролью, которую играла контрабанда опиума как причина начала войны. Как группа они строго осуждали эту незаконную торговлю и находили необходимым бороться со своей совестью и выработать тщательно разработанные рациональные доводы с целью оправдать войну. Публикуя текст речи Адамса, редакторы «Чайниз репозитори» выражали благодарность за «ясную манеру», в которой Адамс продемонстрировал, что «китайское правительство не имеет права исключать себя, отделять себя от остального человечества» и что война в большей степени началась из-за «китайского высокомерия, самомнения, тщеславия и невежества». И тем не менее они не могли с легкостью принять тот аргумент Адамса, что опиум был не в большей степени причиной войны, чем потопление чая в гавани Бостона было причиной американской революции. В конце редакторы нашли утешение в том рационалистическом объяснении, что пути Господа неисповедимы, но все согласятся с тем, что «всемогущий правитель наций сам выбирает те пути, которые оказываются добрыми для обеих сторон», как результат войны (С. 101).*

* В БЭС говорится: «Бостонское чаепитие» 1773 года, эпизод борьбы английских колоний в Северной Америке за независимость. В знак протеста против беспощинного ввоза английского чая в Северную Америку, что подрывало экономику колоний, члены организации «Сыны свободы» в декабре 1773 года проникли на английские корабли в Бостонском порту и выбросили в море партию чая.

Американские миссионеры-протестанты испытывали сложные чувства в связи с войной между Англией и Китаем в 1840–1842 годах. Их волновало и то, что эту войну называли Опиумной. Их принципы побуждали их осуждать контрабанду англичанами опиума в Китай, а именно это предстало для большинства людей как причина начала войны. Они, конечно же, были на стороне людей, которые травились опиумом. Их симпатии были с теми китайцами, которые запрещали контрабанду опиума.

В то же время такого рода соображения оказывались для них муками совести. Совесть диктовала осуждение контрабанды опиума и осуждение англичан, которые этой контрабандой занимались.

Им было хорошо известно и положение дел в Китае, то есть они, вероятно, понимали, что жизнь в Китае настолько тяжела, что люди стараются отвлечься от нее хотя бы на время, хотя бы под воздействием наркотика, опиума, а потому сам запрос на опиум со стороны китайцев существовал, и на них, на власти Китая, тоже падала ответственность за участие в контрабанде опиума и распространение его по Китаю.

Миссионерам также была известна и суть политики властей Великой Цинской империи по отношению к иностранцам, к торговле с иностранцами. В том числе и к ним самим, и к их усилиям с целью обращения китайцев в христианство.

Они поддержали позицию Адамса, считая, что «китайское правительство не имеет права исключать себя, отделять себя от остального человечества». И что война началась «из-за китайского высокомерия, самомнения, тщеславия и невежества».

И тем не менее они не могли с легкостью принять аргумент Адамса, что опиум был не в большей степени причиной войны, чем «потопление чая» в бостонской гавани, «Бостонское чаепитие», было причиной американской революции.

Миссионеры находили утешение в мысли о том, что пути Господа неисповедимы.

Здесь обращает на себя внимание существовавшая уже тогда во взаимоотношениях иностранцев и китайцев мысль о неразрывной связи между китайцами и остальным человечеством и о том, что действиями властей Китая руководят высокомерие, то есть неравноправное отношение к иностранцам, самомнение, тщеславие и невежество.

Питер Паркер настаивал на том, что война была необходима для того, чтобы покончить с торговлей опиумом: «Это

возможность для великой радости, что торговля опиумом будет закончена (С. 101). Но это должно быть сделано в такой манере, которая является своеобразной для той нации, которая мнит себя главной частью мира, а все остальные нации как просто своего рода пригоршни людей, которые явились с тем, чтобы разделить (получить часть) ее безграничного сострадания» (С. 101–102).

Как война может положить конец торговле опиумом, Паркер так никогда и не объяснил. Такие детали он оставил Господу: «Возможно, воля Господа свершит это; и, может быть, каждое изменение ускорит пришествие Царствия Небесного (Божьего) к нам сюда!» Паркер сам занялся своим делом, принес его в США, где он выступал с лекциями по всей стране, в конгрессе, и вплоть до кабинета президента, на тему «о природе войны». Имели место две общие ошибки в американском мышлении по вопросу о войне, — жаловался он. Каждый американец в Китае знает, что Англия не вступалась в борьбу с целью «навсегда увековечить торговлю опиумом и что не было скрытого объекта завоевания». Истинная цель войны заключалась в том, чтобы «заполучить гарантию от убытков в прошлом и безопасности на будущее». Бриджмен, Абиль и Вильямс присоединились к попытке Паркера с целью воспитать американский народ на этих положениях благодаря потоку писем редакторам в США. Даже письмо от прусского миссионера Гутцлафа своему другу в Шотландии было использовано с целью найти путь в газету «Нью-Йорк геральд». Победа Англии «чревата высочайшей выгодой для коммерции (торговли) и цивилизации, и действительно для самых настоящих и наилучших интересов человечества (человеческой расы) и в особенности Китая», — декларировал Гутцлаф. В учебнике одной воскресной школы объяснялось, что жители Небесной империи будут получать выгоду от британского вторжения благодаря разрушению «ткани деспотизма, язычества (паганизма) и религиозных предрассудков», от которых они страдают.

Как бы ни был позднее настойчив Вильямс, утверждая, что «всякий в Китае» знает, что британские действия включают в себя «гораздо более высокие принципы, чем просто торговля опиумом», он все же считал необходимым оправдывать свое утверждение, продолжая делать это на страницах журналов миссионеров... (С. 102).

В США постепенно формировалось отношение к той войне. При этом подчеркивалось понимание того, с кем или с чем европейцам и американцам приходится иметь дело: «Нация, которая мнит себя главной частью мира, а все остальные нации (рассматривает) просто как пригоршни людей, которые явились с тем, чтобы разделить ее безграничное сострадание (получить часть ее безграничного сострадания)».

Всем «иным прочим» приходилось осознавать, что китайцы руководствуются мнением о себе как о главной части мира или главной части человечества. Медленно, постепенно приходило осознание того, что в Китае в случае знакомства с ним европейцев и американцев приходится считаться с навязывавшимся китайцами делением мира, делением человечества на две части. Главная часть — это китайцы. Остальные нации — это «внешнее», «чужое», остальное, остальная часть человечества, которая представляет собой «пригоршни людей». В мире царит нация Китая. Она проявляет сострадание к остальному ущемленному человечеству, а тому придется довольствоваться безграничным снисхождением и состраданием со стороны главной части человечества — нации Китая.

Вот такое представление, как результат общения и знакомства с китайцами, начинало складываться и укореняться в сознании европейцев и американцев. А далее к американцам приходило сознание того, что Англия не впуталась в борьбу с целью «навсегда увековечить торговлю опиумом и что не было скрытого объекта завоевания». Истинная цель войны заключалась в том, чтобы «заполучить гарантию от убытков в прошлом и безопасности на будущее».

Это означало, что торговля опиумом должна была остаться эпизодом в истории отношений, временным явлением, завершение которого предполагалось всеми участниками конфликта.

Англия никоим образом не намеревалась увековечить торговлю опиумом и понимала, что это невозможно. Более того, Англия понимала, что Китай никогда не являлся и не будет являться объектом завоевания, то есть у Англии не было намерений превратить Китай в свою колонию. Речь об этом не шла. Англия понимала, что это невозможно, и не стремилась к этому.

Ее цели были и временными, и постоянными. Временными могли быть те или иные условия, позволявшие Англии вести торговые и иные операции делового характера с Китаем. Постоянная

цель состояла в том, чтобы добиться от китайских властей обещания, гарантии, амнистии там, где речь, с точки зрения китайцев, шла о возмещении Англией убытков, ущерба, нанесенного ею Китаю в процессе торговли опиумом в Китае.

Иными словами, речь шла о том, чтобы Китай гарантировал, что он не будет предъявлять Англии счет по реестру прошлых долгов, простит Англии то, что в Китае считалось долгами Англии перед Китаем.

Мало того, Англия стремилась заставить Китай не выдвигать такого рода претензии в будущем. Можно сказать и по-иному: Англия предлагала строить отношения с Китаем на основе полного равенства сторон в сфере торговли. Торговля должна была строиться на принципах открытости и равенства. Это считалось выгодой для коммерции, то есть торговли, и для цивилизации, а также для наилучших интересов человечества и в особенности Китая.

При этом также со стороны Англии утверждалось, что все это будет иметь своим следствием освобождение китайцев от деспотизма, язычества и религиозных предрассудков, то есть речь шла о гораздо более высоких принципах, чем торговля опиумом.

Во всем этом находили свое проявление позиции сторон. Китайская сторона скрывала свои подлинные намерения и свои стратегические расчеты за завесой выступления против контрабанды опиума в Китай. Английская сторона добивалась признания китайцами уже существовавших норм международного права и на этой основе принятия Китаем общепринятых остальным человечеством принципов, прав человека, человеческой личности. Иными словами, добивалась признания Китаем существования общечеловеческих норм и правил, признания Китаем себя частью человечества, причем равноправной с другими нациями. Добивалась того, чтобы Китай не навязывал себя в качестве высшей нации, перед которой остальные нации должны выполнять церемонию **коутоу**, бить земные поклоны перед китайцами как перед высшей расой или высшей нацией.

Редактор «Саутерн литерари месседжер» был недалек от истины, когда он осуждал американских миссионеров за то, что они слушали (ждали) «если не с нетерпением, то по крайней мере с беспокойством звук первого выстрела. Государственный деятель Китая мог вполне с подозрением смотреть на усилия религиозных миссионеров и рассматривать их как проект, пред-

назначенный для сокрытия планов по свержению китайского правительства (С. 102). Они стояли у ворот Китайской империи... с зажженными спичками и с готовыми к бою орудиями и рыдали, в то время как стучали в эти врата: "Мирно, если для этого у нас будет возможность; но путем насилия, если мы окажемся должны это сделать"» (С. 102–103).

Настроения миссионеров были сочетанием того, что им представлялось главными положениями их веры, с тем, какими методами осуществлялась внешняя политика Англии в то время.

В первой половине XIX века заканчивался своего рода первый период взаимоотношений англичан, американцев, других иностранцев с китайцами. В целом это были по преимуществу попытки устанавливать и налаживать, развивать торговые отношения. Это был своего рода мирный период во взаимоотношениях.

На практике такие торговые отношения действительно устанавливались и развивались в определенных формах и масштабах. Каждая сторона брала у другой стороны то, что представляло для нее интерес, и продавала то, что у нее покупали.

Ситуация сложилась таким образом, что из Китая иностранцы брали чай и фарфор. В Китай шли шкуры животных, а также опиум и джин.

Здесь опиум был тем товаром, который был предметом нелегальной торговли. Иностранцы и китайцы, власти обеих сторон в какой-то степени договаривались о торговле опиумом. В то же время у китайцев, у значительной части населения Китая была своего рода тяга к опиуму. Они требовали привозить к ним опиум и нелегально покупали его. Примерно то же самое происходило и с американским джином.

Ситуация с опиумом с течением времени должна была быть исправлена. При этом китайские власти использовали общее во всем мире отвращение к продаже опиума, общее в мире осуждение торговли опиумом не только в целях нормализации ситуации в торговле, исключения из нее опиума, но и с тем, чтобы осуществлять свою общую политику в отношении иностранцев, сохраняя издавна сложившиеся в Китае представления о высшем предназначении китайской нации и постепенном установлении в мире порядка, где главенствуют интересы нации Китая так, как их понимают и толкуют власти Китая.

И все это происходило в ситуации, когда у иностранцев, в то время прежде всего англичан, было вооружение, несравнимое с вооружением Китая. Имелась возможность нанести военное поражение Китаю. А мысль о необходимости и возможности военного решения накопившихся проблем существовала и усиливалась.

Накопившиеся проблемы — это прежде всего несовместимость требований китайских властей признавать верховенство власти императора Китая, фактического верховенства нации Китая над другими нациями. Над всеми иностранцами. Над остальным человечеством.

Далее, противоречия заключались в отношении и к международному праву, и к принципу обеспечения естественных прав человека, в частности права торговать. Иностранцы считали, что китайцы должны понять, что они — часть человечества, только часть человечества, равноправная часть человечества, и им необходимо согласиться с созревшими к тому времени представлениями остального человечества, если не человечества вообще, относительно международного права, прав человека и свободы торговли. Власти Китая не только не соглашались с этим, но считали необходимым показать иностранцам, что они будут продолжать навязывать свои представления о законах и праве, во всяком случае на территории Китая.

Так обе стороны пришли к мысли о допустимости и необходимости применения оружия, к мысли о необходимости войны. В ее начале виноваты обе стороны. Обе несут ответственность за ее начало.

Тогда человечество переживало время, когда война еще не угрожала самому существованию человечества. По всем этим причинам война рассматривалась как вполне приемлемое средство осуществления каждой стороной своей политики. Так и началась англо-китайская война 1840–1842 годов.

Этот агрессивный тон сохранялся у миссионеров на протяжении большей части XIX столетия. Задолго до Опиумной войны «Чайниз репозитори» выражал разочарование тем, что британцы не отомстили за инцидент с лордом Напье. «Совершенно определено то, что чем большие снисходительность и терпимость проявляются по отношению к ним (китайцам), тем более надменными и властными они становятся» — так редакторы советовали англичанам. Разумное объяснение, которое развивал

этот американский миссионер в своей публикации, предвосхищало такое же объяснение, которое дал Джон Куинси Адамс семь лет спустя. Одна лишь сила способна «заставить Китай проводить курс, более согласующийся с его правами и обязанностями», и отходить от его изоляционизма, который представляет собой «открытое нарушение закона — возлюби своего ближнего, как самого себя». Очевидно, что немногие протестантские миссионеры в это время подвергали сомнению мудрость, заключавшуюся в том, что следует применять картерч в целях навязывания силой закона любви (С. 103).

Джон Куинси Адамс в 1842 году заявил, что одна лишь сила способна «заставить Китай проводить курс, более согласующийся с его правами и обязанностями», и отходить от его изоляционизма, который представляет собой «открытое нарушение закона — возлюби ближнего своего, как самого себя».

У каждой из сторон к этому времени были свои представления о правах и обязанностях. Англичане при принципиальной поддержке, в частности, американцев попытались силой навязать китайцам свои представления. При этом, с их точки зрения, речь шла о равноправии, о равенстве прав обеих сторон.

Англичанам, да и американцам, предстояло со временем понять, что никто в мире не может ничего навязать китайцам. В то же время китайцам предстояло понять, что им никогда не удастся навязать свои порядки всему остальному человечеству. Путь к достижению взаимопонимания по этим вопросам оказался трудным и долгим. Движение к этой цели все еще продолжается и в настоящее время. Эта цель еще далеко не достигнута. Однако стороны постепенно приходят к осознанию того, что военным путем решить эти проблемы невозможно. Следовательно, придется искать мирные пути решения этих проблем.

Во время дискуссии по вопросу об экстерриториальности, которая стала следствием изгнания Напье, Вильямс и Бриджмен выражали негодование по поводу консенсуса среди американских редакторов по вопросу о том, что Китай имел право создавать свои собственные законы, а иностранцы были обязаны подчиняться им, какими бы абсурдными ни были такие законы. Бриджмен спрашивал презрительно: «И почему бы не задать такой вопрос: “Имеют ли бандиты и пираты право в открытом море созда-

вать свои собственные законы?»». Их публикация в «Чайниз репозитори» предсказывала еще в 1836 году, что вскоре американцы поймут, что сила — это единственное средство, когда имеешь дело с жителями Небесной империи (С. 103).

В те времена возник вопрос об экстерриториальности. Иностранцы, познакомившись с законами, существовавшими в Китае, с практикой отношения китайских властей к иностранцам, пришли к выводу о необходимости во взаимоотношениях с китайцами договориться об экстерриториальности — подчинении законам собственного государства — и о полном иммунитете от юрисдикции иностранного государства, о неприкосновенности личности. Китайские власти не хотели предоставлять иностранцам право экстерриториальности.

Среди американских создателей общественного мнения, редакторов газет, были те, кто считал, что Китай имел право создавать свои собственные законы, а иностранцы были обязаны подчиняться им, какими бы абсурдными эти законы ни были.

В противовес этой позиции другие люди задавали вопрос: «Имеют ли бандиты и пираты право в открытом море создавать свои собственные законы?» Утверждали также, что сила — это единственное средство, когда имеешь дело с жителями Небесной империи.

Во всем этом находили свое отражение и разные представления о порядке в мире, о международном праве и несовпадавшие представления о том, каковы действия китайцев по отношению к иностранцам и что собой представляют законы, существующие в Китае, как действуют эти законы, как они применяются. По сути дела, речь шла прежде всего об устранении угрозы для жизни человека по воле властей Китая.

Абстрактные представления или желание прежде всего договориться с китайскими властями, пойти на выполнение любых их требований, в том числе и требований дать им право распоряжаться жизнью людей других стран ради обеспечения того, что представлялось единственными материальными интересами властей иностранных государств в Китае, побуждали кого-то в Англии, в Америке распространять на китайцев общие правила, считать Китай страной с такими же законами и правилами, которые существовали в Англии и Америке.

Более того, в этом случае те, кто стоял на таких позициях, хотели представлять себя в роли защитников равноправия, права

каждой нации на своей земле устанавливать свои законы. Могло показаться, что это разумная позиция.

Однако для кого-то столетия, а для других десятилетия практических связей с Китаем и китайцами стали временем, когда иностранцам пришлось познакомиться с отношением в Китае к человеку и тем более к иностранцу. Практика взаимоотношений показала, что следует отличать законы в сфере торговли от законов, предоставляющих право судить и наказывать иностранцев.

В то время люди в Англии, в Америке в большей или меньшей степени считали, что китайцам нельзя предоставлять право судить иностранцев. Распоряжаться их судьбой и жизнью. Более того, становилось совершенно очевидно, что для всех наций возникла необходимость защищать своих граждан, когда речь идет об их жизни и свободе.

Принцип экстерриториальности на определенное время оказался совершенно необходим во взаимоотношениях с Китаем и китайцами.

Именно по этой причине и Сталин во взаимоотношениях с Мао Цзэдуном твердо защищал принцип экстерриториальности.

В XIX веке у англичан и американцев также возникла мысль о том, что сила — это единственное средство, когда имеешь дело с жителями Небесной империи. Это мнение возникло как следствие практики отношений. На протяжении какого-то времени это представлялось иностранцам правильным подходом.

Однако в дальнейшем оказалось, что ситуация, когда у иностранцев было преимущество в силе, — это временная ситуация. Сначала оказалось, что применять такую силу бесполезно. А затем оказалось, что нужно думать о том, как защититься от применения силы Мао Цзэдуном и его последователями.

Когда Опиумная война потерпела поражение в намерении создать драматические изменения, которые предполагались, американские миссионеры продолжали шумно требовать, выступить за применение дополнительных сил в Китае. В своем письме группе бостонских торговцев в 1855 году преподобный Питер Паркер, который был в эти времена лунного света (исторический термин: члены Ирландской земельной лиги, уничтожавшие по ночам в знак протеста посевы и скот английских помещиков) в положении представителя (комиссара, уполномоченного) США в Китае, объяснял, что дипломатия не оказывает никакого воздействия на китайцев.

«Только под воздействием более сильным, чем то, каким обладает умелая дипломатия, можно надеяться на то, что какие-то важные перемены возможны во взаимоотношениях между Китаем и нациями Запада» — такой совет давал наш главный дипломат и ведущий миссионер.

Вильямс продолжал метать громы и молнии на ту же тему. «Китайцы не дадут ничего вплоть до того времени, когда страх стимулирует их чувство справедливости, и это так по той причине, что они находятся в числе тех самых малодушных и трусливых людей, жестоких и эгоистичных, какими только может сделать язычество человека, а потому мы должны опираться на силу, если мы хотим, чтобы они нас услышали (слушали)», — умолял Вильямс (С. 103).

Важно также обратить внимание на реакцию людей в Америке на то, как и чем закончилась Опиумная война. Собственно говоря, в результате этой войны в самом Китае не произошло никаких драматических изменений.

Миссионеры надеялись, что применение оружия, нанесение военного поражения заставит власти Китая «открыть страну» для внешнего мира, предоставить возможность широкой проповеди христианства в Китае, существенно изменить отношение к деятельности иностранцев в Китае. Была надежда на возникновение взаимопонимания по многим принципиальным вопросам. Ничего этого не произошло.

Миссионеры в связи с этим требовали применения дополнительной силы в Китае. Главный американский дипломат и ведущий миссионер того времени Питер Паркер в 1855 году объяснял, что дипломатия не оказывает никакого воздействия на китайцев: «Только под воздействием более сильным, чем то, каким обладает умелая дипломатия, можно надеяться на то, что какие-то важные перемены возможны в отношениях между Западом и Китаем».

Влиятельный миссионер Вильямс добавлял: «Китайцы не дадут ничего вплоть до того времени, когда страх стимулирует их чувство справедливости, и это так по той причине, что они находятся в числе тех самых малодушных и трусливых людей, жестоких и эгоистичных, какими только может сделать язычество человека, а потому мы должны опираться на силу, если мы хотим, чтобы они нас услышали».

Здесь есть ряд моментов, на которые необходимо обратить внимание при желании, по крайней мере, попытаться прочитать уроки истории.

Миссионеры представляли собой ядро идеологической армии Запада. Они исходили из того, что вера, убежденность, мысль играют важнейшую роль. Бóльшую роль, чем любые материальные интересы. Они думали, что их вера сильнее верований китайцев.

Американские миссионеры-протестанты начали действовать в Китае в начале XIX века. За первые несколько десятилетий своей деятельности они поняли и убедились в том, что в Китае при встрече с большинством китайцев они сами и Запад в целом встретились с чем-то, что не приемлет их «слово Божие», на кого не действуют проповеди. Одновременно они видели, что дипломатическая деятельность, попытки находить общий язык или взаимопонимание между чиновниками, правительствами, властями, также не меняют ситуацию, при которой при встрече людей Запада с китайцами сразу же возникло идейное противостояние, несовместимость и непримиримость.

Оказалось, что оба «меча», которыми при первой встрече действовал Запад, то есть и «меч веры», и «меч дипломатии», не дают результата. Поэтому они пришли к выводу о том, что следует действовать силой, применяя силу. Силу бóльшую, чем умелая дипломатия.

Собственно говоря, именно в середине XIX века фактически началась *лунь чжань* — «война идей», идеологическая полемика между христианством как идеологией Запада и национализмом Китая. Каждая сторона тогда не допускала и мысли о необходимости поисков взаимопонимания, уважения полной независимости другой стороны, равноправия в отношениях, в том числе и в праве на собственные взгляды, собственную идеологию.

При этом все это происходило в те времена, когда война представлялась каждой стороне не только допустимым, но и необходимым средством завоевания победы в этой войне идей.

С точки зрения миссионеров, да и людей Запада, имевших дела с Китаем вообще, речь шла о войне христианства с язычеством. Такая идейная война предшествовала и стала реальной подготовкой к войне вообще, к применению оружия.

Китайцев на Западе тогда считали язычниками. Миссионеры к середине XIX века познакомились с китайцами настолько, что при возникновении первой же схватки, войны идей, тут же стали

подчеркивать все то, что им представлялось присущим природе китайцев как язычников: малодушие, трусость, жестокость и эгоизм.

Действительно, все это те качества, которые присущи людям вообще, всем национальным сообществам тоже, особенно в роковые моменты их истории. Здесь соединяется стремление выжить с применением любых средств, любого обмана, любой трусости, если это дает временный результат.

Миссионеры также указывали на то, что, с их точки зрения, китайцы могут под давлением проявить то, что представлялось миссионерам справедливостью, однако для этого необходимо добиться возникновения у китайцев достаточного ощущения страха, а это может быть результатом применения только непреодолимой силы.

Так в XIX веке обе стороны, Китай и Запад, Запад и Китай, пришли к ситуации, когда каждая сторона стала полагаться на силу. Одни такую силу применяли, когда думали, что это даст эффект. Другие такую силу создавали, готовили. Силовое противостояние в возможных в то время формах — вот чем оказались к середине XIX века отношения Китая и остального человечества.

Лишь немногие американские религиозные публикации ставили под вопрос разумность таких аргументов и с презрением относились к мысли о том, что Господь явится к людям в облике королевского флота (С. 103–104). Редактор «Френд» был потрясен тем, что «многие христиане восхищались военными приготовлениями британцев в Китае. Это странно! В этом находит свое отражение то, что ум всегда способен поверить в то, что ярость и возмущение человека (людей) будут способны произвести на свет правоту Господа; и точно так же странно то, что все это может породить надежду или желание, чтобы проповедь Иисуса Христа могла или сможет быть внедрена в умы неверующих мечом, или что благодаря убийству тысяч таких же смертных, как мы, может быть утверждено царствие Христа (Принца Мира)». Редакторы «Кристьян экзаминар» присоединились к протесту, осуждая (обвиняя) Джона Квинси Адамса и его критически настроенных сторонников (тех, кто его поддерживал) в национальных и расовых предрассудках. Было неразумно «судить китайцев по меркам (стандартам) англосаксов» и бессмысленно приписывать вторжение британцев в Китай «Божьей воле». «В то время

как Бог может повернуть зло в добро, суть зла и тех, кто творит зло, остается неизменной» — такой совет давали они (С. 104).

Вопрос об оценке ситуации во взаимоотношениях с Китаем оставался для американцев чрезвычайно сложным.

Одни выступали против применения военной силы в целях навязывания китайцам «слова Божия». «Меч войны» они отрицали как оружие или орудие «принесения проповеди Христа» или «царствия Христа» в Китай. Это означало исключение силы во взаимоотношениях с Китаем. Действительно, применение силы в этом случае бесполезно, если речь идет о попытке что-то навязывать китайцам.

Однако при этом предполагалось, что китайцы и Китай — это нечто пассивное или что это только объект, испытывающий на себе активное воздействие Запада. Внешне в условиях своего времени ситуация была такой. Более того, на ситуацию оказывало воздействие царившее на Западе убеждение в том, что Запад, остальное человечество тогда было в военном плане явно сильнее Китая, и люди предполагали, что так будет всегда.

На самом деле речь шла сначала всего лишь на один-два века, о двух равных самостоятельных субъектах, а затем, к настоящему времени, к началу XXI века, о все более активном навязывании китайской стороной своего порядка и своих правил миру.

В свое время не было оснований для того, чтобы видеть будущее именно в таком свете, однако начать понимать, что речь идет о столь твердой позиции китайцев, об их традиционных взглядах на Китай как на нацию, которая лучше всех справится с глобальными, в первую очередь с экономическими проблемами, осуществит экономическую глобализацию, что все попытки религиозных проповедников при столкновении с китайской действительностью остаются применительно к массе китайцев бесплодными, можно было уже тогда.

Если попытаться взглянуть на мировую историю, особенно в XIX и XX веках, то можно увидеть, что ни христианство, ни марксизм (как, впрочем, в свое время буддизм или мусульманство) при всех стараниях так и не проникли в толщу или в массу китайского населения. Эта масса продолжает руководствоваться в существенной степени своими иррациональными представлениями о человечестве, его общей судьбе или общем будущем, исходит из того, что «будущее принадлежит Китаю».

Возвращаясь в XIX век, отметим, что тогда Адамса критиковали за то, что он исходил из национальных и расовых предрассудков, судил китайцев по меркам англосаксов. Действительно, у Адамса и у китайцев взгляды были разными. Каждая сторона обвиняла другую сторону в том, что ее взгляды — это расовые или национальные предрассудки. На самом деле каждая сторона защищала свои воззрения, которые ей представлялись правильными.

Речь должна была идти о признании равноправия и самостоятельности каждой стороной другой стороны. Этот процесс начался и продолжается до сих пор. При этом очевидно, что необходимо отказаться от попыток контролировать другую сторону. Навязывать ей свое мнение. Соотношение сил в настоящее время таково, что существует некое равновесие. При этом китайская сторона находится в активном наступлении. Однако под давлением обстоятельств, реалий другая сторона будет все больше осознавать необходимость объединения усилий всего остального человечества в целях защиты себя и принятия обеими сторонами принципов мира, самостоятельности и равноправия.

Критики позиции Адамса также обвиняли его в том, что, с его точки зрения, война (вторжение в Китай) — это проявление Божьей воли и проявление зла иностранцами по отношению к китайцам. Такие утверждения появились на том фоне, когда у иностранцев было подавляющее преимущество в вооружениях, средствах ведения войны.

На самом деле речь шла не о вторжении в Китай. Иностранцы не превращали Китай в колонию. Осознанно или неосознанно, но уже к тому времени иностранцы во все большей степени понимали, что превратить Китай в колонию невозможно.

Речь шла о том, чтобы между иностранцами и китайцами были установлены, по крайней мере формально и официально, равноправные отношения торговых партнеров, а также о том, чтобы Китай был открыт и для торговли (а далее для экономической деятельности), и для миссионерской (а далее для идеологической) деятельности. Речь шла о том, чтобы все части человечества признавали друг друга равными и признали общечеловеческие нравственные понятия.

Взгляды торговцев и миссионеров на войну вкупе с всеобщим неблагоприятным (неблагоприятным) отношением к китайцам в журналах и учебниках оказались в достаточной степени

влиятельными для того, чтобы побудить редакторов самых англофобски настроенных газет взять паузу, прежде чем осуждать действия британцев в Китае, и даже поставили некоторых из них в неудобную для них позицию поддержки Англии, что случилось (произошло) впервые в их жизни. Из тридцати газет — представлявших Нью-Йорк, Бостон, Филадельфию, Вашингтон, Балтимор, Провиденс, Салем и Олбани — шесть редакторов оказали Англии твердую поддержку, в то время как семь других шумно обвиняли последнюю авантюру Альбиона как империализм. Пятнадцать газет метались взад и вперед между прославлением того дисциплинарного взыскания, которому Британия подвергла небожителей (китайцев), и критикой Британии за ее жесткую атаку на Кантон. Две публикации (газеты) просто игнорировали войну, хотя в одной из них, что довольно любопытно, не опустили новости о Кантоне, но разразились серией статей о курьезности и о восхитительности Небесной империи в манере, присущей XVIII веку.

Лишь один из критиков Англии в своем журналистском опусе, можно сказать, руководствовался некой подлинной симпатией к китайцам. Другие, по сути дела, в той же (большой) степени выражали как презрение (неуважение) по отношению к небожителям (китайцам), так и ненависть по отношению к британцам. Популярным рефреном среди этих критиков было следующее: «ни чванство и невежество Китая, ни его смехотворные институты» — это не «оправдание вооруженного нападения» (С. 104). Гораций Грили требовал именно ответа, хотел бы знать, как вид христианской нации, «умышленно оставившей в стороне (отодвинувшей в сторону) все ограничения права (законов) и справедливости и вступившей в спор с полуцивилизованной страной», может стать примером для других «идолопоклонников-дикарей» в остальной Азии (С. 104–105). «Нам представляется, что эта ссора сказала на христианстве и цивилизации самой Великой Британии», — заявил редактор «Нью-Йорк америкен», так как китайцы, с его точки зрения, были «наполовину варварами» и с точки зрения расовой теории отсталыми, то есть были нацией «детей или идиотов». Добавляя Опиумную войну к «печальному перечню грубых нарушений (преступлений)» Британией «такого понятия, как человечность», «Найлес нэинал реджистер» поставил «Китай и его слабоумный мир смертных» в ряд в качестве последней по времени жертвы Англии. Ясно, что восхищение и сен-

тиментальные связи с китайцами, превращенные в концепцию несколькими американскими историками, отсутствовали в редакционных комментариях по вопросу об Опиумной войне.

Мотивом тех, кто критически оценивал войну, по большей части была традиционная англофобия и страх перед английской монополией в Китае. Очень малой была озабоченность торговлей опиумом. Эти редакторы просто не могли и представить себе, чтобы «покорители Индии» — эти «ненасытные монополисты (те, что стремились монополизировать и монополизировали) мировой торговли» — разделили бы плоды победы в Китае с какой бы то ни было другой нацией. Такого страха ни в коей мере не было у тех редакторов, которые одобряли атаку Англии на Китай. При таких обстоятельствах, когда такие редакторы, как Беннет и Брайан, рассматривали борьбу как расовую борьбу «между расой кавказоидов (кавказцев) и тунгусов», они поддерживали своих приятелей-англосаксов; однако при других обстоятельствах они выражали озабоченность «ростом жадной британской олигархии».

Никто из редакторов не выражал поддержки англичанам в Китае с полным хладнокровием, и страницы редакторов в «Провиденс джорнал» дают нам хороший пример физических и душевных страданий, которые были присущи редакторам-англофобам, когда они осознавали, приходили к мысли, что хотя бы на сей раз Англия действовала правильно, ведя войну против другой нации. Славя при одних обстоятельствах британскую победу в Китае как единственное средство открыть эту «эгоистичную» нацию для коммерции (торговли), такой редактор мог месяц спустя напомнить себе о том, что «Джон Буль не имеет привычки открывать устрицы для того, чтобы позволить съесть их кому-то другому». Однако продолжавшие поступать сообщения и доклады о якобы имевших место «оскорблениях и несправедливостях», нагромождавшихся на всех иностранцев в Китае «этим самым абсолютным и гнетущим (угнетающим, всеподавляющим) деспотизмом (тиранией), прокладывав дорогу уверенности в том, что атака англичан была правильной акцией в этом случае. Его главная забота поворачивалась в сторону той возможности, что под рукой окажется недостаточное количество британских войск для выполнения (завершения выполнения) работы или что вероломные мандарины смогут с помощью фальшивых обещаний обмануть англичан и побудить их уйти преждевременно (С. 105).

Однако, поскольку британцы одерживали победы, этот редактор ощущал, чувствовал себя вынужденным выразить желание, чтобы необходимая работа была выполнена «более чистыми руками, чем те, которые завоевали Индию» (С. 105–106). Тем не менее спустя несколько недель он настаивал на том, что это была великая победа для Америки, точно так же, как для Англии.

Другие редакторы пришли к таким выводам намного раньше. Редактор «Бостон атлас» находил трудным понять, как кто-то может думать, что Соединенные Штаты не получают выгоду, не извлекают выгоду из английской победы в Китае. «Коламбиан сентинел» выразилась так: «В то время как Джон Буль держит крову за рога, Америка доит ее». «Нью-Йорк джорнал оф коммерс» была убеждена еще ранее, еще во время войны, что «унижение такой державы, как Китай, будет рассматриваться одним из самых больших благодеяний, которые дарованы мировому сообществу, каждой торговой империи». Результатом войны может быть только «полный успех цивилизованных людей» — так заявляли «Морнинг курьер» и «Нью-Йорк энкваэзер». «Что касается приобретения чего-то навечно (постоянного приобретения) для страны или любой его части, то относительно (такого исхода войны) нет никаких вопросов», — уверяла «Нью-Йорк коммершиэл» своих читателей. «Возмущение всего мира запрещает, не позволяет это, даже если это физически возможно. Великобритания, будучи настолько могущественна и сильна, насколько она действительно таковой является, и будучи беспринципной и неразборчивой в средствах, не осмелится на практике осуществлять в отношении Китая такой же курс агрессии, несправедливости, бесчеловечности и обмана, какой явился результатом завоевания Индии». Редакционная статья «Нью-Йорк сан» заявляла, что война, по сути дела, должна бы освободить китайцев из-под непопулярного, тиранического татарского правительства, уничтожить торговлю опиумом (!), установить свободную торговлю и открыть страну для «англосаксонской расы» со всеми сопутствующими выгодами и преимуществами — «введением цивилизации среди этих погруженных во мрак наций», то есть «лучшей формы власти (правительства)», и сверх всего «просвещенного и либерального христианства». Этот редактор указывал, что поскольку (с тех пор как) американцы не испытывают никаких трудностей, торгуя с «Британской Индией», постольку нет никаких резонов ожидать, что они появятся в «Британском Китае».

Будучи вооружены такого рода убеждениями, некоторые американские редакторы даже советовали британцам быть более агрессивными по отношению к Китаю и не останавливаться неподалеку от полной победы. «Если Эллиот позволит себе попасть в ловушку, поддаться на обман и вступит в переговоры с Китаем, он будет побежден» — так советовал один нью-йоркский редактор. «Нельсон был подходящим человеком в такой ситуации; он обладал особой гениальностью, позволяющей развязать гордиев узел и отбросить всю дипломатическую чепуху». Однако тот же самый редактор к 1841 году смог написать о той же самой войне: «Если говорить о ее истоках и ее развитии (прогрессе), то мы осознаем, что справедливость, права человека и права наций и гуманизм были грубо нарушены» (С. 106). Роль, которую играли британцы в Китае, была похожа на роль «пиратов прежних времен, которые убивали без сострадания (жалости)» (С. 106–107).

Половина редакторов колебалась между горячей поддержкой и суровым обличением Британии. В то время как все это можно объяснять в терминах инерционного эффекта нашей традиционной англофобии или страхом британской монополии в противовес надежде на открытие Китая как итога войны, существовала еще и модель, объясняющая непостоянство (колебания) редакторов, которое может увязываться (иметь отношение) с американскими отношениями с Британией и с китайцами. Многие из этих редакторов были на стороне англичан ранее в конфликте тогда, когда американцы в Китае также переживали трудности во взаимоотношениях с правительством Небесной империи: китаец, занимавшийся продажей (распространением) опиума, был казнен перед американской факторией, хулиганы атаковали иностранцев (нападали на иностранцев), несколько американских судов были временно захвачены по подозрению в контрабанде опиума и некоторые американцы были арестованы и затем выдворены в 1839 и 1840 годах. В то же самое время некоторые из этих редакторов выражали удивление в связи с тем, что Англия «удивительно, в высшей степени примирительно» вела себя во время диспута (с США) по границе в штате Мэн в 1839 году. Президент Ван Бюрен «искренне допускал, что обе стороны были не правы» — редактор из Олбани так информировал своих читателей. Однако раздражающая привычка королевского флота останавливать американские суда у берегов Африки для досмотра была возобновлена, что вновь оживило остроту случая с «Каролиной»

и во многом содействовало более скептическому (кислону) отношению к Опиумной войне в 1841 году.

Однако письма Питера Паркера и знаменитая речь Джона Куинси Адамса вкупе с изгнанием Китаем всех западных торговцев из Кантона — или, если быть более точным, из Вампу — побудила этих редакторов вернуться на сторону Британии, прежде чем окончилась та война. «Дейли нэинл интеллидженсер» опубликовала письмо Паркера, которое убедило редактора в правоте британского дела в Китае. Паркер был менее удачлив в деле с редактором «Нортерн лайт», который оказался под впечатлением его «убедительных аргументов», однако опасался того, что такая «дипломатическая передача в аренду» окажется (может стать) «прикрытием опиума». Во всяком случае, он так никогда и не согласился (не принял, не купил) с выводом знаменитого миссионера о том, что «британское правительство, как бы далеко оно ни было от достойной оценки (осуждения), должно получить поздравления и благодарность наций Запада». Это просто появилось на фоне всего, что этот редактор знал об англичанах.

Джон Куинси Адамс был более успешен в убеждении американских редакторов в том, что Китай нарушил международное право и что атака Англии была более чем обоснована (С. 107). Однако речь Адамса появилась в конце 1841 года, то есть тогда, когда гнев в отношении высокомерия королевского флота, кажется, несколько поутих и когда большие публичности (рекламы) было уделено трудностям во взаимоотношениях между американцами в Китае и ксенофобами-чиновниками Небесной империи (С. 107–108).

Двенадцать редакторов согласились с экс-президентом, хотя четверо квалифицировали свое подтверждение (свое согласие) принятия его сурового суждения в отношении китайцев, но выхолостили его взгляд на британцев как освободителей китайцев и первых среди стран Запада. Неудивительно, что «Сан», «Геральд» и «Морнинг курьер» в Нью-Йорке, «Адвентайзер», «Морнинг пост», «Атлас» и «Коламбиал сентинел» в Бостоне, «Филадельфия газет» и «Наинл интеллидженсер» соглашались до определенной степени с Адамсом. Эти газеты выражали симпатию по отношению к политике Англии в Китае в других случаях на протяжении предшествовавших двух лет. «Нью-Йорк американ», однако, оставалась последовательно критичной по отношению к англичанам, особенно в вопросе об опиуме. Однако Адамс

в конечном счете убедил этого редактора в том, что «вопрос об опиуме был не более чем пустячным инцидентом, если говорить о причинах войны». В равной степени неожиданным был решительный отказ «Ивнинг пост» и «Коммершил адвертайзер» в Нью-Йорке принять и логику, и выводы старшего американского государственного деятеля. Эти газеты не только в целом поддерживали войну, но редактор последней из них продолжал хвалить Джона Куинси Адамса как «пользующегося уважением и почтением в глазах всех тех, кто уважает высокий интеллект, глубокие знания и высокое чувство патриотизма». Редактор «Бостон ивнинг транскрипт», которая была, по сути дела, нейтральной, был покорен «зрелыми суждениями» Адамса относительно войны в Китае. «Вопрос об опиуме» был «пугалом в общественном сознании», допускал он, и благодарил Адамса за «рекордную честность».

Представляется, однако, что вопрос об опиуме был для этих редакторов чем-то большим, чем моральная зацепка, на которую они и вешали свое оппозиционное мнение по вопросу о войне. Реальным «пугалом» в их умах были англофобия и страх британской монополии в Китае. В редакционной статье по вопросу о «существенных сторонах этого вопроса» редактор «Бостон атлас» приводил аргумент: американцы должны игнорировать опиум и международное право и судить об акциях Британии, единственно исходя из ответа на вопрос, выиграет или не выиграет Америка, получит или не получит она выгоду от этой войны: «Вне зависимости от того, виновны ли китайцы в грубом нарушении, захватив такую крупную собственность Британии, или правы ли «заморские варвары», настаивая на осуществлении торговли опиумом против воли императора, с китайским народом, как мы предполагаем, вряд ли советовались по этому вопросу; и мы оставляем все это для дебатов тем обществам, которым нравится обсуждать абстрактные вопросы права» (С. 108). Уполномоченный (комиссар) Линь Цзэсюй и лорд Пальмерстон игнорировали бы результаты таких дебатов в любом случае, добавлял редактор, и реальной проблемой тут было следующее: китайцев следовало проучить и заставить их усвоить, что они не могут более безнаказанно плохо обращаться (оскорблять иностранцев) с иностранцами (С. 108–109).

Репортажи о ходе войны не способствовали улучшению образа Китая в Соединенных Штатах. В то время как некоторые англофобски настроенные редакторы наслаждались

напыщенными эдиктами Пекина, адресованными «королевской варварской Викторией, королеве Мрачного острова», они также находили, что концепция китайцев относительно англичан как «бунтовщиков» подразумевает, что весь мир был подданным трона дракона; они находили эту концепцию создающей препятствия и раздражающей. Угрозы императора спустить с поводка мечь Небес и очистить море от англичан были либо глупыми, либо богохульными. По иронии судьбы английский писатель, который предпринял попытку извинить это некое бахвальство как всего лишь риторику, предназначенную для внутреннего потребления в Китае, был призван к ответу неким редактором из Нью-Йорка, который и указал на длительную историю высокомерной надменности, ксенофобии и заблуждений относительно своего могущества со стороны китайцев (С. 109).

Содержание статей и сообщений в американской печати о ходе англо-китайской войны 1840–1842 годов отражало сложные чувства, настроения и мысли в Америке.

Американцы в одно и то же время были настроены и против англичан, и против китайцев.

Антианглийские настроения американцев, освободившихся из-под колониального господства англичан, прорывались при публикации пропагандистских китайских документов, в которых китайцы называли английскую королеву «варварской Викторией», «королевой Острова мрака».

Китайцев американцы осуждали за то, что они называли англичан «бунтовщиками», подразумевая при этом, что весь мир был подданным трона дракона. Угрозы китайского императора в адрес англичан, обещания очистить море от англичан, спустить с поводка мечь Небес виделись в США глупыми и богохульными. В США подчеркивали, что существует история высокомерной надменности, ксенофобии и заблуждений относительно своего могущества со стороны китайцев.

В целом ощущалось, что американцы одно время видели себя как бы в стороне от этой схватки и в то же время «выше» и англичан, и китайцев.

Если говорить в целом о поведении китайцев во время войны, то это также несло ущерб их образу в Америке. Несмотря на

всеобщее понимание слабости Китая в военном плане, американские редакторы не были должным образом готовы к тому разгрому, который имел место (произошел). «Общее мнение состояло в том, что военные силы британцев не были таковы, что это могло произвести какое бы то ни было важное впечатление», — писал один редактор, когда английские военные корабли и транспортные суда вместе покинули Макао. Такой взгляд был широко распространен, и Беннет, как представляется, оказался одним из немногих редакторов, которые предвидели масштабы поражения Китая на том основании, что его тираническое правительство окажется неспособным в полной мере воспользоваться многочисленностью своего населения для того, чтобы дать отпор британцам. И даже Беннет счел статистические данные о битве в Китае такими, которым трудно поверить. Целые города, как сообщалось, были взяты, и при этом потери британцев составляли лишь горстку людей; китайские флотилии были разгромлены, и при этом не было потеряно ни одного человека. Оценка потерь была такова: четыреста к одному в пользу британцев. «Немезис», вероятно, первый пароход, участвовавший в сражениях, потопил сорок джонок за один день; и его команда забавлялась китайской одеждой, которая плавала по волнам после потопления судов. Некоторые моряки надевали «шапки простых китайцев» себе на затылок и надевали спереди на голову головные уборы мандаринов, чтобы «сделать смешно», — сообщалось с изумлением.

Немногие редакторы увидели слабость Китая как последнее (финальное) доказательство того, что эта нация была нецивилизованной, хотя другие, размышляя о числе жертв, ставили под вопрос популярную веру в то, что китайцы были жалкими презренными трусами (С. 109). Принимая во внимание суеверную натуру, устаревшее снаряжение и нелепое командование, сообщал один корреспондент, «вы с трудом верили, что китайцы держали в руках свое оружие до конца» (С. 109–110).

Продолжавшееся обливание грязью мужества китайцев настолько раздражало редакторов одного из журналов, что они гневно и резко возразили: «Мы просто не понимаем, до какой степени могут доходить наши предрассудки, чтобы ставить под вопрос их мужество». Однако прокитайская «Найлс нэинл реджистер» еще более близко подошла к оценке средней обычной редакционной реакции на полное бессилие Китая, когда она выразила свое отвращение тем, что китайцы по крайней мере

не выжали наивысшую цену за британскую победу, и горестно стенала: «С каждым успешным сговором между китайцами и оккупантами слабоумие первых проявляется все более и более явно». Для редактора пробританской «Бостон атлас» поведение китайцев во время войны лучше всего объяснялось тем фактом, что «оскорбляющие (наглые) и вероломные (предательские) (китайцы) неизменно так же в страхе лежат ничком, как и готовы нанести кому-то вред; и их покорность обычно такая же рабская (холопская), как и их самонадеянность была высокомерна».

Еще одним обворожительным (потрясающим) побочным эффектом Опиумной войны явились очень слабые волнения в связи с тем, что могло рассматриваться как страх перед желтой угрозой, возможно, это было его первое публичное проявление в американской истории, хотя и явно не первое на Западе. Вне сомнений, концепция желтой угрозы уходит своими корнями по крайней мере в европейскую реакцию в XIII веке на Чингисхана.

Серия статей в «Джентльмен мэгэзин» в XVIII веке доказывала, что Китай был четвертым зверем (животным) Дэниэла (мудрого судьи), который «будет жрать Землю, будет попирать ее ногами и порвет ее на куски». В 1840 году в Америке циркулировали слухи о том, что Наполеон предупреждал (предостерегал) членов миссии Амхерста, которые посетили остров Святой Елены по пути домой из Пекина, что, если англичане вторгнутся в Китай, они будут учить китайцев тому, как воевать и подвергнуть опасности весь мир. Этот слух спровоцировал появление редакционной статьи в «Провиденс инвинг геральд», которая была полна предчувствий (предвещала) относительно возможности того, что Китай «проснется от летаргического сна, в котором он пребывал на протяжении веков».

Беннет опроверг эти слухи и страхи в своей обычной этноцентрической манере. «Почему британское завоевание не научило индийцев тому, как воевать?» — задавал он риторический вопрос. Власть (доминирующее влияние) Британии «была производным не просто от ее физической мощи, но от ее моральной (нравственной) силы, чей превосходящий интеллект и высокая степень цивилизации оказывали влияние на нации», — объяснял Беннет. Такие вещи (свойства, характерные признаки) присущи только западным нациям, однако поэтому китайцы или индийцы никогда не будут доминировать над Западом. Подобно Древнему Риму Англия просто осуществляла (практиковала) свое «моральное (нрав-

ственное) преимущество» над «ордами варваров» на Востоке, — делал вывод Беннет (С. 110).

В США тогда были люди, которые указывали на то, что китайские власти в ходе той войны не смогли воспользоваться многочисленностью своего населения. Фактор многочисленности и тогда, и в настоящее время, и в будущем играл, играет и будет играть свою роль.

В откликах на англо-китайскую войну проскальзывало и упоминание о том, что именуется «желтой угрозой». При этом необходимо учитывать, что концепция «желтой угрозы» уходит своими корнями по крайней мере в европейскую реакцию в XIII веке на Чингисхана.

В 1840 году в Европе циркулировали слухи о том, что Наполеон, находясь на острове Святой Елены, предупреждал о том, что если англичане вторгнутся в Китай, то они будут учить китайцев тому, как воевать и подвергнуть опасности весь мир.

Одна из американских газет предвещала, что Китай «проснется от летаргического сна, в котором он пребывал на протяжении веков».

Дебаты относительно моральной вины (виновности) Англии при ее атаке против Китая не закончились с окончанием войны, но продолжались спорадически в массмедиа на протяжении еще более десятилетия по мере того, как новая напряженность в англо-китайских отношениях возникла по вопросу о контрабандной торговле опиумом (С. III). Несколько редакторов, которые были настроены неистово антианглийски, во время войны зарезервировали свое мнение и постфактум оправдывали британскую атаку в 1840 году на Китай. По той одной причине, что британская монополия, которой боялись, никогда не материализовалась. Вместо этого «орудийный огонь британских батарей» заставил китайцев «включить себя в список (перечень) тех правительств, которые находили общее на дружественной основе, когда речь шла о взаимной торговле и коммерции, и были связаны международным правом», — допускал в 1845 году редактор «Хантс мерчантс мэгэзин». Более того, американцы были полны ожиданий взять в свои руки большую часть торговли в Китае, что распространялось на несколько портов Небесной империи как итог войны. «Представляется, что большая часть британской победы

должна попасть в руки американцев», — радовался один из редакторов. «Флот наших клиперов поймает ветер в наши паруса и оставит наших соперников... позади» (С. 111).

В США высказывалось и мнение о том, что «большая часть победы Британии должна была попасть в руки американцев»: «Флот наших клиперов поймает ветер в наши паруса и оставит наших соперников... позади».

Мысль о том, что существует некий ветер, исходящий из Китая, и у иностранцев есть возможность поймать его в свои паруса, давно возникла во внешнем для Китая мире.

Весь вопрос в том, что это «китайский ветер» и он дует исключительно в целях осуществления политики властей Китая.

Запоздавшее изменение мнения об Опиумной войне, возможно, также имело некоторое отношение к горькому разочарованию американцев в связи с тайпинами (восставшими) в 1854 году, а в равной степени и с изгнанием некоторых американских деловых людей из Японии в 1855 году. Все это представлялось указаниями (свидетельствами) на мудрость решения Англии в 1840 году применить силу в Китае. «Норт америкен ревью», которая отказалась напечатать лекцию Адамса в 1841 году, совершенно благожелательно (снисходительно) отнеслась к тому, что англичане в 1854 году отнесли Опиумную войну на счет «упрямства и глупости Линь Цзэсюя». Другой печатный орган из тех, кто ранее критиковал Англию, то есть «Грэхэм мэгэзин», выражал отвращение в 1853 году в отношении тех американцев, которые все еще продолжали критиковать роль Британии в Китае, сравнивая их с «пустыми филантропами», персонажами Рабле, «которые живут в своих бочонках и в щелочки наблюдают за тем, что происходит в мире». Однако Беннет сделал в 1855 году наблюдение, что американцы начинают понимать, что «применение силы в отношении азиатов» «в долгосрочном плане более гуманно», чем мирные переговоры. Не будучи моралистом, Беннет признавал (допускал), что та война, которой он аплодировал пятнадцать лет тому назад, была, «по всей вероятности, безрассудно несправедливой и необоснованной»; однако он тут же добавлял, что «выгоды от этой войны для британцев, для китайцев, для коммерции и для мира в целом невозможно преувеличивать». В конечном счете британцы принесли «прогресс» «диким людям» в Индии

и Китае, настаивал Беннет, какими бы ни были те средства, которые они применяли. В достаточной степени интересно и то, что англофобия Беннета, находившая проявление в других вопросах, ни в коей степени не уменьшилась, однако все это было в духе громкой домашней ссоры. Против «дикарей» он требовал единого англосаксонского фронта (С. III).

Спустя годы после окончания Опиумной войны оценка этой войны в США устоялась.

На отношении к ней сказалось то, что в Америке сочли горьким разочарованием, а именно Тайпинское восстание.

Американцы в основном пришли к мнению о мудрости решения Англии применить силу в Китае в 1840 году. Они считали, что «применение силы против азиатов» «в долгосрочном плане более гуманно», что война против них «может быть, по всей вероятности, безрассудно несправедливой и необоснованной», но «выгоды от этой войны для британцев, для китайцев, для коммерции и для мира в целом» невозможно преувеличить»; в конечном счете британцы принесли «прогресс» «диким людям» в Индии и в Китае, какими бы ни были те средства, которые они применяли. При сохранявшейся в США англофобии американские аналитики требовали «против дикарей» единого англосаксонского фронта.

Возможно, наиболее значительный поворот после войны был совершен Калемом Кашином, если суждение Джона Куинси Адамса корректно (С. III–III2). Если бы он увидел свидетельства, на основании которых построил свое дело Адамс, — признавался Кашинг, — он был бы убежден ранее. И все те голубые книги англичан по этому делу, собранные Адамсом, не были настолько впечатляющими; и большинство оценок китайцев торговцами, дипломатами и миссионерами были доступны для публики в журналах или в книгах. Конечно же, некоторые из этих книг были в личной библиотеке Кашинга. Представляется, что, так сказать, изменение сердца (его взглядов) произошло в большей степени под влиянием его собственного опыта, приобретенного в Китае, где он должен был угрожать применением силы, чтобы преодолеть упорство китайцев во время переговоров с ними от имени правительства США. Более того, его переводчиками в Кантоне были миссионеры Паркер, Вильямс и Бриджмен; все они были сторон-

никами дела британцев и были настроены максимально критично по отношению к китайцам.

В заключение Опиумная война послужила важным катализатором популяризации антикитайской тематики, что развивалось и оттачивалось дипломатами, торговцами и миссионерами на протяжении ряда десятилетий. Такая тематика уже нашла обильное отражение в американских журналах и учебниках географии задолго до войны. Конечно, они были достаточно убедительны, чтобы воздействовать на значительное меньшинство редакторов американских газет и важных лидеров общественного мнения с тем, чтобы приостановить их англофобские склонности и поддержать Англию в ее войне с Китаем. Более того, большинство журналистов, критиковавших Британию в США, не симпатизировали китайцам каким бы то ни было образом. Инерция англофобии и плюс к тому страх перед английской монополией представляются той реальной мотивацией, которая скрывалась за такого рода критикой, однако многое из этого таилось в моралистичных соображениях, касавшихся торговли опиумом.

Развитие неблагоприятного образа китайцев в Америке было эволюционировавшим процессом, который заметно ускорился между 1835 и 1850 годами. Ни одно событие, ни один человек в отдельности и ни одна группа людей не могут быть выделены как те, кто в первую очередь несут ответственность за такое развитие. Важное соображение, которое следует держать в уме, имеет в виду, состоит в том, что этот неблагоприятный образ китайцев стал заметным в среде тех, кто создавал общественное мнение в Америке задолго до того, как первый человек из Небесной империи, золотоискатель, ступил на землю Калифорнии. Соответственно, и события после 1850 года в равной степени и в Китае, и в США стали запалом процесса, который был начат торговлей с Китаем в 1785 году (С. 112).

Профессор Миллер сожалеет в связи с тем, что в Америке сложился неблагоприятный образ китайцев. Он считает, что это произошло под воздействием совокупности обстоятельств. Их можно принимать во внимание.

В то же время представляется, что здесь свою роль сыграли факты и, главное, столкновение представлений американцев и китайцев, представлений, созревших в каждой стране под воздей-

ствием и ее собственной истории, и событий на мировой арене, и того, что происходило по отдельности в США и в Китае.

История сложилась так, что формирование образа Китая в Америке, представление американцев о Китае стало складываться в условиях, когда еще ни один китаец не вступил на территорию США.

До середины XIX века знакомство американцев с китайцами происходило на земле китайцев. Некоторые американцы оказались в среде китайцев и познакомили остальных американцев со своими представлениями о китайцах. Это было своего рода одностороннее знакомство. Оно произошло в ходе «великого похода» американцев на запад, с берегов Атлантики до берегов Тихого океана, сначала восточных, а затем и западных.

Можно сказать и по-иному. Сначала остальное человечество двинулось из своей «колыбели» — Средиземноморья и Европы — по направлению к Китаю: на восток через Индийский океан и на запад через Тихий океан.

Было время, «золотой сон человечества», когда Китай оставался в неподвижности.

Однако затем, когда волны движения людей Запада достигли Китая, через некоторое время Китай очнулся, пробудился от своей тысячелетней «дремоты» и начал свой «великий поход» на запад в Европу и на восток в Америку.

Китай начал осваивать Европу, Америку и остальные части планеты, не допуская появления на своей «исконной» территории плотных и массовых «коммун», сообществ людей из остального человечества.

И тогда, когда Китай перестал быть неподвижным, когда он сдвинулся, тогда европейцам, американцам и другим народам, в том числе и народам Азии, Африки и Латинской Америки, пришлось начать знакомиться с китайцами уже на своей территории.

Это со временем стало превращаться в тяжелое бремя. Остальное человечество в ходе своего «великого похода» всего лишь познакомилось с китайцами. Китайцы в ходе своего «великого похода» начали осваивать земли остальных землян. Они не смешивались с другими нациями, не превращались в части других наций, не становились людьми другой, не китайской культуры и истории. Нация Китая, как лава китайского вулкана, выливаясь из своего жерла, выйдя за границы собственно Китая, оставалась нацией Китая.

Можно сравнить нацию Китая и со спрутом, который разворачивается, распространяет свои щупальца, именуемые им сегодня «одним поясом, одним путем», по всей земле и постепенно лишает свободы, душит свою жертву — остальное человечество.

Китайцы на землях остального человечества остаются частями или представителями, «имуществом» или «собственностью» нации Китая. Они если и становятся формально гражданами других государств, то лишь декоративно и в целях осуществления глобальной стратегии нации Китая. По сути, они оставались *хуа жэнь* — китайцами по происхождению, по крови, выходцами из Китая, этническими китайцами, хотя и формально гражданами других стран; *хуа цяо* — китайцами, живущими вне своей родины, китайскими эмигрантами (резидентами), китайцами, проживающими (живущими) за границей (в китайском языке существует термин *мэй цзи хуа цяо* — американские граждане китайской национальности, китайцы американского гражданства; характерно, что «обратного явления», по сути дела, нет, то есть нет *чжун цзи мэй цяо* — китайских граждан американского происхождения, равно как и иного происхождения, на практике этого нет); *чжун го жэнь* — людьми Китая, «принадлежностью» или «имуществом», «собственностью» нации Китая, государства на китайском континенте, правящей там политической партии.

Нация Китая осуществляет свою глобальную стратегию. Ее целью является китаизация, превращение всего и вся на Земле во все и вся китайское. Имеются в виду китаизация всех иных идеологий, китаизация всех иных религий, китаизация всех остальных частей человечества, то есть их населения.

Общение китайцев и остального человечества началось как попытка остального человечества познакомиться с китайцами, но превратилось в освоение Китаем остального человечества, в ассимиляцию, китаизацию остального человечества.

ПРЕССА

Может быть, речь идет об уникальном развитии событий в мировой истории либо об одном из череды таких событий, но сегодня поразительным представляется тот факт, что в 1850–1870-х годах в США наступила эра, когда огромное, если не решающее воздействие или влияние на политику США как государства стали оказывать средства массовой информации. Это было одно из проявлений нового для того времени этапа в развитии человечества. Газеты и журналы в Америке уже тогда действительно играли роль одной из ветвей власти, которая сформировала отношение большинства американцев к Китаю, что оформилось в акте о китайских иммигрантах как нежелательных в Америке.

Своего рода итог этой кампании был подведен следующим высказыванием в американской печати:

Несмотря на договор Берлингема и все те авансы, которые сделали (произвели, осуществили, выдали) американская и европейская цивилизации в направлении к установлению добрых чувств (во взаимоотношениях) с китайцами, судя по последним событиям, очевидно, что этот народ остается таким же диким, как и всегда. Их языческая дикость представляется неприступной для мягкого влияния христианской цивилизации.

*Редакционная статья «Нью-Йорк геральд».
30 октября 1870 года.*

Здесь сквозит убежденность американцев в своем «благородстве». В том, что они изначально руководствовались стремлением проявлять свои добрые чувства при знакомстве с китайцами, создавать отношения на основе считавшегося ими естественным для людей любых национальностей понимания китайцами того, что американцы идут к ним с добром, с добрыми чувствами.

Американцы при этом исходили из того, что китайцы способны понимать добрые чувства, способны отличать добро от зла и с радостью воспримут доброе отношение к ним американцев.

Однако американцы к середине XIX века пришли к выводу о том, что в Китае они встретились с такой дикостью, которая, по словам американцев, неприступна для мягкого влияния христианской цивилизации.

Следовательно, естественной и обоснованной, справедливой и должной оказывалась задача применения силы в ответ на зло и дикость, отрицания того, что представляется проявлениями упомянутой дикости.

И здесь необходимо снова обратиться к тому, как назвал свой труд профессор Миллер: «Нежелательный иммигрант. Американский (сложившийся у американцев) образ китайцев, 1785–1882».

Прежде всего можно отметить и обратить внимание на то, что речь идет, по сути дела, хотя и только о первом веке знакомства американцев и китайцев, но уже о целом веке их знакомства: 1776–1882 годах.

Начало этого знакомства следует датировать 1776 годом. Возможность такого знакомства и его неизбежность возникла в 1776 году с образованием такого государства, как Соединенные Штаты Америки.

К тому времени институт китайского государства имел за собой многотысячелетнюю историю, сложившиеся взгляды и на себя, и на остальное человечество.

Америка появилась как естественный результат событий, происходивших с теми частями человечества, которые обитали главным образом в Европе и начали свой «великий поход» на запад, начиная с Восточного побережья Северной Америки.

Так с появлением США возникла перспектива знакомства и узнавания друг друга одной из самых древних наций с одной из самых новорожденных наций. В каком-то смысле речь шла о встрече «истории и современности». Китайцы представляли своего рода древность, а американцы своего рода современность.

Так возникла и возможность, и необходимость у американцев познакомиться с китайцами, составить себе представление о китайцах, а у китайцев познакомиться с американцами, составить себе представление об американцах.

Здесь важно также обратить внимание на то, что профессор Миллер говорит об образе китайцев, а не Китая. Следовательно, речь идет о китайцах прежде всего как о народе, живущем в своей стране, а не только о том или ином китайском государстве и даже не столько о понятии государства применительно к Китаю.

Чем было вызвано обращение к этой теме, такая формулировка вставшего перед автором вопроса?

Для американцев существовал вопрос об отношении к тем людям, которые хотели, стремились стать американцами, жителями и гражданами США.

Так было и по той причине, что сами условия жизни в США, правила, определявшие жизнь людей в США, были лучше, чем во многих других странах. Политика американцев состояла при этом в том, чтобы приветствовать приезжающих, эмигрирующих из других стран в США.

Однако же возникал вопрос о том, все ли они желательны в качестве иммигрантов и как быть с нежелательными иммигрантами.

Появилось само понятие «нежелательный иммигрант», то есть тот, кого допускать «к себе внутрь» американцы не хотели, исходя из опасности появления внутри Америки возможного врага, потенциальной и реальной «раковой опухоли», которая несовместима с «американской плотью», «тканями американского организма».

Возникал и вопрос о том, правильно ли в принципе делить «пришельцев», иммигрантов, на желательных и нежелательных.

Появлялся и возникал вопрос о том, почему, по каким причинам возникает ощущение «нежелательности» иммигрантов из той или иной части планеты.

Оказалось, что первое столетие знакомства и общения американцев и китайцев привело к появлению в Америке общенационального согласия в вопросе о том, чтобы считать китайцев «нежелательными иммигрантами» в Америке.

Возникал вопрос о том, почему и как такой закон в США был принят, почему появились такие ограничения, как стало возможным само «исключение» китайцев из числа иммигрантов. Такие ограничения существовали относительно долго, хотя и были в конечном счете отменены. Но это случилось. Такой факт был в истории взаимоотношений Америки и Китая.

В истории взаимоотношений Америки и Китая такое произошло. Произошло в мирных условиях. Без войны. Это не было результатом войны. Иными словами, это не было следствием ненависти к военному врагу, ненависти, которая порождается войнами.

Американцы задавались вопросом, было ли это проявлением сути складывавшихся отношений, столкновением принципов, проявлением несовместимости американцев и китайцев как людей

или это было временным, случайным, необоснованным «зигзагом», который можно исправить, и «все пойдет хорошо».

Было ли это решение, принятое органом законодательной власти в США, временным, случайным отклонением от «правильного курса»?

Или это могла быть такая мера, которая так или иначе способствовала в конечном счете тому, чтобы побуждать обе стороны искать новый разумный подход к строительству взаимоотношений?

Здесь можно вспомнить о том, что в ходе «великого похода» на запад американцы сначала встретились с исконными жителями Северной Америки, с американскими индейцами.

Американские индейцы оказались в результате встречи с «пришельцами» из Европы на протяжении некоторого времени, на протяжении первого периода знакомства американских аборигенов и пришельцев, своего рода «инородным телом» в «американском организме».

Затем американцы уже на западном берегу Тихого океана встретились с китайцами. И теперь уже китайцы, когда они начали эмигрировать из Китая в США, оказались «инородным телом» в организме Америки.

С течением времени для американцев стало очевидно, что китайцы — это не американские индейцы.

Прежде всего по своей численности.

Имеется и такая разница, что индейцы оборонялись и только оборонялись от американцев. У них не было никакой возможности наступать или создавать угрозу для американцев. Они никогда не были соперниками американцев ни внутри США, ни на мировой арене.

Китайцы не просто оборонялись, хотя и оборонялись тоже, но главное было в том, что китайцы считали для себя неприемлемым установление отношений на условиях американцев. Китайцы были издревле уверены в своем праве быть Центральным государством на Земле, центром Земли.

Американцы ощутили, что в отношениях с китайцами необходимо не только активно добиваться установления отношений, но приходится защищаться.

Акт об исключении китайцев из числа иммигрантов — это и проявление стремления американцев защищать себя, свои ценности. Свой образ жизни, свой образ мыслей.

И здесь можно вспомнить о том, что произошло уже после смерти Мао Цзэдуна. В Китае была провозглашена цель действий КПК — КНР: осуществление политики реформ и политики открытости.

Это было главное проявление того, что были намерены делать власти КПК — КНР, того, что они хотели сделать с тем, чтобы успешнее осуществлять глобальную стратегию Мао Цзэдуна, курс на управление делами всего человечества, на превращение Китая не только в идейный, идеологический, но и политический, экономический и военный центр земного шара.

В этих целях нужно было решить две задачи: внутреннюю и внешнюю.

Внутри Китая осуществить изменения, которые были названы реформами. При этом речь шла о структурных реформах, реформах, касавшихся структуры, а не о системных реформах, не об изменении системы, строя, созданного при правлении Мао Цзэдуна, прежде всего политического режима. Этот режим, то есть абсолютная власть КПК и ее лидера, должен был оставаться неизменными.

Вовне Китая нужно было добиваться того, чтобы открыть всю планету для действий китайцев. Вот в чем состоит политика открытости. Китайцы должны чувствовать себя в любой стране или части планеты так же, как у себя дома, в Китае. Для Китая, для китайцев мир должен стать открытым. Он не должен защищаться, закрываться. Никто в мире не должен считать китайцев нежелательными пришельцами. Все должны смириться с руководящей ролью китайцев в управлении всеми делами на планете.

Мир должен быть открыт для Китая, для использования Китаем мировых ресурсов, сначала природных (земли, ее недр, воды — озер и рек, морей, воздуха), затем человеческих (в той мере, на то время и в том количестве, насколько это сочтут нужным в Китае). Все это должно использоваться в интересах Китая, к выгоде для нации Китая. Именно в этом и состоит цель программы великого возрождения великой нации Китая. В этом суть формулировки, выдвинутой в настоящее время в КПК — КНР: сообщество общей судьбы, общая судьба человечества, общее будущее человечества, общая мечта человечества. Все это идентично с судьбой, с будущим, с мечтой человечества. Будущее принадлежит Китаю — вот лозунг КПК — КНР.

Опиумная война породила широко распространенный американский интерес к Китаю, во многом в той же манере, в какой визит коммодора Перри в Токийский залив сыграл свою роль для Японии. Однако последующие события в Китае поддерживали высокую степень интереса к этой нации на протяжении последующих десятилетий. Тайпинское восстание с 1850 по 1864 год, инцидент с «Эрроу» в 1856 году и вытекающий из этого англо-китайский конфликт вплоть до 1860 года, миссия Берлингема в 1868 году и Тяньцзиньская резня в 1870 году — все это держало Китай в поле зрения публики. Так как эти события совпали с первыми двумя десятилетиями китайской иммиграции в США, они создали важную основу для национальных масштабов дебатов по вопросу об исключении китайцев (недопущении китайцев в Америку) (С. 113).

Всемирная история сложилась таким образом, что уже в середине XIX века в Америке появился большой интерес к Китаю. Этот интерес со временем все более возрастал.

В целом изначально в США начали интересоваться Китаем еще в XVIII веке. Тогда значительную роль играло иллюзорное представление о Китае, где преобладало восхищение загадочной страной.

Затем наступила эпоха начала торговых отношений, фактически предшествовавших установлению межгосударственных отношений, и американским купцам пришлось познакомиться с реальным поведением китайцев тогда, когда речь идет об их материальных интересах. Оказалось, что это хищники, впрочем, такие же, как и все остальные торговцы в мире, однако чрезвычайно изощренные в искусстве обмана партнеров и в жестокости в случае, когда сила на их стороне.

Попытки налаживать равные двусторонние межгосударственные отношения китайской стороной фактически отвергались. Здесь добиваться чего-то приходилось с помощью громадных усилий и проявления твердости и настойчивости.

Одновременно американцы попытались оказывать на китайцев идейное воздействие. Миссионеры-протестанты обращали китайцев в христианство. Здесь успехи были относительными.

В то же время американцам стало ясно, что Китай — это не та страна, которая с готовностью станет христианской. Это был сильный удар по иллюзиям американцев, питавших надежды на то, что удастся превратить китайцев в христиан.

В середине XIX века состояние отношений между Англией и Китаем дошло до такой степени, что началась война 1840–1842 годов, которую называют Опиумной войной. Это был важный момент в истории отношений Китая с остальным человечеством. Оказалось, что такого рода войны неизбежны. Это внесло новую краску в представления о характере двусторонних отношений, в частности, Америки и Китая.

Затем наступило несколько десятилетий, некоторые ученые выделяют 1850–1870-е годы, когда Америка созревала для принятия закона об исключении китайцев из числа потенциальных иммигрантов.

Здесь играли свою роль ряд событий:

Тайпинское восстание 1850–1864 годов.

Англо-китайский конфликт второй половины 1850-х годов.

Переговоры американцев с китайцами и договор 1868 года.

Тяньцзиньская резня 1870 года.

Все это держало Китай в поле зрения американской публики, добавляло краски в представления американцев о китайцах.

Все это совпало с первыми двумя десятилетиями китайской иммиграции в США.

Все это в совокупности и представило основу для дебатов в общенациональных масштабах в Америке по вопросу о допущении китайцев в качестве иммигрантов в Америку.

Набор из двадцати семи газет, представляющих десять городов и четыре поселения в северо-восточной части США, был изучен с целью внимательного прочтения сообщений об этих событиях в Китае и реакции редакций на них (С. 113). Не ждите того, что далее последует дотошная оценка этих событий с точки зрения эксперта в области китайской истории (С. 113–114). Например, каждая газета оценивалась по ее реакции на Тяньцзиньскую резню с точки зрения придания значения (принятия французской точки зрения как правдивой) французскому обвинению в том, что китайские чиновники намеренно подстрекали простонародье к нападениям на миссионеров, обвиняя их в похищении китайских детей с той целью, чтобы калечить их. И все же профессор Поль Коэн настаивает на том, что неблагоприятное, неосторожное, опрометчивое поведение французских монахинь помогало возбуждать такую комически уродливую веру (мнение) без какого бы то ни было официального подстрекательства. Однако более важным

для данного исследования, чем реалии самого этого события, является восприятие и понимание его американскими редакторами. Это восприятие и понимание не только сказывалось на образе китайцев, но в свою очередь (оказывая обратное, встречное воздействие) со всей ясностью показывало жизнеспособность образа, сформированного миссионерами, торговцами и дипломатами. Такого рода взаимоотношения между пониманием (представлением, восприятием) и образом формируют важнейшую (главную) часть теоретической основы (каркаса, остова, строя) данного исследования (С. 114).

Одна из особенностей истории взаимоотношений американцев и китайцев состоит в том, что на протяжении нескольких десятилетий, то есть с момента образования США в 1776 году и по середину XIX века, то есть до 1850-х годов, американцы — купцы, дипломаты, миссионеры — посещали Китай, обретали опыт общения с китайцами. В то же время ни один китаец тогда не ступал на землю Соединенных Штатов Америки. Следовательно, образ китайцев до той поры формировался, так сказать, умозрительно, на расстоянии. Это было первичное впечатление путешественников в Китай. Это было во многом иллюзорное представление о китайцах. Самых китайцев в Америке еще никто не видел.

Поэтому тогда, когда первые китайцы прибыли в США и началось общение между американцами и пришельцами из Китая, впечатления о китайцах накладывались на уже сложившиеся представления о китайцах. Одно влияло на другое.

В большей степени, чем какое бы то ни было иное происшествие в Китае в XIX веке, восстание тайпинов вызвало повсеместно распространенное возбуждение в Соединенных Штатах. Во многих отношениях эта революция явилась предвестником последующих революций в Азии. Возглавлявшееся Хун Сюцюанем, оно представляло собой крестьянское восстание против правителей-маньчжуров во имя (под знаменем) христианства, что набрасывало эскиз коммунистической системы хозяйства. Однако, подобно тому как китайцы использовали марксизм спустя столетие, тайпины применили (приспособили) западную религиозную доктрину к своим собственным потребностям и нуждам и свободно смешали ее с некоторыми китайскими традициями. Первоначальный успех этих бунтарей и обещание ими протестантского христианско-

го Китая возбудил редакторов самых темных (мрачных, мракобесных) американских деревенских (сельских) еженедельников. В 1854 году борьба тайпинов успешно конкурировала на страницах американской прессы с Крымской войной. Продолжительное противостояние (безвыходное положение) между восставшими и императорскими силами, которое продолжалось на протяжении последующего десятилетия, и роль красочных (живописных) западных авантюристов в этой войне, таких как майор Чарльз («Китаец») Гордон и американцы Фредерик Таунсенд и Генри Бергвайн, помогли держать Китай в новостях и, вероятно, создавали условия для того, чтобы пресса уделяла большее внимание инциденту с «Эрроу» и второй англо-китайской войне (С. 114).

На образ китайцев в глазах и представлениях американцев вплоть до середины XIX века наиболее значительно повлияли два события, две войны: англо-китайская война 1840–1842 годов, то есть Опиумная война, и Тайпинская война, или Тайпинское восстание.

Обе войны велись на территории Китая. Первая из этих войн велась между англичанами и китайцами. Вторая — между самими жителями Поднебесной. В ней с одной стороны воевали ханьцы, восставшие против власти династии Цин, с другой стороны — войска цинского императора, которые состояли главным образом из ханьцев.

По мнению профессора Миллера, наибольшее впечатление на американцев произвело восстание тайпинов. Прежде всего по той причине, что оно было предвестником последующих революций в Азии. Действительно, первая из азиатских революций произошла именно в Китае. Революции в Японии и в Индии последовали за ней. Это подтвердило мнение в Америке о существовании революционного потенциала в Китае. Кстати, попутно можно вспомнить, что и первая республика возникла тоже в Китае. В 1895 году было объявлено о создании *Тай вань минь чжу го* — Демократического государства (Республики) Тайвань. Более того, в свое время председатель ЦК КПК Ху Яобан говорил, что еще до марксизма в Китай пришли «две госпожи»: «госпожа Демократия» и «госпожа Наука». Китайцы познакомились с ними раньше, чем с марксизмом.

Еще более важным для американцев стало то, что в Китае произошло крестьянское восстание против правителей-маньчжуров.

Причем под знаменем христианства, что «набрасывало эскиз коммунистической системы хозяйства».

Итак, американцам импонировали восстания в Китае, революция в Китае. Это сулило взаимопонимание между американцами и китайцами. Ведь и те, и другие восставали и боролись против «чужих», против правителей, державших их в колониальном или подчиненном положении.

Далее, очевидно, в значительной степени неожиданно для американцев оказалось, что в Китае возможно восстание под знаменем христианства. Это также на первых порах привлекало симпатии и сулило нахождение взаимопонимания.

Наконец, по мнению профессора Миллера, восстание тайпинов «набрасывало эскиз коммунистической системы хозяйства». Может быть, и это могло показаться некоторым американцам основанием для сближения американцев и китайцев в борьбе против старых, феодальных порядков.

Вожди восстания тайпинов обещали создание протестантского христианского Китая. В какой-то степени это можно видеть и как предвестника провозглашения в XX веке нового Китая, нового коммунистического Китая.

Попутно отметим, что для американцев Тайпинское восстание и Крымская война на территории России в середине 1850-х годов оказались двумя темами, привлекавшими внимание американской прессы.

Пожалуй, наиболее интересной здесь является мысль профессора Миллера о том, что «подобно тому, как китайцы использовали марксизм спустя столетие, тайпины применили западную религиозную доктрину к своим собственным потребностям и нуждам и свободно смешали ее с некоторыми китайскими традициями».

Весьма интересно и значительно то, что иностранная религия и идеология проникали в Китай и даже добивались временно некоторых успехов, что могло привлекать внимание людей на Западе и создавать у них впечатление о движении к взаимопониманию с китайцами.

Однако, по большому счету, и в том, и в другом случае, в случае с тайпинами и христианством и в случае с марксизмом и интернационализмом, социализмом, в конечном счете оказалось, что китайские националисты использовали временно в своих интересах эти религиозную доктрину и идеологию, но при этом имели свои националистические цели и никоим образом не приняли иностран-

ную религию и идеологию в качестве своей собственной руководящей религии и идеологии.

В 1852 году восстание прошло почти незаметно в прессе, и лишь немногие отдельные разбросанные заметки, имевшие к нему отношение, провалились, если говорить о (такой цели, как) придании значения их религиозной значимости. «Нью-Йорк таймс» первой сообщила о слухе о том, что восставшие тайпины были христианами, однако редактор быстро отверг это как то, что было слишком фантастично, чтобы оказаться или быть правдой. После многодневных размышлений (на протяжении нескольких дней) этот редактор, однако, изучил такую вероятность более внимательно (С. 114). В конце концов, размышлял он, гуманистические элементы в конфуцианской философии смогли подготовить китайцев к такому неожиданному превращению (обращению в другую веру) (С. 114–115).

Оценка в американской печати событий Тайпинского восстания заслуживает внимательного отношения и более или менее подробного, насколько это в наших силах и возможностях, рассмотрения.

Дело тут в том, что в США далеко не сразу осознали, что это не просто события в Китае, не только события, касающиеся самих китайцев, но то, что имеет отношение к представлениям американцев о религии и к проникновению объединяющих американцев и китайцев религиозных взглядов в Китай, в среду китайцев.

У части американцев могло складываться впечатление о том, что американцы и китайцы могут как-то объединяться под знаменем Христа, смогут быть объединены общей религией, может создаваться некая идейная общность американцев и китайцев.

Чем-то это напоминает надежды некоторой части, если не всего руководства коммунистической партии в России после их прихода к власти в 1917 году. Только тогда речь шла о единственно верном, с их точки зрения, объединяющем пролетариев всех стран учении, то есть об идеологии, о марксизме.

Весьма характерно то, что при первых слухах о восставших в Китае христианах некоторые редакторы американских газет не поверили этому. Это было, с их точки зрения, слишком фантастично и, возможно, слишком хорошо, чтобы оказаться правдой.

Здесь, конечно же, какую-то роль играли и своего рода романтические представления в США о протестантской религии, о ее силе и ее возможности влиять на китайцев.

Именно по этим причинам в США нашлись люди, которые предложили читателям-американцам исходить из того, что гуманистические элементы в конфуцианской философии смогли подготовить китайцев к неожиданному обращению, то есть к обращению в христианскую веру.

Здесь важно обратить внимание на то, что в США видели, что во взглядах Конфуция и его последователей есть разные элементы, в том числе гуманистические элементы. Но только элементы, то есть только часть взглядов Конфуция и его последователей.

В конфуцианстве есть многое такое, что, очевидно, не является проявлением гуманизма, во всяком случае, как его понимали в США и в Европе. И все-таки такого рода воззрения создавали почву для проявления в США симпатий к делу восставших в Китае тайпинов.

Беннет в «Нью-Йорк геральд» насмеялся над этими слухами и бесцеремонно (надменно) принизил (осудил) тайпинов как «китайских духовных авантюристов» И все же Беннет потерпел поражение при попытке объяснить, почему миссионеры и действовавший в Китае представитель (комиссионер) США Питер Паркер должны были поддержать восставших (бунтовщиков). Вероятно, предполагал он, миссионеры видели в восстании еще одну возможность добиться (выжать) больше уступок от ослабленной Небесной империи (С. 115).

В США оказалось не просто понять и объяснить действия тайпинов. Один из авторов, фактически оказывавших значительное влияние на формирование американского общественного мнения, Беннет, в первые годы восстания тайпинов называл их «китайскими духовными авантюристами». Одновременно Беннет считал, что американские миссионеры-протестанты с одобрением отзывались о тайпинах с той целью, чтобы в конечном счете выжать больше уступок, то есть добиваться разрешения продвигать свою религию в Китай, от ослабленной тайпинским восстанием Великой Цинской империи.

Так, у Беннета получалось, что Тайпинское восстание — это очередная авантюра неких бунтовщиков в Китае, а также что все

то, что в деятельности тайпинов связано с христианством или преподносится как происходящее под знаменем Христа, — это всего лишь попытки найти духовный противовес принципам и лозунгам Великой Цинской империи.

Практицизм Беннета был налицо. Его взгляды были в одно и то же время и реалистичными, даже циничными, и при этом недостаточно глубоко проникали в суть внутривосточной борьбы в Китае, где дело все-таки шло к падению империи, что и произошло спустя шестьдесят лет в 1911 году. Для истории срок небольшой. Главное здесь было в том, чтобы видеть тенденцию и попытаться понять, что следует делать в той или иной ситуации.

К лету 1853 года, однако, американская пресса была переполнена рассуждениями о «протестантах»-тайпинах, чей лидер был обращен в христианскую веру американским баптистским миссионером Исачасом Робертсом. Более того, другой американский миссионер, Чарльз Тейлор, добился проникновения в лагерь восставших, и его сообщение появилось в газетах на всем северо-восточном побережье. Тейлор свидетельствовал, что восставшие обращались к нему со словом «брат», и первое, что они сделали вслед за своей победой, было гневное разрушение ненавистных идолов в Китае: «Я определенно никогда не видел столь удовлетворяющей сцены уничтожения (разрушения). Позолоченные и раскрашенные фрагменты были разбросаны повсюду. Алтари и столы, вазы для благовоний и подсвечники, буддийские книги и все это убранство для службы идолам было разбито, перевернуто и разбросано тут и там в виде невозможных руин; и все это также было сделано теми же самыми людьми, которые менее чем три года тому назад были истовыми последователями именно тех же святынь» (С. 115).

В 1853 году в американской печати был всплеск обнадеживавших американцев сообщений о тайпинах как «протестантах», о том, что их лидера обратил в христианскую веру американский миссионер-баптист, что тайпины обращались к миссионеру-протестанту из США со словом «брат». Одним словом, создавалось впечатление, что христианство, протестантизм в Китае «побеждают».

Это сопровождалось сообщениями о том, что сами китайцы «гневно разрушают ненавистных идолов язычества в Китае»: «алтари, столы, вазы для благовоний и подсвечники, буддийские

книги, все это убранство для службы идолам было разбито, перевернуто и разбросано тут и там в виде невозстановимых руин». При этом особо подчеркивалось, что «все это было сделано теми же самыми людьми, которые менее чем три года тому назад были истовыми последователями именно тех же святынь».

О чем все это могло говорить?

Конечно, прежде всего о характере китайского бунта: беспощадного и массового, собственно бездумного. О том, что бунтари в Китае легко принимали и использовали все то, что могло служить знаменем борьбы «всего нового» против «всего старого». «Бунт — дело правое, бей, круши все старое, потому что оно — источник наших страданий» — вот мысли, которые владели восставшими или бунтарями.

При этом оказывалось, что в Китае религия, религиозные учения, идеология — все это носит своего рода временный характер, может использоваться, а может и легко разрушаться и заменяться, тоже на время, другими символами другой веры. Вера — это не суть, а орудие. Инструмент для китайцев при реализации эгоизма, стремления к власти и обретения практических, материальных выгод. Таково то, что внешне для многих в окружающем Китай мире представало и предстает «красным проектом», революциями в Китае, революционным романтизмом, в частности, и Мао Цзэдуна и его последователей, но на самом деле таковым не является, а представляет собой эгоистичное, эгоцентричное стремление к власти, если говорить о том, чем все эти их «революции» заканчивались. При этом, придя к власти, те, кто ее захватывал, не забывали об удовлетворении своей жадности, своего стремления обладать материальными выгодами.

Неудивительно и то, что отношение тайпинов к религии по форме было таким же, как отношение коммунистов в России и следовавших за ними «простых людей» России, многие из которых до того времени были верующими, православными, к символам христианской веры, символам Русской православной церкви, к самим храмам и их убранству.

Все больше сообщений людей из Китая начали заполнять почти американских редакторов. В некоторых случаях это были просто письма друзьям или родственникам в Соединенных Штатах, которые и передавали их местным редакторам с тем, чтобы они были напечатаны в газетах. Все, что поступало из Китая летом

и в конце 1853 года, было горячими новостями. Большая часть тех писем, которые были опубликованы, была от миссионеров, пришедших в исступление от этой совершенно не ожидавшейся победы в Китае. Это подтверждало их ожидания, их надежду на вмешательство Бога в нужный момент. Их коллеги, которые посетили лагерь повстанцев, рассказывали о повсеместных признаках христианства. Протестантские службы проводились трижды в день, и десять заповедей строго соблюдались. Возможно, что тайпины были слишком усердны (слишком рьяно), казня людей за «похотливый (непристойный) взгляд, непристойные движения сердца, курение опиума и распевание непристойных песен», — заключали некоторые миссионеры, однако такие драконовы меры обосновывались напоминанием о склонности китайцев к разврату и другим порокам (С. 115). Преподобный Мартин в письме Калебу Кашингу уподобил Хун Сюцюаня Оливеру Кромвелю: «На одной стороне распущенные, беспутные и атеистические или являющиеся идолопоклонниками империалисты; на другой стороне воздержанные, умеренные, благочестивые и разрушающие идолов последователи тайпинов» (С. 115–116).

В истории взаимоотношений американцев и китайцев восстание тайпинов явилось, во-первых, совершенно неожиданным событием; во-вторых, это было то событие, от которого миссионеры-протестанты пришли в исступление, они видели в этом свою неожиданную победу.

Итак, «неожиданность» — вот важное слово в этом случае.

Американцы, особенно миссионеры-протестанты, старались обратить китайцев в христианство. Первые из них начали заниматься этим в 1807 году.

Прошло всего сорок три года. Оказалось, что открыть массам китайцев возможность уверовать в Господа или заставить массы китайцев пойти за собой протестантам-миссионерам не удалось. Среди китайцев нашлись и те, кто обратился в христианство, были те, кого обратили в христианство, но это оказался процесс, который мог иметь некие достижения, но оставался маргинальным для большинства населения Китая.

Однако оказалось также, что те или иные религии, учения, идеологии способны сами по себе, после того как о них становится известно в Китае, вдруг заинтересовать какую-то часть китайцев. Эти китайцы могут брать на вооружение ту или иную религию,

учение или идеологию. Но это уже не процесс, руководимый иностранцами. И эти религия, учение, идеология уже не те, чем они были в других странах.

Здесь для иностранцев, в данном случае для американцев, важно было понимать, что в Китае они всегда имели, имеют и будут иметь дело с тем, что является китайским, китайским, по сути, оставаясь, иной раз не китайским по оригинальному названию. Все это принадлежит Китаю. Не являлось, не является и не будет являться подчиненным иностранцам в каком бы то ни было смысле.

Эти религия, учение, идеология, попадая в Китай, уже не принадлежат иностранцам. Они становятся китайскими не только по форме, но по сути. Китайцы китаизируют их. Переваривают их, ассимилируют их.

Поэтому такое явление нет оснований видеть как победу христианства или марксизма в Китае.

В Китае от них сохранялись только некоторые внешние признаки. Суть была иной. Исключительно китайской.

Так, тайпины казнили людей за похотливый, непристойный взгляд, непристойные движения сердца, за курение опиума и распевание непристойных песен.

Одним словом, непристойность или то, что приверженцы в то время того, что они называли христианством, видели как непристойность, — вот то, что они изничтожали физически.

Драконовы меры миссионеры объясняли склонностью китайцев к разврату и иным порокам. Очевидно, имелось в виду, что справиться с этими пороками можно только такими мерами. Так оправдывалась бесчеловечность китайцев в этих случаях.

Один из миссионеров даже попытался уподобить Хун Сюцюаня Оливеру Кромвелю: «На одной стороне беспутные, распущенные и атеистичные или являющиеся идолопоклонниками империалисты; на другой стороне воздержанные умеренные благочестивые и разрушающие идолов последователи тайпинов».

На самом деле все это было попытками оправдать то в действиях тайпинов, что никак не согласовывалось с христианством.

В XX веке нечто подобное произошло тогда, когда те или иные иностранцы оправдывали действия Мао Цзэдуна и его приверженцев и последователей.

В Китае те, кого иностранцы считали последователями Христа или Маркса, на самом деле никогда ими не были. Они, если говорить о Мао Цзэдуна и его последователях, руководствовались

китайским эгоизмом или эгоцентризмом, просто применяя все то из арсенала остального человечества, что, с их точки зрения, можно было использовать в своих националистических интересах, в интересах осуществления глобальной стратегии Китая в том или ином ее виде.

Торговцы были более сдержанны в вопросе о религиозной природе Тайпинского восстания, но они проявляли не меньший энтузиазм относительно золотой возможности, которую все это предоставляло для того, чтобы заменить маньчжурское правительство (власть маньчжуров) на то, которое будет более дружелюбно относиться к коммерции (к торговле). Один торговец призывал к тому, чтобы американцы и британцы применили оружие с той целью, чтобы ускорить изменения, и редактор «Ивнинг трэвеллер» в Бостоне согласился: «На стороне Англии, покупателя до шестидесяти миллионов фунтов чая, должны стоять США, которые берут сорок миллионов фунтов». Другой торговец предложил, чтобы американцы просто «двинулись бы вперед более смело» со своими товарами в кильватер побед восставших. Корни восстания тайпинов — это беды и несчастья, от которых Китай страдал на протяжении тысячелетия, — «своего рода водянка: излишек населения и самомнения; консерватизм и тщеславие; предрассудки и суеверия». Были тайпины христианами или не были, это, с его точки зрения, не относится к делу, поскольку коммерция может только получить выгоды от такого искоренения.

По той причине, что торговцы питали мало иллюзий относительно христианского характера тайпинов, они продолжали поддерживать их как приветствовавшийся шанс на изменение, даже по следам того, что было раскрыто, то есть того, что Хун Сюцюань видел себя, рассматривал себя «братом Христа». А другой лидер восставших считал себя «Святым Духом». Один торговец ссылался на то, что Хун Сюцюань использовал Библию таким образом, что это никак не отличалось от использования Мухаммедом «Библии евреев», и что американцы будут глупцами, если слишком восторженно будут относиться к таким теням и потеряют саму суть коммерческих возможностей. Только после обнаружения и раскрытия того, что повстанцы оказались столь же ксенофобами и были настроены против торговли (коммерции), как империалисты, заставило торговцев резко осуждать их (С. 116).

Во время Тайпинского восстания отношение в США к Китаю и китайцам складывалось из нескольких частей и различных настроений.

Часть американцев находились под влиянием своих собратьев во Христе, то есть миссионеров-протестантов, мнение которых и было для них решающим. В этом секторе американского общества преобладал «дух», преобладало то, что можно назвать «духовным началом».

В первые годы Тайпинского восстания там горячо приветствовали близкую, как казалось этим американцам, религиозную природу китайцев. Это был, по сути дела, самообман; так желаемое принимали за действительное.

Другим сегментом американского общества, хотя разделение на эти сегменты довольно условно, была та его часть, которая в большей степени была связана с коммерцией, торговлей. Эти люди прислушивались к мнению американских купцов, торговавших с Китаем.

Здесь на некоторое время людям представлялось, что победа тайпинов сулила возникновение «золотой возможности», так как свержение цинского правительства виделось началом действия в Китае властей, которые будут более дружественно относиться к торговле, к коммерции.

Некоторые объясняли это общей заинтересованностью в торговле и американцев, и англичан. Англичане покупали в Китае 60 миллионов фунтов чая, а американцы — 40 миллионов фунтов.

Деловые люди Америки исходили при этом также из того, что в Китае главной причиной восстания были не религиозные соображения и мотивы, а то, что Китай на протяжении веков страдал от своего рода «водянки». Она проявлялась в разных областях:

- во-первых, в излишке населения;
- во-вторых, в излишке самомнения;
- в-третьих, в консерватизме и тщеславии;
- в-четвертых, в предрассудках и суеверии.

Избавление от всего этого, искоренение всего этого могло, по мнению американских купцов, деловых людей, открыть дорогу нормальным торговым отношениям между Америкой и Китаем.

Американские купцы более настроенно относились к оценке религиозности тайпинов. Особенно после того, как стало известно, что Хун Сюцюань считал себя ни больше, ни меньше как

«братом Христа», а другой лидер тайпинов видел себя «Святым Духом».

Наконец, американские торговцы стали резко осуждать тайпинов, убедившись, что те мало чем отличались от сторонников китайской империи и являлись, по сути дела, такими же ксенофобами и противниками развития торговли между Америкой и Китаем.

Несмотря на энтузиазм в отношении тайпинов в 1853 году и со стороны торговцев, и со стороны миссионеров, американские редакторы оказались на удивление осторожными там, где речь шла о том, чтобы полностью примкнуть к делу восставших. Ответ Беннета на свидетельства миссионеров как очевидцев был чрезвычайно типичным для изначальной реакции редакторов на все это летом 1853 года: «Когда доктор Медхерст первым предположил, что китайские инсургенты были главным образом христианами, мы вместе с главным корпусом британской и американской прессы отнеслись к этой идее как к заблуждению сангвиника-миссионера. События, однако, с тех времен внесли свой вклад в подтверждение этой странной мысли, причем применительно не только к христианству, но и к протестантизму». Однако Беннет, тем не менее, оставался настороже тогда, когда требовалось принять эти доклады как имеющие подлинную ценность (С. 116). Ведь в конце концов было вполне возможно, что эти «в прошлом воры» просто приняли вид «шоу под названием христианство» для того, чтобы заполучить поддержку Запада (С. 116–117). Конечно же, эта «коварная (хитрая, изящная) схема» сделает китайцев «намного более хитрыми (жуликоватыми), чем кто бы то ни было подозревает», размышлял Беннет, в то время когда он боролся с этой проблемой, не приходя ни к какому выводу (С. 117).

Общественное мнение в Америке в то время, когда речь шла о событиях в Китае, складывалось в значительной степени не только под влиянием сообщений из Китая от купцов и миссионеров, но и формировалось редакторами газет и журналов. Собственно говоря, был такой период в истории Америки и Европы, когда редакторы британской и американской прессы ощущали себя строителями представлений своих народов, населения своих стран о том или ином событии и о той или иной части света.

Вот и в данном случае дело обстояло именно таким образом. Один из самых влиятельных редакторов в США, Беннет, никоим образом не поддавался, во всяком случае сразу же, на сенсационные сообщения о том, что в Китае вдруг откуда-то появились христиане и даже протестанты, то есть что якобы возникла некая «родственность» между американцами и китайцами.

Когда же сообщения подтвердились, Беннет продолжал относиться ко всему этому с осторожностью, предполагая, что эти «в прошлом воры» просто «приняли вид шоу под названием христианство». Это было отражение типичных представлений американцев о происходящем и в Америке, и за границей. Осторожность, помноженная на недоверие, на то, что тебя обманывают неким шоу, — так было сначала и в случае с тайпинами в Китае.

Однако к концу 1853 года все редакторы того собрания (комплекта) газет, которые здесь рассматриваются, оказывали тайпинам некоторую поддержку. Горацій Грили объяснял в своей статье-подтверждении, что повстанцы просто оказались под слишком сильным влиянием Ветхого Завета, чем под всепрощением Нового Завета, «что и объясняет чрезмерное кровопролитие (бойню) применительно к врагам». Редактор из Олбани настаивал на том, что «убийство (бойня) неверных — это похвально», однако он допускал некоторую озабоченность «довольно бессмысленным разрушением ими собственности». Редактор еженедельной газеты некоего городка удивлялся тому, что кто-то из американцев должен озаботиться судьбой буддийских монахов или их собственности. С его точки зрения, «вряд ли любое движение может видаться как ухудшение: любой вид агитации лучше, чем мертвая стагнация жизни китайцев». Бостонский редактор доказывал в своей статье, что тайпины «либо искренне, либо исходя из политических соображений отвергли идолопоклонство и обнялись с чем-то похожим на христианство», что было существенным достижением в его глазах. Однако немногие редакторы могли согласиться в вопросе о том, как именно (и в чем именно) тайпинское движение походило на христианство. Некоторые утверждали, что это был своего рода кальвинизм, и в то же время редактор из Рочестера в штате Нью-Йорк называл это «своего рода еврейским описанием христианства», а еще один из Вашингтона говорил о подобии движению мормонов (мормонизму). Вероятно, наиболее важное влияние на американских редакторов, если го-

ворить о ком-то одном, произвел Бэйярд Тейлор, журналист из Филадельфии, который в 1853 году присылал репортажи из Китая и был своего рода иностранцем-фрилансером. Его вывод о том, что язычество (варварство), деспотизм (тирания) и пороки в Китае вызывают к переменам и что любые перемены (изменения) могут лишь улучшить ситуацию, весьма походили на ту позицию, которую заняло большинство редакторов (С. 117).

Со временем редакторы в основном согласились с мнением о том, что язычество или варварство, деспотия или тирания, а также пороки, существующие в Китае, вызывают к переменам и что любые перемены или изменения могут лишь улучшить ситуацию. Эта позиция большинства редакторов отражала менталитет или общее представление и вообще о положении дел в мире, и применительно к Китаю среди большинства населения США. Иными словами, американцы не восприняли мысль о родстве, о некоем сближении китайцев с ними, о том, что в США можно и нужно видеть китайцев как «братьев во Христе», но считали все происшедшее на всем свете, в том числе в Китае, как следование по тому пути, по которому сами они, американцы, ушли далеко вперед.

Некоторые из редакторов были менее двусмысленными, меньше увливали, хваля повстанцев-тайпинов. Редакционная статья в бостонской газете «Ивнинг тревеллер» доказывала, что «это удивительное (замечательное) революционное движение» может быть только делом рук Божьих, а не рук миссионеров в Китае. «Хороший перевод Библии — это определенно есть то последнее, что иезуиты вкладывали в руки обращенных»; с другой стороны, «миссионеры-протестанты никогда не инициировали движение такого рода, оно совершенно не соответствует их принципам, и они тем более не вмешиваются таким образом в гражданские дела страны» (С. 117). В настоящее время то, что китайцев обращают в христианство с помощью меча тайпинского вана (князя-предводителя), должно побуждать американцев вносить поправки в созданный в их представлении образ жителей Небесной империи, предостерегал другой редактор из Бостона: «пришло время для тех, кто составлял свой стереотип, вырезая его из учебника географии, где косоглазый, выглядевший мягким человек с выбритой головой, длинной косичкой и в широких штанах был представлен как охотник на “крыс и собак (щенков), чтобы при-

готовить из них пирог”, обратиться к более надежным источникам информации» (С. 117–118). Заменой этих злокачественных текстов, по мнению этого редактора, являлись книги Уильяма Рабрукиеса и Марко Поло. Но сам же этот редактор оказался неспособен порвать с неблагоприятным образом недавнего прошлого, а потому ссылки на «обычные привычки китайцев» или на «эту новую мораль (нравственность)» тайпинов проскальзывали в его редакционные статьи (С. 118).

Сильное впечатление на американцев произвел тот факт, что перемены в Китае, обращение китайцев в христианство осуществлялись не с помощью проповедей, а «мечом тайпинского вана» или путем применения грубой силы по приказу предводителя тайпинов.

Именно осознание этого факта и побудило одного из редакторов написать, что «пришло время для тех, кто составлял свой стереотип, вырезая его из учебника географии, где косоглазый, выгладевший мягким человек с выбритой головой, длинной косичкой и в широких штанах был представлен как охотник на “крыс и собак (щенков), чтобы приготовить из них пирог”, обратиться к более надежным источникам информации».

Здесь важно обратить внимание на то, что общественное мнение в Америке сначала, в пору англо-китайской войны 1840–1842 годов, находилось под впечатлением полной неспособности китайцев оказывать сопротивление, а затем, во времена Тайпинского восстания, оказалось готово задуматься над тем, что военная сила применяется в Китае, китайцами и перемены могут происходить там именно таким образом. Иностранцам, американцам, пришлось понять это и сделать из этого свои выводы как относительно того, на что способны китайцы, так и относительно своей политики и действий в отношении китайцев.

В целом письма в редакции от читателей выставляли гораздо больше энтузиазма по отношению к новостям о Тайпинском восстании, чем редакционные статьи. И в самом деле, огромное число первых (то есть читателей) жаловались на «прохладный ответ» редакторов на это «великое историческое событие», которое (по их мнению) было всего лишь «началом всемирного обращения к христианству». Конечно же, несоразмерно большая часть этих писем была написана членами протестантского духо-

венства, которые призывали к большей терпимости и пониманию восставших. «Никто не может ожидать, чтобы варвар (идолопоклонник), язычник преодолел расстояние от его идолов до службы, веры в истинного Бога без пятен позора (недостатков)», — писал один из служителей церкви в своем письме в «Нью-Йорк геральд». В другом письме редактору напоминали о том, что революции всегда имели место в отдаленных районах Китая, и высказывалось предположение о том, что тайпинам приписывались ошибки и эксцессы других групп населения. Этого «Фому неверующего» и других таких, как он, гневно осуждал священнослужитель, который требовал, чтобы эти критиканы объяснили, как оказалось возможным для восставших добиться столь впечатляющих успехов на полях сражений «без помощи Святого Провидения». Один вернувшийся из Китая миссионер в письме в «Нэшнл интеллидженсер» призывал положить конец этим бессмысленным пререканиям. Вполне достаточно, аргументировал он, того, что восставшие «подняли знамя христианства», не подвергая суть своей веры мелочной проверке.

По иронии судьбы зачастую в допущениях защитников-миссионеров говорилось, что американские редакторы сначала узнали о некоторых из худших эксцессов тайпинов. Английский миссионер в письме в «Лондон таймс» признавал, что Хун Сюцюань требовал для себя статуса святого, но при этом смягчал ситуацию, добавляя, что такие термины, как «святой» и «священный, всевышний», были зарезервированы для Бога. Однако американский редактор, который напечатал письмо, испытал некоторое потрясение относительно возмутительных претензий Хуна (С. 118). Продолжительная защита или оправдание восставших в «Библикал репертори» раскрывали то, что Хун «воображал себе, что в одном или двух случаях он был взят на Небо», где он беседовал со своими братьями, другими сынами Бога: Конфуцием, Моисеем и Христом (С. 118–119). Редакторы светской прессы были ошеломлены такими откровениями и были не в состоянии разделить выводы религиозных редакторов о том, что движение тайпинов по необходимости представляет собой нечто лучшее, чем то язычество, которое они заменяли (С. 119).

Интерес представляли и письма читателей в газеты. В одном из них говорилось, что Хун Сюцюань «воображал себе, что в одном или в двух случаях, то есть раз или два раза, он был взят на

Небо», где он беседовал со «своими братьями», другими сынами Бога: Конфуцием, Моисеем и Христом.

Это говорило читателям о том, что происходившее в Китае, то, что внешне напоминало христианство, что, по мнению миссионеров, как бы там ни было, а было чем-то лучшим, чем то язычество, которое оно заменяло, было не более чем оболочкой присущего китайцам представления и о Боге, и о самих себе.

В Китае те или иные политические лидеры иной раз подчеркивали, что они не считают никого из иностранцев выше себя, выше китайца. Лю Шаоци говорил, что если в Европе был *ма кэ сы* — Маркс, то почему бы в Китае не быть *лю кэ сы* — Льюксу. Си Цзиньпин, говоря о Марксе, по сути дела, намекает на то, что он и есть современный Маркс.

Позднее, в 1854 году, газеты в США отражали драматическую реакцию, направленную против китайских повстанцев. Заголовок в «Нью-Йорк геральд» кричал «Богохульные претензии вана тайпинов», в то время как редакционная статья в «Нью-Йорк таймс» носила заголовок «Мерзавец (мошенник) “Царь (Король) Небесный” Китая». «В своей религии повстанцы богохульны, фанатичны и суеверны», — заявлял редактор бостонской «Ивнинг тревеллер», тот самый, который однажды славил тайпинов как ту свечу, которая озарит «языческую тьму» Китая. Хун Сюцюаня скорее обычно называли «мошенником», и один из редакторов задавался вопросом о том, выздоровел ли лидер бунтовщиков когда бы то ни было от того умопомешательства, которым он страдал в ранние годы. В своей редакционной статье, ядовито атакуя тайпинов, Беннет в 1854 году выражал величайшую досаду (раздражение) по поводу «нашего глубокого невежества, незнания истинной природы и практики» бунтовщиков, которые «смешивали учение Библии с абсурдом басен из своей собственной мифологии. <...> Варварство и безрассудство их действий равны абсурдности и богохульству их слов. Все их развитие представляло собой серию жестокостей дикарей и безжалостных актов разрушения, оставлявших после себя целые деревни утопавшими в крови» (С. 119).

Все-таки наиболее влиятельные редакторы, то есть авторы редакционных статей, например Беннет, очевидно, отражая мысли многих людей, подчеркивали, что американцы тогда не знали «ис-

тинную природу и практику» тайпинов, а сами тайпины действовали, словно варвары, действовали безрассудно, а их слова были абсурдны и богохульны. Беннет писал: «Все их развитие представляло собой серию жестокостей дикарей и безжалостных актов разрушения, оставлявших после себя целые деревни утопавшими в крови».

И в XX веке то, что тогда происходило в Китае, что именовалось, в частности, и действиями Красной армии, не говоря о действиях других военачальников, было фактически повторением того, о чем писал в свое время тот же Беннет.

Горечь, выраженная в этих газетах, требует специального объяснения ввиду неохотных и скептических утверждений (подтверждений), которые прежде всего давали журналисты. В июне 1854 года новый американский комиссионер (полномочный представитель) в Китае Роберт Маклейн посетил Нанкин с целью подписать торговый договор и встретил унижающий отказ со стороны лидеров бунтарей. Маклейн возвратился, «будучи полностью убежден в том, что успех тайпинов никоим образом не будет на пользу иностранным государствам». Один редактор гневно сообщал, что лидеры бунтарей требовали земных поклонов (коуту) от иностранцев, к которым они обращались как к «волосатым дьяволам» или «дикарям-невольникам» и «насмехались над нами со своим слабоумием» во многом в той же самой манере, как это делали маньчжуры. Визитеры в Нанкин были уведомлены, судя по новым сообщениям, что (весь) мир находится под юрисдикцией тайпинов и что все послы являются теми, кто приносит дань Хун Сюцюаню. Многие из этих жалоб выпаривались до эффекта, что бунтари были точно такими же противниками торговли и такими же ксенофобами, какими были имперцы (империалисты, то есть маньчжуры) (С. 119). Преподобный Дайер Болл сообщал, что даже к миссионерам бунтовщики обращались грубо как к «заморским белым дьяволам», и до американских редакторов дошла новость о том, что их консул Бенджамин Спунер подвергся обстрелу с батарей тайпинов (С. 119–120). Американское правительство слишком долго мирилось с этой китайской бессмысленностью, заявлял Беннет. Он предложил, чтобы Маклейн или Спунер были посланы обратно в лагерь бунтовщиков «с должными (подходящими) военными силами и потребовали торговли с Нанкином. Их отказ позволил бы нам действовать, и вряд ли не

похоже на то, что некий инцидент, буде он произойдет, даст нам возможность, представит нам основания для военных действий, таких, какие были предприняты ради Опиумной войны» (С. 120).

На практике американцы, попытавшиеся наладить торговые отношения с правительством или властями тайпинов в Нанкине в 1854 году, натолкнулись на отношение к ним со стороны этих китайцев, которое ничем не отличалось от отношения цинских властей. Тайпины, в частности, считали, что весь мир находится под юрисдикцией тайпинских властей и обязан приносить им дань.

Крушение иллюзий относительно тайпинов пошло на пользу репутации Хэмфри Маршалла, предшественника Маклейна, который был для миссионеров, торговцев и редакторов персоной нон грата из-за того, что годом ранее рекомендовал, чтобы со стороны американцев была предоставлена помощь императору с целью подавления бунта. Маршалл был «резко взят в оборот нашими газетами за то, что он выступал в пользу власти (правительства) императора», — робко допускал Беннет, в то время как последующие события, по-видимому, обосновывали такую позицию. Даже миссионер Элиа Бриджмен, который гневно требовал отзыва прежнего американского комиссионера, задавал вопрос: «Ведь возможно же в конце-то концов, что Хэмфри Маршалл знал, о чем он говорил?» (С. 120).

Представитель правительства США раньше других осознал, что в Китае во время восстания тайпинов американцы столкнулись с внутренними китайскими событиями и что бунтари практически ничем не отличаются от императора и его властей, когда речь идет о политике в отношении иностранцев. Поэтому, учитывая конечный результат, то есть неминуемое подавление бунтовщиков, этот американский дипломат предлагал США предоставить помощь императору. Собственно говоря, это были истоки позиции, которую впоследствии во многих случаях занимали иностранцы применительно к тому, что происходило в Китае.

В частности, в мире широко воспринималась мысль о том, что интересам всех остальных наций отвечает стабильность в Китае, поэтому следует поддерживать все те власти в Китае, все те действия властей в Китае, которые так или иначе, как бы там ни было, какими бы то ни было методами, но обеспечивают устойчивость,

стабильность в Китае, а следовательно, и безопасность в остальном мире, не допускают распространения, переплескивания беспорядков и нестабильности в Китае на окружающее Китай человечество.

Здесь вопрос о человеке, человеческой личности, человеческом достоинстве, о человечности, о совести, о культуре не просто уходит на второй план, но снимается, не существует для тех политиков, которые занимают такие позиции, а фактически они тем самым сохраняют нарастающую угрозу со стороны последователей курса Мао Цзэдуна для всего остального человечества.

В этом свете можно подумать о том, что в XIX веке европейцы и американцы, а в XX веке русские предприняли попытки вовлечь Китай, китайцев в русло общего движения человечества к прогрессу. В первом случае с помощью религии, во втором — с помощью идеологии. Однако китайцы в обоих случаях отвергли все это и продолжали идти по пути великого возрождения великой нации Китая, навязывая остальному человечеству общую с китайцами мечту, общую судьбу, общее будущее под единым и единственно правильным управлением процессом экономической глобализации и вообще управлением делами человечества со стороны нации Китая.

При этом предлагается руководствоваться исключительно китайской мудростью и методами управления мировыми делами, фактически признавая такую идеологию, как китаизированный марксизм и исключительно китайский самобытный социализм.

Американское религиозное сообщество было существенно расколото в вопросе о тайпинах после 1854 года. Многие испытывали страх, считая, что Хун Сюцюань просто-напросто заменит тем, что Паркер именовал «теократией с идеями богохульства» ныне существующее язычество. Некоторые настаивали на том, что «в Нанкине и не было никакого христианства. Но само это имя было фальшиво приспособлено... к системе отвратительного идолопоклонства» — это утверждал преподобный Холмс в «Мишнэри геральд». Однако другие питали иллюзии, думая, что каким бы «ублюдочным» ни было их христианство, тайпины по крайней мере «проложат путь для Евангелия в Китае». В 1871 году преподобный Рассел Конвел все еще сокрушался по поводу упущенной возможности, которую предоставляла тайпинская революция, крах ее он относил на счет торговцев и узких коммерческих ин-

тересов: «Все симпатии в отношении справедливости и христианства мгновенно испарились перед магическим жезлом такого божества, как деньги». Намного позднее, в 1896 году, Мартин все еще выражал гнев по поводу упущенной возможности. Но Питер Паркер, кажется, был ближе к большинству миссионеров, когда он избежал ясной позиции в 1854 году. Он описал «пугающую жестокость», проявленную с обеих сторон в ходе гражданской войны в Китае, и приходил к выводу: «Увы, тебе, Китай! (С. 120). Кажется, что заявление о том, что те нации, которые не будут служить Господу, будут уничтожены, находится накануне своего претворения в жизнь (С. 120–121). Наше единственное утешение — Царство Божие!» (С. 121).

Следует особо остановиться на разброде в американском религиозном сообществе в связи событиями в Китае, с восстанием тайпинов.

Возможно, что для кого-то из американских миссионеров-протестантов картина могла выглядеть следующим образом.

Сам протестантизм родился, появился в Европе как движение за освобождение от пут уже существовавшей религии, католической церкви. Протестанты считали себя продвинутыми в понимании сути своей религии, в образе мыслей, в образе жизни.

И это новое они принесли в Китай. Попытались обращать в свою веру китайцев. Возможно, что им столь многонаселенный Китай мог представляться неким самым большим в мире «рынком», не охваченным подлинной религией. Они думали, что им предстоит грандиозная миссия в целях достижения величайшей победы идей Христа в мировых масштабах. Собственно говоря, речь у них могла идти о претворении в жизнь лозунга «Протестанты всех стран, объединяйтесь!».

Реально им удалось добиться незначительных частичных успехов.

Однако вдруг неожиданно для них в Китае началось собственно китайское движение формально под знаменем Христа. Это было нечто вроде «протестантизма с китайской спецификой», или самобытного китайского протестантизма. Это могло в первое время восприниматься как божественное деяние.

Однако затем протестантам пришлось сойти с неба на землю. Они столкнулись с практикой. И тут оказалось, что то, что происходило в Китае, было как бы на другой планете, никоим образом

не было воплощением в Китае религиозных представлений протестантов.

Оказалось, что представившееся некоторым американским миссионерам-протестантам продвижение их религии в Китай все таким не является. Оказалось, что слова, звучавшие в Европе, в Америке, могут начать произноситься в Китае, но смысл в них китайцы вкладывают иной. Оказалось, как считали некоторые миссионеры, что «язычество» просто «заменялось теократией с идеями богохульства». Само имя христианства было «фальшиво приспособлено к системе отвратительного идолопоклонства». Некоторые миссионеры продолжали надеяться, что тайпины «проложат путь для Евангелия в Китае». Крах тайпинской революции кто-то из них относил на счет торговцев и узких коммерческих интересов. Пугающая жестокость и уничтожение наций — вот что представлялось некоторым миссионерам будущим в свете того, что творилось в Китае в ходе Тайпинского восстания.

Здесь можно подумать о том, что как в ходе восстания тайпинов, так и в дальнейшем в Китае проявилась та жестокость, которая изначально существовала в среде китайцев. Возможно, она вызвана многочисленностью населения и жесточайшей индивидуальной борьбой внутри него за существование.

Собственно говоря, сама двойственность, предполагавшаяся Конфуцием, который призывал установить порядок, приемлемый для всех, считая такой порядок внедрением высшей культуры и считая, что все должны добровольно принять этот порядок, и в то же время понимал, что в случае непринятия такого нового порядка несогласных следует принуждать к нему силой, нашла свое проявление в происходившем во время Тайпинского восстания.

Тайпины, руководствуясь иррациональными мыслями, унаследованными от глубокой древности, восприняли в данном случае непримиримость религиозных фанатиков, их стремление физически полностью и безжалостно уничтожать несогласных. Именно это они и взяли, может быть, в первую очередь из предложенной им миссионерами-протестантами религии. Этим и объяснялась жесткость тайпинов, как, впрочем, и многих представителей разных властей Китая в дальнейшем.

Попутно можно обратить внимание на то, что в дальнейшем в Китае из марксизма Мао Цзэдун и его последователи взяли политический режим, который имеет своей целью установление абсолютной власти и уничтожение всех несогласных с ней.

Здесь говорится и о возможности или неизбежности уничтожения наций. Очевидно, что речь могла идти и о самоуничтожении наций в результате насилия внутри наций одних людей против других людей, и об уничтожении других наций. И то, и другое представляется заслуживающим внимания в свете событий во время Тайпинского восстания и его последствий как для Китая, так и для окружающего его остального мира.

Гнев американских редакторов не был ограничен только тайпинами на протяжении длительного времени. Вскоре поступили сообщения о том, что комиссионеру Маклейну также был оказан резкий отпор в Бэйхэ имперским правительством тогда, когда он присоединился к британскому представителю сэру Баурингу в попытке вести переговоры с Пекином. Капитан Бьюкэнен из военно-морского флота США сопровождал Маклейна в этих путешествиях и представил хороший материал для статей американских репортеров. Его совет сначала был в том, что единственный путь иметь дело с китайцами, бутовщиками или лоялистами, состоял в следующем: «Производить по ним миллион выстрелов в минуту». Он повторял это столь часто, что получил прозвище «Старина Миллион». Он был поразительно похож на «Капитана, который покончит со всеми вами»; речь идет о персонаже пьесы, популярной в Нью-Йорке и называвшейся «Китай, или Трюки (хитрости) по отношению к путешественникам». Маклейн вернулся в США вскоре после этого и был заменен Питером Паркером, который был официально назначен верховным представителем США в Китае, после того как временно послужил в этом качестве при ряде иных обстоятельств. Спустя несколько десятилетий Маклейн оплатил за себя тогда, когда в качестве представителя штата Мериленд в конгрессе он оказался в состоянии во время эксклюзивных дебатов использовать свой опыт в Китае с тем, чтобы документировать свое неодобрение характера китайцев (С. 121).

События периода Тайпинского восстания отражались и на взаимоотношениях властей Америки и Китая того времени.

Тайпинская война шла на территории Китая, была войной внутри Китая. Она не была войной, одной из сторон в которой были иностранцы. Такая ситуация вообще была обычной для целого ряда военных ситуаций на территории Китая и в XIX, и в XX веке.

В таких ситуациях иной раз иностранцам приходилось иметь дело и с властями Китая, и с их противниками внутри Китая. И практически почти во всех случаях иностранцы оказывались в трудном положении.

Во время Тайпинского восстания американские чиновники, имевшие дело с китайцами, властями и их противниками, приходили иной раз к выводу о том, что единственное, что можно и нужно делать в таких обстоятельствах, — это «производить миллион выстрелов в минуту по китайцам», властям или бунтовщикам против этих властей. В связи с этим в Америке и печатались материалы с формулировками: «трюки или хитрости по отношению к путешественникам», то есть по отношению к иностранцам.

Так постепенно у части американцев формировалось устойчивое мнение о том, что во взаимоотношениях с китайцами следует всегда основывать свою позицию только на силе, на оценке соотношения сил, а также иметь в виду, что со стороны китайцев здесь всегда возможны и неизбежны обманные трюки, военные хитрости.

Как результат предполагаемых оскорблений с обеих сторон в ходе гражданской войны в Китае, Беннет изменил свою позицию и рекомендовал нейтралитет, исходя из того, что победа либо имперцев, либо бунтовщиков будет пирровой и Запад затем может вступить в игру и сформировать будущее Китая, исходя из своих потребностей. Однако кажется, что американские редакторы к тому времени ощущали, что Китай им надоел, когда новый инцидент в 1856 году снова вернул китайцев на первые полосы и в редакционные колонки американских газет. Чиновники имперского правительства захватили судно «Эрроу», перевозившее опиум и с командой китайцев. Однако под командованием англичанина, который вывесил английский флаг. Когда англичане стали протестовать против надругательства над их флагом, мандарины быстро отпустили судно и команду, принеся извинения, хотя они уже казнили несколько человек, которые обвинялись в торговле опиумом. Британцы не были удовлетворены просто извинениями, хотели заверений, что такие захваты не будут иметь место в будущем. Когда китайские чиновники отказались дать такие заверения, адмирал королевского флота Сеймур произвел штурм Кантона (С. 121).

Тайпинское восстание или движение оказалось весьма продолжительным: 1850–1864 годы. С течением времени в американской печати стало преобладать мнение Беннета о том, что американцам, которые «обожглись» и при контактах с тайпинами, и при контактах с властями Китая, лучше всего занимать нейтральную позицию.

Это тот вывод, который многие иностранцы сделали или делали в результате общения с китайцами.

На первый взгляд он может показаться единственно правильным, разумным и взвешенным. Однако все дело в том, что при этом иностранцы упускали из вида то, что китайцы — это абсолютно самостоятельная сила, которая действует и будет действовать сама, применяя силу в отношении иностранцев тогда, когда сочтет это необходимым, и не считаясь с нейтралитетом иностранцев.

Столь же ошибочным представляется и вывод Беннета о том, что иностранцам следовало подождать, пока внутри Китая закончится война и победа любой из сторон окажется пирровой. Беннетт думал, что тогда иностранцы смогут воспользоваться ситуацией, которая возникнет внутри Китая. Ошибочность этого взгляда состояла в том, что Китай огромен. Это — целый океан. Поэтому внутри него начиная с XIX века никогда не возникала и не возникнет обстановка, при которой кто бы то ни было из-за рубежей Китая смог бы в долгосрочном, стратегическом плане воспользоваться ситуацией в своих корыстных интересах.

Положение во второй половине 1850-х годов сложилось таким образом, что возникли новые осложнения в отношениях между иностранцами и китайцами.

Торговое судно «Эрроу» под командованием английского капитана под английским флагом с командой из китайцев перевозило опиум и на этом основании было захвачено китайцами.

Британцы потребовали извинений. Китайцы извинения принесли. Дело было в том, что по договоренности между китайцами и англичанами китайцы не имели права захватывать суда под английским флагом.

Англичане не были удовлетворены извинениями. Они потребовали обещания больше никогда не нападать на английские суда. Китайцы отказались обещать это. Тогда англичане произвели бомбардировку со своего военного судна города Кантон.

Так оказалось, что во время продолжавшегося Тайпинского восстания возникло столкновение между англичанами и китайцами.

У каждой стороны были свои доводы и аргументы. Американцам предстояло занять позицию по отношению к этому спору.

Интерес к войне в связи с инцидентом с «Эрроу» был в величайшей степени подогрев сообщением о том, что американский консул в Гонконге не только присоединился к атаке британцев, но и увлек за собой «Олд глори» через разрушенные стены Кантона (С. 121–122). Шесть недель спустя судно «Портсмут» вступило в перестрелку с китайской батареей, и моряки капитана Фута успешно атаковали два форта. Когда коммодор Армстронг направил посыльную лодку, готовясь поддержать Фута, китайцы открыли огонь, убив рулевого шлюпки. Одновременно американское торговое судно попало под огонь китайских орудий вплоть до того момента, когда английский военный корабль пришел на помощь, спас судно и разрушил редут.

Воинственность, продемонстрированная американскими редакторами, и их пробританские чувства при обсуждении этих инцидентов составляли резкий контраст с реакцией журналистов на Опиумную войну семнадцатью годами ранее. В сущности, фактически ни одна из газет из нашего набора не обсуждала вопрос об опиуме, хотя судно «Эрроу» занималось этой незаконной перевозкой, и одним из результатов последовавшей англо-китайской войны стала легализация опиума в Китае. Вместо того эти редакторы почти единогласно приняли британскую версию захвата «Эрроу», в которой без отклонений (вариантов) сообщалось как о «еще одном китайском преступлении (грубом нарушении закона)». Ударение при этом делалось на вопиющем нарушении прав, следовавших из договора, и о наглом (открытом и полном) небрежении международного права (закона). Редактор «Нью-Йорк таймс» реагировал на обстрел судна коммодора Армстронга так, как будто бы он был целиком и полностью неспровоцированным, хотя на его же собственных страницах, посвященных новостям, было ясно сказано об агрессивных целях стрельбы в связи с захватом. Китайцы просто не могли оказаться в выигрышном положении ни по одному пункту в американской прессе. Когда они быстро принесли извинения за стрельбу по Футу, пресса интерпретировала это как доказательство того, что сила была единственным эффективным средством при ведении дел с жителями Небесной империи, немедленно заключив, что никакие извинения не будут приноситься в будущем без строгого возмездия со стороны фло-

та. С другой стороны, когда мандарины отказались извиниться за стрельбу по торговому судну, ссылаясь на то, что было слишком трудно отличить один от другого британский и американский флаги, это было воспринято как еще одна иллюстрация китайского идиотизма (глупого поведения), вероломства (измены) и надувательства. «Глупость и упрямые религиозные предрассудки (суеверия) китайцев не должны допускаться (позволяться), стоять на пути той единственной защиты, которую мы можем оказать нашим согражданам в отдаленных землях», — заявил редактор «Нью-Йорк таймс».

Лишь трое американских редакторов в нашем наборе были изначально критически настроены при оценке агрессивной реакции на эти инциденты, и двое из них вскоре перешли на позицию большинства, позицию поддержки британской политики в Китае (С. 122). Будучи сначала в состоянии неопределенности, бостонская «Ивнинг тревеллер» инстинктивно интерпретировала британские действия как продолжение жадного империализма, начатого сэром Френсисом Дрейком, и поместила в высокой степени критичную статью по отношению к поведению Фута (С. 122–123). Однако через несколько дней редактор решил, что Британия действовала «осмотрительно (осторожно)», в то время как китайцы были «безрассудны», и такая атака на «недвижную нацию» была «полностью обоснована». Когда китайцы попросили о мире, он приветствовал британскую победу: «Китай наконец был вынужден в результате бомбардировки войти в семью наций, император приказал добиться мира любой ценой». «Олбани ивнинг джорнал» была обеспокоена главным образом вопросом о том, как война скажется на цене чая. Редактор рассуждал, что прежде всего американское судно, вероятно, оказалось слишком близко к китайскому форту; и поскольку китайцы — плохие артиллеристы, поэтому то, что именуется спасением со стороны британцев, могло быть всего лишь показным шагом, рассчитанным на эффект и на завоевание своего рода признательности со стороны американцев. Однако спустя несколько недель он также начал оправдывать британскую политику в Китае и решил, что «ослабленные расы магометан и монголов самой своей судьбой предназначены для того, чтобы пасть под напором англосаксов», точно так же, как мексиканцы и индейцы «улетучились прежде продвижения американских поселенцев».

И лишь Горацій Грили оставался непреклонно критичен по отношению к британцам в Китае, и по контрасту с 1840 годом это был прокитайски настроенный редактор, который выносил главные удары неодобрения со стороны своих коллег. Редактор «Нэшнл ира» заметил, что Грили также защищал Россию во время Крымской войны, намекая на то, что он оказался мягок по отношению к деспотизму. Китайцы вряд ли были невинными жертвами «мошенников-англичан», говорил редактор в ответ на мнение Грили. «Нам известно кое-что о китайцах из наших собственных наблюдений и опыта. Они нечестны, вероломны, чрезвычайно аморальны, нерелигиозны, практически атеистичны, нетерпимы, самодовольны (тщеславны) и наглы — всегда предрасположены к тому, чтобы обращаться с иностранцами не по справедливости или нецивилизованно. <...> В их истории нет ничего, что давало бы им право претендовать на особую симпатию со стороны цивилизованного мира» (С. 123).

События, связанные с судном «Эрроу», показывали, что военные действия с обеих сторон во взаимоотношениях иностранцев и китайцев, китайцев и иностранцев становились обычными. Это означало, что сторонам предстояло пройти длинный путь к отказу от войны как метода решения вопросов.

Важно еще и то, что эта ситуация вела к наращиванию обеими сторонами своих военных потенциалов. Таким образом, возрастала не только угроза двусторонней войны или двусторонних войн, но и в перспективе угроза самоуничтожения или уничтожения всего человечества.

Иностранцы главным образом требовали соблюдения международных договоренностей. Вопрос об опиуме больше не поднимался так резко, как при начале войны 1840–1842 годов. Спекулировать на этом больше возможности не было ни у одной из сторон конфликта. Этот вопрос перестал быть настолько серьезным, чтобы из-за него начинать войну.

Все это вместе взятое усиливало вполне определенные негативные чувства в Америке по отношению к китайцам. Одна американская газета писала: «Нам известно кое-что о китайцах из наших наблюдений и опыта. Они нечестны, вероломны, чрезвычайно аморальны, нерелигиозны, практически атеистичны, нетерпимы, самодовольны, тщеславны и наглы — всегда предрасположены к тому, чтобы обращаться с иностранцами не по справедливости

или нецивилизованно. <...> В их истории нет ничего, что давало бы им право на особую симпатию со стороны цивилизованного мира».

Здесь важно обратить внимание на формирование образа китайцев, представлений о китайцах, впечатлений о китайцах в Европе и в Америке. Это своего рода защита нравственных ценностей, которые, во всяком случае в принципе и официально, публично признаются таковыми.

Речь идет о том, что Европа и Америка предлагали китайцам поступать в отношении друг друга честно, по крайней мере так, чтобы это в принципе было признано честным обеими сторонами, чтобы и здесь соблюдался принцип равенства. Люди Запада отрицали вероломство. Иначе говоря, речь шла о необходимости соблюдать договоренности.

Европейцы и американцы также констатировали, что, с их точки зрения, китайцы и аморальны, и нерелигиозны, практически атеистичны. По сути дела, это означало отсутствие основы для взаимопонимания.

Иностранцы считали китайцев нетерпимыми, самодовольными, тщеславными и наглыми. Конечно, очевидно, что нельзя огульно обвинять целый народ. В то же время необходимо и важно иметь в виду, что у людей, а особенно у политиков, из того или иного народа имеются те или иные негативные качества.

Таким было общее и, можно сказать, всеобщее впечатление от китайских мандаринов или чиновников у европейцев и американцев.

Отношение китайцев к иностранцам виделось иностранцам несправедливым и нецивилизованным.

Наконец, считалось, что в истории китайцев нет ничего, что давало бы им право претендовать на особую симпатию со стороны цивилизованного мира.

Взаимные симпатии существовали тогда, когда знакомство с китайцами европейцев и американцев происходило на расстоянии. При непосредственном контакте симпатии исчезали.

Английские диссиденты также не были в безопасности от корректировок по их адресу со стороны «Нью-Йорк таймс». Редактор этой газеты призвал к ответу одного журналиста, который доказывал, что бомбардировка Кантона, которую произвела его нация, оказалась диспропорциональна «предполагаемому

(кажущемуся) оскорблению британского флага». «Очевидно, что действия адмирала Сеймура были ответом на то, что значительно больше, чем упомянутое», — утверждала «Таймс». «Когда нация так грубо нарушает свои договорные обязательства» и «не признает никакой ответственности, которую на нее накладывает публичное право, единственное, что остается оскорбленной стороне, — это строго и в дисциплинарном порядке наказать нарушителей» (С. 123).

Хотя газеты в нашем наборе (то есть среди тех газет, которые рассмотрел автор) почти единодушно поддержали взгляд Англии на войну, они отвергли призыв «Нью-Йорк таймс» к «объединенным действиям» США, Англии, Франции с целью быстро подчинить Китай и привести Китай «в рамки (пределы) общности наций» (С. 123–124). Большинство редакторов верили, что за «китайские оскорбления» уже в достаточной степени отомстили Сеймур и Фут и что пришло время вести переговоры о новом договоре. Редактор «Нью-Йорк таймс», однако, соглашался с Футом в том, что с китайцами «не может быть общения, исключая общение с помощью артиллерийских орудий».

Единственно «Нью-Йорк геральд» согласилась с тем, что более «решиительные меры» против Китая все еще необходимы, однако Беннет возражал против какого бы то ни было формального союза с целью осуществить это. Нации Запада просто должны продолжать бомбардировать Китай по отдельности, без какого бы то ни было «обдуманного заранее плана».

Одним словом, четыре ведущие нации мира, как представляется, вынуждены обстоятельствами уничтожить Китай (положить конец Китаю). С нашей стороны (что касается нас) мы видим такое заявление с чистым удовольствием. На протяжении многих лет отношения цивилизованных и коммерциализированных наций с азиатами деградировали, оказывались бессмысленными и абсурдными. <...> Мы утверждаем, что мир слишком мал и жизнь слишком коротка для всех нас, чтобы ждать до той поры, пока эти болваны-невежды (болваны от невежества) познают здравый смысл благодаря практике. <...> Бомбардировка — это единственный аргумент, который должен быть применен к ним. В то время как мы сожалеем по поводу кровопролития, есть, однако, утешительные обстоятельства, то есть то, что в Китае есть около четырехсот миллионов людей и что здоровые сильные парни стоят более четырех долларов в морских портах и краси-

вые девушки три доллара. Когда материала так много и он так дешев, некоторую малую часть его можно потратить без большого ущерба. <...> Если великие реки открыты благодаря такой войне (такой войной), то это то вложение, которое стоит того (С. 124).

Одним из результатов и Опиумной войны, и последующих событий, в том числе военных, были появившиеся мысли и призывы к тому, чтобы нации Европы и США объединились, когда речь шла о Китае.

В частности, Беннет утверждал: «На протяжении многих лет отношения цивилизованных и коммерциализированных наций с азиатами деградировали, оказывались бессмысленными и абсурдными. <...> Бомбардировка — это единственный аргумент, который должен быть применен к ним».

На протяжении следующих двух месяцев Беннет спорадически выступал со статьями под шовинистическими заголовками, задавая вопрос «Должны ли США вступить в войну?» и отвечая «да» «на всех основаниях — политики, целесообразности (выгоды), справедливости и гуманизма». Конечно же, логика, последовательность не были сильной стороной Беннета, и между такими заголовками он трезвел и спокойно в задумчивости размышлял о том, что, возможно, более благоразумно было бы просто позволить Англии воевать в Китае вместо Америки.

Однако Генри Рэймонд в «Нью-Йорк таймс», кажется, обладал бóльшим чувством национальной чести, чем Беннет, и утверждал, что репутация Америки «запачкана» тем, что она избегает воевать в Китае и только лишь снимает урожай победы британцев (С. 124). Когда лорд Напье покинул Вашингтон всего лишь (ни с чем большим, чем) с заявлением президента Бьюкенена «морально сотрудничать» в Китае, Беннет был в ярости из-за того, что никакие уступки не были гарантированы в обмен на такое обещание (С. 124–125). Рэймонд со своей стороны выразил отвращение тем, что «пугало затруднительных альянсов» не допустило выполнения президентом в полной мере его обязательств в Китае. И если американцы верят в то, что нейтралитет будет вознагражден китайцами, то это «полная чепуха», настаивал он; единственное различие между иностранцами, которое проводили жители Небесной империи, было различием между «двумя родами

иностранных дьяволов», и «какими бы привилегиями американцы ни пользовались (ни наслаждались) в Китае, все они суть продукт применения британского оружия». «Те люди в этой стране, которые упорствуют в своем взгляде на войну, которая сейчас ведется в Китае, как на войну в целях завоевания (покорения), спровоцированы Англией, речь идет о войне, в которой мы, американцы, не имеем никаких возможных интересов... здесь должно читать переписку между американскими торговцами в Китае и коммодором Армстронгом», — рекомендовала другая редакционная статья в «Нью-Йорк таймс». С точки зрения Реймонда, американская политика в Китае должна утверждаться (основываться) на «двух правдах (истинах)»: что китайцы не делают различия между иностранцами и что американцы в Китае, «в сущности, находятся под защитой британского флага» (С. 125).

Офицеры в Военно-морской академии США, кажется, со всей серьезностью воспринимали шовинизм некоторых газет. По крайней мере, выпуск 1857 года был готов к войне в Китае, и курсантам средних курсов в ходе обучения стрельбе из гаубицы было сказано, что это оружие способно «уничтожить множество китайцев». Курсанты старших курсов были предупреждены, что их направят служить на суда, предназначенные для плавания в Китай, где они «вскоре получат возможность на практике со всей серьезностью вести артиллерийскую стрельбу». Новый американский представитель (комиссионер) в Китае в 1857 году, миссионер Питер Паркер, также планировал вовлечение своей страны в войну и захват Формозы для США в ходе этого процесса.

С назначением Уильяма Рида в качестве преемника Паркера в конце 1857 года Соединенные Штаты были представлены чиновником, который был более щепетильно нейтрален, чем его предшественник. Однако Рид также, тем не менее, натолкнулся на резкий отпор представителя (комиссионера) Е в Кантоне, который сказал ему, что он «не может и думать о том, чтобы допустить каких бы то ни было варваров внутрь (Китая) из-за (его) стен» — так об этом сообщалось. Нейтралисты должны быть удовлетворены, ликовала «Нью-Йорк таймс», в настоящее время тем, что «мы потеряли уважение со всех сторон». Когда же лорд Элгин натолкнулся на такое же обращение с ним при своей попытке вступить в переговоры, он просто-напросто призвал королевский флот, еще раз (снова) атаковал Кантон и отправил Е в Индию в качестве военнопленного. «Нью-Йорк таймс» выра-

зила благодарность Англии за «то, что она отстояла (защитила) честь христианского мира» (С. 125). Научатся ли американцы когда-нибудь у своих англосакских двоюродных братьев (кузенов), чьи «отношения с Китаем отмечены особым (своеобразным, присутствующим лишь им) предвидением (предусмотрительностью, проищательностью) и мудростью»? (С. 125–126). «Американский орел продолжал восседать на своем насесте где-то там наверху, в то время как лев поверг свою добычу на землю, он не возражал против того, чтобы играть роль стервятника», — заявлял с презрением Рэймонд. В результате действий лорда Элгина китайцы согласились встретиться с представителями западных наций в Тяньцзине в 1858 году с целью составления нового договора. Оказавшись там, мандарины не продвигались вперед достаточно быстро для того, чтобы этим удовлетворились британские представители, и Британский военно-морской флот (королевский флот) нанес удар по еще нескольким «допотопным фортам», как их обычно называли в народе, с той целью, чтобы ускорить обдумывание вопросов жителями Небесной империи. Ни один из редакторов не упрекнул англичан в их нетерпении или агрессивности (агрессии), и многие начали соглашаться с «Нью-Йорк таймс» в том, что это было тем единственным способом, с помощью которого можно вести дела с таким «коварным и вероломным» народом: «любой из тех, кто сведущ в истории ведения дел с Китаем на протяжении последних восемнадцати месяцев, не может не прийти к тому единственному выводу, что только силой и одной только силой и можно принудить или склонить китайское правительство и народ к принятию и признанию принципов международного права».

И как раз именно в то время, когда казалось, что китайский вопрос близок к решению, другое событие оказалось в центре внимания американской прессы в 1859 году. Прибывавшие к устью реки в Тяньцзине с тем, чтобы представить договоры 1858 года полностью ратифицированными своими правительствами, представители Англии, Франции и Соединенных Штатов обнаружили новые форты (барьеры), воздвигнутые в заливе Бэй-хэ и заменившие старые, разрушенные (уничтоженные) Британским военно-морским флотом годом ранее. Когда, выражая нетерпение этим, британцы начали взрывать их еще раз, они оказались (обнаружили себя) под смертоносным огнем в Дагу. Шоком для всех присутствовавших явилось то, что пять английских канонерок были потоплены, а комбинированные французские и британские

сухопутные войска были отбиты и разбиты, понеся большие потери. Именно в этом сражении американский коммодор Тэтнел бросился на помощь англичанам с ныне знаменитым высказыванием, которое приписывается ему: «Кровь гуще, чем вода».

Профессор Тайлер Дэннет приписал действия Тэтнела тому факту, что они оба, он и Уорд, были южанами, которые быстро увидели в этом бою «столкновение рас (цветов, рас разного цвета). Стивен Декатур в своем дневнике записал, что он слышал, как Тэтнел поклялся: «Будь он проклят, если останется безучастно стоять в стороне, видя, как белых людей убивают у него на глазах». Мотивировала ли Тэтнела и Уорда частично сроднившая их расовая концепция, это не объясняет тот факт, что большинство американцев в Китае и янки-редакторы дома разделяли свои симпатии в этом случае (С. 126). Сэмюэл Уэллс Уильямс, который был в сражении при Дагу, писал домой своему брату: «Я никогда, я думаю, не ощущал такого разочарования (обманутой надежды, не был так расстроен), как тогда, когда я увидел англичан, терпевших поражение в июне прошлого года (С. 126–127). Я уверен, что китайцы нуждаются в жестких мерах, чтобы вывести их из их невежества, чванства и язычества; почему же в таком случае следует считать предосудительными методы, ведущие к этой цели. Как и затмевать наш ум применительно к тому результату, который, как кажется, Господь продвигал приемами, неправильное использование которых он сам наказывал в его время». Другой американский свидетель, Джордж Вашингтон Нерд-младший, выражал те же чувства в письме своим родителям немедленно после этой битвы, и он настаивал на том, что его реакция единодушно разделялась всеми присутствовавшими там американцами.

Комментарии редакторов в Америке были такими же, как и чувства, выраженные американцами — свидетелями и очевидцами того боя. Успешный разгром китайцами сухопутных сил, сил на суше, характеризовался как «явное вероломство», и это было использовано для усиления стереотипа китайцев как коварных и лживых людей. Поражение Англии было «постыдным и бедственным событием» для «цивилизованного мира», — сетовал некий редактор. «Хитрые и коварные (зловещие) китайцы не показали ни одного орудия или солдата в этих фортах» (в то время как Британский военно-морской флот невинно взрывал на воздух форты /барьеры/ на реке, предпринимая свои неэгоистичные усилия, направленные на то, чтобы принести цивилизацию кита-

цам, — именно это должен был кто-то подразумевать), когда внезапно маньчжурский гарнизон открыл огонь, осуществляя то, что этот редактор именовал «заранее запланированным актом предательства и вероломства».

Понадобилось «вероломство китайцев» в Дагу для того, чтобы полностью убедить редактора «Спрингфилд републикен» в мудрости британской политики в Китае. «Факт состоит в том, что китайцы в такой же степени вероломны, как и робки (застенчивы). Им присуще острое чувство страха, но тупое чувство чести. Одно дело заставить их подписать договор, и совсем иное заставить их оставаться верным ему», — писал другой редактор с целью обосновать поддержку без экивоков применения силы в Китае после «нападения из засады» в Дагу.

Редактор «Литтелс» ставил под вопрос «торопливость», с которой пресса приняла «как то, что должно считать доказанным, утверждение о том, что вне всяких сомнений было естественной и наиболее очевидной интерпретацией бедствия, то есть то, что китайское правительство было вероломно в своем решении и намерении вероломно поступить по отношению к англичанам и заманить их в смертельную ловушку, устроить бойню, кровопролитие». Некоторые корреспонденты были также критично настроены по отношению к реакции американской прессы на Дагу. Один из них задавал в «Нью-Йорк ивнинг пост» следующий вопрос: «А если бы русские взяли Ливерпуль в ходе войны и затем послали свой могучий флот в Лондон, чтобы заключить мирный договор, разве в этом случае англичане позволили бы им войти в Темзу?» (С. 127). Другой корреспондент даже предложил, поступая некорректно, что союзники совершили грубую ошибку и вошли в другую реку, что форты (баррикады, преграды), о которых шла речь, были теми фортами, которые они не разрушили годом ранее, и что мандарины ждали их, чтобы приветствовать дипломатов в правильном месте в широком устье реки в нескольких милях от того места, где произошел бой (С. 127–128).

Однако несколько редакторов ответили на эти предположения. Грили продолжил предостерегать своих читателей, что «Китай в той же степени сам пострадал от грехов других, в какой он и сам совершил грехи», и другие выражали обеспокоенность тем, что Тэтнел узурпировал прерогативу конгресса, объявив войну; однако никто не обвинил его в помощи английскому империализму или в содействии торговле опиумом или в расизме за это,

как дело обстояло в 1840 году. Редактор из Бостона не удержался от некоторой доли тайного злорадства в связи с поражением Англии «от рук армии, над которой потешаются все цивилизованные нации». Однако подавляющее большинство американских редакторов выражали возмущение по поводу того, что они называли тщательными спланированными и вероломными китайскими действиями, которые нарушали все нормы человеческих приличий. «Норт америкен ревью» описывала это таким образом: нападение из засады было «такой провокацией этих восточных язычников, какой никогда не было ранее и по сравнению с которой незначительные оскорбления — сожжение ящиков с опиумом и мелочные поборы с уполномоченных в факториях в Кантоне... это просто ничто». Итак, от своего отказа в 1842 году опубликовать оправдание Джоном Куинси Адамсом Опиумной войны до инцидента в Дагу в 1859 году это издание действительно сделало полный круг. Оно оказалось в компании с «Крисчен экзаминар», одним из редких религиозных изданий в Соединенных Штатах, которое отказалось одобрить первую англо-китайскую войну. В настоящее время (ныне) оно также поддержало британцев и описывало китайцев как «самую непросвещенную, ограниченную, недалекую, жестокую тиранию (деспотизм) из любых получивилизованных империй Азии», чей «слабый и глупый монарх» был «великолепным примером спеси, фанатизма и тирании китайцев». В таких условиях война между находящимися в состоянии стагнации китайцами и находящимися в состоянии прогресса европейцами была не только необходима, но почти неизбежна, — приходила к выводу редакционная статья (С. 128).

Вопрос об отношении к послу США Джону Уорду, который направился в Пекин после инцидента в Дагу в качестве того, кто занимал нейтральную позицию, было делом, в которое вцепились некоторые переутомленные и нервно возбужденные редакторы. «Мистер Уорд и его миссия были встречены в самой непочтительной манере», — кричал один из заголовков. Были опубликованы сообщения о том, что китайские чиновники (официальные лица) объявили Уорда тем, кто приносит дань, и что американская миссия в Пекине содержалась в качестве пленников. Два редактора протестовали: никогда еще со времен миссии Маккартни в 1793 году представителей нации Запада не подвергали такому унижению (С. 128).

В следующем году новость о том, что союзники возвратились в Дагу, снесли до основания злополучные форты и сожгли летний императорский дворец, приветствовалась большинством журналистов как вполне заслуженное возмездие за «оскорбительное высокомерие» Пекина: «Как бы мы ни одобряли сам процесс воздействия силой на покупателей (в целях привлечения покупателей, превращения людей в покупателей), мы не можем не желать того, чтобы союзники вышли из создавшегося положения» (С. 128–129). На страницах «Норт америкен ревью» не было таких определений, которые исходили из чувства, что лорд Элгин отплатил за век «унижений» Запада в Китае, и лишь выражалось сожаление, что сэр Джордж Стонтон не дожил до того, чтобы увидеть это. Однако Беннет также предупреждал, если власти Пекина будут уничтожены в ходе этого процесса, то игра окажется в руках тайпинов, с которыми иметь дело будет именно точно так же невозможно. «Вероломство и обман (хитрость) — вот великие основы небесной дипломатии», причем для обоих: империалистов (имперцев) и повстанцев (бунтарей), — напоминал он своим читателям (С. 129).

Американцы были на стороне англичан, когда речь шла о военных действиях в конце 1850-х годов. Одновременно тот же Беннет напоминал: «Вероломство и обман — вот великие основы небесной дипломатии», причем для обоих — имперцев и бунтарей.

Громадная доля внимания журналистов была отдана описанию «зверств», совершенных китайцами во время столкновений между 1856 и 1860 годами. Первым инцидентом, который привлек внимание, было убийство Говарда Каннингхэма, служащего «Херд и Ко», китайской шайкой в 1856 году. После начала стрельбы во время инцидента с «Эрроу» в Соединенные Штаты пришло сообщение о том, что китайцы обезглавили нескольких американцев, находясь под впечатлением, что они были англичанами, и публично выставили их головы напоказ. Это было описано в «Нью-Йорк геральд» как «бессмысленный акт вандализма (варварства)», который «привел в ярость (вызывал негодование)» американский народ. В целом военные действия британцев рассматривались как законные, в то время как о попытках китайцев отплатить общалось с чувством ужаса и отвращения. Так, разрушение иностранных фабрик китайцами характеризовалось в сообщениях

с нежеланием, граничащим с неверием, и казнь сорока британцев и американцев подавалась под вывеской «злбная резня». По контрасту бомбардировка Британией Кантона казалась и подавалась «всего лишь как возмездие за нарушение договорных прав (по договору) китайскими чиновниками». Редактор «Ивнинг транс-крипт» в Бостоне описывал это как «нарушение договора в такой вероломной манере, которая вызывала требования ужасного отмищения».

Действия китайцев описывались в таком тоне и в таких словах, которые наводили на мысль о варварстве. Сообщалось, что европейские фабрики уничтожались, разрушались «свирепой яростью народа язычников». В то же самое время сэр Джон Боуринг предъявлял претензии в связи с тем, что мандарины попытались отравить все английское население Гонконга. Его официальный доклад был помещен на первой странице «Нью-Йорк таймс» под заголовком «Варварства китайцев». Мышьяк предположительно был положен в хлеб, которым питалась английская община, однако в такой громадной дозе, что жертвы отказались принимать эту отвратительную пищу, и таким образом жертв не было. «Это такой вид войны, с которым трудно иметь дело», — писал Боуринг (С. 129). «Крупные денежные вознаграждения были предложены каждому, кто подожжет наши дома, похитит наших детей или убьет нас» (С. 129–130).

Военные столкновения между 1856 и 1860 годами имели своим результатом гибель не только англичан, но и американцев в результате того, что в американской прессе именовалось «зверствами» китайцев. В частности, были сообщения о том, что китайцы пытались отравить всех англичан в Сянгане (Гонконге).

Англо-китайский конфликт между 1856 и 1860 годами служил подтверждением или национализацией (превращением в дело наций) некоторых из обвинений, совместно выдвинутых против китайцев торговцами, дипломатами и миссионерами-протестантами на протяжении нескольких десятилетий. Невозможно подсчитать (измерить), сколько еще дополнительно американцев стали новообращенцами, то есть разделяли мнение о неприукрашенном образе Китая, который на протяжении длительного времени являлся стандартной верой таких групп. Однако, сравнивая реакцию американской прессы на два англо-китайских конфликта,

можно легко увидеть ту степень, до которой неблагоприятный стереотип китайцев повлиял (воздействовал) на американских редакторов между 1840 и 1857 годами (С. 130).

В истории американо-китайских отношений можно выделять некоторые даты и периоды.

Отношения начались, если иметь в виду существование соответствующих государств двух наций, американцев и китайцев, в 1776 году с образованием США.

С 1785 года началась торговля между американскими купцами и китайцами.

С 1807 года началось пребывание в Китае американских миссионеров-протестантов.

В целом все, что произошло до 1840 года, оказалось первым или мирным периодом в истории американо-китайских отношений.

Здесь важно иметь в виду, что межгосударственных отношений тогда еще не существовало. Они еще не были установлены. В то же время торговые отношения возникли и существовали, развивались. Оказалось возможным, вернее, единственно возможным торговать без установления межгосударственных дипломатических отношений.

Одновременно важно обратить внимание на то, что также при отсутствии межгосударственных дипломатических отношений оказался возможным приезд и обоснование в Китае, пусть и на ограниченной территории, американских миссионеров-протестантов.

Все это означало, что связи между народами и их частицами — купцами и миссионерами со стороны США и китайцами — возникли и существовали, развивались. Отсутствие межгосударственных отношений не было этому помехой. Межгосударственным отношениям предшествовали *минь цзянь вай цзяо* — внешние связи между народами или нациями.

Однако далее оказалось, что американо-китайские отношения даже в такой усеченной или неполной форме не существуют не то чтобы в вакууме, но вне отношений между китайцами и остальным человечеством, прежде всего между англичанами и китайцами. Все в этом мире взаимосвязано.

Отношения между англичанами и китайцами дошли в своем развитии до такой стадии, когда в 1840 году началась Опиумная война, или Первая Опиумная война.

В 1856 году началась еще одна англо-китайская война.

В конце 1850-х годов объединенные армии Англии и Франции пришли в Пекин.

Таким образом, 1840–1850-е годы оказались уже не мирным временем, а временем войны.

США в этой войне официально и фактически как государство не участвовали. Однако сам факт войны между китайцами и иностранцами, прежде всего англичанами, на территории Китая играл свою роль и сказывался на взаимоотношениях американцев и китайцев.

Тем более что в дальнейшем, во второй половине 1850-х годов, война затронула и американцев. Появились жертвы и среди них.

Таким образом, вслед за мирным периодом во взаимоотношениях американцев и китайцев наступил военный период в их взаимоотношениях со всеми особенностями, вытекающими из того факта, что войны, особенно объявленной войны, между США и Китаем не было. (Сегодня в таких случаях некоторые применяют термин «гибридная война».)

Тем не менее война, как бы она ни происходила, ни воздействовала на умы американцев, сказала на их отношении к китайцам, играла свою роль, наложила свою печать на отношения США и Китая и в то время, и в дальнейшем.

Здесь необходимо добавить, что не только «чужая», англо-китайская, война сказала на американо-китайских отношениях, но и внутренняя китайская война — восстание тайпинов — тоже сказала на американо-китайских отношениях.

Все это воздействовало на восприятие образа китайцев в Америке. Сначала образ китайцев, представление о китайцах, восприятие китайцев, впечатление о китайцах строилось еще до установления каких бы то ни было связей с Китаем на рассказах иностранцев, которые побывали в Китае, главным образом европейцев. Это были во многом иллюзорные представления о Китае и китайцах.

Важно отметить, что католические миссионеры стремились проникать в Китай, заниматься там «своим делом» на основе высказывания исключительно комплиментарных сведений и оценок Китая и китайцев. Важно отметить, что это происходило тогда, когда еще не было ни торговых, ни межгосударственных связей.

Миссионерам-протестантам пришлось столкнуться с китайской действительностью, и их оценки были более объективными.

Сами американцы начали строить свои представления о Китае и китайцах, свой образ китайцев сначала на основе того, что говорили и писали о китайцах американские купцы, затем дипломаты, а далее миссионеры. В целом складывался противоречивый образ, негатив при этом преобладал.

Однако самый сильный удар по позитивным представлениям в Америке о Китае был нанесен тем, что происходило во время военного периода во взаимоотношениях прежде всего англичан с китайцами, европейцев с китайцами и американцев с китайцами. Это необходимо учитывать.

Таким образом, противоречащим естественному (с точки зрения американцев) порядку вещей было поражение британцев под Дагу, что породило веру в то, что это русские, а не китайские артиллеристы несут ответственность за это. Молодой Херд зафиксировал в своем дневнике, что морские пехотинцы английского флота оказались достаточно близко к одному из фортов, чтобы услышать, что для пороха было использовано русское слово. Кто бы ни управлял пушками, приводил свои доводы Херд, он «понимал в науке об артиллерии слишком хорошо», чтобы быть китайцем, и он приходил к выводу, что это должны были быть «моряки-дезертиры» или русские. Это предлагает удовлетворительное рациональное объяснение поражения британских военных и потрясающую интригу для некоторых американских журналистов. Сэр Джон Боуринг использовал этот слух с предостережением, что русские солдаты были направлены в Китай и что сибирские солдаты, служившие Китаю, были изначально верны России. Существует возрастающее количество знаков «братства» между «одетыми в меха русскими» и китайцами, предостерегал «Литтеллс». Беннет использовал страх перед таким несвященным союзом для того, чтобы обосновать свое требование в 1857 году, чтобы американцы пошли воевать в Китае, если только быть уверенными в том (только в том случае, если), что Россия не получит точку опоры там. Сообщения о русском флоте в китайских водах усилили его душевные страдания относительно поражения американцев, если говорить об их способности в том, чтобы в полной мере оценить опасность (С. 130).

Вопрос о взаимоотношениях европейцев и американцев с китайцами, вопрос о войнах между ними и китайцами в середине

XIX века увязывался и с вопросом о России, о русских и о предполагавшемся на Западе союзе русских с китайцами.

Это прежде всего свидетельствовало о своего рода близости европейцев и американцев в этом вопросе, об их предрасположенности считать упомянутый союз возможным. Это также свидетельствовало об отсутствии должного взаимопонимания между людьми Запада и русскими в вопросе о Китае. Русские и Запад и тогда действовали по отдельности.

Свою роль здесь играли взаимоотношения между европейцами и русскими в то время. В середине 1850-х годов одновременно имели место две войны: Крымская война Англии и Франции, а также Турции против России, и англо-китайская война, затронувшая и американцев.

Учитывая все это, немудрено, что в США распространялись слухи о том, что русские служили артиллеристами у китайцев, благодаря чему и только благодаря этому китайцы смогли нанести поражение в одном бою англичанам.

Один американский орган печати писал, что существует возрастающее количество знаков «братства» между «одетыми в меха русскими» и китайцами. Возникал страх перед таким «несвященным» союзом. Беннет требовал, чтобы американцы пошли воевать в Китае, однако при условии, что Россия в результате этого не получит там, то есть в Китае, точку опоры. И это говорило о раздробленности иностранцев там, где речь шла о взаимоотношениях с китайцами.

Этот слабовыраженный страх русского влияния имеет значение только во время первой фазы формулировавшейся теории желтой угрозы ввиду видения того, как «находящиеся под командованием русских и ими обученные» китайские солдаты заполняют Запад. По совпадению, генерал Волсели, важный архитектор теории желтой угрозы, был ветераном второй англо-китайской войны (С. 130).

Вопрос о Китае, о взаимоотношениях с Китаем, о положении и действиях Китая в настоящем и будущем фактически всегда с самого начала имел глобальное значение и носил глобальный характер. Осознание этого в полной мере не пришло еще и в настоящее время. В середине XIX века это не было осознано вообще.

Тогда и проявилась раздробленность всех остальных частей человечества при их общении с Китаем. Это было в определенной степени, учитывая общее состояние международных отношений того времени, как бы естественно. Каждый заботился о себе. Союзы или совместные действия возникали вынужденно под давлением исключительных и временных обстоятельств.

И тем не менее общая тенденция во взаимоотношениях иностранцев, здесь в первую очередь англичан, других европейцев и американцев, состояла в том, что во взаимоотношениях с китайцами оказалось, что исключительно мирные отношения невозможны. Иностранцы могли взять на себя или на них имелись основания возложить ответственность или часть ответственности за применение военной силы, за военные действия, за войну.

Однако что ни говори, а часть ответственности лежала и на Китае, на китайских властях, на китайцах.

Мог и имел основания возникать вопрос о том, почему дело дошло до войны.

На практике также оказалось, что в этой войне, кто бы и как бы тут ни старался остаться в стороне, этого сделать в полной мере не удавалось.

Оказывалось неизбежным сплочение в разных формах иностранцев, англичан и американцев, в общий фронт при военном столкновении с китайцами.

А далее имели место объединенные действия англичан и французов в их военном противостоянии с китайцами.

Все это означало, что сама жизнь, а также позиции как иностранцев, так и китайцев подводили обе стороны к военному противостоянию по тем или иным вопросам. При этом практически неизбежным оказывался единый или объединенный фронт европейцев или европейцев и американцев.

Развитие мировых событий, осмысление происшедшего на мировой арене подвело некоторых людей в Европе к выдвиганию мысли о том, что для европейцев, для белых людей, для белой расы существует желтая угроза, угроза со стороны азиатов, со стороны, в частности, Китая.

И вот здесь для этих европейцев и возникал вопрос о России.

При этом, с одной стороны, сама Россия стремилась играть исключительно свою игру на этом направлении, во взаимоотношениях с Китаем, представляя все это как общую заинтересованность русских и китайцев, причем противопоставляя политику

России в отношении Китая политике европейских стран в отношении Китая.

С другой стороны, Китай оказывался при этом столь ненадежным союзником для России, что все это превращалось в своего рода игры или временные соглашения и союзы.

Однако в то же время именно в середине XIX века Россия и Китай подписали договоры, по которым были разграничены их территории на Дальнем Востоке.

При этом родина маньчжуров (а Китай был тогда Великой Цинской империей, то есть находился под властью маньчжуров) осталась в составе Китая.

Граница была проведена главным образом по рекам, то есть по естественным рубежам разграничения.

Россия вернула себе те земли на левом берегу Амура, которые в 1689 году у нее забрал Китай по неравноправному, подписанному под военным давлением Нерчинскому договору. Эти земли были исконными для малочисленных народов, которые в ситуации того времени не имели возможности создать свои независимые государства.

Все это происходило на фоне войн между китайцами и прежде всего англичанами. В этих войнах Россия не участвовала.

Иными словами, пограничное размежевание между Россией и Китаем, о котором здесь идет речь, отвечало интересам и России и Китая, так как стороны таким образом устраняли причины для взаимных территориальных претензий и противостояния.

Более того, появлялась возможность для того, чтобы считать, что Россия и Китай в этой части земного шара, особенно имея в виду нарастающую во второй половине XIX военную угрозу со стороны Японии, к концу XIX века вставали спиной к спине, и каждая сторона становилась своего рода тылом для другой стороны.

Что же касается европейцев, Запада, то там возникали опасения относительно возможности вступления России и Китая в своего рода союз, возможности создания единой желтой, уже русско-китайской угрозы для Запада.

Все, что касалось китайско-российской или российско-китайской угрозы, было, в сущности, выдумкой. Каждое государство действовало исключительно в своих интересах. Это происходило в ситуации, когда Китай всем иностранцам представлялся слабым и неподвижным. Никто не предполагал, что он сдвинется с места и создаст мощный военный и экономический потенциал.

В этой обстановке и происходили события на протяжении всего XIX века и вплоть по начало XX века. В дальнейшем, в XX веке, вопрос о взаимоотношениях русских и китайцев оставался сложным и для каждой из этих двух сторон, и для американцев и европейцев, не говоря о других народах.

Одним словом, осмысление происходившего в XIX веке дает основания говорить о том, что жизнь учила, но так и не научила иностранцев тому, что им следует объединяться всегда и во всем там, где необходимо совместно защищать свои общие интересы и интересы каждого из них, особенно перед лицом возникшей в XX веке угрозы осуществления Мао Цзэдуном и его последователями глобальной стратегии Китая.

Возможно, эти латентные страхи были причиной того, что некоторые американские редакторы придавали громадное, гораздо большее значение второй англо-китайской войне, чем для того имелись основания. «Эта китайская война все же может стать главным событием (ведущим) в середине века», — предполагал Беннет (С. 130). Карл Маркс предсказывал, что слабость Китая вызовет борьбу там между европейскими державами, что в свою очередь ускорит падение правящих элит (обратно, в свою очередь) в Европе. В качестве специального корреспондента «Нью-Йорк трибюн» Маркс писал в 1853 году: «Это может показаться довольно странным и весьма парадоксальным утверждением, что грядущее восстание народа Европы и его следующее движение с целью обретения республиканских свобод и системы управления может зависеть от того, что ныне происходит в Небесной империи» (С. 131).

Крымская война на некоторое время отвлекла внимание Маркса; однако, когда рухнуло его предположение о разрушении старого порядка в Европе, он снова повернулся к Китаю в своих сообщениях для «Трибюн» по мере того, как была разрушена вся картина последней саморазрушительной борьбы между европейскими державами за Китай. В 1857 году Маркс был полон желания делать упор на иронии по поводу мысли о том, что Китай принесет предсказанный им беспорядок в Европу, в то время как Англия и Франция заявили, что они заинтересованы только в восстановлении порядка в Китае. Для значительного числа американских редакторов восстание сипаев в Индии, шокирующее поражение Британского военно-морского флота при Дагу и настойчивые

слухи о махинациях русских в Китае высветили смысл «новой эры» в Азии, такой, которая была исполнена значения и потенциальной угрозы для Запада. «Нас ведут к непреодолимому выводу, что за диссимилиацией (различием) и предательством, которые характерны для официальных отношений азиатов с европейцами, имеется нечто значительно более глубинное, чем простое желание обмануть», — писал Беннет, предпринимая фантастическую попытку связать Канпур, захват «Эрроу» и Дагу в своего рода азиатский заговор против Европы, который простирался от Дели до Пекина. Однако стиль Беннета был настолько маниакальным, что в той же редакционной статье он ушел от предчувствия своего рода желтой угрозы к ликованию по поводу экономических перспектив, которые мятеж (восстание) в Азии против Европы может предоставить американцам. И когда произошел этот переход, он был счастлив тем, что США остались нейтральны и, забывая свою собственную суровую критику китайцев и более ранний совет вступить в войну, решил, что Америка осталась, тем не менее, всецело другом Китая. Иммигранты из Поднебесной, возвратившись в Китай, также будут помогать репутации Америки, потому что «благожелательное отношение к ним в Калифорнии», которое они испытали, добавлял Беннет, непроницаемо для оскорблений, от которых такие иммигранты страдали, и по отношению к его собственным редакционным статьям, осуждавшим эту иммиграцию (С. 131).

Для настроений американцев, тем не менее, в тот период во всяком случае, был весьма характерен преувеличенный оптимизм относительно перспектив взаимоотношений Америки и Китая.

Например, в США радовались тому, что страна оставалась нейтральной в отношении к войне в Китае в конце 1850-х годов. При этом даже думали, что Америка всецело осталась другом Китая, думали, что это именно так, с точки зрения китайцев.

Вообще здесь попутно можно отметить, что именно тогда, когда речь идет о Китае и о взаимоотношениях с Китаем, и со стороны китайцев, и с других сторон иной раз делаются попытки говорить не только за себя, но и за всех своих партнеров на мировой арене, а это недопустимо, необоснованно и только искажает подлинную картину событий.

Во второй половине XIX века китайские иммигранты начали появляться в Калифорнии. В США, в частности, тот же Беннет ду-

мал, что они почувствуют там благожелательное к им отношение, а потому, вернувшись в Китай, будут помогать репутации Америки среди китайцев. Все это были тщетные надежды, под которыми не было никаких реальных оснований.

Американский интерес к Китаю понятно уменьшился во время Гражданской войны в США, хотя финальное поражение тайпинов «всегда побеждающей (неизменно победоносной) армией» Чарльза Гордона в 1864 году вызвало эфемерный всплеск на первых страницах американских газет (С. 131–132). И снова китайцев описывали как дикарски жестоких и вероломных людей. Сообщалось, что бунтари (повстанцы) заключили сделку с Гордоном, однако это обещание было проигнорировано мандаринами, которые обезглавили лидеров восстания, в то время как войска императора грабили, насиловали, подвергали пыткам и убивали их последователей. Когда американцы были заняты своей собственной гражданской войной, некоторые редакторы боялись того, что «вероломный Альбион» теперь-то уж примет под свое покровительство Китай, то есть поступит так же, «как поступил Писсаро с перуанскими инками». Такое возвращение к более традиционным подозрениям в отношении британского империализма в Китае могло возникнуть под влиянием симпатии англичан и их помощи делу конфедератов во время войны между штатами (С. 132).

Только два года спустя после Аппоматокса назначение Пекином отставного американского посланника Энсона Берлингема передвижным (мобильным) послом Небесной империи, однако, снова возродило интерес американской публики и редакторов. Тут в одну ночь Китай стал «цивилизованным» и находящимся на пороге вступления в «семью наций». Любимой темой редакционных статей была романтическая концепция, состоявшая в том, что у Соединенных Штатов как у самой молодой нации особая судьба во взаимоотношениях с Китаем, самой древней из наций. Сама судьба, рок санкционировал и декретировал эти отношения, и внутри них лежат неограниченные возможности для Соединенных Штатов, которые этот «проницательный янки» Берлингем, конечно же, капитализирует (превратит в капитал). Осторожная сдержанность, проявленная американской прессой в связи с той новостью, что тайпины стали христианами, была полностью отброшена в реакции (ответе) редакторов на миссию Берлингема. Один редактор, который по привычке характери-

звал китайцев как варваров и вероломных людей, вдруг заявил: «Когда предки наших лучших людей из Бостона откапывали свои корни в болотах и в лесах... китайцы были богаты, цивилизованы, у них было изобилие поэтов, философов, экономистов, моралистов и государственных деятелей».

Один из редакторов радовался тому, что в процессе руководства китайцами на пути возвращения к цивилизации Берлингем будет, конечно же, американизировать их таким образом, что они станут нашими наилучшими покупателями и союзниками в Азии. При этом он отмечал, что один из главных помощников дипломата из Новой Англии, Юй Сю-цзи, находился в опале за то, что написал книгу о Западе двадцать лет тому назад; в этой книге он превозносил Джорджа Вашингтона. «Американское верховенство» в Китае и во всей Азии находилось в процессе создания, утверждал редактор. Образцовый (типичный) редактор думал, что это должен быть американский век. Представлялось, что нейтралитет во время англо-китайских войн в конце концов приносил некие дивиденды, и «китайцы действительно любят нас, американцев больше (лучше)», чем европейцев, — таким было наблюдение Дана в «Нью-Йорк сан» (С. 132).

После Опиумной войны 1840–1842 годов и войны 1856–1858 годов американцы решили, что благодаря их нейтралитету в этих войнах у них есть шанс создать особые отношения с китайцами.

Американцы начали осуществление политики в отношении Китая с целью продемонстрировать свое отличие от других государств Запада. Они делали шаги с тем, чтобы появлялось некое американо-китайское сотрудничество, и США могли бы быть при необходимости посредником между Китаем и Западом.

Американец Берлингем прилагал усилия в этом направлении.

В то же время фактически каждая из сторон — американцы и китайцы — стремилась использовать ситуацию в своих интересах.

В Америке в связи с таким развитием событий или с такой их внешней стороной появились оптимистические настроения. Согласие китайцев использовать американца для налаживания пусть демонстративного сотрудничества между США и Китаем в Америке стали считать проявлением того, что Китай стал цивилизованным и находящимся на пороге вступления в семью наций.

Это весьма типичная позиция. Часть американцев ее придерживались на протяжении длительного времени. Они полагали, что таким образом действуют в интересах своей страны и в то же время получают возможность «вести за собой, за Америкой Китай».

Здесь необходимо подчеркнуть, что американцы, занимая такую позицию, не принимали во внимание то, что Китай не собирался следовать за кем бы то ни было. Он мог в тактических целях, обманывая партнеров, соглашаться, создавать видимость «сотрудничества», которое иностранцы могли принимать за «подчинение» Китая, за установление «контроля» над Китаем. Однако китайцы никогда не соглашались с этим, и такие попытки были обречены на провал.

Всем иностранцам раньше или позже пришлось понять, что китайцам нельзя ничего навязать. Более того, необходимо прилагать максимальные усилия для того, чтобы сдерживать экспансию, наступление, активные действия китайцев с целью навязывания остальному человечеству своего глобального управления.

Итак, тогда, в середине XIX века, на самом деле, с точки зрения китайцев, американцы преследовали свои интересы, а китайцы получали возможность использовать США в своих интересах.

В США тогда стали эксплуатировать мысль о том, что у США как самой молодой нации особая судьба во взаимоотношениях с Китаем как с самой древней нацией, что сама судьба санкционировала эти отношения, у которых есть неограниченные возможности. Дело доходило до того, что американская печать писала: «Когда предки наших лучших людей из Бостона откапывали свои корни в болотах и лесах... китайцы были богаты, цивилизованны, у них было изобилие поэтов, философов, экономистов, моралистов и государственных деятелей».

У американцев имелось и, возможно, все еще в какой-то степени сохраняется заблуждение, состоящее в том, что китайцы якобы «обречены» понять превосходство американцев. Американцы при этом ошибочно думают, что признание высокой степени развития Китая в прошлом, то есть признание величия Китая в прошлом, поможет им обрести доверие китайцев, побудит китайцев идти за Америкой.

В Америке в то время выражалась также надежда на то, что китайцев удастся американизировать и они превратятся в лучших покупателей и союзников США в Азии; что американское верховенство в Китае и во всей Азии находилось в процессе создания;

что следующий век должен быть американским веком; что китайцы действительно «любят нас, американцев, больше, чем европейцев».

В начале XXI века из Китая, от властей КПК — КНР пришел ответ на эти заблуждения американцев, и не только американцев. Появились лозунги «Великое возрождение великой нации Китая» и «Единое сообщество общей судьбы человечества», естественно, здесь подразумевается, что во главе с Китаем.

Таким образом, для китайцев речь шла не просто о признании иностранцами того, что у Китая было великое прошлое, но признание ими того, что судьба Китая, будущее Китая, судьба и будущее человечества — это возрожденное величие Китая в прошлом.

Это также означает, что вне зависимости от того, идет ли речь о самой молодой нации или о самой древней нации, у всех этих наций должны быть та же судьба, то же будущее, что у нации Китая. Все должны подчиняться руководству этой нации и в деле экономической глобализации, и вообще в вопросе о том, что все должны считать своей «мечтой», мечтой человечества мечту нации Китая. Будущее человечества — это возрожденное великое прошлое Китая, величие Китая. Мечта, судьба, будущее любой нации — это общая мечта, судьба, будущее любой нации с мечтой, судьбой, будущим нации Китая. «Будущее принадлежит Китаю» — утверждается сегодня в Китае.

В то время как редакторы праздновали и славили Берлингема и его миссию, американцы, находившиеся в самом Китае, казались менее счастливыми в связи с созданными обстоятельствами. Проницательный (прозорливый) Беннет указывал на то, что очень многие американцы в Китае выступали с нападками на договор Берлингема. В письмах от миссионеров и некоторых торговцев в газеты в США утверждалось, что Берлингом использовались китайцами, которые планировали заставить иностранцев сложить оружие, причем без каких бы то ни было уступок с их стороны (со стороны самих китайцев). Один из миссионеров писал: Запад «был обманут янки-китайцем, у которого не было маньчжурско-китайской косы», при этом он настаивал на быстром возвращении к британской «политике старого бульдога» (С. 133).

В 1870-х годах США прежде всего были в основном заняты своими внутренними делами, и, далее, события, происхо-

дившие в Китае, географически происходили очень далеко от Америки.

Все это имело своим следствием резкие колебания, разночтения происходившего.

Американцы то радовались благоприятным перспективам взаимоотношений с китайцами, то сокрушались, считая, что их представитель в Китае, Берлингем, попался на обман китайцев, оказался тем «янки-китайцем без косы», который был «обманут китайцами».

Высказывалось и мнение о том, что с китайцами не нужно заигрывать, потому что единственно правильным поведением во взаимоотношениях с ними была «политика старого бульдога», то есть действия Англии.

По иронии судьбы главным оратором — представителем этого критически настроенного меньшинства был преемник Берлингема, вновь назначенный американский посланник в Китае Росси Браун, который был резко и внезапно смещен президентом Грантом за его открытую враждебность по отношению к Китаю. Браун отверг существовавшую до того времени веру в то, что Китай примет и будет осуществлять «более просвещенную политику». В качестве «языческого государства», настаивал он, Китай никогда не признает обязательств по договору в терминах международного права, и настаивал на энергичной (сильной) англо-американской программе в Китае или на том, что различные редакторы в Нью-Йорке описывали как «дипломатию канонеров» или «политику угроз». Интересно, что редакторы «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк геральд» с особой язвительностью относились к Брауну и его последователям, удобно для себя забыв о том, что десятью годами ранее они в своих собственных публикациях советовали (применять) англо-американскую силу как единственный путь к тому, чтобы цивилизовать Китай. Но в 1860 году Беннет отклонил идеи Брауна и его «британской партии» как «вызывающие смех». Вот они, «Бог и Маммона (деньги, богатство) рядом, один рядом с другим, плечом к плечу», сказал Беннет об американском миссионере и британском торговце (С. 133).

Оппозиция миссионеров по отношению к явному сближению, символом которого было назначение Берлингема, привела к острым атакам в виде редакционных статей на миссионе-

ров (духовенство) в Китае. Беннет предложил, чтобы миссии (миссионеры) были отозваны из Азии, исходя из того, что это «плохое дело». Он издевался в сатирическом духе над миссионерами как «апостолами... азартными рискованными леди, исследователями Брамапутры, писателями для журналов и любителями (дилетантами) в деле продажи морских историй». В другой своей редакционной статье Беннет рассказал об обращении в христианство некоторых людей в Китае и восклицал: «Должны ли мы удивляться... когда мы видим такое невежество, высокомерие и узколобий фанатизм этих миссионеров? Однако их роль окончена. Они принадлежат к времени, которое прошло. Более великие агенты цивилизации заменили их».

Такие грубые прямые нападки могут быть с легкостью отнесены на счет деятельного темперамента Беннета (С. 133). Однако растущая тенденция других редакторов к тому, чтобы не замечать христианство в своих представлениях о прогрессе, трудно игнорировать (С. 133–134). Технологические инновации и коммерческое развитие (развитие коммерции) ныне казались более важными инструментами цивилизации, чем религиозный прозелитизм. Беннет более подробно говорил об этом — «Новое Евангелие мира (не войны), прогресса и цивилизации было найдено в виде телеграфа и паровых машин», — в то время как ремарки других по большей части, являлись эмоциями относительно опущения (неупоминания о христианстве) (С. 134).

Ясно, что долгий союз между коммерческими и религиозными делами в Китае испытывал серьезное напряжение. Миссионер обычно считал, что так происходит из-за его сознательных нападков на торговлю опиумом. Ценность этого утверждения трудно оценить. Миссионеры действительно осуждали торговлю опиумом как аморальную (безнравственную), однако они не наводили при этом фокус на своих друзей и соотечественников в Кантоне, которые несли ответственность за это. Гутцлаф принимал свободное передвижение торговцев опиумом на китайском берегу, а Уильямс даже одобрял легализацию торговли в 1858 году — при том условии, если только будет удалена ее коррупционная составляющая. «Уважаемые английские торговцы и правительство теперь могут быть реабилитированы (снять с себя бремя) от обвинений в контрабанде этого товара. Будучи настолько плохим, насколько плохим бывает триумф (успех), я в этом убежден, это наилучшее положение, которое может быть создано в этом за-

путанном вопросе; легализация предпочтительна, имея в виду тех дьяволов, которые присутствуют при том, что разыгрывается в настоящее время, и мы окажемся в лучшем положении, когда наркотик будет доставляться открыто и не будет больше нужды в громадных кораблях с опиумом и в сидящих на взятках инспекторах». Однако никто из миссионеров не заходил столь далеко, чтобы согласиться с сэром Джоном Боурингом, который утверждал, что «опиум столь же безвреден, как и чай».

Преподобный Невиус доказывал, что первой реальной трещиной в построенном (в том, что было построено) Богом и Маммоной в Китае был растущий расизм со стороны торговцев, которые «не проводили различия между китайцами-христианами и китайцами-язычниками». Это было правдой и применительно к США, где расистская концепция (представления) о китайцах доминировала, — жаловался Невиус. Слишком многие американцы отказывались верить, что китайцы могут стать христианами — по крайней мере «теми, на которых можно положиться». Какими бы ни были тут причины, пропасть между двумя группами расширялась в 1868 году, и редакционная статья в «Нью-Йорк обсервер» жаловалась: «Существует прискорбное желание симпатии в Китае между коммерческими и религиозными интересами западных наций. Мы редко встретим англичанина или американца, занимающегося коммерцией в этой части Востока, который, как кажется, благожелательно смотрел бы на труды миссионеров» (С. 134).

В этот период происходило изменение отношение к миссионерам. Технологические достижения и развитие коммерции представлялись более важными инструментами цивилизации, чем попытки обращения в христианскую веру.

Это происходило в том числе и по той причине, что становилось очевидно, что китайцы — это не те «дикари», которые ждут обращения в христианство, что в Китае американцы встретились не с «массой идолопоклонников», «еще не освоенной миссионерами», а со своего рода *ман шань* — «слепой горой», с громадой людей, которые не просто сопротивляются попыткам сделать их «послушными» последователями христианства, протестантизма, учения, которое им приносят иностранцы, но при этом сами себя считают главными обладателями взглядов, которые они намерены со временем навязать иностранцам. Оказалось, что американцам

предстоит соперничество и борьба с китайцами, в том числе и в области вероучения, идеологии.

Подобного до той поры не происходило в истории взаимоотношений американцев, да и европейцев, с иностранцами, если говорить о периоде, начавшемся с XVIII–XIX веков.

Возникала перспектива продолжения борьбы в духовной сфере, в идеологии и одновременно придания главенствующей роли экономике, торговым и экономическим связям с Китаем, с помощью которых европейцы и американцы рассчитывали «повести за собой» китайцев.

Так возникло представление о необходимости при общении с китайцами отделять материальное от духовного, пытаться сохранять материальные, экономические отношения вне зависимости от возможности находить взаимопонимание по идейным вопросам.

Профессор Бейли привлек внимание к тому, что в Калифорнии быстро произошло разочарование (избавление от иллюзий, отказ от иллюзий) в отношении к договору Берлингема из-за положений, касающихся иммиграции (С. 134–135). «Довольно интересно то, что запад — а в особенности Калифорния — аплодировал тому, что устраивалось в то время, хотя было видно, что в этой части изменялись взгляды», — суммировал Бейли. Однако путь реакции в восточных штатах, где ситуация изучалась гораздо меньше, весьма напоминал то, что имело место в Калифорнии, за исключением того, что там не было такого ограничения, что это касалось только вопроса или проблемы иммиграции. Сангвинистические (оптимистические) надежды журналистов на новый Китай, которые доминировали в 1868 и 1869 годах, были полностью разбиты к 1870 году. Резня (убийство) миссионеров и китайских христиан, сообщения об убийствах моряков с судов, потерпевших крушение, и всеобщий извод всех иностранцев в Китае разрушили доверие нации, ее веру в Берлингема как в того янки, который способен создать чудо, творить чудеса. Те же самые редакторы, которые несколькими месяцами ранее экспансивно приветствовали Китай (его приход в семью) в семье «цивилизованных» наций, теперь отвергли договор Берлингема как «мертвую букву» и требовали «строгих мер» против Небесной империи. Запоздавшая «Таймс» извинялась перед экс-комиссионером Брауном и соглашалась с тем, что одна лишь сила способна изменить Китай: «Мы — это та нация, которая стала жертвой своего высокоме-

рия и своих надежд; заявления посланника (Брауна) не были у нас ни популярными, ни принимающимися» (С. 135).

Именно рубеж 1860–1870-х годов оказался важнейшей вехой в истории взаимоотношений американцев и китайцев в XIX веке. Он подвел итог первого века знакомства американцев с китайцами. Это знакомство происходило на территории Китая. Оптимизм американцев, выразившийся американскими журналистами в 1868–1869 годах, их надежды на «новый Китай» оказались полностью разбиты в 1870 году. Иллюзии, возникшие при первом своего рода «заочном» знакомстве, рухнули.

Именно тогда у кого-то из американцев осознанно, а у большинства неосознанно, но стали возникать мысли о том, что они встретились и в своей истории, и на просторах планеты при своем продвижении, в своем «великом походе» на запад с чем-то дотоле неизведанным, непознанным, не поддающимся привычным методам освоения пространством и массивом населения упомянутого «запада», с точки зрения американцев.

Конечно, при этом играли свою роль постепенно накапливавшиеся факты и представления о китайцах в Америке.

Однако тут к 1870 году оказалось, что Китай мирно побудить или заставить принять существовавшие у иностранцев правила мировой торговли не удастся. Он сопротивляется и идет по исключительно самобытному китайскому пути или по пути со спецификой, с исключительностью Китая. Некоторые вопросы англичанам пришлось решать путем войны. Восстание тайпинов, внешне под знаменем Христа или его «брата» Хун Сюцюаня, потерпело поражение.

И в результате перед иностранцами возник совсем не тот «новый Китай», который бы им хотелось видеть, а кто-то из иностранцев, американцев, думал, что и тот «новый Китай», который можно создать искусственно из-за рубежа, фактически «продолжив» Америку уже на западном берегу Тихого океана.

Появились факты, свидетельствовавшие о том, что период мирного знакомства иностранцев с китайцами на земле Китая, период попыток «мирно» или «по факту» договариваться о торговле и распространении христианской религии не просто закончился, а закончился демонстрацией китайцами нетерпимости к иностранцам вообще. Можно сказать и по-иному. При первом знакомстве, то есть тогда, когда иностранцы приплыли со своих

берегов на берега Китая, обе стороны как бы «соблюдали церемонии», «внешние приличия». Однако период этот был исторически кратким. Стороны проявили свою суть. Каждая имела свои взгляды и то, что ей представлялось общими с партнером интересами. Столкновение интересов было неизбежным, так как стороны еще не прошли обязательный этап предварительного знакомства.

Сторонам предстояло сначала познакомиться, добиться определенной степени и глубины знакомства с взглядами друг друга. И только на этой основе попытаться искать взаимопонимание по вопросам, где совпадали или сталкивались интересы. Навязать что-либо партнеру ни та, ни другая сторона не могла. Понимания всего этого не было. Поэтому в ход пошло оружие.

Что же касается событий на рубеже 1860–1870-х годов, проявлений нетерпимости к иностранцам вообще, то имело место, в частности, следующее.

Произошла резня иностранных миссионеров в Тяньцзине.

Одни китайцы стали убивать других китайцев, то есть тех китайцев, которые приняли христианство как религию.

Стали происходить убийства иностранных моряков, которые оказались на территории Китая после кораблекрушения.

Стал происходить всеобщий извод всех иностранцев в Китае.

Все это привело к тому, что в США пришли к выводу, что американцы в своем отношении к Китаю сами стали жертвами своего высокомерия и своих надежд и вовремя не поняли правоты тех, кто предупреждал,

- что Китай не примет и не будет проводить «более просвещенную политику»,
- что китайцы никогда не признают обязательств по договору в терминах международного права,
- что в Китае необходима совместная англо-американская «дипломатия канонеров» или «политика угроз».

Здесь было еще далеко до понимания того, что никакая политика силы не может воздействовать на Китай, заставить его подчиниться.

Влияние иностранцев на Китай может играть лишь вторичную, маргинальную, но не решающую роль.

В Китае никогда не было, нет и не будет никакой проиностранный партии, или фракции, или политической силы.

Китай все свои проблемы будет решать сам, во всяком случае внутри самого Китая.

Выход Китая за собственные пределы, за ныне существующие границы, в том числе и под предлогом «возвращения утраченных территорий», может потребовать совместных и решительных действий остального человечества.

Другое дело, что свои интересы иностранцам придется защищать со всей решительностью и настойчивостью, но речь тут может идти только об обороне, а не о наступлении.

Наконец, тогда, в конце XIX века, не было понимания того, что «новый Китай» вместо прежнего «недвижного», неизбежно, пусть и относительно нескоро, возникнет, но это будет совсем не тот «новый Китай», какой себе воображали иностранцы, в частности, американцы в XIX веке.

«Тяньцзиньская резня» была самым главным из пользующихся дурной славой событий в серии актов популярной среди китайцев реакции против христиан, миссионеров и иностранцев в Китае. Первые такого рода волнения (нарушения порядка) в 1869 году нагрянули в затруднительное время наряду с последней из редакционных статей, объявлявших о «новом Китае». Многие редакторы отказывались принимать за истину эти сообщения, жаловался сначала Беннет. Он говорил, что те, «кто был настроен в пользу британского взгляда», «намекали на то, что эти новые и очевидные свидетельства варварства (дикости) жителей Небесной империи должно воспринимать как завершающие и направленные против любого либерального или честного обращения с таким народом». Суть дела, предполагал Беннет, заключалась в том, что бунты происходили из-за споров (вражды) между несколькими христианскими сектами и не имели ничего общего, не имели отношения к китайским чиновникам (С. 135).

Здесь приходится остановиться на событии, которое именуется «Тяньцзиньской резней». В Тяньцзине китайцы убили французских монахинь. Убийство было спровоцировано слухами о жестоким обращении французских монахинь с девочками-китайками, воспитывавшимися в их миссии.

То, что произошло в Тяньцзине, было одним, но самым главным из целой серии событий, которые, по сути дела, являлись реакцией в Китае на присутствие в Китае иностранцев, в том числе и в то время, прежде всего миссионеров-христиан. В этих событиях нашла свое выражение нетерпимость китайцев к иностранцам.

События имели место, жестокость и нетерпимость были проявлены.

Однако, когда в Америку пришли первые сообщения об этом, они были встречены американской прессой с недоверием. Недоверие в значительной степени объяснялось существовавшим в США негативным отношением ко всему тому, что принималось за британский взгляд на Китай.

Многие американцы тогда стремились отмежеваться от политики и взглядов англичан по отношению к китайцам и Китаю. Американцы тогда пытались уверять самих себя, да и остальной мир, в том, что у них есть иное, не британское отношение к китайцам, что возможны свои отношения между американцами и китайцами, что возможно возникновение «нового Китая».

Война, обвинения китайцев в варварстве или дикости — это, по мнению ряда редакторов американских газет, «дело англичан». Это надуманные обвинения англичан в адрес китайцев.

Американцы, в отличие от англичан, предлагают китайцам отношения такого рода, что возникает реальная перспектива появления «нового Китая». Американцы, в отличие от англичан, видят Китай как просвещенную страну. Свою роль при этом играло то, что китайцы умело и целенаправленно поддерживали такие настроения среди некоторых американских чиновников.

Поэтому в США фактически намекали на то, что кто-то намеренно пропагандирует необъективные британские взгляды, согласно которым измышляются факты, появляются сообщения, в частности, о «Тяньцзиньской резне», тем самым намекают на то, что это и есть те «новые и очевидные свидетельства варварства или дикости жителей Небесной империи», которые следует воспринимать как «завершающие (окончательно доказывающие) и направленные против любого либерального или честного обращения с таким народом». Некоторые американцы, таким образом, осуждали тех англичан, которые утверждали, что они со своей стороны делали все, что было возможно, чтобы проявлять либеральное и честное отношение к китайцам, однако в ответ получили лишь проявления дикости и варварства.

Здесь важно иметь в виду, что у англичан к этому времени был свой военный опыт, опыт войны, в ходе которой китайцы проявляли бесчеловечность, ужасную жестокость по отношению к попавшим к ним в плен англичанам. У американцев тогда такого опыта не было.

В США также высказывались предположения, что бунты (а так именовалась «Тяньцзиньская резня») происходили из-за разногласий между несколькими христианскими сектами и не имели отношения к китайским чиновникам.

Это тоже объяснение, которое в дальнейшем не раз применялось одними иностранцами при проявлении желания налаживать отношения с китайскими властями, отделяя себя от тех, других иностранцев, которые приводили факты жестокости китайцев.

Публикация в «Нью-Йорк уорлд» явилась одной из первых, которые разбили чары и приняли как правдивые сообщения о насилии против христиан. Редактор выразил удивление тем, что американцы были «столь легковерны и доверчивы, мягкосердечны и отзывчивы, что подумали, что массы китайского народа стали терпимыми, доброжелательными, милосердными и сострадательными» просто благодаря назначению американского посланника и подписанию договора. Он рекомендовал внимательно прочесть недавно опубликованную книгу Генри Локка, которого в Китае заключили в тюрьму в 1859 году, когда все происходило под флагом перемирия; Локк был подвергнут безжалостным пыткам, и его избивали перед тем, как выпустили (С. 135). Глубоко подкрашенные национальные характеристики не могут быть «революционизированы» договором, заявлял редактор, но это тот самый жаргон, на котором говорят и, нам приходится говорить об этом с сожалением, который воспринимается среди нас как настоящий общераспространенный, общепринятый в ту самую лучшую пору сильного излияния симпатий к языческому миру» (С. 136).

Через некоторое время оказалось, что насилие в Китае по отношению к христианам — это факт.

И тогда, конечно же, и под воздействием всего накопившегося опыта стал происходить существенный поворот в отношении американцев к китайцам. Так получилось, что на протяжении всего первого столетия знакомства американцев с китайцами в США преобладало отношение к китайцам как к тем, с кем можно и нужно устанавливать и развивать отношения, исходя из того, что американцы несут просвещение, истинную веру, предлагают заниматься естественным для людей делом — торговлей, торговым обменом. Одним словом, проявляют исключительно добрые чувства и ведут

исключительно нужную и выгодную обеим сторонам торговлю. Так казалось американцам.

Однако при этом американцы не учли главного, а именно того, как смотрели на них в Китае, как относились к ним, как и вообще ко всему остальному человечеству, в Китае. Их видели в Китае как «чужих» и «чуждых», как тех варваров, которые еще не постигли и не приняли «китайские правила», китайские понятия об образе мыслей, об образе жизни, о том, как варвары, то есть весь внешний для Китая мир, должны относиться к Китаю и китайцам.

Конечно, здесь играло роль и желание каждой стороны защищать свое человеческое достоинство, не позволять ущемлять его, не находиться в зависимости от другой стороны. Самоутверждение народов и стран, то есть наций, проявлялось и в то время, причем с обеих сторон, в данном случае и со стороны американцев, и со стороны китайцев.

Американским редакторам пришлось отражать этот крутой, но и естественный поворот в сознании американцев. Здесь, как это обычно и бывает, сыграл свою роль и случай, а именно назначение Берлингема, внешне одобрявшегося обеими сторонами, в качестве представителя при заключении американо-китайского договора.

Китайцы использовали это обстоятельство и создали впечатление, что с американцами у них хорошие отношения не в пример отношениям с англичанами.

В результате переговоров был подписан договор. В этот момент у американцев возникло чувство, что им удалось «отныне и навсегда» установить взаимно устраивающие отношения с китайцами. Один из редакторов писал, что американцы оказались «столь легковверны и доверчивы, мягкосердечны и отзывчивы, что подумали, что массы китайского народа стали терпимыми, доброжелательными, милосердными и сострадательными» просто благодаря назначению американского посланника и подписанию договора.

Американский редактор продолжал: присущее нации невозможно «революционизировать» договором. Это означало, что китайцы могут тогда, когда в тактических целях считают это выгодным, подписывать договоры, но это никоим образом не меняет то, что присуще нации Китая, а именно стремление осуществлять глобальные замыслы, утверждать «величие» нации Китая.

Американский редактор также отметил, что поведение китайцев в отношении христиан, а он имел в виду «Тяньцзиньскую резню», было проявлением того, что было, с точки зрения китайцев,

общераспространенным и общепринятым для них, и это происходило «в ту самую лучшую пору излияния симпатий к языческому миру».

Так, еще в XIX веке возник пример того, как иностранцы видели события по-своему, а властитель Китая по-своему. Это имеет общие черты с тем, что произошло, в частности, в 1950 году в связи с подписанием Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР.

Это происходило за шесть месяцев до того, как были убиты французские монахини и священники в Тяньцзине, то есть до того события, которое было невозможно игнорировать и которое в конечном счете убедило большинство редакторов в том, что договор Берлингема не изменил древнюю китайскую тенденцию к ксенофобии. Сообщения были «настолько ужасны, что им едва ли можно было поверить», восклицал один из редакторов. Первые страницы были целиком отданы описанию страшных деталей того, как монахини были раздеты, изнасилованы и ужасно изувечены. Громадные заголовки гласили: «Резня христиан», «Еще оно преступление китайцев», «Китайское вероломство», «Ужасные жестокости китайцев». Истории сопровождались пылкими редакционными статьями, осуждавшими китайцев, требовавшими скорого и ужасного наказания и утверждавшими, что Берлингем не изменил ничего. Будучи верен форме, Беннет совершил наиболее радикальный сдвиг и начал описывать события в Китае с отчетливым расовым уклоном. Его передовая статья носила название «Монгольская нетерпимость», и он со всей ясностью писал о том, что «дьявольски жестокое поведение» было естественным для «язычников с миндалевидными глазами», чьи зверства свойственны «войне рас». Он также произвел на свет ужасную историю, в которой китайцев обвиняли в том, что они дали наркотики детям-христианам в сиротском доме сестер милосердия, чтобы затем перевезти их в Шанхай, где их глаза и «интимные части тел» изымались для приготовления «таинственных лекарств». По иронии судьбы это напоминало гротескные слухи о монахинях, что и вызывало атаки на них шаек (банд) в Тяньцзине. Беннет отметил это сходство, но напомнил своим читателям, что было «абсурдом» поверить в такое поведение христиан, в то время как всякий знакомый с язычниками-китайцами знает, что они целиком и полностью способны на такие страшные поступки (С. 136).

Итак, в 1860 году произошли те события в Тяньцзине, которые убедили американцев в том, что древняя китайская традиция, склонность к ксенофобии, не претерпела изменений. Более того, оказалось, что бесчеловечность присуща китайцам тогда, когда они охвачены фанатизмом.

Так, сами китайцы, не будучи в силах скрывать за декоративной стороной своей политики ее суть, то есть ксенофобию — ненависть, нетерпимость к чужому, незнакомому, непривычному — в соединении с представлением о себе как о «великой» нации, которая, дескать, лучше всех остальных может и должна «управляться» с делами человечества, побудили американцев изменить свое отношение к китайцам с доброжелательного на настороженное.

Позже, то есть летом 1870 года, в руки американской прессы попали документы, которые, как представляется, доказывали, что насилие в Тяньцзине не было спонтанными действиями, но результатом работы «наглых китайских чиновников», которые провоцировали «развращенный простой народ» нападать (атаковать) на миссии. По словам «Нью-Йорк таймс», бойня была «осуществлена на глубоком фундаменте и явилась тщательно подготовленным заговором, проведенным в жизнь при подстрекательстве, если не при реальном проектировании его мандаринами. Не желая давать миссионерам возможность выйти из ситуации во всем белом, однако некоторые редакторы добавляли, что «необдуманное усердие (рвение) миссионеров» было «вторичной (побочной) причиной» (С. 136). Новым доказательством явился перевод памфлета, написанного и распространенного мандаринами, в котором миссионеров обвиняли в похищении, пытках и сексуальных домогательствах по отношению к китайским детям — эти обвинения фактически замечательно подобны памфлетам американских последователей секты Рождества в отношении католических монастырей в США (С. 136–137). Однако никто из редакторов (в нашем списке, в тех газетах, которые мы изучили) не увидел такой параллели, и, более того, они усмотрели сходство между резней в Тяньцзине и домашними бунтами, направленными против китайцев в Лос-Анджелесе в том же самом году (С. 137).

В США некоторые аналитики приходили к выводу о том, что насилие в Тяньцзине не было спонтанными действиями, но было

спланировано китайскими чиновниками, провоцировавшими «развращенный» простой народ. Так возникла и распространялась мысль о том, что власти Китая способны натравливать народ на иностранцев.

Американцы допускали, что иностранные миссионеры проявляли неуместное рвение, что также вызывало протест и возмущение китайцев.

Однако главная тенденция с этого времени состояла в обвинении китайцев в ксенофобии.

Эти новые документы разгневали американских редакторов больше, чем детали самой бойни. Гораций Грили, который всего за неделю до их раскрытия призывал к осторожности при приписывании китайским властям (правительству) ответственности за зверства, теперь соглашался с утверждением о том, что здесь невозможно никакое иное объяснение. «Полные детали, представленные нашим корреспондентом, больше не позволяют нам проявлять слабость и извинять китайцев», — объяснял Грили. «Нью-Йорк таймс» заявила, что китайцы перевернули договор Берлингема вверх тормашками и бросили его обрывки в лицо Западу. Каждый «бессознательный варваризм, поистине китайский», был новым доказательством того, что западные нации не могли полагаться на традиционную дипломатию, имея дело с таким народом, и редактор настаивал, призывал свое правительство «сотрудничать с другими нациями при принятии неких мер, которые могут быть найдены (сочтены) необходимыми». Решительные меры против китайцев оказывались при этом давно просроченными (запоздалыми): «Едва ли мы можем удивляться тому, что наши соотечественники в Китае проявляют нетерпимость в ситуации, когда наша политика состоит в том, чтобы ничего не предпринимать».

Беннет также призывал к оружию почти непрерывно на протяжении нескольких последних месяцев 1870 года. В это время он не только соглашался на формальный союз с другими нациями, имея дело с «дьявольским коварством» и «злым вероломством» китайцев, но также гневался в достаточной степени с тем, чтобы включить сюда и русских, чье влияние в Китае он по привычке страшился. Беннет даже выражал сожаление в связи с тем, что Наполеон Третий больше не находится у власти для того, чтобы стремительно броситься в осуществление

действий против «китайских варваров»; при этом удобно для себя забывая, как он высмеивал этого злополучного французского лидера, когда тот был у власти. Коварные китайцы фактически сосредоточили удары на французских миссионерах по той причине, что мандарины верили в то, что франко-прусская война потребует воздаяния, — считал Беннет. Отсюда возникал его императив, выразившийся в том, что объединенный западный фронт научит Китай тому, что договоры нельзя нарушать без возмездия за это. Франция и Пруссия должны «пожать руки в Тяньцзине, и тогда все стороны отправятся прямо в Пекин», — предполагал он (С. 137).

Вопрос приобретал международный характер. Была выдвинута мысль о том, что страны Запада больше не могут во взаимоотношениях с китайцами полагаться на традиционную дипломатию. Речь пошла о сотрудничестве наций, о решительных мерах и об осуждении политики по принципу «ничего не предпринимать». В союз предполагалось даже включать русских.

Отмечалось, что коварные китайцы устроили нападения на французских монахинь, пытаясь играть на противоречиях между немцами и французами, которые в то время вели войну.

Предлагалось создать объединенный западный фронт с целью возмездия за нарушение китайцами договоров. Францию и Пруссию призывали «пожать друг другу руки» в Тяньцзине.

Здесь уместно обратить внимание на то, как вела себя китайская дипломатия в то время. При том что в принципе власти Китая, Великой Цинской империи в те времена не допускали установления ни с кем равноправных межгосударственных дипломатических отношений, те, кто на практике осуществлял внешнюю политику упомянутой империи, внимательно следили за международными событиями и принимали меры с тем, чтобы сглаживать между собой иностранные государства, рассматривавшиеся в Пекине врагами Великой Цинской империи. Китай никоим образом не оставался по собственному желанию в полной изоляции; он, насколько это было в его силах, используя возможности и принимая во внимание состояние отношений между другими странами, уже в то время по-разному строил свои отношения с разными государствами, пытался использовать все, что оказывалось возможным, в своих интересах. В то же время уже тогда отношения Китая с той или иной страной не были союзническими в том смысле, что Китай не

выступал на чьей-либо стороне или не шел на ущемление своих интересов ради неких политических выгод.

Однако в это время «Таймс» и «Геральд» в Нью-Йорке были не одиноки в своем требовании, чтобы американцы приняли активное участие (стали активной частью) картельной экспедиции против китайцев (С. 137). Каждая газета в нашем списке выражала такие чувства, по крайней мере, единожды на протяжении 1870 года (С. 137–138). «Дьявольские и сатанинские зверства» требовали молниеносных действий всех наций цивилизованного мира, — соглашался редактор «Олбани ивнинг джорнал». Может ли быть так, чтобы американцы ушли (убежали) от своего долга подавить эту «дурно воспитанную, незаконную, необузданную стаю волков» в Китае? — спрашивала «Салем газет». Чем больше американцы откладывали свою реакцию на резню в Тяньцзине, тем более вероятным было то, что китайцы начнут так же действовать в отношении американцев в Китае, — так считали несколько редакторов в Нью-Йорке и в Массачусетсе. Бостонский редактор выкопал лекцию Джона Куинси Адамса об Опиумной войне, прочитанную тридцать один год тому назад, с тем чтобы поддержать свою аргументацию, что если «некая исключительная нация» откажется «наслаждаться дружественными отношениями» с другими государствами, «тогда право и долг прогрессивного человечества состоит в том, чтобы заставить ее вести себя по-добрососедски и на принципах взаимности». Даже Грили неохотно присоединился к своим коллегам в призыве к совместным акциям (действиям), хотя всего неделей ранее он советовал Вашингтону проявлять сдержанность (С. 138).

Ряд деятелей в США, которые имели возможность влиять на общественное мнение, призывали Америку принять активное участие в карательной экспедиции против Китая, в молниеносных действиях всех наций цивилизованного мира заставить Китай вести себя по-добрососедски и на принципах взаимности.

Большая часть этих редакторов была, тем не менее, удовлетворена прибытием в китайские воды американской эскадры под командованием адмирала Роджерса, скорыми извинениям Небесной империи перед французами, групповой казнью пятнадцати китайцев в Тяньцзине, смещением двух мандаринов в этом

районе. Конечно, быстрота и эффективность, с которой преступники были арестованы и обезглавлены, при этом без затратного и требующего длительного времени судебного процесса, вызвали восхищение Беннета, который заявил, что «наши юристы в области уголовного права должны взять несколько уроков у Пекина или в Пекине». Однако вскоре в прессу стали просачиваться тревожные сказки о том, что коварные китайцы провели (обманули) Запад и фактически сотворили из казненных героев. Головы были возвращены (родственникам казненных), чтобы после смерти сохранить их физическую неприкосновенность; такой чести никогда не удостоивались преступники. Они были похоронены в великолепных гробах, приличествующих великим людям, и их семьи были достойно вознаграждены правительством Небесной империи. Смещенные мандарины в действительности были повышены в должностях (получили высокие посты) везде; и казни, предназначенные для того, чтобы умиротворить французов, были казнями пятнадцати преступников, которые не имели ничего общего с резней, — это также было сообщено (С. 138).

Дипломатические действия китайских властей в случае с резней в Тяньцзине состояли из двух разных частей.

Одна была элементом показной, декоративной политики, рассчитанной на обман иностранцев. Это были и скорые извинения, и смещение мандаринов (чиновников), и казнь преступников.

Другая явилась проявлением истинной политики властей, доказательством населению Китая того, что иностранцев можно и нужно обманывать.

Преступники были похоронены в великолепных гробах. Их семьи были вознаграждены. Мандарины, ответственные за подготовку и осуществление Тяньцзиньской резни, были повышены в должностях. Казнили не преступников, совершивших упомянутую резню, а обычных уголовников.

В общем, это было примером двойственности, двуличности внешней политики властей Великой Цинской империи.

Следом за этими разоблачениями поступили сообщения о новых «преступлениях (нарушениях закона)» в 1871 году, на сей раз против американских миссионеров, протестантской церкви и команд нескольких судов, потерпевших крушение, людей западных национальностей. «Нью-Йорк таймс» отнесла новую волну на-

силы на счет решения Пекина сотворить «мучеников» из «преступников», увольнения принца Гуна, единственного официального лица в Небесной империи, которому «было присуще реальное желание прогресса», и ослабления западного ответа на бойню в Тяньцзине (С. 138–139). Спустя две недели «Таймс» поместила переводы новых памфлетов, направленных против иностранцев, которые, как предполагалось, были распространены китайскими официальными властями, и под заголовком «Смертельный удар по доктрине коррупции» было объявлено, что недавние свидетельства полностью отвергают всякую «затянувшуюся надежду, все еще питаемую некоторыми, на «честность и желание прогресса». Беннет вернулся к своим требованиям действий в Китае, он выступил с заголовками «Еще одно преступление китайцев» или «Вероломство китайцев — будет ли война?». Спустя неделю Беннет ответил на свой вопрос другим заголовком: «Чего хочет Китай — удар, который рождает прекрасный звук, и оккупация Пекина вооруженными силами внешних варваров». Беннет был рассержен тем, что в одном памфлете ксенофобского характера христиан и иностранцев рисовали как «порочный и лишенный гуманизма человеческий род (часть человечества)», хотя «Нью-Йорк геральд» относил всех китайцев к подобной категории более чем в одном случае (С. 139).

В 1871 году имела место волна насилия, теперь уже против миссионеров-протестантов, команд нескольких судов, людей из государств Запада. Это прямо затрагивало американцев и вызвало реакцию. Например, упоминавшийся Беннет реагировал на то, что в Китае в памфлете ксенофобского характера христиан и иностранцев рисовали как «порочный и лишенный гуманизма человеческий род (часть человечества)».

Конечно, обе стороны, то есть и китайцы, и иностранцы, в частности американцы, выдвигали обвинения другой стороны в ксенофобии. При этом каждая сторона претендовала на то, что ей присущ гуманизм.

На самом деле здесь можно обратить внимание на то, что у каждой стороны было свое понимание того, что она вкладывала в понятие гуманизма. Вместе с тем американцы, англичане, европейцы предлагали строить отношения на принципе равенства сторон, в то время как власти Великой Цинской империи продолжали считать только себя центром цивилизации, культуры и гуманизма, а ино-

странцев рассматривали как варваров и при этом закрывались от остального мира.

Сообщения о зверствах китайцев против иностранцев и христианских церквей продолжили воспламенять американских редакторов на протяжении следующего десятилетия. Возможно, что апогея это возмущение достигло тогда, когда стало известно, что шайки китайцев разрушают железнодорожные пути и телеграфные линии, которые были построены иностранцами в Китае. Ничто более явно не демонстрировало глупость, суеверия и порочность китайцев, чем эта политика, направленная против прогресса (С. 139).

1870-е годы явились десятилетием, когда в США широко распространялась информация о зверствах китайцев против иностранцев и христианских церквей. Это все более внедряло в умы людей в США мысль о том, что китайцы способны и стремятся убивать человека только за то, что он не китаец, а иностранец. Это также еще глубже внедряло в умы американцев понимание того, что их попытка искать нечто объединяющее американцев и китайцев на основе религии, христианства враждебно воспринимается в Китае.

Религия оказалась не тем, что могло бы стать фундаментом взаимопонимания. Более того, было очевидно, что духовного общения между американцами и китайцами нет и пути к нему придется искать не на основе пропаганды в Китае протестантизма, не путем его проповеди.

К этому добавились сообщения о том, что шайки китайцев разрушают железнодорожные пути и телеграфные линии, которые были построены иностранцами в Китае. С точки зрения американцев, ничто более явно не демонстрировало глупость, суеверия и порочность китайцев, чем эта политика, направленная против прогресса.

Итак, национальные различия, принадлежность к той или иной национальности, разная религия или взгляды на религию, разное отношение к прогрессу, к созданию очагов прогресса — железнодорожных и телеграфных линий иностранцами в Китае — все это предлагалось людьми Запада, в частности американцами. И все это отвергалось и разрушалось китайцами. Иностранцев при этом зверски умертвляли. Это и создавало основу отношения к китайцам в Америке в 1870-х годах.

В громадной степени увеличившееся внимание, которое вновь созданные средства массовой информации привлекали к событиям в Китае между 1850 и 1870 годами, поставило вопрос о китайской цивилизации в зону интереса (внимания) миллионов американцев, которые ранее игнорировали ее существование. В этом процессе неблагоприятный стереотип китайцев, изначально сформированный торговцами, миссионерами и дипломатами, получил более широкое распространение. Реакция редакторов на эти события свидетельствовала применительно к вопросу о ценности (о правдивости) образа китайцев, созданного этими «внутренними очевидцами». Никакие новые темы относительно китайцев не были созданы всем этим, но новый иллюстративный материал развивался, придавая достоверность, правдивость тому, что уже было внедрено и установлено (С. 139).

Формирование образа китайцев в США происходило в условиях, когда возникли и стали еще одной «ветвью власти» средства массовой информации, прежде всего дешевые и общедоступные газеты и журналы. Нация американцев формировала свое представление о нации китайцев в атмосфере полной информационной свободы в США. Возникало действительно общественное мнение одной нации о другой нации. Ни государство, ни богатые люди, ни церковь, ни кто бы то ни было еще не могли оказывать решающее воздействие на мнение американцев как нации о китайцах как нации в то время.

И здесь закономерно или естественно возник вопрос о взаимоотношениях наций, о взаимоотношениях той цивилизации, которая в представлении американцев была связана с нацией американцев, то есть американской цивилизации, и той цивилизации, которая в представлении американцев была связана с нацией китайцев, то есть китайской цивилизации.

Само слово «цивилизация» происходит от латинского слова *civilis* — «гражданский, государственный». Оно имеет несколько значений.

Во-первых, это синоним культуры.

Во-вторых, это уровень, ступень общественного развития, материальной и духовной культуры (античная цивилизация, современная цивилизация).

В-третьих, это ступень общественного развития, следующая за варварством.

В-четвертых, в некоторых философских теориях речь идет об эпохе деградации и упадка в противовес целостности, органичности культуры.

Очевидно, что, с точки зрения американцев, речь шла прежде всего о том, что было присуще обществу, государству в Америке и в Китае. Сами общества и государства были разными.

Далее, культура, ее духовное содержание было разным в Америке и в Китае. Имело место, особенно в то время, несовпадение и даже противопоставление, противостояние культур.

В-третьих, Америка и Китай находились на разных ступенях развития. И в одной, и в другой стране существовало понятие варварства как низшей ступени развития, которую каждая нация считала для себя пройденной. В то же время бытовали представления о том, что другая нация находится на уже пройденной данной нацией ступени развития.

В-четвертых, каждая из этих двух наций, американцы и китайцы, считала, что ее культура является целостной и органичной, а культура другой нации находится на стадии деградации и упадка.

Одним словом, встретились две нации, которые с точки зрения их культур, цивилизаций, самопредставления каждой нации обо всем об этом оказались на некоторое время практически несовместимыми, оказались в состоянии противопоставления, противостояния. Особое воздействие на ситуацию и взаимоотношения оказывало представление каждой нации о себе как о находящейся на высокой или высшей степени цивилизации, а о другой нации как о находящейся на ступени варварства, то есть на низшей по сравнению с ней ступени.

Нации не видели друг в друге равных партнеров. Принцип равенства не был признан приемлемым и той, и другой нацией. Если даже это и провозглашалось декларативно, доверия этому с другой стороны не было. Предстояло взаимное узнавание, поиск духовного взаимопонимания и надежной основы для взаимного доверия. Путь к этой цели оказался затяжным.

Нарушение и порча христианского учения тайпинами усилили уверенность в отклонении и извращенности (порочности) китайского ума, что на протяжении длительного времени подчеркивали миссионеры. Это представило более правдоподобным утверждение исключительного (человека), что китайцы не способны быть обращены в христианство. Концепция (представления) коварства

и вероломства была усилена предполагаемой засадой в Дагу и обманном назначением Берлингема с целью повести Запад по ложному пути, заставить его поверить, что Пекин был готов соблюдать международное право (С. 139–140). Сообщения о насилии и о пытках французских монахинь поддержали аксиому относительно жестокости и сексуальной извращенности китайцев (С. 140).

Торговые связи, история с контрабандой опиума играли свою роль во взаимоотношениях американцев и китайцев.

И все же история сложилась таким образом, что знакомство американцев и китайцев главным образом представляло собой, если рассматривать его прежде всего с «американской стороны», попытку американцев сделать китайцев христианами.

Соприкосновение наций произошло в духовной сфере. Американцам представлялось, что их религия, протестантство, должна быть принята китайцами, представлялось, что главное в «великом походе» американцев на запад — это все тот же «крестовый поход», но мирными методами с целью обращения язычников в христианство.

На этом пути американцы также столкнулись с обманом на уровне нации, на уровне ее государства. Американцам пришлось осознать, что отношение к ним в принципе в Китае как к «чужым» и «чуждым» было и у государства маньчжуров — Великой Цинской империи, и у государства восставших ханьцев — тайпинов.

Американцам пришлось столкнуться и с тем, что китайцы способны использовать их представителя в Китае в своих интересах, создав впечатление, что они готовы договариваться на принципах международного права, на общих принципах, готовы их соблюдать, а в результате это оказалось обманом.

В какой-то степени это напоминает то, чем занимался Мао Цзэдун и его приверженцы, придя к власти над Китаем в 1949 году, когда он сумел воспользоваться представившейся возможностью согласиться с направлением в КНР в качестве своего рода «миссионера-проповедника», «учителя марксизма» советского философа Юдина (чем-то это напоминало приезд в Китай миссионеров-протестантов из верившей в свое время в возможность «обращения» китайцев в христианство Америки). Мао Цзэдун как бы «пошел на поводу» у Сталина, согласившись с его предложением «принять» Юдина в качестве чуть ли не «корректора» «идей Мао Цзэдуна». Затем Н. С. Хрущев думал «сделать приятное» Мао Цзэдуну, на-

значив П. Ф. Юдина послом в КНР. Мао Цзэдун обманул советскую сторону, особенно Н. С. Хрущева. Он фактически лишил СССР настоящего посла в Китае с 1953 по 1959 год.

Американцам предстояло на практике, порой ужасающей, понять, что у каждой нации, у американцев и у китайцев, имеется свое представление о духовной жизни. Каждая нация не допускает вмешательства в свою духовную жизнь. Идеологически каждая нация привержена своему образу мыслей и не допустит покушения на ее независимость и самостоятельность в этом отношении. Мир — миром, торговля — торговлей, однако образ мыслей у каждой нации свой, и с этим пришлось считаться. Что же касается американцев, то на них большое впечатление еще в XIX веке произвели жестокость и сексуальная извращенность китайцев. И то, и другое оказалось присуще багажу традиционной китайской цивилизации на той ступени ее развития.

Некоторые из советников Линь Цзэсюя в 1840 году предлагали заразить британских захватчиков (оккупантов) проказой, но это было сочтено непрактичным, так как эффект не мог быть достаточно быстрым. Историй о странных отравлениях в чайна-таунах в США был легион на протяжении последних тридцати лет XIX столетия, и люди верили, что в 1883 году вся судебная коллегия (присяжных) в Филадельфии была таинственным образом отравлена за оправдание белого «хулигана», который убил китайца (С. 140).

В США находили широкое распространение и пользовались доверием разнообразные сообщения и слухи о том, что китайцы способны на то, чтобы организовывать массовые отравления. Например, рассказывали, что во время Опиумной войны Линь Цзэсюю предлагали заразить проказой британцев. Это было сочтено непрактичным исключительно и только по той причине, что эффект не мог быть достаточно быстрым. Следовательно, американцы были готовы поверить, что, с точки зрения китайцев, обмануть и отравить иностранцев, любых иностранцев и в массовом порядке допустимо, и, если начальство сочтет это важным, необходимо. Все дело в том, чтобы уничтожить иностранцев как можно быстрее, чтобы они не успели опомниться. К этому добавлялись слухи о том, что в США суд оправдал белого «хулигана», хотя тот убил китайца. И тогда китайцы в отместку отравили всю колле-

гию присяжных заседателей. И всему этому американцы охотно верили. Было это или не было — отдельный вопрос. Сейчас речь идет о настроениях среди американцев и о том, что готовы были воспринять и чему готовы были поверить американцы фактически в массе своей.

Еще более вредоносным для репутации Китая было подтверждение, ощущавшееся в ходе этих событий, с целью поддержать убеждение, что китайцы были, по словам «Нью-Йорк таймс», «неспособны там, где речь шла о цивилизации (не обладали способностью быть цивилизованными людьми, с точки зрения американцев)». Артикулированные ранее, особенно упавшими духом миссионерами, опыт тайпинов, провал Китая в том, чтобы жить в соответствии с договорами, и в конечном счете разрушение западных технологических достижений (улучшений) усилили (эти убеждения) веру в то время, когда современные расисты (расисты того времени) создавали теории относительно биологического или генетического базиса (основы) для цивилизации. И эта комбинация расистской теории и неблагоприятного образа китайцев снабдила сторонников вытеснения (недопущения китайцев в Америку), недопущения китайцев одним из самых убедительных аргументов (С. 140).

Профессор Миллер утверждает, что одним из самых убедительных аргументов сторонников недопущения китайцев в качестве иммигрантов из Китая в США была комбинация расистской теории, которая тогда начала пышно расцветать в Америке, и неблагоприятного образа китайцев среди простых людей Америки.

Американские редакторы не всегда сознательно связывали то, что происходило в Китае между 1850 и 1870 годами, с вопросом о китайской иммиграции в США. Однако это и не всегда было необходимо. Китайцы в Калифорнии — и в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Пенсильвании и Массачусетсе — к 1870 году были на самом верху (в центре внимания) в умах американцев; и было нелегко отделить сообщения о дикости и извращениях в Китае от китайских иммигрантов (вопроса о китайских иммигрантах) (С. 140). «Нью-Йорк таймс» хотела продолжать китайскую иммиграцию ради экономических выгод, которые она приносила, делала сознательные попытки смягчить эффект, который сообщения из Китая

оказывали на вопрос об иммиграции (С. 140–141). «Джон-китаец у себя дома — это нечто отличное от того кроткого и покорного человека, который спокойно и тихо терпит очень много незаслуженных тычков на этом континенте и где бы то ни было еще», — разъяснял редактор посреди своих обвинений ксенофобов-хулиганов в Китае. Но такие утверждения, уверения терпели провал и не могли унять страх многих редакторов на востоке (США); и один из них в Оберне, штат Нью-Йорк, выразил общую озабоченность, когда он написал в ответ на новости о Тяньцзиньской резне: «Это рафинированная нация, и это народ, некоторые граждане которого весьма обеспокоены тем, что кто-то будет эмигрировать в эту страну (в США). <...> Мы предпочитаем, чтобы они оставались у себя дома». Именно такое отношение часто эксплуатировалось синофобами, даже наиболее продвинутыми из них, такими как Эдвин Мид, который в лекции перед Американской ассоциацией социальных наук описал, как монахини были раздеты и выставлены напоказ, подвергнуты насилию и «умышленно разрезаны на куски», а эти «куски» были брошены в «разъяренную толпу», прежде чем он спросил: «Может ли кто бы то ни было из думающих американцев без беспокойства и тревоги видеть, как те, кто способен на такие действия, может быть введен в тело нашей политики?» (С. 141).

В США некоторые политики и редакторы газет пытались внушать своим читателям мысль о том, что следует отделять китайцев, которые у себя в стране, в Китае, совершают упомянутые дикости, и китайцев, которые ведут себя «тихо и мирно», оказавшись в качестве иммигрантов в Америке. В ответ другие редакторы писали: «Это — рафинированная нация (имелись в виду американцы), и это народ, некоторые граждане которого весьма обеспокоены тем, что кто-то будет эмигрировать в эту страну (в США). <...> Мы предпочитаем, чтобы они оставались у себя дома».

Сторонники таких взглядов вновь и вновь описывали события в Тяньцзине, где монахини были раздеты и выставлены напоказ, подвергнуты насилию и «умышленно разрезаны на куски», которые были брошены в «разъяренную толпу».

ИММИГРАНТЫ

Изложив то, что происходило в отношениях между США и Китаем на протяжении первого столетия их истории, профессор Миллер сосредоточился на том, чтобы проанализировать те события в США, которые непосредственно предшествовали принятию закона об исключении китайцев из списка иммигрантов, и то, каким был тогда образ китайцев в представлении американцев. На этом вопросе действительно необходимо остановиться.

Прежде чем сосредоточиться на развитии событий и на тенденциях, которые имели место в Соединенных Штатах Америки и повлияли на принятие закона о китайцах как нежелательных иммигрантах, существенно отметить, что двусторонние отношения всегда желательно видеть именно как отношения двух сторон, а во взаимоотношениях с Китаем понимать, что Китай всегда был при определении и проведении своей политики в любых двусторонних отношениях с любым государством, в том числе и с США, совершенно независимым и самостоятельным действующим субъектом, действующим лицом или актором на мировой арене.

Двусторонние отношения между Китаем и любым другим государством — это отношения, которые складываются под воздействием и одного, и другого партнера. При этом Китай всегда исходит исключительно из своих интересов.

При изучении истории международных отношений довольно часто приходится сталкиваться с тем, что те или иные иностранцы пытаются исходить из того, что они сами виноваты в состоянии отношений с Китаем, что стоит только осознать свои ошибки, ошибки своих предшественников во взаимоотношениях с Китаем (так было в случае с Хрущевым, который считал, что Сталин якобы ошибался в своей политике в отношении Мао Цзэдуна; на такие шаги были готовы пойти Брежнев и Косыгин, когда речь шла о политике Хрущева в отношении Мао Цзэдуна), устранить их, и все может наладиться. В такой позиции помимо всего прочего, в том числе и неправильной оценки позиции и действий китайской сто-

роны, проявляется некое патерналистское отношение к китайцам, хотя на самом деле это давно уже не покровительственное отношение к «слабым» китайцам, а выполнение требований все более активно навязывающих свою волю китайских властей.

Если же вернуться к американо-китайским отношениям, то дело не только в констатации того, что в Америке сложился, сформировался негативный образ китайцев, важно обратить внимание на то, как и почему это произошло, какие события в Америке повлияли на это. Одновременно необходимо принимать во внимание политику и действия Китая по отношению к американцам.

А это были во многом недружественные действия. Китайская сторона предвзято относилась к США. Воззрения и действия китайских властей зачастую были проявлением намеренно подчеркнутой несовместимости взглядов и интересов Китая и Америки.

Иными словами, нет никаких оснований полагать, что китайцы вели себя благожелательно по отношению к американцам и только предвзятость американцев привела к появлению и утверждению в Америке негативного образа китайцев и к принятию в США закона об исключении китайцев из перечня тех, кого допускали в США в качестве иммигрантов, новых граждан США. Более того, появление упомянутого закона явилось своего рода естественной реакцией американцев на то, как их встретили в Китае.

Обе стороны несут ответственность за состояние отношений. Оно определяется не только объективными, но и субъективными фактами и обстоятельствами, действиями, тенденциями. Некоторые ситуации возникают как временный ответ на сложившуюся ситуацию. С течением времени ситуация изменяется. В то же время появление упомянутого закона в США — это столь существенное явление в истории двусторонних американо-китайских отношений, что следует присмотреться к тому, что может быть глубинными истоками возникновения такой ситуации.

Начиная свое исследование этого вопроса, профессор Миллер приводит два высказывания:

В то время как тип (прообраз) негра (негритянский тип) — это враждебность, тип (прообраз) монгола (монгольский тип) — это инфантильность. И в строгом соответствии с этим мы находим их систему власти (правительство), литературу и искусство — все это также является инфантильным. Они — это

безбородые дети, жизнь которых — это задача (урок, урочное задание), (это — дети) чья главная добродетель состоит в подчинении без колебаний. Если бы господин (Джон Стюарт) Милл был антропологом, мы могли бы указать ему на... расовую стихию человеческой природы.

Относительно монгольской расы Восточной Азии // Антрополоджикл Ревью. 1866. Т. IV. С. 120.

Это правда (это действительно так), что этнологи декларируют, что способности мозга, объем которого составляет менее 85 кубических дюймов, недостаточны для осуществления свободной власти (правительства), а это существенно выше того, что имеется у кули, и ниже, чем у кавказоидов.

Эдвин Мид. Речь перед Американской ассоциацией социальных наук (годовое собрание в Саратоге, штат Нью-Йорк, 7 сентября 1877 года). С. 17.

У американцев, по крайней мере у части американцев, в то время существовало мнение о двух разных типах людей, с которыми американцам пришлось столкнуться и взаимодействовать, сосуществовать.

Один тип — негры, негроиды. С точки зрения упомянутых американцев, им присуща врожденная враждебность, враждебность от природы. Имелась в виду прежде всего враждебность негров к белым американцам.

Конечно, таким было мнение тогда, в XIX веке. И тем не менее эти американцы, очевидно исходя из ситуации того времени внутри США, приходили к такому выводу. Во многом это вызывалось тем, что негры, будучи вынуждены обстоятельствами, активно всегда, когда это было возможно или когда терпение иссякало, защищали себя. Именно это упомянутые американцы и могли, и хотели принимать за врожденную или природную враждебность.

По контрасту с негроидной расой в Америке того времени монголоидов, к числу которых относили и китайцев, считали инфантильными.

В чем же проявлялся их инфантилизм, с точки зрения все тех же американцев? Прежде всего в том, что их политический строй, их система государственного устройства, устройство власти, их литература и искусство являлись, с точки зрения этих американ-

цев, инфантильными, то есть неразвитыми, находившимися в зародышевом состоянии.

Отсюда и возникновение у американцев на протяжении первых десятилетий, если не столетий общения с китайцами мысли о том, что американцы могут и должны воспитывать, возвращать «новых китайцев». Это было абсолютно ошибочное представление, но оно существовало.

Точно так же в Америке, и это было характерно для существенной части общественного сознания, на протяжении длительного времени считали китайскую литературу (включая и сочинения древних китайских мудрецов) и китайское искусство инфантильными, то есть несовременными, не достаточно глубокими, по крайней мере по сравнению с литературой и искусством, существовавшими в Америке.

Это также явилось одним из источников непонимания в США того, с кем и с чем им пришлось иметь дело в Китае. С этой точки зрения вся жизнь китайцев, все устройство жизни китайцев тоже было инфантильным, находящимся в начальной, первой стадии развития.

При этом в Америке считали, что в этом «инфантильном» Китае сам человек считает и власти Китая считают, что человек предназначен для выполнения определенного урока, заранее заданного кем-то, не им, а высшей силой, правителем семьи, правителем государства.

Таким, с точки зрения американцев, было кардинальное и главное отличие американцев от китайцев. Американцы были людьми самостоятельными, которые сами ставили перед собой цели и сами их достигали, действовали своими методами, были творческими и свободными в этом смысле людьми.

Китайцы же лишь выполняли урок, выполняли поставленную перед ними кем-то задачу.

Отсюда и возникало кардинальное же различие в том, что считалось добродетелями или нравственными ценностями в Америке и в Китае. В Америке это самостоятельность, независимость, творчество, свобода. В Китае это несамостоятельность, зависимость, несвобода, рабство, подчинение императору, любому «старшему», любому «начальству».

Свобода и рабство — вот что столкнулось при встрече американцев и китайцев. Все это в совокупности и представлялось некоторым людям в Америке различиями в расовой природе американ-

цев и китайцев. Встретились с этой точки зрения две разные расы. Суть дела для людей того времени была в том, что американцам предстояло либо подчинить себе встреченную расу, либо оказаться у нее в подчинении.

Так возник вопрос о борьбе американцев за свои главные принципы. К этому в Америке добавлялись рассуждения о том, что следует проводить различия между монголоидами (в том числе китайцами) и кавказоидами, то есть людьми из Восточной Европы и с Кавказа, понимая, что кавказоиды могут и должны быть новыми гражданами Америки, так как они предрасположены к принятию того типа власти, который существовал в США, то есть к политической свободе, а монголоиды, то есть и китайцы, никак не вписываются в те понятия о власти и ее характере, о свободе, о взаимоотношении власти, правительства и человека, которые уже существовали в Америке.

В целом в американском обществе как итог заочного знакомства с китайцами на протяжении почти всего первого столетия этого знакомства сложилось впечатление, что в Китае американцам придется бороться за установление и налаживание отношений с теми, кто изначально не расположен к взаимопониманию и договоренностям, а также к их выполнению. А в самих Соединенных Штатах Америки китайцы, прибывавшие в Америку, по самой своей природе не являются и не смогут являться органической составной частью американского общества, неспособны принять американские правила общественной, политической и иной жизни в Америке. Китайцы несовместимы с политической свободой, существующей в Америке. В целом это было описанием общей ситуации, которая сложилась к тому времени в США применительно к «китайскому вопросу».

Подъем дешевой прессы (пенни-прессы, прессы за пенни, копеечной прессы), чем являлся газетный сектор в ходе революции в области средств массовой информации (массмедиа) в 1840-х годах, принес с собой колоссально увеличившуюся эмфазу (ударение, акцент) на события (развитие событий) за рубежом (за морями, за границей), включая и те, что происходили в Китае. В то же самое время джексонианская Америка увидела высокую волну интереса к отечественному развитию, который был в большей степени социальным (общественным, имеющим отношение к обществу), чем в основе своей политическим по своей природе. Журналы, бу-

дучи не в состоянии соревноваться с ежедневными газетами, если говорить о самых свежих новостях из Вашингтона и из-за границы, естественно повернулись к таким темам, которые касаются относительно медленных изменений, и детализированным описаниям и анализам (С. 145). В результате они составили столь же важный источник наблюдения за процессом придания отечественного характера синофобским проявлениям (синофобскому отношению), как и тошнотворные и шумливые ежедневные газеты (С. 145–146).

В 1850-х — начале 1880-х годов в США происходил процесс приспособления негативного стереотипа, образа китайцев, возникшего во мнении тех, кто побывал в Китае (купцов, дипломатов, деловых людей, миссионеров), то есть относительно немногочисленного слоя, к тому, чтобы стать общенациональным всеамериканским представлением о китайцах.

Из частного образ китайцев становился всеобщим уже в самой Америке.

Это был относительно длительный, тридцатилетний период постепенного распространения именно негативного мнения о китайцах в Америке.

При этом описания очевидцев, побывавших в Китае, стали переплетаться с впечатлениями о китайцах, которые возникли у людей в самих США, когда им пришлось столкнуться с первыми китайцами, приплывшими в Америку для работы там.

Свою и большую роль играло тут и то обстоятельство, что распространившаяся повсеместно в Америке дешевая печать (газеты) активно информировала американцев о событиях в мире, включая и то, что происходило в Китае.

У американцев именно в эти десятилетия возник, распространился и углубился интерес к жизни на мировой арене. Это было проявление процесса превращения американцев в глобальную нацию, в нацию, интересы которой начали распространяться на весь мир.

Американцы в процессе превращения в нацию людей, интересующихся внешним миром, понимающих, что и внешний мир интересуется достижениями американцев, распространяли свое внимание и на Китай.

При этом негативный, изначально уже складывавшийся образ китайцев распространялся внутри американского общества и бла-

годаря газетам, и благодаря журналам, то есть благодаря всем тогдашним средствам массовой информации в совокупности.

Одной частью процесса адаптации было подтверждение старых тем (прежней тематики) путем повторения и отыскания снова корней этого явления в американской окружающей среде (обстановке). Второй частью было создание важных новых тем, которые мало чем были обязаны или вовсе не были обязаны ничем событиям (развитию событий) в Китае, за исключением, конечно же, подразумевавшихся подозрений и презрения, неуважения по отношению к народу Китая и к китайской цивилизации. Главным (главное место) среди этих новых критических тем были страх рабства, ударение, акцент на расовых различиях и угроза вызывающих отвращение заразных заболеваний (С. 146).

Здесь профессор Миллер обращает внимание на занимающий его вопрос о том, почему возник и распространился отрицательный образ китайцев в США, и на исследование вопроса об искусственной природе появления этого вопроса.

С точки зрения профессора Миллера, это было несчастное стечение обстоятельств. Для возникновения неблагоприятного представления о китайцах не было реальных оснований. Сыграли свою роль предубеждения в США относительно других наций, в том числе китайцев.

Одной из причин было повторение и подтверждение обвинений в адрес китайцев, которые уже давно выдвигали купцы, дипломаты, миссионеры. Очевидно, что профессор Миллер хотел бы пересмотра этих обвинений.

Однако очевидно, что необходимы конкретный разбор каждой конкретной ситуации и ее объективная оценка. Вопрос об ответственности может и должен решаться в каждом конкретном случае. Всеобщее недоверие к тому, что писали упомянутые очевидцы, не обосновано. Конечно же, по крайней мере частично, они излагали факты. И это необходимо принимать во внимание.

Главной причиной несправедливого и необъективного представления о китайцах в Америке, по мнению профессора Миллера, были:

- подозрения,
- презрение и неуважение к народу Китая и к китайской цивилизации.

Конкретно это нашло свое проявление в неверном и необоснованном акценте на ряде явлений:

- на страхе рабства,
- на расовых различиях,
- на угрозе вызывающих отвращение заразных заболеваний.

Конечно, каждый народ заслуживает уважения. При этом уважения в данном случае заслуживают и американцы, и китайцы. Поэтому здесь речь должна идти и об отношении американцев к китайцам и об отношении китайцев к американцам.

Действительно, взаимное уважение не появилось изначально. Оно должно было созреть, и в какой-то степени этот процесс продолжается и в настоящее время. Прочного доверия между американцами и китайцами, доверия на основе взаимопонимания пока еще не существует. Стороны все еще продолжают знакомиться друг с другом.

Все это относится и к народу Америки, и к народу Китая. И к цивилизации Америки, и к цивилизации Китая.

Здесь необходимо соблюдение трех главных принципов взаимоотношений: мира, самостоятельности, равноправия.

Профессор Миллер говорит, что помимо старых подозрений в Америке возникли новые страхи: страх перед возможностью того, что с появлением китайцев в США может вновь возникнуть проблема рабства; страх того, что несовместимыми окажутся «две расы»: американцы и китайцы; страх перед тем, что китайцы принесут в США заразные заболевания.

Обо всем об этом следует говорить конкретно и подробно.

Новые темы происходили из вполне определенных важных (имевших ключевое значение) феноменов (явлений) внутри Соединенных Штатов, которые случились как раз (или именно) в то время, когда первые китайские иммигранты начали тонкой струйкой просачиваться в страну. Это явление сыграло решающую роль в процессе убеждения восточных штатов в том, что китайцы должны быть исключены (не допущены). С одной стороны, китайцы прибыли в середине противоречий относительно рабства и так никогда и не расшатали ярлык «кули». Они также прибыли в тот период, когда работы Холмса, Листера и Соммелвелса сделали американцев более сознательно (настороженно) относящимися к отношениям между грязью и болезнями.

К тому времени первый закон об исключении был введен в действие, эти страхи в своем развитии дошли до более изоциренного (искушенного) уровня «китайских микробов». Период между 1850 и 1882 годами был также таким, когда развивалось псевдонаучное толкование современного расизма. Наконец, этот период был тем, что историки развития экономики называют (наклеивают ярлык) периодом «уменьшения, избавления» в области индустриального развития, когда американцы более чем когда бы то ни было уравнивали изменения и технологические инновации (нововведения, новшества) с прогрессом. Все эти развития (события, связанные с развитием) непосредственным образом влияли на национальное решение в 1882 году исключить китайцев из американского общества и были полностью вплетены в дискуссию, которая предшествовала этому (С. 146).

Можно сказать, что «нашествие» китайцев в США началось со второй половины XIX века. Именно с этого времени китайцы начали «осваивать» Америку. Это был китайский ответ на американский «великий поход» на запад. Никто, в том числе сами американцы, и не ожидал, что упомянутый «великий поход» на запад фактически будет со временем «смят» встречным «великим походом» китайцев на восток, в Америку. Это важное явление во всемирной истории.

Именно прибытие первых китайцев «тонкой струйкой» в США в конечном счете сыграло решающую роль в убеждении жителей востока США в том, чтобы поддержать всеамериканское решение исключить китайцев из списка тех стран, жителей которых допускали в Америку. С исторической точки зрения это было своего рода инстинктивное защитное движение «американского организма», реакция его иммунной системы на грядущую «инфекцию».

Весь этот процесс обсуждения вопроса о допуске или недопуске китайцев в США в качестве иммигрантов развивался в условиях, когда на нем сказывался ряд важных событий внутри США.

Первым таким событием была борьба внутри США по вопросу о рабстве. Во второй половине XIX века рабство в Америке было отменено. В связи с этим и после этого существовало сильное желание не допустить возрождения рабства в каком бы то ни было новом виде.

Китайцы, начав прибывать в США, предстали в умах многих американцев в качестве «китайских кули», то есть людей, которые

безропотно выполняют тяжелую работу и при этом ведут себя как рабы, и с ними их хозяева, скажем на строительстве железных дорог, обращаются как с рабами, а эти «рабы» не возражают. Отсюда и протест в США против китайцев-иммигрантов как новых «рабов».

В этих китайцах в Америке многие увидели вероятность насильственного возрождения института рабства в его новой форме. Тем более что сами китайцы не сделали ничего такого, что доказывало бы их желание не быть рабами и стать не «кули», а свободными людьми.

Итак, первое противоречие в Америке по поводу китайцев-иммигрантов было противоречием, касавшимся понятия «свободы», «свободного человека». Американцы были решительными поборниками торжества принципа свободы. Китайцы предстали в Америке как те, кто не возражал против рабства. За этим крылось еще более опасное, с точки зрения американцев, явление — стремление китайских иммигрантов «укорениться» в Америке, создать слой людей, для которых основополагающее понятие для американцев, понятие «свободы», оказывалось как бы и неприципиальным.

Следующим вопросом, связанным с присутствием в Америке прибывших из Китая иммигрантов, был вопрос о грязи и болезнях. США в середине XIX века сделали колоссальный рывок вперед. В Америке началось и развернулось всеобщее настороженное отношение к грязи и к болезням, которые связывали с грязью. Чистота, чистота в масштабах нации — это одно из важных завоеваний американцев и, следовательно, человечества или части человечества. Американцы хотели быть не только свободной, но и буквально здоровой и чистой нацией.

И здесь столкнулись представления американцев с традиционным отношением к грязи и скученности в Китае. Китайцы, очевидно, будучи вынуждены к тому условиями существования, выживания человека в Китае, по сути дела, на практике руководствовались мыслью о том, что «от грязи микробыдохнут». Это было недопустимо с точки зрения американцев. Их протест, их борьба за здоровье нации, за чистоту дошла до той степени, что в США появилось опасение того, что могут существовать якобы даже некие «китайские микробы» или «специфически китайские микробы». Этого американцы допускать не хотели.

Здесь возникало даже псевдонаучное толкование современного для того времени «научного расизма». Вопрос о нациях связывали

в США с вопросом о грязи, об отношении той или иной нации и к чистоте, и к грязи.

Наконец, еще одним новым явлением в дискуссии о приезде китайцев в Америку и о пребывании их в США был вопрос о приветствовавшихся тогда в Америке новшествах в области индустрии, промышленности. Американцы выступали за все такие новшества. Китайцы были готовы использовать десять человек там, где американцы предпочитали одного человека с тем или иным механизмом.

Таким образом, американцев и китайцев разделяли в это время:

- сообщения о жестокости китайцев, об их варварстве и языке;
- отношение к рабству, к пребыванию (к существованию, к жизни) в качестве рабов;
- отношение к телесной чистоте и телесному здоровью;
- отношение к микробам и заразным заболеваниям;
- отношение к новизне производства, к новым технологиям.

Очевидно, что это были те вопросы, которые затрагивали и материальную, и духовную жизнь американцев как нации, собственно даже их представления о прогрессе и о своем месте среди человечества, и потому приобретали всеамериканские общенациональные масштабы.

Тематика, касавшаяся характера китайцев (китайского характера), которая была развернута и развивалась торговцами, миссионерами и дипломатами, продолжала проявляться в американских журналах, все учащаясь после Опиумной войны. Каждый аспект (каждая сторона) китайской жизни тщательно исследовался, обычно глядя на него критическим взглядом, редакторами и жертвователями. Даже нижнее белье китайцев стало основой для одной короткой статьи. Раскрывая внутреннюю сторону жизни Китая, англо-китайские войны частично несли ответственность за увеличение сообщений и случайно за испытания синофильского аргумента, что самые отвратительные пороки в китайском обществе не существуют за пределами Кантона и его окрестностей. Поскольку, систематически вступая в противоречие с этими доводами, сообщения рассказывали о том, как в деревнях внутри Китая каждый сельский житель допускал, что он лично избавлялся от трех до шести своих потомков (С. 146). Такого рода «основанные на практике» сообщения привели одного

из редакторов к заключению, что более половины всех детей, родившихся в Китае, были убиты их матерями (С. 146–147). «Судя по свидетельствам, практика умерщвления младенцев в Китае действительно существует», констатировал с определенным удивлением редактор «Филадельфия сан» (С. 147).

Американцы сталкивались с фактами, которые свидетельствовали не только о жестокости китайцев, но и показывали полную несовместимость изначальных, природных представлений о жизни и о человеке.

Американцам, в частности, открывалось то, что действительно в Китае существует практика умерщвления новорожденных как нечто обыденное, не вызывающее никакого протеста. При этом потерпели крах попытки некоторых авторов утверждать, что все это ограничивается Кантоном и его ближайшими окрестностями. Оказалось, что сами китайские матери убивали своих новорожденных, главным образом девочек, и это происходило повсеместно там, где жили ханьцы.

Сообщения после Опиумной войны также включали в себя свидетельства очевидцев относительно бедности, болезней, грязи и жестоких казней по всему Китаю. Одно ужасающее свидетельство очевидца рассказывало о казни женщины ее мужем; при этом описано, как груди, ягодицы и части плоти на ее ногах были отрезаны, прежде чем в конце концов ее обезглавили. И действительно, ассоциация жестокости с китайцами была столь всеобщей к 1856 году, что некий американский редактор, получив новости о том, что китайские официальные лица создали первую императорскую больницу, не удержался от проявления некоторой доли сарказма: «Больница основана в Китае! Что? Как?! В том Китае, где канавы, каналы и реки, как общаются, время от времени устилаются телами младенцев, которые, конечно же, были убиты их ужасными матерями. <...> Неужели же возможно, что в грудях этих китаянок есть хотя бы одна капля молока, человеческой доброты, по крайней мере для детей?» (С. 147).

Сообщения о пороках, присущих тому, что происходило в Китае и было обыденным для него, особенно умножились и усилились как следствие Опиумной войны.

Речь шла о бедности, болезни, грязи и жестокостях по всему Китаю.

Очевидно, что жестокость особенно потрясала американцев. Когда человека не просто убивали, а стремились в принципе заставить его перед смертью страдать максимально долго и испытывать самые страшные мучения, когда отрезали части его тела постепенно, по одной и так, чтобы он чувствовал боль, но долго, мучительно долго не умирал, или когда трупов новорожденных и убитых их матерями было столько, что они либо устилали дно рек, куда эти трупы сбрасывались, либо плыли по реке потоком, — все это настолько потрясло американцев, что в стране как бы само собой зрело общее мнение о том, что жителей Китая нельзя допускать внутрь американского общества. Какими бы недостатками ни страдали американцы, таких жестокостей, как в Китае, и так обыденно американцы не совершали.

Англо-китайские войны также служили тому, чтобы открыть Китай для тех женщин Запада, которые до этого были отосланы в Макао, в то время как их мужья находились в Кантоне. Это были главным образом жены миссионеров, которые извлекли пользу (выгоду) из этой своей новой привилегии, и в определенном смысле они создали новый тип диггеров внутри Китая. Одновременно с тем, что они повторяли те же темы относительно китайцев, которые были рождены их мужьями, эти жены имели тенденцию фокусировать внимание в большей степени на семьях и на роли женщин в Китае. Их соображения о грязи, пропитывающей дома китайцев, и об ужасе курения опиума, о многоженстве и убийстве младенцев нашли место для публикации в журналах для женщин, которые во множестве плодились в середине XIX века. Миссионеры упоминали о грязи в Китае и раньше, но редко становилось ясно, имеют ли они в виду сексуальные привычки и мысли в этом направлении или недостаток физической чистоты. Их жены сказали о том (обусловили), что китайцы были нечисты и физически, и морально (нравственно). Госпожа Барнаби писала в «Ледиз репозитору», что «жилища даже самых зажиточных китайцев примитивны, грубы... в общем, грязны с неприемлемым запахом в них. <...> Полы иной раз настолько грязны, что можно поскользнуться на них». Ассоциация китайцев с личной или коллективной грязью так пропитала все, что один турист из Нью-Йорка

в Калифорнии считал трудным поверить в чистоту китайских иммигрантов: «Кажется, что они вышли из своей грязи, как угорь из своей чешуи, остались с такой личной чистотой, что это изумляет и представляется совершенно невероятным» (С. 147).

Статья в «Скрибнерз манфли» в 1876 году объясняла этот парадокс, утверждая, что «этот самый Джон-чайнамен (Джон-китаец) — индивидуально это чистое человеческое существо, коллективно же он — это животное (С. 147–148). Последуйте за ним в его жилище, и вы обнаружите... стадо животных, живущих в убожестве, запущенности и грязи, от которой даже землекоп-индеец содрогнулся бы». Имеющая высокую репутацию «Американская энциклопедия» под редакцией Джорджа Рипли и Чарльза Дана в 1863 году информировала своих читателей, что китайцы были столь грязны, что они никогда не меняли своего нижнего белья, вплоть до той поры, пока оно не истлело прямо на их телах (С. 148).

После англо-китайских войн в середине XIX века жены американских миссионеров впервые получили возможность побывать в некоторых районах Китая. Это было, по сути дела, первое непосредственное соприкосновение американских женщин с реальной жизнью китайцев.

Американки, что было естественным для них, выросших в США, в передовой в этом плане стране, где уже был культ чистоты физической и где протестантская религия требовала чистоты нравственной, обращали особое внимание на семьи и на роль женщин в Китае.

Они были поражены грязью в жилищах китайцев, ужасами курения опиума, многоженством и убийством младенцев.

Все это было нетерпимо для тех женщин, которые сами это видели, и для тех американок, которые читали обо всем об этом в расплодившихся в то время журналах для женщин. Появление многочисленных печатных изданий для женщин в Америке того времени было свидетельством и проявлением высокого уровня прогресса во всем том, что касалось и чистоты, и нравственности.

И здесь возникало ощущение несовместимости американцев и китайцев во всем том, что касалось этих проблем.

Жены миссионеров увидели и рассказали женщинам в Америке о том, что китайцы грязны и физически, и морально или нравственно.

При этом появились выводы о том, что индивидуально китаец, особенно когда ему удается появиться в США, может быть чистоплотен, что это чистое человеческое существо, коллективно же он — это животное. Мотив присутствия в китайцах животного начала, проявления ими инстинктов и поведения, присущего животным, отношения их к другим китайцам, особенно отношения мужчин к женщинам как к животным, — все это углубляло негативные представления американцев о китайцах.

Американцы стали более осознанно относиться к употреблению опиума в результате войн в Китае. Подробное описание того, как именно осуществляется курение опиума и эффект вырождения в результате его употребления, стало гораздо более общим местом в американских журналах после 1840 года. Трубка для курения опиума стала таким же символом китайской культуры, как косичка или чайная чашка, и массмедиа создавали впечатление, что взрослые китайцы всех сословий (классов) повсеместно привержены этому пагубному наркотику (С. 148).

Важно обратить внимание на то, что Опиумная война все-таки была англо-китайской войной. Американцы тоже занимались контрабандой опиума. Однако в Америке только после Опиумной войны начало появляться глубокое представление о том, насколько ужасно курение опиума. Осуждение этого порока стало абсолютным.

При этом курение опиума встало в один ряд со всем тем, что воспринималось как негативные явления, присущие всем китайцам. Именно это сказывалось и на общем образе китайцев в Америке.

Но еще более важным, если говорить о его влиянии на решение исключить китайских иммигрантов, было отношение этих концепций (представлений) к особым конкретным социальным и интеллектуальным изменениям, которые имели место в американском обществе в XIX столетии. В дискуссии по поводу трансформации в его же собственное время образа Китая от «образца совершенства среди всех наций» до «самого позорного и деградировавшего, опустившегося народа» редактор «Американ квотерли реджистер» признавался, что для него враждебность по отношению к прогрессу в Китае была тем, что оказало самое силь-

ное влияние в ходе этого процесса. Статьи и обзоры книг по Китаю редко не комментировали стагнацию китайской жизни. Для некоторых жертвователей это был просто вопрос о расе: китайцы по самой своей природе были «слабоумными» и неспособными к прогрессу. Однако другие сопротивление китайцев изменениям связывали с их языком и системой экзаменов, которые заключали в темницу (тюрьму) воображение и вдохновляли на обращение к прошлому. Просто удивительно, какой большой гнев и ярость этот приписываемый им недостаток принес плоды применительно к некоторым американцам. «Вы олицетворяете ужасное презрение к этому народу в меховых шапках, который при всех его претензиях на литературу никогда не озаботился тем, чтобы улучшить неуклюжий и презренный жаргон, который служил их целям целых две тысячи лет тому назад; и вы думаете, что весь этот визг и тявканье и режущие звуки... было бы лучше отменить (упразднить)», — восклицал один жертвователь в «Грэхэмс мэгэзин» в 1853 году. Вся культура, в особенности «этот дьявольский китайский алфавит, грамматика, бель-леттр (художественная литература), вся эта литература чайных сундуков фактически должна быть сожжена», — рекомендовал он, хотя он уступал и соглашался оставить китайцам их «идолопоклонство», если только сделать это с той целью, чтобы «поддерживать (успокоить) сердца миссионеров» (С. 148).

Обращает на себя внимание взаимосвязь и взаимное влияние, с одной стороны, негативных представлений о китайцах у американцев и, с другой стороны, социальных и интеллектуальных изменений внутри самого этого американского общества.

Очевидно, что это и более общий вопрос. Такого рода связь оказывает свое воздействие практически во все времена, и не только применительно к Америке.

Это своего рода объективное явление. Многие люди, в данном случае в Америке, сторонятся присутствия масс китайцев в их жизни. Китай и остальное человечество продолжают развиваться или существовать и жить по отдельности, не соприкасаясь, не находя взаимопонимания в чем-то очень важном.

Для многих народов знакомство с Китаем происходило или началось с идеалистичного, желательного, иллюзорного представления «на расстоянии» о Китае и китайцах как об «образце совершенства среди всех наций».

Затем в результате практического соприкосновения с китайцами некоторые иностранцы приходили к выводу о том, что китайцы — это «самый позорный, деградировавший и опустившийся народ».

В свое время популярным было простое объяснение: все люди делятся на расы, одни расы и по своему развитию, да и изначально, выше других. Китайцев начинали считать более низкой расой по сравнению с собой. Китайцев считали слабоумными и неспособными к прогрессу.

Однако такое объяснение было явно недостаточным, оснований для него не было. И тогда причиной начинали называть систему экзаменов в Китае, которую считали тем, что заключает в тюрьму воображение человека и вдохновляет на обращение к прошлому. Впрочем, это скорее всего были просто поиски хотя бы какой-то все объясняющей причины.

И тем не менее попутно необходимо сказать, что в такой трактовке сути системы экзаменов в старом Китае было и зерно истины. Собственно говоря, традиционная мысль о необходимости порядка, подчинения старшему в семье и императору в государстве требовала от будущих чиновников подготовки и сдачи экзаменов, которые предписывали сдающему знание классических трудов китайских мыслителей, заучивание свода определенных правил, а это действительно навязывало шаблоны, догмы и схемы и фактически ориентировало человека на поиск решений в прошлом, а не на творчество и не на поиски чего-то нового.

Во время дебатов относительно исключения (китайцев) настроенные синофобски конгрессмены вовсю эксплуатировали эту тему (С. 148–149). Подчеркивая контраст между великой античностью Китая и его современным развращенным и порочным государством, они утверждали, что китайцы безнадежно лишены какого бы то ни было чувства прогресса или способности к прогрессу. «Авторы (изобретатели) компаса, они переползли с мыса на мыс в своих путешествиях вдоль берегов. <...> Открыватели орудийного пороха, они снабдили мир фейерверками, в то время как их солдаты сражались луками и стрелами». Джонсон из Калифорнии, как сообщала «Харперс», выступал в конгрессе и в поддержку своего мнения приводил тот аргумент, что китайцы не подходят к американскому устройству общества и будут загрязнять (портить, разлагать) дух прогресса в этой стране.

Уильям Манген из Огайо в призыве объявить (сделать, поставить) вне закона китайскую иммиграцию в 1871 году заявлял: «Хотя в столь ранний период, как пирамиды в Египте, китайцы создали свою форму правления (власти, правительства), в настоящее время они являются бедной, жалкой, недоразвитой расой существ низшего порядка». Боясь, что этот убедительный аргумент создаст преграду на пути принятия закона об исключении, редактор «Нью-Йорк таймс» жаловался, что (же это, неужели же) «мы должны немедленно допустить его (Китая) заявления о том, что его следует называть цивилизованным, в то время когда он демонстрирует свою способность научно (умело) убивать людей» (С. 149).

Вопрос о Китае, о китайцах во второй половине XIX века стал настолько всеобщим в Америке, что о нем заговорили в конгрессе.

Американцы — купцы, первые дипломаты в Китае, миссионеры-протестанты — приплыли в Китай, встретились и столкнулись на практике с китайцами на китайской земле, попытались устанавливать и развивать отношения.

Эти их попытки отвечали интересам обеих сторон. В то же время в своих действиях они не учитывали, во всяком случае в должной степени, необходимость считаться с тем, что китайцы были абсолютно самостоятельны, у них были свои представления о себе и об остальном мире. Как бы там ни было, а должным образом познакомиться и тем более найти взаимопонимание ни одна из сторон не сумела.

Со второй половины XIX века знакомство американцев и китайцев начало происходить и на территории США. И тут все это непосредственно и прямо затронуло американцев на их земле. При этом оказалось, что доходившие до американцев ранее описания Китая и китайцев во многом были сказочными, иллюзорными. Возникло противоречие между образом китайцев, долетевшим в описаниях кого-то из прошлого, и реальными впечатлениями от китайцев в Америке в настоящем.

В истории человечества, в истории взаимоотношений тех или иных народов и стран, то есть наций на мировой арене, многое, если не главное определяется возможностью нахождения взаимопонимания, общего понимания между партнерами. Такое взаимопонимание важнее многих других аспектов двусторонних от-

ношений. В частности, важнее экономических связей при всей их двусторонней взаимной необходимости.

Понять партнера, приспособиться к партнеру оказывается необходимым для каждой из сторон. Однако это — двусторонний процесс. В случае с американцами и китайцами процесс знакомства, узнавания, нахождения взаимопонимания растянулся на все почти два с половиной века, прошедших со времени их встречи, и еще не завершился взаимно удовлетворяющим результатом.

Для американцев, особенно в самих Соединенных Штатах Америки, во второй половине XIX века встал, в частности, вопрос о том, как относиться к как будто бы бесспорным утверждениям о величии Китая в древности, в прошлом и к полному несовпадению этого образа с реальной действительностью Китая, какой ее видели и увидели тогда американцы как в Китае, так и у себя, в Америке.

В умах американцев столкнулись представления о великой античности Китая и о современном развращенном и порочном китайском государстве.

Американские конгрессмены стали утверждать, что китайцы лишены какого-либо чувства прогресса или способности к прогрессу. Собственно говоря, слово, отвечавшее в то время настроениям и состоянию умов в Америке, таким образом, было найдено. И это слово «прогресс».

Американцы были твердо уверены, что именно они как нация воплощали в себе этот прогресс, были авангардом движения человечества по пути прогресса, американцы были уверены в том, что именно они, их страна и представляют на Земле этот самый прогресс.

Главным для китайцев, главным у китайцев американцы при этом сочли отсутствие и самого чувства прогресса, и самой способности осуществлять прогресс, идти по пути прогресса.

Китайцы же не сразу, но пришли к мысли о том, что у них были и остаются свои представления о себе и о внешнем для Китая мире, что место и роль Китая на планете или в Поднебесной, Всемирной Поднебесной, — это главная или ведущая роль, роль того, кто управляет мировыми делами.

Однако во внешнем мире, с которым Китаю довелось начать знакомиться только в последние столетия, имелись некие, но явные достижения, с точки зрения китайцев, технического, материального, а не духовного характера. Китайцы решили, что им не-

обходимо пойти по пути самоусиления, добиться такого усиления Китая, которое позволило бы претворять в жизнь свои представления о Китае и о мире. Это предполагало освоение технических достижений остального мира. Но не более того.

Духовные представления, в том числе представления о духе страны, об образе жизни, об образе мышления, у китайцев и американцев не совпадали.

Это и была главная причина состояния американо-китайских отношений и отношения в Америке к китайцам, возникновения в Америке негативного образа китайцев.

Именно в связи с этим в США и возникли представления и убеждения в том, что китайцы изначально были способны на некое творчество, но утратили способность, а может быть, и не обладали способностью развивать свои творческие достижения, доводить их до практического реального и важнейшего применения.

Поэтому, с точки зрения американцев, что-то вроде ростков прогресса в Китае родилось, но не развивалось. Китайцы остановились в своем развитии, стагнировали, находились веками, если не тысячелетиями в состоянии застоя. Именно так появились в США следующие утверждения:

«Авторы (изобретатели) компаса, они переползали с мыса на мыс в своих путешествиях вдоль берегов. <...> Открыватели оружейного пороха, они снабдили мир фейерверками, в то время как их солдаты сражались луками и стрелами».

Американские конгрессмены утверждали, что китайцы не подходят к американскому устройству общества и будут загрязнять дух прогресса в этой стране. Один из членов конгресса заявлял:

«Хотя в столь ранний период, как пирамиды в Египте, китайцы и создали свою форму правления (власти в стране), но в настоящее время они являются бедной, жалкой, недоразвитой расой существ низшего порядка».

С точки зрения американцев, там, где речь шла о китайцах, возникал вопрос о цивилизации и умении убивать людей. Китайцы претендовали на то, чтобы их признавали цивилизованными людьми, но при этом оказывалось, что они преуспели в умении убивать людей. Цивилизация и отношение к людям, к убийству людей были в представлении американцев несовместимы.

Люди, все люди обладают равными способностями. В историческом развитии разные части человечества делали творческие от-

крытия. Одни народы способны использовать то, что было открыто другими народами. Нет высших и низших рас.

В то же время важнее всего в конечном счете оказывается то, что существует и развивается в умах людей, своего рода дух. Найти форму и осуществить духовное сожительство разных народов, взаимно духовно приспособиться друг к другу — это, возможно, самая важная задача. Пока находятся лишь временные и частичные примеры ее относительного решения.

Что же касается духа, которым руководствуются американцы и китайцы, то пока и те, и другие продолжают находиться на пути, когда и та, и другая сторона остается в главном на своих позициях, при своих убеждениях, и находить согласование оказывается почти невозможным. Тут требуются усилия с обеих сторон и время, продолжительность которого не определена. Это может потребовать нескольких веков.

В 1972 году президент США Ричард Никсон прилетел в Китай, в Пекин для встречи с Мао Цзэдуном на американском самолете, на борту которого было написано название этого летательного аппарата: «Дух 1776 года».

Так оказалось, что Америка два века пыталась принести в Китай свой дух, дух 1776 года, года создания, возникновения Соединенных Штатов Америки. Таким образом, американцы проявили смелость, соответствовавшую их духу. Они не были скованы представлениями о возможной потере лица, соображениями о том, кто к кому должен первым поехать для обсуждения вопросов и нахождения взаимопонимания.

Однако при этом американцы продолжали исходить из того, что их дух — это дух 1776 года, дух прогресса. Они понимали или подразумевали, что понимают настроения, существовавшие в Китае, ищут пути взаимопонимания и при этом, во всяком случае в своем мнении, оказываются духовно на высоте, гордятся своим духом, действуют в своем духе, не собираются подчиняться иному духу, предлагают на равных находить взаимопонимание между духом Америки и духом Китая.

Процесс взаимного узнавания в сфере духа продолжается. Полного и даже достаточного взаимопонимания так еще и не найдено. Это означает, что прочной основы для взаимного доверия между нациями — американцами и китайцами — еще не существует.

Здесь попутно можно вспомнить о том, что при встрече с Хрущевым Мао Цзэдун говорил, что китайцы обладают способ-

ностью ассимилировать; они ассимилировали всех тех, все народы, с кем им довелось встретиться в истории.

Резкий контраст по сравнению с тем, как американцы видели в то же самое время японцев, подчеркивает важную роль, которую понимание ими прогресса играло при оценке других обществ. Когда немногие (некоторые) американцы испытывали некоторые трудности в торговле с японцами в 1855 году, в американских редакционных статьях имела место на протяжении короткого времени выраженная тенденция делать вывод о том, что все члены «монгольской расы» были не только вероломны, но и ретрогрессивны. Однако несколько американцев, за исключением миссионеров, говорили о японцах исключительно с похвалой. Как выразил свои чувства один из торговцев, они были «смелой расой» и «гораздо более чистой в своих личных привычках», чем китайцы. Хотя «Нью-Йорк таймс» возражала против того, чтобы считать (делать) эффективность в военном деле критерием цивилизованности, она также с восхищением писала о японцах в 1887 году, славя их «сухопутные войска в униформе», вооруженные оружием, «заряжающимся с казны», и «хорошо вооруженных солдат». И нет оснований удивляться тому, что они «обогнали (опередили)» китайцев. Даже в качестве визитеров в США «японцы быстро ухватывают (схватывают) преимущества улучшений любого рода, имеющихся в других странах, и готовы перенимать наши манеры и обычаи, когда они путешествуют и находятся среди нас», в то время как китайцы остаются «вещью в себе (законом в самих себе)». Последним (решающим) доказательством прогрессивного духа Японии была ее готовность вести войну с Китаем в 1872 году (С. 149). «Они показали пыл (рвение) в том, чтобы воспользоваться всеми преимуществами нашей цивилизации, в то время как их оппоненты (китайцы) продолжали кутаться в эгоистичную и высокомерную (надменную) изоляцию», — заявлял Беннет (С. 149–150). Будучи увлечен своим энтузиазмом относительно китайско-японской войны, Беннет заявлял, что «Япония благодаря Соединенным Штатам» «возродит Азию» — предположительно в серии «освободительных» войн (С. 150).

Недавнее исследование профессором Рут Миллер Элсон учебников для школы, изданных в XIX веке, раскрывает все то же предпочтение японцев как «самого прогрессивного народа среди монгольской расы». Читая комментарии относительно китайцев

в текстах по географии, в газетах, журналах и документах конгресса, получаешь впечатление, что осознанный недостаток какого бы то ни было чувства прогресса со стороны китайцев был настолько же имевшим решающее значение, как и приписываемые китайцам пороки, язычество и приверженность к тиранической (деспотической) форме правления, что делало их абсолютно неассимилируемыми в глазах американцев (С. 150).

Свою роль для американцев, для определения их отношения к китайцам в то время играло сравнение ими китайцев и японцев. И китайцев, и японцев американцы обвиняли в вероломстве и ретрогрессивности. Это было следствием затруднений в области торговли. Разницу между китайцами и японцами американцы видели в том, что японцы были способны перенимать все преимущества американской цивилизации, что японцы быстро ухватывают улучшения любого рода, имеющиеся в других странах, готовы воспринимать и перенимать наши манеры и обычаи, когда они путешествуют и находятся среди нас, американцев. В то же время китайцы остаются вещью в себе, законом в самих себе. Китайцы продолжают кутаться в высокомерную эгоистичную надменную изоляцию.

Беннет даже писал, что Япония «благодаря Соединенным Штатам» «возродит» Азию, «предположительно в серии освободительных войн». История XX века показала, что это высказывание было пророческим, однако лишь там, где речь шла о войнах Японии, но не об их характере. В определенной степени это можно отнести и к Китаю. В современной КНР употребляют термин «войны нового Китая», имея в виду войны против Индии (1962), СССР (1969), Вьетнама (1979).

В США также высказывалось мнение о том, что японцы являются самым прогрессивным народом среди монгольской или монголоидной расы.

В целом в США применительно к китайцам тогда складывалось мнение о том, что у китайцев отсутствует чувство прогресса, а также что у них существует язычество и приверженность к тиранической форме правления.

Все это вместе взятое делало китайцев в глазах американцев абсолютно неассимилируемыми. Итак, в этом случае речь шла об ассимиляции. Американцы хотели бы ассимилировать китайцев. При этом средствами такой ассимиляции американцы видели пре-

жде всего общее стремление к прогрессу, а далее принятие христианства в качестве общей религии и, наконец, признание политической власти, существовавшей в Америке, наилучшей ее формой. Американцы пришли к выводу о том, что ни по одному из этих параметров достичь понимания с китайцами им не удастся.

Но в равной степени столь же влиятельным в деле убеждения Америки в том, что было необходимо прекратить поток китайских рабочих в страну, был страх того, что иммиграция институализировала новую форму рабства здесь (в Америке). Задолго до того, как первый китайский иммигрант достиг Калифорнии, система кули вызвала подозрения в кругах аболиционистов в Англии и в Америке (под аболиционизмом в Америке понималось движение в пользу освобождения негров, отмены рабского наемного труда).

Первоначально термин «хилл кули — кули с горы (или из общей кучи)» применялся к индусам Азии, которых нанимали в качестве рабочих по контракту на плантациях в Азии и в Латинской Америке на условиях, которые и (провоцировали) вызывали некоторый протест со стороны сторонников аболиционизма. Тайпинские беспорядки в Китае создали условия, которые вдохновляли китайцев (селестианцев, то есть жителей Небесной империи) искать спасения (убежища) на таких плантациях, и к 1852 году сам термин «кули» стал синонимом китайских иммигрантов вне зависимости от цели их приезда в Америку.

В силу того что американские суда часто были вовлечены в перевозку китайских кули в Южную Америку и на острова Карибского моря, аболиционисты в США с особой подозрительностью относились к этому, считая, что происходит операция с целью новой торговли рабами. История о «Гнусной (ненавистной, отвратительной) торговле рабами» — такой заголовок появился в Бостоне в 1853 году. Затем такие истории стали появляться в американской прессе. Потеря «Си вич» у Кубы с сотнями «кули» на борту вызвала расследование конгресса и доклад президента Пирса о «Рабстве и торговле кули» в 1856 году. Во время своего путешествия домой в США преподобный Питер Паркер призвал всех сторонников права в Америке протестовать и против опиума, и против торговли кули. Новости о том, что наши знаменитые суда, такие как «Вингер рэйсер» и «Вестворд хо», вовлечены в эту «новую торговлю рабами», вызвали существенный скандал

в Бостоне, что заставило их хозяев спешно отказаться от этого занятия (С. 150).

Далее, на отношение американцев к китайцам воздействовал страх перед той перспективой, что вливание в американскую среду целой струи рабочей силы, которая обходилась относительно дешево и выполняла тяжелую физическую работу, может оказаться основой для появления и укоренения целого слоя таких рабочих, которые не протестовали против положения рабов. Причем их поведение было для них естественным, исторически обычным для их сородичей в Китае.

Два явления — контрабанда опиума и его курение в Китае, а также существование слоя кули в самом Китае — вызывали общее неприятие в Америке. Человек, с точки зрения американцев, должен быть свободен и от такой вредной привычки, как курение опиума, и от такого вредного обычая, как положение раба в обществе.

Все приводило к озабоченности возможностью того, что «китайское рабство» будет институционализировано на западном берегу, такой страх был выражен в одной бостонской газете еще в 1853 году (С. 150–151). Это вызвало постоянные уверения, что китайцы в Калифорнии были не кули, а добровольными иммигрантами, и в этом духе конгресс в 1862 году принял закон, обусловливавший то, что каждый китайский иммигрант, направляющийся в США, должен быть уведомлен американским чиновником в порту отправления о том, что он является добровольным иммигрантом, который полностью понимает условия своего контракта. Подобно «Бритиш пэссенджерс акт», принятому парламентом в 1855 году, конгресс США также запретил американским судам перевозить «кули» куда бы то ни было.

Начиная с того момента, когда (после того, как) рабство негров стало закрытой страницей (мертвым делом) после 1865 года, огромное внимание было сфокусировано на торговле кули. Описания кули, задыхавшихся в переполненных кварталах на «шконках для рабов», сожженных до смерти или погибших во время катастроф на море и совершивших самоубийства в отчаянии или в кровавых мятежах, воскрешало в памяти все ужасы старой «переброски (негров-рабов) посредниками». Нескончаемые заголовки в «Нью-Йорк геральд» сжато выражали журналистскую

реакцию на эти сообщения: «Рабы в Тихом океане — Торговля кули — Ужасные сцены на борту судна, перевозившего кули. Хуже, чем рабство. Смерть — это освобождение — Варварское обращение с кули — Связаны и избиты — Счастливое освобождение — Пугающие сказки о страданиях». Гораций Грили потребовал немедленного расследования этой «новой формы рабства». Однако Беннет не был сторонником аболиционизма, и, будучи правильным (отвечающим норме), он начал проявлять обеспокоенность чрезмерной истерией, которая создавалась в вопросе о кули, после того как его газета помогла поднять тревогу. «Слишком большое невежество (незнание) состояло в том, чтобы смешивать добровольных китайских иммигрантов в Калифорнии и кули в Карибском море», — жаловался он и напоминал своим читателям о недопустимой, ничем не оправданной истерии в 1862 году, которая и породила закон, направленный против кули (С. 151).

По вопросу о кули в Америке были разные мнения. Некоторым людям в США хотелось отделять китайцев, приплывавших в Америку и являвшихся, с точки зрения этих некоторых американцев, добровольными иммигрантами, от тех кули, которых на американских судах перевозили в другие государства на американском континенте.

Однако всего лишь несколько месяцев спустя после появления трезвых мыслей Беннета произошел бунт кули на плантации в Перу; и тревога прозвучала (была поднята) снова, так как он описывал «самые дикие инстинкты со стороны язычников с миндалевидными глазами. Около двух тысяч их, вооруженных дубинами, ножами и топорами, убивали семьи владельцев плантации и затем готовились разграбить деревеньку». Это сообщение побудило Беннета задаться вопросом о разумности дозволения такому «деградировавшему сословию (классу) полуварваров» свободно проникнуть (войти) в Соединенные Штаты. Однако он также заметил, что кровожадные, но трусливые хулиганы были рассеяны всего лишь двумя перуанскими чиновниками, и пришел к заключению, что калифорнийцы должны быть в состоянии контролировать своих китайцев достаточно долго с тем, чтобы эксплуатировать их дешевый труд (С. 151).

События показывали необходимость новых заверений и уверений в том, что китайцы, прибывавшие в Америку, не были кули

(С. 151–152). Умиротворяя эти страхи, государственный секретарь опубликовал (сделал гласными) свою неоднократно выраженную инструкцию американскому консулу в Амоэ дважды перепроверять и убедиться, что каждый иммигрант понял условия своего контракта и покидает (Китай) добровольно. Министр финансов публично заявил, что закон от 1862 года все еще действует, и Беннет предложил, чтобы правительство подчеркнуло, что контракты, по которым в США приезжают китайцы (которые приносят китайцев в Америку), были бы такими же, которые используются для доставки немцев и ирландцев. В 1867 году редактор «Де боуз ревью» выразил огромное удивление «мрачным воем, поднятым республиканской прессой» в связи с прибытием в Новый Орлеан двадцати трех кули. Было настолько «гуманистично» перевезти их из Кубы, — признавался редактор, — что это побуждает (заставляет) его чувствовать (ощущать себя) «весьма подобно аболиционистам». <...> Эти северные наши кузены твердо уверены, что обычные и бедные люди цвета дубленой кожи не будут допущены к нам сюда. Более многочисленная доставка китайских рабочих в Новый Орлеан в 1870 году, два месяца спустя после прибытия 75 человек в Массачусетс, спровоцировала еще одно заявление государственного секретаря с целью разъяснить, что это добровольные иммигранты, которые горят желанием вернуться в Китай после истечения срока их контрактов.

Несмотря на многочисленные публичные и частные заверения в обратном, китайский иммигрант так никогда и не избавился от того, что его ассоциировали с кули, причем его так именовали и друзья, и враги. Каждая из газет вне зависимости от того, поддерживала или не поддерживала она использование китайских рабочих по контрактам, именовала их «кули». Например, редактор из Бостона, который тепло приветствовал прибытие китайских рабочих в его штат в 1870 году, озаглавил свою приветственную редакционную статью «Кули в Массачусетсе». Рассел Конвел оказался не выразителем общего мнения, уточнив, что этот термин относится только к самым низким элементам работающего класса, которые, как он полагал, составляют одну третью часть общего числа иммигрантов-китайцев в Калифорнию в 1869 году. Не обратили на себя внимание протесты прочих (других), которые доказывали, что «кулинизм» подразумевает рабство и не должен применяться к добровольным китайским иммигрантам, которым единственным только и дозволяется въезжать в Соединенные

Штаты. Каждый редактор в нашем списке (в подборке газет, которые изучал профессор Миллер), был ли он настроен благожелательно по отношению к продолжению иммиграции или нет, выражал некоторый страх в то или иное время относительно опасности институционализации (появления и формирования) новой формы рабства. Для некоторых это было проявление озабоченности, носившей гуманитарный характер, но для подавляющего большинства страх состоял в том, что результатом может быть еще одна гражданская война (С. 152).

Южане, как казалось, не были озабочены усилением впечатления, что китайцы импортируются для того, чтобы заменить рабов-негров, которые ныне, будучи освобождены (эмансипированы), должны будут просто умереть (вымереть) подобно индейцам (С. 152–153). Мнения варьировались по вопросу о характере кули; некоторые авторитетные люди описывали его (такого иммигранта) как деморализующую болезнь для любого сообщества, сообщала «Де боуз»; в то время как, с другой стороны, те, кто путешествовал (побывал) в Маврициус, штат Калифорния, давали им очень хорошую характеристику. Маврициус оказался местом самых худших злоупотреблений «системы кули», сообщалось в прессе; и ассоциация этого с Калифорнией в «Де боуз» наряду с использованием термина «импортировать» для описания процесса иммиграции могла только подтвердить худшие подозрения людей с севера США.

Конвел подлил бензина в костер, разъяснив, что даже если китайский иммигрант в действительности и не является рабом, его семья, оставшаяся в Китае, будет буквально продана в рабство, если он не заплатит то, что задолжал за перевоз его в Америку. Иллюстрация жены китайца, который не заплатил свой долг за переезд, которая вместе со своими тремя детьми была заключена в деревянные колоды, была включена с целью большего эффекта. Конвел подразумевал (предполагал), что китайские женщины в Калифорнии продолжают быть самыми настоящими рабами, такими же, какими большинство из них были в Китае. Даже «Нью-Йорк таймс» принимала как факт то, что китайские женщины публично продавались на аукционе в Калифорнии и иной раз даже отдавались в залог; «Ньюбюрипорт геральд» жаловалась: «Несмотря на войну... прокламации и билли о правах в конституциях, язычники среди нас имеют рабов — покупают и продают женщин в целях проституции».

Во время дебатов в конгрессе по вопросу о китайской иммиграции в 1870-х годах вопрос о рабстве был главнейшим. Конгрессмены с востока США часто были более неуступчивы в своей враждебности, чем коллеги из Калифорнии, которые выступали за такие термины, как «квазидобровольное порабощение» и «квазирабство». Генри Вильсон из Массачусетса рассматривал китайскую иммиграцию в США и куда бы то ни было еще как «современную систему торговли рабами» во всей ее чистоте и простоте. Конгрессмен Роберт Маклейн из Мэриленда, который был комиссионером (представителем) в Китае между 1853 и 1855 годами, лично свидетельствовал, что кули, доставляемые в Калифорнию, содержались в тюрьмах перед своей отправкой. Сенаторы Джеймс Блейн из Мэйна и Томас Байярд из Делавера, конгрессмены Питер де Юстер из Висконсина и Розвелл Флоуэр из Нью-Йорка настойчиво вторили обвинениям Вильсона: китайские иммигранты не прибывают по своей воле, но их сгоняют в Китае, как стадо животных, и продают в качестве рабов, чтобы удовлетворить человеческую алчность (жадность). «Эти кули являются в большей степени абсолютными рабами, чем были негры когда бы то ни было на юге», заявлял де Лонг, в свое время посланник в Японии (С. 153).

Главное, что беспокоило противников появления кули в Америке, — это тот факт, что они прибывали в США не по своей воле, «но их сгоняют в Китае, как стадо животных, и продают в качестве рабов, чтобы удовлетворить человеческую алчность». «Эти кули являются в большей степени абсолютными рабами, чем были негры когда бы то ни было на юге». Таким образом, та волна иммигрантов-кули не была добровольной, но организованной с целью наживы прежними хозяевами кули в Китае и новыми хозяевами кули в Америке.

Степень, до которой страх рабства воздействовал на национальных лидеров в китайском вопросе, возможно, лучше всего выражена в заявлении президента Гранта в его ежегодном обращении (послании) от 1874 года:

«Я призываю конгресс обратить внимание на тот общепризнанный факт, что громадная часть китайских иммигрантов, которые прибывают на наши берега, не делают это добровольно, то есть не для того, чтобы создавать свои дома вместе с нами,

и не для того, чтобы их труд был продуктивным в целях общего процветания, но они прибывают по контрактам с вождями (племен), которые владеют ими абсолютно. В худшей форме это относится к китайским женщинам. Едва ли значительная часть их занимается каким-либо уважаемым трудом, но они привозятся в постыдных целях, к великой деморализации молодежи этих поселений. И если эта сатанинская практика будет снова легализована, для меня будет удовольствием, равно как и моим долгом, добиться того, чтобы любое такое законоположение было отменено, и таким было бы окончательное желательное решение» (С. 154).

Это заявление президента США Гранта в полной мере раскрывает суть ситуации с кули в американском обществе.

Китайцы оказались в неблагоприятном положении, пребывая в середине другого противоречия, что помогло вынашивать мысль, идею, современную расистскую теорию и представлять китайцев непригодными для ассимиляции (уподобления) по биологическим основаниям. Американские интеллектуалы в 1850-х годах вели жаркие споры о том, произошло ли человечество из одного источника (моногогенезис) или из различных семян (полигенезис). Хотя последняя точка зрения потерпела поражение, страх перед миссегенейшн (удвоением, смешением) и теория (микробов) зародышей культур, казалось, была важным побочным продуктом этого противостояния. Все это было причиной того, что американцы утратили уверенность в плавильном котле, по крайней мере там, где это касалось китайцев.

Вплоть до 1850 года американские интеллектуалы были привержены теории моногогенезиса и по религиозным, и по политическим основаниям (доводам, соображениям). Все люди суть дети Адама и Евы и в 1776 году были провозглашены равными. Расовые различия виделись при этом как функция вариации различных природных условий существования окружающей среды. Более того, все великие имена в сфере науки, от Линнея и Бюффона до Блюменбаха и Ламарка, поддерживали идею определения окружающей средой ментальности и моногогенезиса. Дело было не в том, что американцы не учитывали расовых различий, конечно же, нет, но они были уверены, что благодаря переустройству окружающей среды они смогут изменять людей и физически,

и культурно. Концепция плавильного котла легко входила в сознание людей, которые принимали такую теорию расовых различий.

Лишь немногие бросали вызов этим взглядам до 1840 года. Сообщения из Китая побудили редактора из Бостона спросить в 1784 году: «Да произрастает ли все человечество из одного и того же оригинального источника? Если это так... то как же так произошло, что существуют такие почти неопределяемые различия между людьми разных наций, как стать, форма, цвет, понимание... и так далее?» (С. 154). Два месяца спустя появился его ответ, подтвердивший историю о генезисе (происхождении) и отвергавший мнение современных ему чудачков, которые утверждали, что были три Адама и Евы, разных цветов кожи (С. 154–155).

Американцы стремились впитывать всех приезжавших в США и желавших быть их гражданами. Американцы считали, что двери Америки для мигрантов из других стран открыты. Американцы видели, как совершенно естественное стремление людей разных стран приезжать в США, стремиться стать американцами.

Попутно можно обратить внимание, что и до сих пор ситуация не изменилась. Люди стремятся переселяться в США и, скажем, не стремятся в Китай. Интуиция побуждает людей поступать именно так.

Однако в свое время, особенно в XIX веке, когда начался приток китайцев в Америку, американцы впервые столкнулись с непривычной для них ситуацией. Дело в том, что поток приезжавших в Америку из Китая не был наплывом отдельных самостоятельных людей, которые сами добровольно стремились в Америку. Это скорее была организованная поставка рабов для выполнения тяжелых работ, поставка дешевой рабочей силы, в значительной части под вывеской временного найма на работу.

Это была операция бизнесменов, деловых людей Америки и фактически рабовладельцев из Китая. Одни продавали рабский труд. Другие его покупали. А далее становилось очевидно, что прибывавшие в США китайцы вовсе не были настроены на то, чтобы перестать быть китайцами, то есть перестать быть «людьми такого государства, как Китай», согласиться быть ассимилированными, перевариться в американском плавильном котле и превратиться в граждан Соединенных Штатов Америки, из китайских китайцев превратиться в американских китайцев.

И таким образом впервые в их истории в Америке перед ее гражданами встал вопрос о том, как относиться к появлению фактически инородного тела в американском организме.

В условиях того времени американцы, осознавая, что китайцы неудобны для ассимиляции, попытались обосновывать это наукой того времени. Тогда и появились утверждения о том, что для негативного отношения к вопросу о принятии китайцев есть биологические основания. Имела место дискуссия по вопросу о происхождении человечества. Одни считали, что оно произошло из одного источника, другие думали, что существовало несколько таких источников. Этим и обосновывалось отношение к китайцам как к продукту из другого источника, а потому неприемлемому в Америке.

До возникновения вопроса о китайцах американцы считали, что, попадая в Америку, в среду американцев, люди из других стран, оказавшись под влиянием или под воздействием среды, смогут быть изменены и физически, и культурно. Это соответствовало концепции плавильного котла. Однако практика приводила американцев к мысли о том, что это неприменимо к китайцам.

Ранее в том же столетии доктор Сэмюэль Латем Митчел предположил, что различия между белой, черной и расой цвета дубленой кожи не могут быть объяснены одним только климатом. Он говорил о «внутренних физических причинах величайшего момента», хотя он все еще рассматривал три расы как членов одной породы (рода). Первый прямой вызов вере в индивидуалистичность человечества пришел от доктора Чарльза Колдуэла, из его работы «Мысли об оригинальном единстве человеческой расы» (1830). Колдуэл выразил эти мысли ранее на страницах журнала, который он помогал отредактировать в Филадельфии: «Порт фолио». Это также был первый американский журнал, который в 1811 году жестко критиковал китайцев в терминах, близких к расизму.

Однако серьезные соображения о полигенезисе должны были ждать более систематизированных средств определения расовых различий, которые этнологи, такие как Ретциус в Швеции и Сэмюэль Мортон в Филадельфии, представили в форме измерений черепа. Ранний «эстетический» подход, как назвал его Стентон, при котором физические различия описывались словесно в терминах углов частей лица, формы головы, конфигурации

лица и цвета кожи, вели ко многим конфузиям, неудачам. Это, пожалуй, лучше всего иллюстрируется затруднением одного редактора относительно того факта, что все, что касалось китайцев, называлось «монгольским», в то время как «угол лица относит китайцев к кавказоидной расе». Конфуз относительно неточных показателей привел некоторых к классификации китайцев как «монголов, но мягких», а других к тому, чтобы находить родственную связь между ними и готтентотами. Д-р Чарльз Пикеринг в конечном счете пришел к выводу, что существуют две белые расы (кавказоидная и абиссинская) и три коричневые расы (монгольская, готтентотская и малайская)... По Мортону, если говорить о величине черепа, то кавказоиды выше, за ними монголы, малайцы, американские аборигены и эфиопы, в то время как китайцы были вторыми, и, по словам Мортонна, они «бесхитроствы, имитируют, в высокой степени поддаются окультуриванию». Они явно были ниже и отделялись от кавказоидов. <...> Их присутствие в США будет представлять угрозу гибридности, то есть то, чего строго избегали с точки зрения полигенеза (С. 155).

Был спор между плюрализмом и единством человечества (С. 156).

Таким образом, получалось, что «пирамидально» созданная (сформированная, выстроенная) голова китайцев и их «примитивный» язык оказывались просто признаками (подтверждающими показателями) их расовой неполноценности. Недостаток, присущий их черепу (ущербность самого черепа, их черепная недостаточность) не только из-за своего размера говорил о неадекватности черепов «монголов, индейцев и негров и всех темнокожих рас», — заключал Нотт, что все это «особо значительно сказывалось (отмечалось) на тех частях мозга, которые отвечали за моральные и интеллектуальные функции». Низкий уровень (порядок) социального развития этих народов еще более (дальнейшим образом) иллюстрировал их природную неполноценность. И действительно, они биологически были неспособны имитировать кавказоидов, и представление их западным институтам и идеям «противоречило неизменным законам природы», во всяком случае так полагал Нотт. Он задавал вопрос: «Каковы результаты миссий в Африку, Китай, Индию и к американским индейцам? <...> Представляется, что дело тут обстоит так, как если бы эти усилия филантропического характера были далеки от того, чтобы приносить добрые плоды темным расам, в главном они на-

носили больше вреда, чем добра (больше плохого, чем хорошего). Темные расы заимствуют пороки, но никогда не добродетели белого человека».

Луи Агассиз после Мортон сделал больше, чем кто-либо иной в Америке, для того чтобы придать плюралистической теории больше респектабельности, поскольку он был не только знаменитым ученым, но и глубокорелигиозным человеком. Он утверждал, что полигенезис не бросает вызов Священному Писанию, поскольку в Ветхом Завете никогда не упоминались американские индейцы, монголы, малайцы или негры. Генезис — это история кавказоидной расы как той расы, начало которой положили Адам и Ева. Агассиз постоянно использовал различия в культуре и характере (темпераменте), чтобы усилить свою веру в то, что расы человечества представляют различные виды человеческого рода. Китайцы и японцы произвели почти идентичные культуры по той причине, что они были членами одной и той же расы, в то время как малайцы — это нечто поразительно иное. Расовые различия по темпераменту были настолько велики, что они препятствовали какому бы то ни было продвижению в сфере коммуникации (общения) между ними, — говорил Агассиз. Это особенно присуще «цветным расам», которые являлись тремя отдельными родами: индийцы — неукротимые (не терпящие над собой господства), смелые, гордые; они резко отличаются от покорных, рабопенных подобострастных, раздражительных негров или хитрых, коварных и трусливых монголов.

Плюралистической позиции нанес смертельный удар Чарльз Дарвин. Однако американцы были слишком религиозны, чтобы признать полигенезис привлекательным в каком бы то ни было виде, и степень, до которой научное сообщество приняло эту теорию, по большей части спорна (С. 156).

Более важен для данного исследования тот факт, что обе стороны спора, плюралисты и монисты, принимали тезис о неполноценности цветных рас (С. 157).

«Американские институты были созданы для тевтонцев, и сомнительно, что иные смогут вести дело на основе традиционных концепций свободы, свободы личности, местного самоуправления и федерализма», — считал Эдвард Савет (С. 157).

Эмбриональная теория культуры была предложена еще до того, как специалисты в области этнологии сформулировали отношения между биологическими факторами и социальными ин-

ститутами. Когда Теодор Паркер отказался признать какие бы то ни было способности в области прогресса культуры у цветных рас, он и выразил суть этих взаимоотношений. Он удивился тому, что Бакл в своей «Истории цивилизации в Англии» отрицал «какие бы то ни было оригинальные различия способностей различных рас людей». Паркер затем использовал достижения в области культуры как показатели природного превосходства и сделал вывод: «Нам представляется, что различия в природном даре между различными расами огромны. Все великие, постоянные и прогрессивные цивилизации являются кавказоидными (кавказскими)» (С. 157).

Когда Нотт сделал свою первую уступку дарвинистам в 1866 году, он все еще настаивал на том, что расовые институты изменялись столь медленно, что они были неизменными и непреложными для всех современных целей (С. 157). Ранее решающим аргументом в позиции плюралистов было то, что огромные расовые различия не могли эволюционировать во времени, отвечавшем библейской хронологии (С. 157–158). Когда же Дарвин и геологи разрушили эту хронологию, Нотт изменил дело и перешел к новой, продолжительной хронологии и доказывал, что расовые инстинкты потребуют такого длительного времени, какое они потратили на то, чтобы дойти до своего нынешнего состояния. Эти инстинкты позволили китайцам и азиатским индийцам добиться только статуса (положения) полукцивилизованного государства, в то время как американские индейцы и негры оказались неспособны подняться над «дикостью». Эта теория тщательно развивалась на страницах «Антрополоджикал ревью» в Лондоне. И Нотт часто вносил свой вклад в это, был жертвователем. Типичным для утверждений такого типа, появившихся в этом журнале, было объяснение одного из жертвователей, что китайский деспотизм (тирания) происходил из природы монгольской расы и что деспотия в Древнем Египте развилась только после того, как члены его правящего класса начали вступать в браки с «африканскими аборигенами». Один из авторов задавал риторический вопрос: «И почему же китайская пагода — это единственный ответ на Парфенон и собор Святого Петра? Почему же рыцарство совершенно неизвестно на Дальнем Востоке и галантность совсем недостижима? И ответ антропологов состоит в том, что монгольский тип абсолютно не способен производить (рождать) эти вещи». Ранние достижения Китая должны происходить из

«иностранных зародышей», — объяснял этот автор, из тех зародышей, которые были переданы из поколения в поколение более или скорее в качестве «наследственной фамильной черты», чем будучи продуктом «врожденной склонности» у китайцев. Однако в качестве «непрогрессивной от природы нации» китайцы должны раньше или позднее истощить или испортить (сделать недействительными) эти иностранные культурные подарки: «Китаец не обладает достаточной “кровью” для того, чтобы эффективно развивать идею наследственного усовершенствования, деликатности (утонченности), чувствительности и духа. <...> Та цивилизация, которой он хвастается, когда ее анализируешь (сравнительно) с нашей, неизмеримо более высокой с точки зрения (стандартов), — это притворство (подделка) и претензия; все это оставляет его в положении грубого (сладострастного) подхалима (низкопоклонника), лгуна, обманщика и плута».

Редакционная статья в том же журнале объясняет, что с точки зрения психологии структура монголоидов «инфантильна», а негра «враждебна». Язык, система власти (правительство), литература и искусство в Китае были также ребячьими (детскими), говорит автор. И они отражали расовый характер китайцев, как это делали условия «безбородости» («безбородой, юношеской» условности). Эта статья является частичным ответом Джону Стюарту Миллу, который выразил страх перед тем, что Европа станет еще одним Китаем благодаря чрезмерной организации. Очевидно, что господин Милл не понимал расовую основу всех социальных институтов; это тот провал, который этот редактор относил на счет псевдофилантропии (С. 158).

Один из лучших примеров теории зародыша применительно к культуре, приспособленной к иммиграции китайцев, появился в «Популяр сайенс манфли» в 1882 году (С. 158–159). Автор продвигал тот взгляд, что социальные характеристики — это и «фундаментальные, и неизменные, точно так же, как и физические характеристики рас» (С. 159). Было бы абсурдным ожидать, что китайцы применятся к американским институтам, в то время когда индейцы и негры не могли этого сделать, — аргументировал он. Более того, этот автор предостерегал о громадной опасности «смешения» между расами. Когда две расы существуют одна рядом с другой, окультуривание имеет место в пользу тех черт, которые на протяжении более длительного времени установлены и существуют, а не в пользу превосходящих (высших

или лучших черт). Итак, китайская культура, которая институционализировалась с древней историей, станет доминирующей, и это та победа, которую вряд ли можно рассматривать в качестве «создания примера выживания того, кто для этого больше подходит», — заключал он.

Такие страхи выражались более грубо в популярной прессе. Поскольку «азиаты более коварны, вероломны и порочны и у них нет никакого понимания того, что такое американская цивилизация», постольку урегулирование (приспособление) вопроса об их возрастающей численности в Калифорнии было бы «катастрофичным» для нашего образа жизни, — так об этом говорилось на страницах «Нью-Йорк уорлд». Действительно, западные штаты в 1876 году уже «вырождались и превращались в китайскую колонию», — предупреждал, предостерегал редактор. Многие из газет на восточном побережье колебались между такими экстремальными страхами и дарвиновским оптимизмом, то есть тем, что американцам как нации тех, кто всех превосходит, нечего бояться соревнования или соперничества с селестианцами (китайцами), которые в конечном счете лишь «одна из наций пониженного качества на Земле». Общий консенсус между редакторами, однако, состоял в том, что, в то время как китайцы биологически не были подходящими для американского плавильного котла, было бы глупо не эксплуатировать их дешевый труд, прежде чем отправить их обратно в Китай. Культурные и биологические отличия (различия) китайца в связке с его явной (интенсивной) национальной гордостью говорили против его желания оставаться в Соединенных Штатах на постоянной основе. Они были перелетными птицами, которые вернутся в Китай, как только заработают достаточно денег для того, чтобы хорошо жить в природной среде обитания, — так к своему удовольствию тешили себя мыслями редакторы (С. 159).

В целом общественное мнение в США, которое формировалось и выражалось в значительной степени редакторами органов печати, по вопросу о китайцах в Америке сводилось к следующим утверждениям.

Китайцы биологически не были подходящими для американского плавильного котла.

Было бы глупо не эксплуатировать их дешевый труд, прежде чем отправить их обратно в Китай.

Культурные и биологические отличия китайца в связке с его национальной гордостью говорили против его желания оставаться в Соединенных Штатах Америки на постоянной основе.

Китайцы были теми перелетными птицами, которые вернутся в Китай, как только заработают достаточно денег для того, чтобы хорошо жить в своей природной среде обитания.

Так фактически в Америке пытались примирить стремление эксплуатировать в своих интересах и к своей выгоде дешевый труд китайцев, исходя из того, что это временное явление, с мыслью о том, что китайцы сами уедут через некоторое время обратно в Китай, так как их интерес в Америке — это исключительно материальный интерес, то есть это только стремление заработать достаточно денег для того, чтобы непременно вернуться в Китай и прожить свою оставшуюся жизнь в привычной для них среде.

В этом случае, как и в ряде других, американцы в своей истории принимали желаемое за действительное. Прежде всего не все в мире во власти какой-либо одной нации, в данном случае американцев. Здесь речь шла о сожительстве, сосуществовании на территории США и тех, кто уже были американцами, и китайцев, *чжун го жэнь* — людей Китая, а не всех тех, кто были людьми Америки.

Американцы понимали, что превратить китайцев в американцев не удастся. Однако они думали, что можно временно использовать дешевый труд китайцев. В какой-то степени и на какое-то время это удалось.

Однако у китайцев были свои настроения и расчеты. Они оставались «людьми Китая», не собирались превращаться в «людей Америки» и в то же время были не прочь укорениться в США, стать своего рода отдельным национальным сообществом, существующим в американском плавильном котле, но не поддающимся плавке и переплавке. Китайцы также демонстрировали желание создавать свои «чайнатауны», то есть города китайцев внутри американских городов. По сути дела, китайцы начали тогда создание на территории США своих «военных поселений», которые должны были в долгосрочной перспективе выполнять функции разведывательных пунктов, опорных баз на территории США, которые пригодятся при осуществлении глобальной стратегии Китая. По сути дела, иметь дело с китайцами оказалось чем-то новым, ибо оказывалось, что помимо американцев на территории США появлялись «китайские гнезда», от которых уже невозможно было из-

бавиться, и это не говоря уже о том, что китайцы не становились лояльными гражданами США. Они могли быть ими формально, однако они по большей части были готовы действовать в интересах и по приказам властей государств нации Китая.

В конгрессе забота об ассимиляции и страхи (опасения) относительно смутной угрозы культурного характера (порядка) частенько выражались в ходе дебатов по вопросу о китайской иммиграции. «Они принадлежат к отличной от нас расе, являются носителями совершенно иной цивилизации и, по-моему (согласно моему мнению), неспособны быть вовлечены в ассимиляцию в том, что касается привычек, обычаев и манеры поведения, с людьми из этой страны» — так заявлял сенатор Солсбери из Делавера. Конгрессмен МакКлюр из Огайо, в сущности, повторил слова Солсбери в нижней палате. Неохотно уступая промышленным выгодам от такого «дешевого и послушного труда (рабочих)», Джозеф Хэйли из Коннектикута показывал, что он будет голосовать за исключение только по той причине, что он думает, что китайцы не поддадутся ассимиляции (С. 159).

Одним из самых лучших показателей страхов относительно ассимиляции китайцев, иммиграции из Китая в большей степени на национальном, чем на локальном (частном, секционном) уровне, было поражение предложения сенатора Саммера в 1870 году исключить слово «белые» из всех законов конгресса, имеющих отношение к натурализации (С. 159–160). Последующие дебаты сделали ясным, что его намерение состояло в том, чтобы распространить право на натурализацию на китайцев. Это предложение было отклонено при голосовании, когда за предложение было подано 12 голосов, 26 проголосовали против при 34 отсутствовавших (С. 160). Вполне очевидно пребывая в шоке от этих результатов, Трамбул из Иллинойса внес второе предложение, обуславливая то, что китайцы подходят для натурализации. Он умолял своих коллег: «Я решительно надеюсь, что уж теперь-то сенат не будет действовать столь непоследовательно и не отклонит эту поправку. <...> Мы вычеркнули слово “белые” из законов о натурализации, поскольку имелись в виду готтентоты, язычники из Африки. В настоящее время предложено отказать в праве на натурализацию китайцам, которые безгранично выше африканцев по интеллекту, мужественности и во всех аспектах». На эту мольбу, однако, не обратили внимания, и предложение было

отклонено; за него проголосовали 9 против 31 при 32 неприсутствовавших. Пример (образец) такого голосования носил явно национальный характер. В то время как 4 сенатора с запада, которые присутствовали, проголосовали против, 7 с востока также проголосовали против, и только 3 проголосовали за. 12 сенаторов с юга (включая сенаторов из пограничных штатов) проголосовали против и 4 за. Среди сенаторов со Среднего Запада 8 выступили против Трамбула и двое поддержали его. Это голосование оказалось особенно важным, так как вопрос о гражданстве точно отделил опасения из области культуры от экономических преимуществ продолжающейся китайской иммиграции и с точки зрения тенденции в национальных масштабах определенно поддержал тезис данного исследования, что антикитайские чувства не были присущи только западному побережью, то есть не были частным (секторальным, локальным) феноменом до 1882 года (С. 160).

В 1870 году в сенате США было выдвинуто и обсуждалось предложение об исключении слова «белые» из всех законов конгресса, имеющих отношение к натурализации. Один из сенаторов заявлял, что в свое время об этом говорилось, имея в виду готтентотов, язычников из Африки: «В настоящее время предложено отказать в праве на натурализацию китайцам, которые безгранично выше африканцев по интеллекту, мужественности и во всех аспектах». Он считал, что китайцы подходят для натурализации. При голосовании предложение было дважды отклонено.

Вопрос о гражданстве точно отделил опасения из области культуры от экономических преимуществ продолжающейся китайской иммиграции. Все это подтвердило тот вывод, что антикитайские чувства не были присущи только Западному побережью США, то есть не были локальным феноменом до 1882 года.

Действительно, практически почти с самого начала отношений между Америкой и Китаем возникло это противостояние между теми, кого беспокоило то, что именовалось вопросами культуры, то есть относящимися к духовной сфере, к несовпадению духа Америки и духа Китая, и теми, кто руководствовался стремлением к экономической выгоде и зачастую оказывался на содержании, прямом или косвенном, у китайцев, китайских властей.

Четвертая новая тема, которая развивалась (была развита) между 1850 и 1882 годами, состояла в том, что грязь и болезни

китайцев представляют собой угрозу безопасности и благосостоянию американского общества. В течение трех десятилетий неограниченной иммиграции китайцев профессия врача не только стала глубоко интересовать американцев, имея в виду расовый фактор касательно болезней, но к 1870 году (эта тема) заставила американцев быть особенно осторожными, когда речь шла о грязи как угрозе здоровью общины. На протяжении следующего десятилетия теория микробов как возбудителей заболеваний развивалась, и профессия медика играла важную роль, питая страхи американских журналистов относительно китайских микробов (С. 160).

Вторая половина XIX века в США стала и временем всеобщей борьбы за чистоту, гигиену, предохранение от грязи и болезней. Это был еще один из решительных поворотов в жизни американцев к прогрессу наряду с появлением массовых дешевых газет. Американцы одновременно выходили на самые передовые рубежи как во всем том, что касалось чистоты (буквальной чистоты) и здоровья нации в целом, так и в вопросах приобщения нации к новостям о событиях как в самой Америке, так и во всем мире.

Американцы становились телесно чистой, здоровой и читающей, интересующейся всеми, в том числе и международными новостями и событиями нацией.

Две профессии тогда утвердились как важные для общества: профессия врача и профессия журналиста, газетчика, редактора, автора газетных статей и сообщений.

Именно на этом фоне между 1850 и 1882 годами широко обсуждалась такая тема, как то, что грязь и болезни китайцев представляют собой угрозу безопасности и благосостоянию американского общества.

Появление этой темы было связано с тремя десятилетиями неограниченной иммиграции китайцев (1850–1880).

Грязь в Америке стали рассматривать как угрозу американскому обществу. При этом появились страхи перед «китайскими микробами». В Америке того времени были популярны и рассуждения о расах, о различиях между людьми разных рас и о микробах как переносчиках болезней. Отсюда и возникали предположения о существовании неких присущих китайцам как расе микробах.

В 1851 году Американская медицинская ассоциация назначила комитет с целью изучения «психологических особенностей

и заболеваний негров», который Лури охарактеризовал как «первичный форум для дебатов между плюралистами и унитаристами» (С. 160). Нотт, которому Уолтер Рид отдал пальму первенства «за то, что он первым предположил, что тропическая лихорадка с желтухой может распространяться только через организм, питающий паразитов (посредник)», и также верил, что восприимчивость (к заражению) к желтой лихорадке прямо пропорциональна чистоте кожи (С. 160–161). Таким образом, итальянцы, испанцы, монголы и негры оказывались значительно менее восприимчивы. Этот особый иммунитет не был результатом климата, но функцией расы, которая «в оригинале была сотворена с тем, чтобы соответствовать (приспособиться) климату, в который природа ее поместила». И наоборот, темнокожие нации оказались более уязвимы к «холере, тифу, чуме и всем заболеваниям от болезнетворных ядов» (Нотт считался в мире ведущим авторитетом в этом вопросе).

Помимо этого Нотт и его единомышленники развивали теорию о том, что пересадка «чуждой» расы в новую для нее окружающую среду, к которой у нее нет природного иммунитета, увеличит восприимчивость к заболеваниям и будет достигать масштабов эпидемии, что может создать угрозу местной (коренной, титульной) нации. Такие страхи были, конечно же, не новы. Эпидемию желтой лихорадки в 1798 году в Филадельфии относили на счет судов, возвратившихся из иностранных портов, при этом наибольшие подозрения вызывал Кантон. Думали, что Кантон предлагал особенно нездоровую природную среду (окружение).

Миссионеры также помогли созданию впечатления, что Китай разлагается от болезней. Их сообщения полны комментариев относительно плохого климата и высокой степени возможности возникновения эпидемий (С. 161).

В США тогда появилась «теория» о том, что «пересадка» чуждой расы в новую для нее окружающую среду, к которой у нее нет природного иммунитета, увеличит восприимчивость к заболеваниям и будет достигать масштабов эпидемии, что может создать угрозу местной (коренной или титульной) нации. При этом источником особой угрозы называли Кантон. Миссионеры также утверждали, что Китай разлагается от болезней.

Первый сенсационных доклад, рисовавший китайских иммигрантов как медицинскую угрозу США, был докладом доктора Артура Стоута «Китайская иммиграция и психологический казус гниения нации». Стоут был известным врачом в Калифорнии, имевшим связи с Американской медицинской ассоциацией (С. 161). Его доклад, датированный 1862 годом, представлял собой невообразимое смешение медицинской эрудиции, этнологии, религии и явной чепухи (С. 161–162).

Главной угрозой обществу были «наследственные болезни»: чахотка, сифилис, умственные расстройства и эпидемии. Все это в свою очередь усиливалось курением опиума среди китайцев. Стоут намекал, что существует высокий процент заболеваний сифилисом среди китайцев... У него не было уверенности относительно механики заболеваний, и в то же время «он настойчиво утверждал, что приход китайцев и негров в американское общество будет своего рода “раковой опухолью” в биологической, социальной, религиозной и политической системе».

Америка от такого приезда ничего не приобретет и все потеряет. «До той поры пока ислам и язычество не будут преданы забвению и христианство не появится как солнечный свет в хаос, чтобы осветить и возродить этот древний мир... мы не можем позволить азиатам входить (в Америку)», — делал он свой вывод (С. 162).

В США появились утверждения о том, что «приход китайцев и негров в американское общество будет своего рода “раковой опухолью” в биологической, социальной, религиозной и политической системе». И далее: «До той поры пока ислам и язычество не будут преданы забвению и христианство не появится как солнечный свет в хаос, чтобы осветить и возродить этот древний мир... мы не можем позволить азиатам входить (в Америку)».

Так оказывалось, что обеспокоенность американцев своими проблемами, стремление американцев создавать исключительно чистое в физическом и духовном смысле этого слова общество порождали подозрительность в отношении в частности и главным образом в то время китайцев.

Именно их переселение в Америку видели как опасность для американцев в биологическом смысле, как соприкосновение с «чуждой» расой.

Китайцев также считали опасными и для общества, сформировавшегося к тому времени в Америке.

Китайцев считали не вписывающимися, не принимающими и не понимающими политическую систему американцев.

Наконец, продолжалось противопоставление религий. Китайцев воспринимали в США как язычников, сосуществования с которыми не может быть вплоть до тех пор, пока они не станут христианами.

Так накладывались один на другой, переплетались и оказывали огромное давление на американское общество разные страхи перед нашествием или переселением китайцев в США.

Томас Лонг (в свое время президент Американской медицинской ассоциации) предлагал обратить величайшее внимание на медицинскую угрозу, растущую как следствие того факта, что китайцы въезжают в Америку из другого климата, а эта угроза усиливается их предполагаемой склонностью к грязи и порокам (С. 162).

Десять лет спустя, то есть в 1871 году, Стоут представил следующий, то есть очередной доклад. В нем, в частности, он имел в виду, что грядет не обычный конфликт на множественных уровнях, но закулисная, тайная, подрывная деятельность, в которую вовлечены невидимые микробы и ужасные инфекционные болезни (С. 162).

Для нашей страны было бы лучше, если бы орды Чингисхана заполнили всю нашу землю и, руководствуясь вооруженной враждебностью, разрушали бы наши долины своими саблями и раскаленным железом, чем то, чтобы эти толпы злокачественных, пагубных тварей в личине друзей хитро, коварно, незаметно подкрадываясь, отравляли бы ядом источники нашей жизни и распространяли бы все это во всю глубину и ширь, постепенно подрывая и подвергая коррозии жизненную энергию нашей силы и процветания. В первом случае мы можем противостоять вторжению мечом и пушками, но это деструктивное вторжение происходит невидимо...» (С. 163).

Итак, во второй половине XIX века в Соединенных Штатах Америки у борьбы за создание и сохранение нравственной и физической чистоты американского общества появился такой аспект, как призыв к самосохранению уже сложившегося и складывавшегося общества в Америке. Главную угрозу для этого американского живого организма, с точки зрения некоторых американцев,

представляло переселение китайцев в Америку и их тихое и как бы незаметное внедрение, проникновение в американское общество.

Появились предсказания о том, что с течением времени между американцами и китайцами на территории США грядет не обычный конфликт на множественных уровнях, но закулисная, тайная, подрывная деятельность, в которую вовлечены невидимые микробы и инфекционные болезни.

Дело не ограничивалось только медицинскими соображениями. Речь шла о том, что американцам следует страшиться не обычных и привычных, с точки зрения людей того времени, действий, в том числе войны, применения различных видов вооружения.

Некоторые американцы предсказывали, что речь идет о следующем:

«Для нашей страны было бы лучше, если бы орды Чингисхана заполнили всю нашу землю и, руководствуясь вооруженной враждебностью, разрушали бы наши долины своими саблями и раскаленным железом, чем то, чтобы эти толпы злокачественных, пагубных тварей в личине друзей хитро, коварно, незаметно подкрадываясь, отравляли бы ядом источники нашей жизни и распространяли бы это во всю глубину и ширь, постепенно подрывая и подвергая коррозии всю жизненную энергию нашей силы и процветания. В первом случае мы можем противостоять вторжению мечом и пушками, но это деструктивное вторжение происходит невидимо».

Итак, в Америке мысль о необходимости быть настороже, изучая политику, действия, планы властителей Китая, появилась еще во второй половине XIX века.

При этом уже тогда указывали на то, что опасаться американцам следует в первую очередь и более всего не войны, не применения китайцами обычных методов ведения войны, а того, что китайцы могут прикидываться друзьями, а сами будут хитро и коварно незаметно подкрадываться и в якобы мирной обстановке подрывать и подвергать коррозии жизненную энергию силы и процветания Америки, то есть следует наряду с проявлением внимания к военной стороне дела более всего опасаться как бы «мирного» невидимого деструктивного вторжения китайцев и, в частности, их переселения, то есть иммиграции, на территорию США.

Подтверждение с точки зрения медицины популярных страхов обнаруживалось благодаря работникам соответствующей

профессии и не только в Калифорнии. Ни больше, ни меньше, как такая фигура, как Марион Симс из Нью-Йорка, президент Американской медицинской ассоциации (АМА) и всемирно известный гинеколог, извлек звук из набатного колокола применительно к китайскому сифилису в 1876 году. В своем годичном (ежегодном) официальном обращении на столетнем юбилее упомянутой ассоциации Симс выступил с предостережением, заявив, что распространение сифилиса уже достигло стадии эпидемии. Он предъявил обвинения «китайским рабам (рабам-китайцам)», которых использовали в целях проституции, что и «вызвало моральную и физическую эпидемию» на западном берегу. «Даже мальчишки восьми и десяти лет были заражены сифилисом этими деградировавшими, опустившимися негодьями... <...> У холеры имеется постоянный дом (Азия), где она вечно (бесконечно) генерируется». Но холера выгорает после кратковременного «расцвета (цветения)», в то время как сифилис остается неизменным в «притонах невежества, бедности, запущенности, убожества, грязи и порока». Симс побуждал правительство положить конец импорту людей, которые представляли собой такой риск для здоровья нации.

Страх того, что основной поток крови нации был отравлен китайскими проститутками, вызвал формальное исследование проблемы АМА в 1875 году. Доклад соответствующего комитета, а Симс, очевидно, был близок к тому, чтобы его игнорировать, не выявил ничего удивительного помимо заключения, что сифилис среди китайцев передавался во многом таким же образом, как и среди европейцев. Редактор «Нью-Йорк уорлд» задавал вопрос: «Если китайские проститутки заражали золотую молодежь Сан-Франциско этой ужасной азиатской болезнью, то не лежит ли вина за это на самой этой золотой молодежи?»

Болезни оставались безымянными, поэтому они представлялись таинственными и еще более терроризирующими для многих. Китайские несчастья рассматривались как результат тысяч лет непристойных пороков, которые сопротивляются всем усилиям современной медицины. Американские дети рисовались как самые вероятные потенциальные жертвы (С. 163). В редакционной статье по вопросу о «биче китайских орд» Беннет предостерегал: «свинство (гадость)» Джона-чайнамена (Джона-китайца) может иметь далеко идущий эффект; и по аналогии, которую отражает эта истерия, он сравнивал китайское присутствие в Калифорнии со «знакомством учеников в наших школах и учили-

цах медсестер с некоторыми новыми ужасными заболеваниями, которые не поддаются лечению» (С. 163–164). «Ужасающие последствия», упоминавшиеся в такого рода предостережениях относительно странных и сеющих разрушение болезней, могли быть найдены в «этнологии ориентализма», — предполагал другой автор. Сифилис обычно был при этом той болезнью, на которую намекали, которая подразумевалась. Однако это делось таким образом (в такой манере), что у читателя оставалось впечатление, что «китайский сифилис» был более сильно действующим, более разрушительным и не поддающимся лечению. Эту болезнь, которую в медицинских трудах именуют по-разному, для удобства мы будем называть «грязной заразной болезнью», — объяснялось в редакционной статье «Медико-литерари джорнал» в 1878 году; там, где китайские проститутки вливались в «кровь англосаксов». Очевидно (по-видимому), такого рода страх был старым страхом; по крайней мере, энциклопедия «Британика» в 1810 году упоминала об ужасной «кантонской язве» в ряду венерических болезней, обнаруженных в Китае.

О страхе перед проказой стали больше говорить после 1872 года. Доктор О'Доннелл, один из помощников Керни, получил столь же большое освещение (место) в газетах Нью-Йорка, как и его начальник при показах прокаженных китайцев на углах улиц Сан-Франциско. И даже «Нью-Йорк таймс», которая решительно поддерживала продолжение китайской иммиграции, показала свою озабоченность обвинениями О'Доннелла. Сообщения о том, что белые тоже подхватили эту болезнь на западном берегу, повсеместно шокировали редакторов на востоке. Под громадным заголовком «Белые прокаженные в Сан-Франциско — бич из Китая» газета «Нью-Йорк геральд» перепечатала показания моряка, который подхватил проказу в «китайском притоне» во время «кутежа», и другого калифорнийца, который относил свои несчастья на счет сигар, скрученных китайскими рабочими. Беннет требовал расследования в конгрессе, прежде чем проказа «натурализуется» в Калифорнии. Утверждалось даже, что Энсон Берлингем умер от проказы.

Имели место некоторые дискуссии и еще больше замешательства в кругах профессионалов относительно природы этого заболевания в 1870-х годах, поскольку было мало известно о его этиологии. Таким образом, в начале этого десятилетия дерматологи пришли к выводу, что проказа передается по наследству. Один

специалист предполагал, что по-настоящему попали под эту болезнь только «первобытные расы». Значение этого наблюдения было не менее ясным, чем то, что из этого вытекло, «поскольку это вело к определенным последствиям», однако, по всей вероятности, это было направлено на китайцев. Однако к 1880-м годам новые достижения (развития) в медицине открыли обсуждение с целью новой оценки (С. 164). (Было поручено) провести тщательную проверку возможности того, что проказа заразна и может распространяться по всей стране (С. 164–165). В этом случае доктор из Калифорнии успокоил коллег на Среднем Западе, настаивая на том, что проказа «менее всеобща, чем это предполагается» на западном берегу, и что всего лишь один «немонгольской расы» человек заразился и болеет ею» (С. 165).

В 1866 году возник целый вал книг о дезинфицирующих средствах, и это побудило американцев задуматься (давать себе отчет) о взаимоотношениях (о связи) грязи и болезней. Пять лет спустя в редакционной статье «Теория микробов применительно к вопросу об эпидемиях», которая появилась в «Нью-Йорк геральд», Беннет разъяснил, что новая теория толкует о заболеваниях как о том, что распространяется «не путем рассеивания или диффузии, но живыми инфузориями». <...> Лидеры американского общественного мнения начали во все возрастающей степени осознавать и принимать во внимание вопрос о микробах. <...> Распространялись спекуляции на тему о том, не имеется ли таинственный яд на ногтях китайцев или виновны ли в ранах от ногтей китайца некие странные микробы.

Эпидемия холеры в 1871 году спровоцировала появление заголовков типа «Азиатская холера снова путешествует с Востока до Запада» <...> Это породило неприятные чувства в отношении китайской иммиграции как угрозы здоровью нации. В 1877 году редактор «Нью-Йорк таймс» предсказал, что страхи, связанные с медициной, сыграют решающую роль при запрещении китайской иммиграции, хотя и протестовал против утверждения о том, что если бы китайцы были настолько «язычниками», каким является популярное мнение о них, их смертность была бы значительно более высокой в процентном отношении.

В конгрессе представители западного берега искусно эксплуатировали эти популярные страхи. Сенатор Слатер из штата Орегон предупредил, что «грязь, а также пугающие и безымянные болезни и зараза» — это часть багажа (упаковки, пакета)

при импорте дешевого китайского труда (дешевых китайских рабочих). Джонсон из Калифорнии характеризовал китайских иммигрантов как «толпу, несущую с собой чуму в своей одежде и вонючую грязь и гниением» (С. 165). В обращении, как предвещавшем далеко идущее значение ограничения иммиграции китайцев, так и ставившем под вопрос основную концепцию плавильного котла, сенатор Сарджент из Калифорнии спрашивал: «Сможем ли мы противостоять всем этим порокам, всем этим болезням, всему тому злу, которые заражают человечество по всему миру, и сохранить нашу американскую цивилизацию?» (С. 165–166).

Имея в виду развитие урбанизации восточного берега (побережья США), этого интеллектуального центра страны, представляется очевидным, что «капитуляцию» востока (США) перед требованиями запада (США) относительно исключения китайцев в 1882 году должно рассматривать исключительно в терминах неблагоприятного образа, о чем сказано в данной работе. Комментарии торговцев и миссионеров переплетаются с упоминаниями (отсылками) о китайской стагнации, рабстве, низкой ступени развития и грязи; однако именно взаимное переплетение этих концепций с популярными опасениями, озабоченностью и беспокойством, связанными с индустриализацией, рабством и гражданской войной, расовой ассимиляцией и болезнями, оказывалось решающим. Восточные региональные страхи, что новая система рабства институализируется (создается) в Соединенных Штатах, и обеспокоенность возможными опасностями при допущении абсолютно не поддающихся ассимиляции расовых и культурных групп, пусть даже на временной основе, были явно влиятельны при успешном прохождении законов об исключении. Теория болезней, порождаемых микробами, давала объяснение, при котором было очевидно, что низшие (по развитию) группы могли взять верх над высшей группой в противовес природным законам социальных дарвинистов. Такой метод сопоставления сопоставим с более старым стереотипом ориентального коварства и с верой в то, что китайцы никогда не будут противостоять Западу по-мужски. Они были теми людьми (тем народом), которые, по словам сэра Джона Боуринга, вели войны с помощью ядов и поджога. Скрытая природа микробов (клеток) и «первобытные» расовые черты усиливали веру в злоецие характеристики китайцев и увеличивали китайскую угрозу в глазах американских редакторов и их аудитории (С. 166).

Итак, американцы и китайцы начали знакомиться практически в конце XVIII — начале XIX века. До середины XIX века это происходило на китайской земле. Затем с середины XIX века последовали три десятилетия неограниченного переселения китайцев на берега Америки. В 1882 году конгресс США принял закон об исключении китайцев из числа допускавшихся в Америку, желательных в Америке иммигрантов. Очевидно, что XIX век оказался временем, когда впервые в истории встретились две нации: американцы как наиболее современная и китайцы как наиболее древняя. У каждой нации имелись свои твердые представления о себе самой, о внешнем или остальном мире, о своем месте в этом мире. Представления американцев и китайцев в момент встречи оказались несовместимы практически по всем параметрам. Становилось ясно, что предстоит длинный период взаимного узнавания, поисков понимания по тем или иным вопросам, представлявшим интерес, жизненно важным для каждой нации, а далее установления связей в разных областях и начала строительства доверия между этими двумя нациями. Этот процесс продолжается до сих пор.

Есть основания полагать, что даже должного или вполне достаточного взаимного знакомства и узнавания еще не произошло. Понимание возникает временно и по отдельным вопросам. Взаимопонимания, в сущности, пока нет.

Стороны ограничиваются декларациями с попытками выразить общие подходы к тому или иному вопросу. Китайская сторона отмечает, что у каждой из сторон есть свой язык, то есть свои термины, свои формулировки, в которые каждая сторона вкладывает свое содержание, свой смысл. Появляются и декларации о сотрудничестве. Доверия между сторонами также пока нет. В то же время стороны, каждая исходя исключительно из своих интересов и своей выгоды, устанавливают и развивают разнообразные двусторонние связи.

Такие связи существуют, приобретают широкомасштабный характер. Обе стороны имеют каждая свою глобальную стратегию и политику в том или ином регионе, по той или иной проблеме.

Здесь существует необходимость время от времени согласовывать действия сторон. Некоторые американцы озабочены вопросом о том, как складывался образ китайцев в Америке. При этом они подразумевают, что неблагоприятный образ китайцев в США — это результат предвзятости со стороны американцев.

Вероятно, что можно и так трактовать позицию американцев или части американцев, однако их опасения вызывались фактической стороной дела, а она складывается из разных вещей. Можно иметь в виду возможные преувеличения при толковании вопроса о негативном образе китайцев. Но принимать во внимание факты необходимо.

Здесь, если говорить об истории отношений, следует прислушиваться и к выводам профессора Миллера:

«Комментарии торговцев и миссионеров переплетаются с упоминаниями о китайской стагнации, рабстве, низкой ступени развития и грязи; однако именно взаимное переплетение этих концепций с популярными опасениями, озабоченностью и беспокойством, связанными с индустриализацией, рабством и гражданской войной, расовой ассимиляцией и болезнями, оказывалось решающим».

Так появился закон об исключении китайцев из числа иммигрантов.

ВОСТОК США

Говоря об истории взаимоотношений американцев и китайцев, необходимо принимать во внимание то, что на протяжении некоторого времени, всего первого столетия этих отношений есть основания говорить о том, что параллельно развивались отношения между американцами с востока США и китайцами и между американцами с запада США и китайцами. У каждого процесса были свои особенности.

В Америке среди историков обсуждался вопрос о том, как и почему так получилось, что если говорить о присутствии, поселении китайцев в США, то они сначала появились на Западном побережье Америки, на побережье Тихого океана, и на протяжении какого-то времени их не было на Восточном побережье Америки, на побережье Атлантического океана, но в конечном итоге образ китайцев, представление о китайцах стало единым в США, негативное отношение к переселенцам или иммигрантам из Китая стало общенациональным всеамериканским явлением.

Здесь приходилось говорить о том, что в связи с этим происходило на восточном берегу США. Речь шла о том, какой была реакция на восточном берегу на иммиграцию китайцев именно в эту часть США, то есть о периоде с 1850 по 1882 год.

Имея в виду эволюцию образа китайцев среди американцев вплоть до середины XIX века, можно почти предсказать определенную, хорошо определяемую реакцию на восточном берегу на ту новость, что иммигранты-китайцы прибывают в значительном количестве на западный берег. Некоторые создатели общественного мнения на востоке могли просто посмеиваться при мысли об этих нелепых человеческих особях в Новом Свете. «Вот уж действительно трудно представить себе великого и славного китайца», — в «Путнамс» разъярился в 1857 году некий писатель. «Есть что-то существенно смешное во всех этих причиндалах этих внеземных созданий (С. 167). Что до меня, то я думаю, я мог бы испытывать меньшее замешательство и относиться с большим успе-

хом в духе безразличия к скалящей зубы толпе стоящих в очереди, чтобы пожать руку на Бродвее самому настоящему джентльмену с косичкой из недр Африки (С. 167–168), чем я сделал бы это под воздействием какого бы то ни было импульса космополитической вежливости с Чу-Цзинь-Сингом из “Общества леса карандашей”». Вот это действительно взгляд ранних торговцев на Китай, их представление о китайцах; это побуждаемая добрыми намерениями насмешка, при которой отсутствуют и моральное негодование (возмущение), и уважение. С другой стороны, ответ Бэйярда Тейлора в 1855 году на огромную по масштабам китайскую иммиграцию был близок к представлениям о китайцах, ассоциируемых с представлениями миссионеров и дипломатов:

«Мое обдуманное мнение заключается в том, что китайцы в моральном отношении самые малоценные люди на лице Земли. Формы греха, которые в других странах лишь называются (о них лишь говорят), в Китае настолько общи (присущи всему обществу), что это не вызывает никаких рассуждений среди аборигенов. Они образуют всю поверхность, и ниже их, в глубине глубин, порок, развращенность, греховность настолько шокирующие и ужасные, что на их характер нельзя даже намекать. <...> Их прикосновение — это загрязнение, осквернение, поллюция, испорченные настолько, насколько это можно себе представить; справедливость по отношению к нашей собственной нации требует, чтобы им не было позволено укорениться на нашей почве» (С. 168).

К этому у некоторых американцев добавлялись представления о китайцах, унаследованные из историй о них, сложившихся в XVIII веке.

Другие люди с востока США проявляли ностальгию и видели китайцев как представителей благородной расы и великой цивилизации, которая в последнее время пострадала из-за стагнации, и применительно к этому иммигрант, возвратившийся из Америки, мог бы быть именно катализатором, необходимым для восстановления величия. Такими были чувства редактора «Норт америкен мискелэни» в 1852 году, и в этом была большая часть старого, прежнего, относящегося к XVIII веку уважения по отношению к китайцам, которое смягчалось опасениями относительно недавнего упадка и своего рода «социального разложения, гниения» (С. 168).

Почти немедленно в начале 1850-х годов были заметны две черты ответа редакторов на востоке на китайскую иммиграцию. Прежде всего редакторы газет в первую очередь заинтересованы в экономической ценности иммигрантов из Небесной империи. Нехватка рабочих рук и высокая зарплата затрудняли экономическое развитие Калифорнии, — говорили они. И китайцы могли бы стать на этой новой территории (новоприобретенной территории) на западе тем, чем кельты стали для востока и африканцы для юга (США). Это было наиболее грубо и прямо выражено в «Насьон» Годкиным, который объяснил, что главное достоинство этих китайских «варваров» состояло «в их пригодности для выполнения холопских обязанностей и в отсутствии у них социальных амбиций». И если это было «сильным ударом» по «социальным идеалам» Америки, то индустриализация быстро положила конец эре, когда рабочие были профессионалами высокого уровня и были способны двинуться вверх по социальной лестнице, — аргументировал свою позицию Годкин (С. 168).

В начале 1850-х годов две черты преобладали во мнении редакторов газет на Восточном побережье США.

С одной стороны, речь шла об экономической заинтересованности в иммигрантах из Китая, ибо в Калифорнии, то есть не на востоке, а на западе США столкнулись с нехваткой рабочих рук и с требованиями высокой зарплаты местными рабочими. Поэтому некоторые редакторы видели главное достоинство этих китайских «варваров» «в их пригодности для выполнения холопских обязанностей и в отсутствии у них социальных амбиций».

Многие редакторы пытались смягчить этот упор на эксплуатации и одновременно успокоить свои собственные опасения (умерить свои страхи) относительно постоянного холопского (обслуживающего) класса в Америке, делая ударение на том факте, что китаец не останется в стране, но возвратится в Китай, накопив достаточно денег, чтобы комфортно жить там (С. 168–169). При этом он не только возьмет с собой (в Китай) некоторый капитал, но также семена христианства и вкус к американским товарам. И таким образом это движение китайских рабочих туда и обратно через Тихий океан принесет и кратковременные, и долговременные выгоды для обеих наций. С точки зрения редактора из Милуоки, история совершила полный круг

в 1852 году, когда «знамя с крестом (знамя христианства) и знамя коммерции (торговли) выплатили Азии долг, который имелся за цивилизацией, изучая (учась) и очищая веру, избавляясь (очищаясь) от ошибок и религиозных предрассудков, которые принадлежат в определенной степени (мере) их азиатским корням (азиатскому оригиналу)». И действительно, иммигранты, возвращающиеся из Америки, принесут Китаю большее благо, чем Опиумная война, — заявляла «Нью-Йорк таймс» в 1852 году. Всякий, кто ставил под вопрос мудрость этого устройства, был в глазах Джеймса Гордона Беннета «свободным аборигеном (Аmericи), аболиционистом или хуже того» (С. 169).

Итак, первая черта ответа редакторов на иммиграцию китайцев в США состояла в подчеркивании экономической заинтересованности американцев именно в таких иммигрантах.

Чувствуя ущербность такого подхода, редакторы американских газет на востоке США делали упор на том, что китаец не останется в Америке, а, накопив денег, вернется в Китай. При этом он возьмет с собой не только немного денег, но и семена христианства и вкус к американским товарам. И таким образом движение китайских рабочих туда и обратно через Тихий океан принесет и кратковременные, и долговременные выгоды для обеих наций. Считалось, что иммигранты, возвращающиеся из Америки, принесут Китаю большее благо, чем Опиумная война. Так заявляла «Нью-Йорк таймс» в 1852 году. В целом все это было реакцией людей, которые сами еще не встретились и не столкнулись с китайцами. Это все еще был «взгляд издалека», «взгляд на расстоянии».

Вторая черта, немедленно ставшая очевидной для редакционного ответа востока США на китайскую иммиграцию, — это неприемлемость для общества (социальная неприемлемость) этих иммигрантов. Аргумент, заключавшийся в том, что они — это как бы перелетные птицы, подавался с упором на нем не только с тем, чтобы просто успокаивать, утешать страхи кастовой системы (системы привилегированных классов), но также исходя из соображений, связанных с культурой и вопросом о расах (С. 169).

Слово сказано: «социальная неприемлемость» или «неприемлемость для американского общества, для общества американцев».

У американцев как нации даже в те десятилетия XIX века, когда им еще не пришлось ощутить, что такое на практике сожительство на территории США с переселенцами из Китая, уже сложился негативный образ китайцев.

Конечно, какую-то роль при этом играло обычное желание людей той или иной страны «не допускать в свою среду чужаков».

Конечно, играли роль и представления американцев о себе как о людях, достигших высокой степени прогресса, смотревших на других людей как на тех, кто может и не вписаться в общество американцев, может не приспособиться к их среде.

Конечно, играли свою роль и предубеждения, даже предвзятость, в отношении таких «чужаков», как китайцы.

Наконец, история американцев сложилась таким образом, что для них сначала встал вопрос о том, как сожительствовать с неграми, а отсюда и вопрос о сожительстве людей разных рас. Однако негры оказались не чужаками, не пришельцами, не переселенцами, не иммигрантами, а одними из хозяев в американском доме. Исходя из этого, в Америке и пришлось решать этот вопрос. На это ушло около двухсот лет, но вопрос оказался решаемым. Общее согласие большинства американцев по этому вопросу получилось и имеется.

С прибытием китайцев к этому добавился прежде всего вопрос о сожительстве людей двух других рас: белых и желтых, американцев и китайцев.

Еще раз подчеркнем, что китайцы не были хозяевами в американском доме. Они были переселенцами, да еще и не по своей воле, а по воле тех, кто были хозяевами рабов, фактически рабовладельцами в Китае, и по воле американских деловых людей, которые хотели прежде всего и главным образом заполучить временную дешевую рабочую силу.

Это были не добровольные, а подневольные переселенцы.

В то же время и они оставались китайцами, и за ними высились их хозяева в самом Китае. Иначе говоря, американцам пришлось в случае с китайскими иммигрантами считаться и с теми, и с другими, то есть и с властями Китая, и с «людьми Китая», фактически остававшимися холопами своих китайских хозяев, холопами китайских властей.

Прибывавшие в Америку китайцы не были самостоятельными людьми, не были отдельными самостоятельными и самостоятельными людьми. Американцам тут сразу же пришлось столкнуться

не с каждым отдельным прибывавшим китайцем как с индивидуальностью, с человеческой личностью, а с «частицей Китая, нации Китая», частицей «государственного механизма Китая». Не случайно в самом тогдашнем Китае его власти именовали этих китайцев *Цин го жэнь* — «людьми государства Цин». Тем самым подчеркивалась их принадлежность этому государству, то, что они оставались собственностью этого государства.

Такой была сложная подоплека встречи американцев с китайцами на своей, американской земле. Китайские иммигранты прибывали в «чужой монастырь». Американцы ощутили, что китайцы прибыли пусть и со скрываемым, но «своим уставом».

И все-таки настороженное, негативное отношение к переселенцам из Китая в Америке, будь то ее западное или восточное побережье, не только возникало по всем упомянутым причинам, но и основывалось на национальном инстинкте выживания, самосохранения американцев, реагировавших на факты, рассказывавшие о китайцах, об их образе жизни и образе мышления.

Можно говорить о том, что принцип равенства людей должен восторжествовать и восторжествует. И это действительно так. Однако на этом пути придется обеим сторонам, и коренному населению США, то есть американцам, и пришельцам или переселенцам, то есть китайцам, согласовывать свои привычки, обычаи, нравственные и иные принципы и представления обо всех сторонах как личной, так и общественной жизни.

При этом американцы вполне естественно оказываются в положении обороняющихся, защищающихся. Китайцам прежде всего необходимо понять, что они тут, в Америке, не хозяева Поднебесной или такой ее части, как Америка, а гости, которым необходимо с уважением подчиняться правилам, существующим в Америке.

Отношение обычного американца к китайцам на восточном берегу Америки определялось в конечном счете инстинктивным проявлением чувства самосохранения, защиты себя как человеческой личности, защиты своих прав как человека и гражданина своей республики, как все это понимал тогда типичный американец, который жил на Атлантическом побережье США.

Неблагоприятный образ китайцев предшествовал их появлению в Америке (им в Америке), и лишь немногие редакторы могли рассматривать их как некое дополнение к плавильному котлу

страны. Жители Небесной империи были, помимо всего прочего, «полуварварским и тошнотворным (болезненным) народом» — так предостерегал «Грэхэмс мэгэзин» в 1854 году. Редакторы восточного побережья шумно требовали такого законодательства, которое бы предотвращало любую возможность того, чтобы китайцы могли становиться гражданами, и это происходило почти за два десятилетия до того, как сенат в 1870 году отказал им в праве на натурализацию. «Огромная масса тех, кто прибывает в качестве кули, — это язычники (варвары), рабы и в любом смысле деградировавшие», — объяснял «Нью-Йорк курьер» в 1854 году; и «никто из американцев» не захочет «поднимать этих язычников в ранг американского гражданина», хотя ценность их дешевого труда шла на пользу развитию западного побережья (С. 169).

С началом переселения китайцев в Америку в умах американцев возник вопрос о том, допустимо ли предоставлять им право становиться гражданами республики. В начале 1850-х годов редакторы газет на Восточном побережье США высказывались против этого.

Сам этот процесс имел две стадии или в нем можно выделять две вехи: в 1870 году сенат США отказал китайцам в праве на натурализацию, а в 1882 году был принят акт об исключении китайцев из числа желательных в Америке переселенцев туда.

Китайская иммиграция уже была «богатой (изобильной) темой частных разговоров» на востоке в 1854 году, судя по «Нью-Йорк трибьюн». Гораций Грили допускал существование «серьезных опасений (страхов)» относительно допуска таких людей в США (С. 169). «Китайцы нецивилизованны, нечисты и грязны настолько, что это выходит далеко за рамки всего возможного, они лишены каких бы то ни было высоких или благородных представлений о домашних (семейных) или общественных (социальных) отношениях; они похотливы и чувственны в своих склонностях; каждая женщина (Китая) — это проститутка в общем и целом», — заявлял Грили в 1854 году, за несколько десятилетий до того, как Керни и Сарджент выступили с такими же декларациями на углах улиц Сан-Франциско и в залах конгресса (С. 169–170). Грили также допускал (признавал), что китайцы были «трудолюбивыми людьми, терпеливыми (и терпимыми) в отношении несправедливостей (оскорблений)», что увеличива-

ет их экономическую ценность (ценность с точки зрения экономики). Однако только «христианская раса» или «любая из белых рас» приветствуется на постоянное жительство, — настаивал он, так как только они «ассимилируются с американцами (в среду американцев)». «Спасибо небесам», что калифорнийцы были готовы положить конец этому «поток» невежественных грязных идолопоклонников» с помощью «политики исключения», — подводила итоги редакционная статья.

Список жалоб (обид), составленный Грили, интересен с той точки зрения, что он датирован рано. Его обвинения в 1854 году в грязи, грехе, распутных извращениях, рабстве и даже «тайных обществах и тайных смертях» показывают, что такие пугающие характеристики китайцев намного старше на восточном берегу, чем в это верили. Они также демонстрируют эффективность сообщений торговцев, миссионеров и дипломатов в деле формирования неблагоприятного образа китайцев, без чего сообщения калифорнийцев о природе этой иммиграции никогда не вызвали бы такой симпатии в ответ на востоке. Действительно, некоторые из первых синофобских взрывов в восточных газетах возникли почти одновременно с такими же на западном берегу (С. 170).

Внимательное изучение содержания газетных статей профессором Миллером привело его к выводу о том, что фактически и не существовало различий между общим отношением к китайской иммиграции между жителями востока и запада США.

Очевидно, что торговцы, дипломаты и миссионеры задолго до принятия соответствующих законов относительно недопущения натурализации китайцев и исключения их из списка людей, допускаящихся в США, преуспели в создании в Америке в целом такого негативного образа китайцев, который стал почвой для общего негативного к ним отношения. Всеобщей стала уверенность в том, что сами американцы были «белой или христианской расой», вход в которую идолопоклонникам из Китая был запрещен.

Более того, эти страхи были также выражены редакторами, которые были строго привержены продолжению китайской иммиграции по экономическим причинам. Редактор «Нью-Йорк таймс» постоянно и настойчиво оправдывал использование китайских рабочих (китайского труда) на западном берегу, несмотря на свои серьезные оговорки относительно предполагавшихся

ся социальных и расовых опасностей, которые сюда вовлечены. В 1865 году редакционная статья на тему «Рост Соединенных Штатов благодаря эмиграции — эмиграции китайцев» в «Таймс» декларировала:

«В настоящее время мы решительно возражаем против разрешения какой бы то ни было широкой (экстенсивной) эмиграции китайцев или других азиатов в любую часть Соединенных Штатов. Есть и другие соображения, касающиеся благополучия нации, которые должны быть рассмотрены наряду с внезапным развитием материального благосостояния. Безопасность институтов свободы более важна, чем увеличение их (США) населения. Утверждение развивающегося национального характера имеет высшую ценность, чем просто рост физической силы. Доктор Драпер сам допускает, что вместе с кровью Востока (восточной кровью) с необходимостью придет мысль Востока и попытки внедрения привычек Востока; и он даже предвидел установление института полигамии в больших масштабах.<...> У нас четыре миллиона деградировавших негров на юге... и если осуществится прилив крови китайского населения — населения, оскверненного всеми социальными пороками, без каких бы то ни было знаний или признания институтов свободы или конституционных свобод, с языческими душами и языческими склонностями, чей характер, и привычки, и образ мышления, мыслей твердо зафиксированы с помощью консолидированного воздействия на протяжении столетий и столетий, тогда мы должны быть готовы сказать: прощайте республиканизм и демократия» (С. 170).

В 1865 году газета «Нью-Йорк таймс» со всей решительностью выступала против какой бы то ни было широкомасштабной эмиграции китайцев или других азиатов в любую часть Соединенных Штатов Америки. Очевидно, что к этому времени таким было сформировавшееся мнение большинства американцев.

Америка к этому времени ощутила, что становится страной, где явным предстает благополучие нации. И возникло чувство необходимости оберегать это благополучие. Можно пытаться осуждать американцев за это как за проявление национального эгоизма. Но думается, что каждый народ имеет право защищать плоды своего труда.

В свое время в Америке думали, что существует необходимость увеличения численности населения Соединенных Штатов.

Очевидно также, что такие мысли возникали, исходя из обширности территории США и необходимости заселять и осваивать ее.

Однако в середине XIX века в Америке уже созрело мнение о том, что искусственно увеличивать численность населения, поощрять и стимулировать переселение в Америку людей из любых других стран не только нет необходимости, но этого больше делать не следует.

Очевидно, что именно тогда в Америке возникло чувство, что размеры территории и населения в целом уже пришли в соответствие. И тогда встал вопрос о том, насколько однородным будет это население, если проявлять заботу о безопасности институтов свободы. Существование институтов свободы, поддержание этого существования, сохранение возможности такого существования начало становиться одним из главных, если не главным приоритетом во мнении американцев как нации.

Это не было расизмом, особенно имея в виду состав населения, национальный и расовый.

Это было новое чувство — ощущение свободы и желания сохранять понятие свободы в Америке и для американцев.

Отсюда возникала и забота о недопущении всего того, что могло наносить ущерб и благосостоянию американцев, и их свободе как нации. А одну из таких угроз видели в увеличении численности населения.

Иными словами, в Америке под давлением и материальных факторов, и духовных стремлений возникало ощущение необходимости допуска в США лишь тех, в ком Америка нуждалась, и тех, кто явно составил бы органическую часть американского общества.

С этой точки зрения и возникла мысль о том, что вместе с кровью Востока с необходимостью придет мысль Востока и попытка внедрения привычек Востока. В китайцах видели «кровь Востока», которая неотделима от «мысли Востока» и «привычек Востока».

«Мысль Востока», то есть прежде всего отношение к принципам, на которых было построено общество американцев, представлялась американцам неприемлемой. Неприемлемыми им представлялись и «привычки Востока».

Речь шла не о расизме, а о попытках защитить республиканизм и демократию США от вероятного нанесения ей ущерба китайцами, если они во множестве станут натурализовавшимися гражданами республики.

Итак, республиканский строй, демократическое общество против холопского принятия самовластия как вечной власти над людьми. Вот в чем было противоречие между взглядами противников и сторонников допуска китайцев в качестве переселенцев в Америку в середине XIX века.

За всем этим в Америке, очевидно, просвечивала и просто работа американцев о своем выживании, выживании как свободных людей, живущих в стране, где они являются хозяевами, а не холопами государства и остаются независимыми от каких бы то ни было иностранных господ.

По сути дела, эти редакторы стремились продолжать практику так долго, пока китайцы оставались в Калифорнии. Скалистые горы будут действовать (играть роль) в качестве природного (естественного) барьера, — надеялись они, — который будет держать кули в качестве плотины на берегу Тихого океана, где они будут в большей степени склонны вернуться в Китай, когда их экономические функции будут выполнены. Немногие из этих редакторов размышляли в терминах исключения до 1870 года. Если Грили сделал это в 1854 году, он менял свои мысли неоднократно на протяжении следующих двух десятилетий. Если американцы держали в уме только то, что (имели в виду лишь то, что) их страна была просто «временным пристанищем (домом)» для китайцев, они бы меньше беспокоились на сей счет, — рассуждала бостонская «Ивнинг тревеллер». Тем временем «Нью-Йорк таймс» предположила, что было бы разумнее (мудрее) со всей тщательностью отделить (сегрегировать) китайцев на западном берегу:

«Хотя они и являются терпеливыми и надежными работниками, они обладают такими характеристиками, которые глубоко врезались в них, которые делают их нежелательными в качестве нашего постоянного населения. Их религия никоим образом (целиком и полностью) не похожа на нашу. И они ядовиты и способны вонзить нож в спину. Обстоятельства потребуют большой благожелательности, что позволит им войти в наши семьи в качестве слуг и смешаться с ними в терминах равенства, что будет вне вопросов. Никакое улучшение расы не будет возможным результатом такого смешения» (С. 171).

Та же «Нью-Йорк таймс» в 1868 году с берегов Атлантического океана ставила вопросом следующим образом: китайцы тер-

пеливы и как работники надежны. Это предполагало возможность их использования, но при условии, что дело было бы только в этом.

Однако для китайцев характерно, то есть фактически неотделимо от их сущности то, что делает их нежелательными в качестве постоянных, то есть вечных частиц нашего населения. Китайцев нельзя допускать внутрь американского общества, позволять им становиться неотъемлемыми и равноправными частями американского общества — вот что имела в виду «Нью-Йорк таймс» в 1868 году.

Первым отличием китайцев от американцев при этом называли религию. Конечно, речь шла и о религии, но и глубже и шире: дело было в образе мыслей, в самих основах системы оценки человеком самого себя и общества.

Газета говорила также о том, что китайцы ядовиты и способны вонзить нож в спину.

Таким был настрой главной газеты демократического направления в США в 1868 году.

Газета также предвидела, что сосуществование с китайцами на территории США, если оно будет допущено, потребует от американцев большей благожелательности в отношении китайцев. И тогда китайцы войдут в американские семьи. Сначала в качестве слуг, обслуживающего персонала. Однако затем американцам не удастся избежать смешения с китайцами, исходя из американского понятия равенства людей.

Иными словами, благожелательность американцев, отношение их в принципе ко всем людям как имеющим равные права, все это естественно для американцев. Но это все приведет к внесению в американское общество, говоря языком того времени, в «американскую расу» такого элемента, который сделает невозможным никакое улучшение американского общества. Допуск китайцев в среду американцев как равноправных граждан США будет иметь своим следствием деградацию американского общества, «американской расы», то есть потерю твердости в отстаивании принципов республиканизма и демократии. Принципа свободы, уважения и неприкосновенности человеческой личности как того, что выше понятия государства и тем более самовластия. Вот в чем были коренные противоречия между американцами и китайцами, если говорить об отношении в Америке к китайцам-иммигрантам во второй половине XIX века.

Сообщения от корреспондентов в Калифорнии и в Китае относительно природы (природы) китайцев, однако, подрывали уверенность редакторов в разумности разрешения (допущения) китайцев, позволения им иметь даже (хотя бы) временный дом в США. Миссионер, который описал, как девочки в Китае превращают себя в проституток в возрасте четырех-пяти лет, спровоцировал редактора в Олбани, штат Нью-Йорк, сболтнуть, не подумав (выпалить): «Да можете ли вы представить себе, что что-либо хорошее (доброе) может исходить из такого места?» Однако, будучи вынужден пересмотреть дело, свою позицию по вопросу о китайской иммиграции, он снова вернулся к разумности мысли о перелетных птицах и уверил себя, что не будет такого результата, как постоянный ущерб (урон, вред). Один корреспондент в Калифорнии привел убедительную статистику заработной платы и выгод с той целью, чтобы продемонстрировать, что китайская иммиграция все еще была императивом для экономического процветания этого штата. Однако на следующий день он уступил и сказал, что грязь, болезни и буйная непристойность китайцев в их «гнездах возбуждения» были той ценой, которую Калифорния платит за этот дешевый труд. «Если бы не эти благословенные попутные ветры, — предостерегал он, — я убежден, что они бы уже давно породили чуму» (С. 171).

Такие сообщения были холодным душем для редакторов на восточном побережье и держали в живом состоянии дискуссию относительно китайской иммиграции (С. 171). Однако до 1870 года редакторы в общем и целом соглашались с Грили в том, что «выгоды тут решительно перевешивают зло» (С. 171–172).

Редакторы газет Восточного побережья США вплоть до 1870 года соглашались с мыслью о том, что «выгоды (от китайской иммиграции) тут решительно перевешивают зло». Для них, людей с востока США, речь шла в основном о ситуации где-то далеко на западе страны, в Калифорнии. Поэтому им было относительно легко соглашаться с тем, что эта иммиграция все еще была императивом для экономического процветания штата Калифорния.

Вместе с тем сообщения о природе китайцев подрывали уверенность редакторов газет на Восточном побережье США в разумности позволения китайцам иметь хотя бы временный дом в США. Они подчеркивали опасность грязи, болезней, «буйной непристойности китайцев в их гнездах возбуждения», проституции с малых

лет. Они успокаивали себя мыслью о китайцах как о перелетных птицах и о том, что постоянного ущерба от их пребывания в Америке не будет. Одним словом, дискуссия в 1850–1860-х годах была живой, мнения были разными, часто противоположными.

В этой редакционной статье выражалась уверенность в том, что самой мощной угрозой является громадное население Китая, которое может затопить нацию массой людей низшего по качеству типа, и в результате получится новая форма рабства прежде, чем конгресс окажется способен в законодательном порядке создать необходимые ограничения. «Но то, что до сих пор было ручейком, может раньше, чем это можно себе представить, превратиться в Ниагару, — предупреждал Грили, — бушующие (настроенные на свержение) миллионы вместо (нынешних) тысяч обрушатся на нас из громадного переполненного муравейника Китая и Индии с тем, чтобы покрыть не только наше тихоокеанское побережье, но и Великие озера и огромную манящую (приглашающую) долину Миссисипи. <...> И результатом этого будет... новое и специфичное крепостное право, которое, однако, будет мало чем отличаться, по сути дела, от старомодного рабства» (С. 172).

Все более беспокоящей становилась мысль об угрозе «затопления» Америки китайцами в случае, если этот «потоп» не будет во время остановлен в законодательном порядке, а этот ручеек может превратиться в Ниагарский водопад быстрее, чем это можно себе представить.

Речь шла не только об опасности появления океана людей «низшего по качеству типа», но и того, что они принесут с собой свою специфически китайскую форму рабства, которое выглядит как крепостничество, но, по сути дела, является именно рабством.

Итак, в Америке начинали все острее ощущать, что китайцы, в случае если не ограничить их переселение в США, представляют для американцев угрозу и из-за своей численности, и из-за того, что их образ мышления предполагает согласие с самовластием, с подчинением свободного человека государству, императору.

Вместе с общим оптимизмом относительно китайско-американского сотрудничества, который был порожден договором Берлингема в 1868 году, эти страхи уступили путь возобновлен-

ной уверенности в 1869 году в том, что китайская иммиграция может принести нации только выгоды. Сенатора Кэссерли из Калифорнии дискредитировали, назвав его «тем ирландцем, который не ведает ничего», несколько нью-йоркских редакторов за его атаки против китайских иммигрантов, хотя его суровая критика значительно отличалась (в сторону смягчения) от их собственных синофобских редакционных статей, появившихся всего годом ранее. Находясь в новом бодром настроении, редакторы с восточного побережья хотели позволить китайцам пересечь (преодолеть) Скалистые горы, свободно смешаться с кавказоидным населением (кавказоидной расой) и заняться сортоиспытаниями в духе дарвиновских законов естественногобора. «Если англосакс ниже (человек низкого уровня), то пришло время для него доказать, что он лучше; если же он выше, кем он определенно является, тогда все остальные расы, которые он абсорбирует в Америке, только помогут сделать применительно к низшим за него его работу», — хвасталась «Нью-Йорк таймс» в 1869 году. Но, даже будучи в самой большой уверенности, этот редактор не имел никакого намерения предложить (предоставить, дать) возможность участия в голосовании китайцам в борьбе с целью определить самого достойного. Поскольку жители Небесной империи были не знакомы с такого рода орудием (бюллетенем для голосования), было бы неподобающе предоставить им право голосовать, — объяснял он.

Будучи переполнен той же уверенностью, редактор бостонской газеты «Ивнинг транскрипт» уверял своих читателей, что «лишенный той силы и твердости морального плана (твердости характера)... китаец может приветствоваться как помощник (ассистент) в деле колонизации (при колонизации); у них (американцев) нет нужды бояться, выступая в качестве доминирующей расы будущего». Заголовок в «Олбани ивнинг джорнал» гласил: «Пусть китаец придет. Ему не обратить нас в язычество». Как самоуверенно выразил эту мысль Беннет: «Англосаксонская, кельто-американская или англо-американская расы никогда не были рождены для того, чтобы быть абсорбированы (поглощены, всосаны) черными или язычниками» (С. 172).

Отдельно и особо здесь необходимо обратить внимание на феномен Берлингема — американца, который и сам играл активную роль с американской стороны, фактически на какой-то момент оказавшись тем, кто в значительной степени определял политику

США в отношении Китая. И в то же время оказался тем, кого китайцы использовали в своих целях.

Берлингем был посланником США в Китае. Китайские власти доверили ему вести переговоры и подписать договор 1868 года между США и Великой Цинской империей о сотрудничестве между американцами и китайцами.

Китайцы при этом стремились создать у американцев впечатление о появлении общей благоприятной основы для развития американо-китайских отношений. В Китае даже подчеркивали, что этот договор отличался от договоров с европейскими странами.

На самом деле никаких существенных перемен в двусторонних американо-китайских отношениях не произошло. Более того, история с договором Берлингема явилась примером тактики китайских властей, которые таким путем вводили иностранцев в заблуждение относительно сути и главного стратегического направления своей политики.

В частности, здесь есть нечто сходное с тем, с помощью чего Мао Цзэдун стремился ввести в заблуждение СССР, согласившись на подписание Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи в феврале 1950 года.

Когда этот договор Берлингема был подписан в 1868 году, в Америке это вызвало появление и рост настроений, отражавших желание американцев развивать отношения и даже их веру в то, что США будут лучше других государств поняты в Китае.

Попутно возросла уверенность в том, что китайская иммиграция в США может принести американцам выгоды. Дело в том, что именно договор Берлингема открывал в договорно-правовом смысле дорогу для неограниченной иммиграции китайцев в США. Это была одна из главных целей китайской стороны.

По сути дела, тогда в США на какой-то момент возобладали настроения в пользу допуска китайских переселенцев в любую часть Соединенных Штатов. Во всяком случае, декларативно это было так или показалось, что это было так. Американские редакторы газет при этом видели в таком допущении китайцев возможность для англосаксов доказать свои преимущества перед всеми «остальными расами». Китайцам в США отводили роль помощника англосаксов в деле «колонизации» Северо-Американского континента. Звучали слова: «Пусть китаец придет», «Ему не обратить нас в язычество». Утверждалось, что китайцы не смогут ассимилировать или абсорбировать англосаксов.

Попутно можно отметить, что вопрос о том, кто кого способен ассимилировать, возник давно и до сих пор подспудно существует и в Китае, и в Америке.

При всем при этом, даже допуская временное переселение китайцев в США, редакторы американских газет отказывали китайцам в обретении ими права голоса при голосовании на выборах в США.

За исключением немногих первоначальных сомнений, выраженных в 1852 году, «Нью-Йорк геральд» выступила необычно настойчиво, продемонстрировав к 1869 году свою поддержку нелимитированной (не ограниченной по количеству) китайской иммиграции (С. 172–173). Главная забота Беннета была в том, что некие аболиционисты могли бы захотеть дать кули право голосовать. Он даже насмеялся над «радикалами, поклоняющимися неграм» в Калифорнии, говоря, что они, похоже, становятся следующими (будущими) жертвами того «политического и социального монстра», которого они сами и создали. В ситуации китайско-американского сотрудничества, обещанного договором Берлингема, оптимизм Беннета вырос беспредельно. Встретив китайца на Вест-стрит в Нью-Йорке, он был вдохновлен, и это подвигло его на спекуляции относительно власти над миром, которую Соединенные Штаты смогут произвести, извлечь из дешевизны труда (китайца): «Нашим словом (девизом) будет закон. Я американский гражданин — это будет предметом гордости, с которым ничто не сравнится с той поры, когда Рим был в зените своей славы». Однако Беннет высказался ясно и до конца в серии редакционных статей; он заявил там, что китайско-американское сотрудничество не будет сотрудничеством равных. Он предупреждал: «Будучи принятым в качестве свободного человека», китаец «в конечном счете станет тем, кто голосует». «Мы освободили африканцев и абсорбировали обоих: и кавказоидов, и тевтонов. Так что же грядет от азиатов или что будет с нашей расой при сожительство с монголами?» — спрашивал он. Беннет настаивал, что американцы должны зарубить себе на носу (иметь, держать в уме), что «только на таком элементе, как кавказоиды, мы можем надеяться создать такую империю, которую мир не видел еще никогда. <...> Китайцы могут быть очень хороши, но европейцы по крайней мере в десять раз лучше них» (С. 173).

В это время в Америке на какой-то миг действительно проявлялся необычайный оптимизм, когда речь шла о китайцах-иммигрантах. Считалось, что такую иммиграцию можно и нужно приветствовать. Более того, даже такие авторитетные журналисты, как Беннет, были тогда уверены в том, что китайца можно и допустить, и использовать в США. Эта уверенность зиждилась на мнении о том, что европейцы, то есть белые американцы, «в десять раз» лучше китайцев. Говорилось, что у американцев имеется возможность создать такую империю, какую мир не видел еще никогда. Речь шла о сотрудничестве американцев и китайцев, которое было начато договором Берлингема и которое и должно было привести к возникновению невиданной американской империи. При этом Беннет полагал, что сотрудничество американцев и китайцев не будет сотрудничеством равных. Он отводил китайцам лишь вспомогательную роль, роль того, кого американцы используют. Очевидно, что ему казалось, что китайцы просто-напросто могут помочь американцам создать свою американскую империю, подобных которой еще не было во всемирной истории.

За договором Берлингема, однако, последовала серия новых беспрецедентных и беспокоящих событий. 13 июля 1869 года состоялась конвенция производителей (предпринимателей) и плантаторов в Мемфисе, штат Теннесси, с целью эксплуатировать возможность использования труда (наемного труда) китайцев на хлопковых полях и на фабриках. «Комитет по транспортировке» сообщил, что кули имеются в достатке, лотами по 500 (человек) за 47 долларов 50 центов за голову, и могут быть доставлены судами куда угодно в США. С тем чтобы это не звучало уж слишком грубо коммерчески, доклад добавлял:

«Если Господь своим провидением открыл двери для представления монгольской расы на наши поля труда, то вместо того, чтобы отталкивать этот класс населения как язычников и идопоклонников, чье прикосновение разлагает и загрязняет, разве мы не должны проявить в большей степени дух христиан, будучи привержены ему, при явно ведущей роли провидения и в то время, как мы сами помогли бы себе тем физическим содействием, которым эти язычники способны снабдить нас, стараясь в то же время принести им возвышающее и спасающее влияние нашей святой религии, чтобы, таким образом, те, которые придут и будут на-

ходитья среди нас, при возвращении в свою собственную страну могли бы увезти с собой и распространять доброе семя» (С. 173).

Возникший тогда в Америке оптимизм основывался опять-таки на возникавшей у американцев мысли о своем исключительном, по их мнению, положении на планете Земля. Американцы были, в частности, ослеплены мыслью о великолепии своей религии, а фактически своей идеологии, которая представлялась им всепобеждающей, «всесильной потому, что единственно верной». И именно это идейное превосходство, обладание самой всеильной, по их мнению, религией, и побуждало американцев видеть в китайцах язычников и идолопоклонников, чье прикосновение разлагает и загрязняет, но которых есть возможность использовать, взять у них «физическое содействие» американцам, с которыми провидение (на стороне которых само провидение) и которые «в обмен» при такой сделке принесут китайцам «возвышающее и спасающее влияние нашей святой религии». При этом у таких американцев не было и тени сомнения в том, что они смогут и использовать дешевый труд китайцев (покупаемый «лотами по 55 /штук/ по 47 долларов 50 центов за голову» при доставке в любую точку США), и в то же время тогда, когда сами же американцы сочтут это необходимым, отправить китайцев обратно в Китай, да еще и с верой в то, что эти китайцы увезут с собой «доброе семя», посеянное в их душах американцами и их религией.

Система законов в Теннесси, однако, осталась непоколеблена (не убеждена) этими альтруистическими рассуждениями и немедленно запретила импорт китайских рабочих в штат голосованием 53 к 15 (С. 173–174). И немногие редакторы на севере видели этот план как что-то иное, чем коммерческое предприятие. Только Дана в «Нью-Йорк таймс» согласился, что было бы не по-христиански исключать «детей нашего общего отца» из (сферы) «его щедрот» (С. 174).

Принимая во внимание широко распространенную озабоченность относительно кули на юге, выразившуюся в 1867 году, имел место до удивления ограниченный протест в прессе относительно предложений в Мемфисе. Отсутствие сильной реакции явилось вне всяких сомнений функцией того оптимизма, который был порожден договором Берлингема. Как ни считай, а ясно, что большинство редакторов на востоке видели юг как место назна-

чения (доставки) этих кули. А потому даже прорабочая (пропрофсоюзная) газета «Нью-Йорк уорлд» была согласна с заменой негров на кули в Королевстве хлопка. «Это побудит свободного человека или голодать, или к соперничеству на производстве; и, таким образом, мы услышим меньше болтовни об избирательном праве и больше новостей о честной работе», — советовал редактор.

Стремление предотвратить использование американцами повсеместно труда китайцев соседствовало с попытками уничтожать вводимые новые станки (машины), в 1869 году настаивала «Нью-Йорк таймс».

Довольно странно, что Беннет присоединился к Грили в протесте против планов, заложенных в Мемфисе. Планов импортировать (завозить) кули в другие районы страны. Однако, в то время как «Трибьюн» с точки зрения нравственности и морали была в оппозиции всему тому, что напоминало новую форму рабства, «Геральд» чувствовала себя не в своей тарелке, когда речь шла о возможности того, что будущая гражданская война как раз сейчас и закладывается (делается). По крайней мере, «янки — торговцы рабами» могли доставлять на своих судах кули на юг «без того, чтобы запачкать свою безукоризненную совесть в вопросе о ниггерах», — глумился Беннет. Однако и Беннет также не чувствовал себя счастливым в вопросе о возможности того, что кули могут быть импортированы в восточную часть страны. Делегаты были «слишком красноречивы», прославляя Джона-чайнамена, — жаловался он. «Им слишком мало известно о нем, или они озабочены тем, чтобы, между прочим, в настоящий момент заполучить дешевых рабочих, причем вне зависимости от того, какими последствиями это может грозить стране». Пока Беннет размышлял обо всех следствиях конвенции в Мемфисе, он в первый раз с 1852 года пришел к выводу о том, что, возможно, никто из иммигрантов из Небесной империи не должен быть допущен (никому из них не должно быть позволено) эмигрировать в Соединенные Штаты: «Предубеждение против иммиграции китайцев может быть частично отнесено на счет того факта, что, несмотря на демонстративные материальные преимущества... не только пороки чайнамена, но и его явная неспособность морально совершенствоваться, его стереотипные привычки... и манифестируемая низшая стадия его политических и промышленных способностей оставляют все еще открытым вопрос, дол-

жен ли он быть поощрен или обескуражен» (С. 174). Однако, что типично, Беннет сам себе противоречил несколько недель спустя, когда он явно убедил себя в том, что плантации хлопка были главной целью делегатов в Мемфисе (С. 174–175). «Самбо (метис, потомок людей негритянской и индейской расы) должен решить: работать или голодать», — согласился он (С. 175).

Беннет в 1869 году, выражая свое мнение и, возможно, настроения других редакторов, с одной стороны, приходил к выводу о том, что никто из жителей Небесной империи не должен быть допущен в США: «Предубеждение против иммиграции китайцев может быть частично отнесено на счет того факта, что, несмотря на демонстративные материальные преимущества... не только пороки чайнамена, но и его явная неспособность морально совершенствоваться, его стереотипные привычки... и манифестируемая низшая стадия его политических и промышленных способностей оставляют все еще открытым вопрос о том, должен ли он быть поощрен или обескуражен».

При этом газеты особенно не возражали против «доставки» кули на юг, но были против их прибытия на восток Америки, опасаясь последствий.

Ввиду широко разрекламированных обсуждений в Мемфисе в 1869 году можно было ожидать, что восток (США) будет должным образом готов к импорту китайских рабочих в июне 1870 года с тем, чтобы они работали на обувной фабрике в Норт-Адамсе, штат Массачусетс. Публикации в сфере торговли, рассчитанные на производителей обуви, уже поместили сообщения о том, что кули будут использованы с тем, чтобы разбить монополию Курчавых. Длинная редакционная статья в «Нью-Йорк таймс» в марте выражала некоторую озабоченность неминуемым прибытием восточных (прибывавших с Востока, из Китая) контрактных рабочих в целый ряд пунктов на востоке (США). Сенсационный заголовок в апреле предостерегал: «Китайцы идут», и несколько газет в Массачусетсе описывали путь через страну жителей Небесной империи, направлявшихся на фабрику Келвина Сампсона в Норт-Адамс. Тем не менее, когда китайцы действительно материализовались в июне, это вызвало шквал гневных заголовков, эмоциональных редакционных статей и митингов с выражением решительного протеста в Бостоне, Нью-

Йорке, Филадельфии, Рочестре, Олбани, Трое, Астории, Нью-Арке и даже в Гамильтоне, штат Огайо.

Частично этот экзальтированный ответ (реакция) на семьдесят пять китайских рабочих в Норт-Адамсе был вызван сенсационным отношением к их прибытию и в дружественных, и во враждебных по отношению к ним газетах. «Они с нами! Жители Небесной империи с их миндалевидными глазами, длинными косами, редкой производительностью, быстрой адаптацией, высокой нравственностью и т. д.», — анонсировала их прибытие дружественная «Бостон коммонвелф». «Мы прибываем, Отец Миссисипи, сто тысяч сильных», — пел заголовок в еще не принявшей решения «Нью-Йорк геральд». «Рабство кули. Почему закон не запрещает импорт кули, за что выступал президент Грант», — кричал другой заголовок в «Нью-Йорк уорлд» (С. 175).

В июне 1870 года китайские рабочие были привезены на работу на обувную фабрику Келвина Сампсона в городе Норт-Адамсе в штате Массачусетс. Реакция на это была и приветственной, и негодующей.

Прибытие еще большего числа китайцев в сентябре 1870 года в прачечную в Бельвиле, Нью-Джерси, наряду с упорными слухами, что кули направляются на картофельные поля на Лонг-Айленде, в железнодорожную компанию в Мач-Чанк, Пенсильвания, и на фабрику сигар в Нью-Йорке, все это стимулировало ощущение кризиса среди профсоюзных лидеров и у тех жителей востока, которые ощущали расовое или культурное беспокойство относительно китайской эмиграции. Заголовок в «Нью-Йорк геральд» сжато описывал настроения: «Дешевый труд китайцев. И как же Нью-Джерси примет грядущую революцию. Люди с длинными косами из Страны цветов. Что же они творят и чем это грозит несчастным белым? Ку-клукс против палочек для еды — дилемма перед Бельвилем» (С. 175).

На митингах протеста их председателями были в основном профсоюзные лидеры и те публичные фигуры, которые симпатизировали профсоюзному движению. На одном «митинге с большим числом участников» в Бостоне «богохульство и самореклама были в высшей степени делающими честь американскому конгрессу», — высмеивала все это «Нью-Йорк геральд». Судья Каули получил «значительные аплодисменты», когда он «намекнул на то,

что китайцы должны быть выдворены силой», — писал Беннет, не соглашаясь с этой постановкой вопроса. Во время митинга в Нью-Йорке шериф О'Брайан лично предложил пять тысяч долларов «с той целью, чтобы воевать против кули». В Нью-Арке, Нью-Джерси, доктор Вейл использовал преимущества, предоставленные жестокостью китайцев в Тяньцзине, чтобы напомнить аудитории, что «китайская раса — это тот единственный народ, который поднял ножи, чтобы вонзить их в христианских миссионеров». Дженни Коллинз сказала толпе в Бостоне, что Келвин Сампсон является для людей труда тем, «кем Иуда является для христианства... тем, кем Джефферсон Дэвис был применительно к свободе для рабов».

Некоторые очень важные политические фигуры на северо-востоке также обращались к этим массовым митингам, в том числе генералы Баттлер и Бэнкс, сенатор — а вскоре собрат по выборам Гранта — Вильсон в Массачусетсе и Горацио Сеймур в Нью-Йорке, бывший губернатор этого штата и опора принципов (стандартов) демократической партии во время президентских выборов 1868 года. Сеймур выступил с заявлением на синофобском митинге в Рочестере, на котором осуждали импорт китайцев в США. Европейские иммигранты не «опрокидывают» американские обычаи или не приносят «странную кровь», — объяснял он. «Мы не позволили индейцам встать на пути нашей цивилизации, так почему же мы позволяем делать это китайским варварам?» — требовал ответа Сеймур. Майор Холл дезинформировал аудиторию в Нью-Йорке, заявив, что колония в Заливе в штате Массачусетс была первой, которая институировала рабство негров в Северной Америке, а в настоящее время она же является первой импортирующей китайцев, которые как раз и «снижают качество расы». Бен Баттлер и Йозеф Хоули публично обсуждали вопрос после провала законодательным органом в Массачусетсе принять ограничения против использования кули. Олбани тоже отверг предложение сенатора Твида поставить вне закона труд китайцев в Нью-Йорке. А в Вашингтоне преподобный Уильям Манген из Огайо предложил создать объединенный комитет конгресса с тем, чтобы «расследовать опасности», связанные с импортом китайцев «из перенаселенных грязных и узких улочек и домов, наполненных крысами, которых там порождают и которых там отлавливают, чтобы эти китайцы работали на крупных фабриках, производящих обувь».

Дело о Норт-Адамсе внесло смущение (путаницу, смуту) в ряды радикалов, — сардонически отметил Годкин (С. 176).

Он и сам был далеко не счастлив, когда речь шла о перспективах, но пришел к выводу о том, что закон спроса и предложения вскоре уменьшит численность прибывавших китайцев (С. 176–177). Физические и душевные страдания, вызванные вопросом о кули, вероятно, наилучшим образом вскрывают и показывают уклончивые доводы Венделла Филипса на страницах «Нашнл стандарт». Он был против китайских рабочих, исходя не из расистских принципов (основ), — объяснял Филипс, — но на том основании, что это не была «спонтанная (самопроизвольная и добровольная) иммиграция». Сампсон смог бы даже контролировать голоса, если бы они (китайцы) были отпущены на волю и им были предоставлены избирательные права, — предостерегал он. «Китайская иммиграция трудовых ресурсов — это чистой воды добро», — настаивал он, — но «импорт такого фрахта, как люди, — это чистой воды зло». Он продолжил, характеризуя китайцев как «терпеливых к боли, производительных, бережливых, изобретательных, исполненных достоинства и подчиняющихся законам (расой)», однако всего несколькими предложениями (высказываниями) ниже он комментировал, что «труд чайнамен (труд китайцев) дешев, потому что это варварский труд (труд варваров)».

В той же манере Расселл Конвел поворачивал и вертел вопрос о своей популярной книге о китайской иммиграции, не приходя ни к какой четкой, ясно заявленной позиции. И действительно было трудно избежать ощущения, что он выступал в пользу исключения китайцев. В то время как европейские иммигранты признавались, по крайней мере, частями американской системы, когда они прибывали, кули эмигрировали из таких социальных условий, которые очень сильно напоминали рабство, — аргументировал свою позицию Конвел. Они уже институировали (создали, узаконили на практике) рабство для женщин на западном берегу, и за этим последует еще худшее, — предрекал он. Цитируя работы миссионеров, Конвел утверждал, что национальный характер китайцев делал их абсолютно нежелательными в качестве иммигрантов. «Спесь, страх и коварство» были характерны для всех китайцев, — утверждал он. Однако низшие классы были также «непокорны и кровожадны». Всего несколькими страницами ранее он характеризовал китайцев как «робких и послушных» и «лишен-

ных активно проявляемой смелости», однако немногие американцы были последовательны при описании китайцев в это время. Заключительные страницы книги Конвела оставляют мало сомнений в том, что страна находилась в опасности, страшилась того, что ее наводнят подонки общества из Китая. На переплете книги был изображен китаец в одежде крестьянина на фоне слов «Мы приходим», и это могло быть предназначено лишь для того, чтобы воспламенять страхи американцев относительно вторжения азиатских орд (С. 177).

Большое влияние на американцев оказала появившаяся в 1871 году книга Конвела о китайской иммиграции «Почему и как». Конвел утверждал, что национальный характер китайцев делал их абсолютно нежелательными в качестве иммигрантов. «Спесь, страх и коварство» были характерны для всех китайцев; Америка находилась в опасности, она страшится того, что ее наводнят подонки общества из Китая, — утверждал Конвел. Беннет рекомендовал книгу Конвела как необходимое чтение для всех американцев.

И если Конвел неохотно формулировал свои выводы, его читатели поступали не так. В «Нью-Йорк геральд» шесть полных столбцов суммировали это и подавались под заголовками: «Эти язычники-китайцы. <...> Торговцы, продающие кули, и их жертвы. Кто несет ответственность за азиатское наводнение. Торговцы человеческой плотью». Беннет рекомендовал книгу Конвела как необходимое чтение для каждого американца, и представляется, что он сам пришел к своей позиции в результате прочтения этой книги. Конечно же, мнение Беннета не было очень стабильным (С. 177). Однако книга Конвела также спровоцировала первые сомнения у нескольких редакторов, которые последовательно поддерживали китайскую иммиграцию на основании экономической необходимости (С. 177–178). Эти редакторы, в общем, связывали аргументы в пользу исключения с вопросами об организованном труде, о демократической партии и об ирландцах — зачастую смешивая все три этих вопроса в одну кучу. Однако Конвел не впал ни в одну из этих категорий. И уважение его как автора и лектора увеличило влияние его книги о китайской иммиграции.

К 1870 году, однако, становилось все более трудно определять, классифицировать антикитайские настроения, связывая это с политическими или классовыми определениями. Редактор

«Спрингфилд републикен» выражал свой испуг относительно бывших друзей, которые примкнули к синофобскому лагерю. Объясняя вполне очевидный двухпартийный и общенациональный характер голосования в сенате с целью отвергнуть права натурализации для китайцев, бостонская газета «Ивнинг тревеллер» жаловалась, что слишком многие республиканцы «оказались во власти мысли о старой демократической «подкожной олигархии». Уильям Ллойд Гаррисон был «сильно удивлен» оппозицией по отношению к китайцам как к рабочим со стороны видных лидеров республиканской партии и бывших аболиционистов. На протяжении 1870-х годов он обменивался официальными посланиями с этими «радикалами-ренегатами», и в 1879 году он вступил в дуэль с чемпионом (главным борцом) за исключение с востока страны (США) Джеймсом Блэймом на страницах «Нью-Йорк трибьюн». Дебаты оказались в большей степени чем лишь немного внесшими смуту, однако из-за настойчивости Гаррисона использовать термины «рабство» и «расизм». А он взаимно заменял эти термины. Поэтому оппозиция китайской иммиграции в его глазах являлась «вопросом о рабстве снова и снова». В то время как его оппонент классифицировал китайских иммигрантов как рабов. Возможно, что спокойные тихие страхи Уильяма Каллена Брайанта были более типичны для вождей общественного мнения на востоке в 1870-х годах, чем крикливо заявлявшиеся позиции Баттлера, Блэйна, Уилсона, Гаррисона и Грили. Брайант отказался публично комментировать этот вопрос; однако, отвергая статью по китайцам, представленную в его журнал, он писал: «Мы должны быть обязаны иметь более тесные отношения с нашими братьями с косичками... Очень длинными, но я не созерцаю их с каким бы то ни было удовольствием; я предпочитаю кавказоидную расу. Негры среди нас — это источник беспокойства, и никто не знает, что еще может случиться как следствие взаимной ревности (подозрительности, зависти) рас». Редактор «Спрингфилд републикен» с готовностью уступал мнению о том, что никто не был особенно счастлив в связи с прибытием китайцев на восточный берег. Он описывал команду Сампсона как «головной отряд армии вторжения, состоящей из селестианцев (жителей Поднебесной империи) и которую видим с точки зрения Вендела Филипса, по отношению к которой испытывают великий страх все демократы и которую не особенно приветствует кто бы то ни было, за исключением жестокой необходимости» (С. 178).

Реакция редакторов на Норт-Адамс была смешанной, но в общем негативной, если судить по выборке — пятнадцати газетам, представлявшим Олбани, Итаку и Нью-Йорк в одноименном штате и Спрингфилд, Ньюверипорт и Бостон в Массачусетсе. Восемь из этих редакторов были явно возмущены акцией Сампсона, в то время как другая половина поддержала ее. Однако трое из тех, кто поддержал, делали это с экивоками, когда речь шла об открытой китайской иммиграции, и к концу 1870-х годов выражали значительную обеспокоенность относительно ее угрозы в плане культуры, подразумевая, что они примут некоторые ограничения на нее. Редактор «Олбани ивнинг джорнал» взволнованно боролся с «Итака обзервер» и «Олбани аргус», чьих «демократических» редакторов он обвинял в том, что они являлись расистами в китайском вопросе. Однако всего через четыре месяца этот редактор сам уступил расовым страхам относительно крупномасштабной (многочисленной) китайской иммиграции. В той же манере «Спрингфилд републикен» атаковала «Ньюберипорт геральд» и нью-йоркскую «Ивнинг пост» за смешивание вопроса о труде (о профсоюзах, о рабочих) с вопросами о расе.

Все три бостонские газеты приветствовали эксперимент в Норт-Адамсе, хотя редактор «Ивнинг транскрипт» признался, что испытывает некую неловкость относительно использования китайцев для срыва забастовок, что «носит потенциально несколько беспокоящий характер». «Исключительность, надменность и доминирование ассоциаций рабочих» приносятся в их среду, соглашался он. Однако он спрашивал, не смогут ли использоваться вместо этого «наши собственные штрейкбрехеры из Мэна». Было бы «немудро инкорпорировать такой элемент», как китайцы, в американское общество, — думал он. Менее чем через месяц тот же самый редактор, однако, упрекал «воинственных оппонентов китайской иммиграции», напоминая им, что «провидение не работает на основе восьмичасового рабочего дня». Несомненно, Господь имел в виду более высокую цель, принося такие низшие типы, как негры, китайцы и ирландцы, в страну, — предполагал он. Как бы там ни было, высшие американские институты производят на эти группы большее впечатление, чем они воздействуют на нашу культуру, — приходил он к доверительному выводу. Все три бостонских редактора вместе с их коллегами в Спрингфилде решительно выступали против профсоюзов и против ирландцев, и они видели

в акции Сампсона возможность нанести запоздавший удар по «Кудрявым» и «Патрикам».

Подобная же враждебность в отношении труда (в противоположность капиталу) и ирландцев была выражена в реакции «Нью-Йорк таймс» на Норт-Адамс (С. 179). За несколько месяцев до того, как прибыла сампсоновская команда селестианцев (китайцев), редактор расстраивался из-за того, что такого рода иммигранты не будут «свободны»; однако, когда они уже были в Массачусетсе, он пришел к выводу, что высокомерные (заносчивые) ирландские рабочие покинули своих нанимателей, не имея иного выхода (С. 179–180). Генерал Баттлер и «губернатор» Хоули допустили промах там, где дело касалось «принципов, которые подвергались обсуждению», — утверждал он, так как они игнорировали тот факт, что «Патрик» был «неряшлив» и «бесстыден (дерзок), а «Бидди» был плохим поваром. «Джон-чайнамен освобождает нас от старого бедствия домашней жизни». Было много рабочих мест для людей, готовых и желавших работать за «разумную плату», настаивала «Таймс» в другой статье относительно Норт-Адамса. Кроме того, вся эта истерия оказалась ненужной с той поры, как договор Берлингема не только предотвратил исключение китайцев (из числа иммигрантов), но также исключил получение гражданства для селестианцев, чего опасался любой и каждый. И как мог бы селестианец создавать угрозу республиканским институтам, — спрашивал редактор, — лишний раз насмехаясь над ирландцем, когда «он не остается достаточно долго для того и когда он не в достаточной степени цивилизован, чтобы питать очень живой интерес к натурализации, к митингам на предварительных выборах или к мистерии набивки урн для голосования?» Он действительно шел на уступку критикам Сампсона, их утверждению о том, что, однако же, рабство всегда было потенциальной угрозой» при импорте китайских рабочих, хотя он и отвергал настойчивую истерику «Нью-Йорк стар»: селестианцы в Норт-Адамсе были «самыми настоящими рабами».

Изначально «Нью-Йорк трибьюн» отвергала акцию Сампсона и предостерегала: новая форма рабства и создание новой гражданской войны — это могло бы быть следствиями. «Результаты введения этого элемента здесь (в Норт-Адамсе) похожи на то, чтобы быть очень плачевными, заслуживающими сожаления. Опасными для общества, в котором разрешается такая система труда». Спустя две недели другая редакционная статья

в «Трибьюн» разоружалась и признавала, что «мы никоим образом не ожидаем нынешний аспект этой иммиграции с чистым удовлетворением», поскольку она привела список культурных, расовых и популярных страхов в почти истерических тонах. Она писала, что «разбросанные попытки введения (интродукции) китайского труда (рабочей силы из китайцев) на южных плантациях и железных дорогах» также имеют место. Население Китая и частый голод в Китае также делают эту иммиграцию намного более опасной, чем ирландскую. «На каждого ирландца, готового и способного эмигрировать, есть целые команды китайцев. Любая легко приводимая в движение сила может внезапно обрушить их против нас тысячами из тех команд, которые ныне прибывают», — заключала редакционная статья.

Грили также отвел свою первую страницу, сделал ее доступной для писателей, чье осуждение китайской иммиграции вызвало строгую отповедь со стороны «Нью-Йорк таймс» за такой откровенный расизм. Одна такая статья Джона Суинтона предостерегала, что «монголианцы будут постепенно понемногу, по капле инкорпорировать себя в кровь и в жизнь (существование) страны». Имеется «громкое преобладание женщин в Массачусетсе», указывал Суинтон, в среду которых развращенные и распутные китайцы прибывают «со своими грязными и мертвящими пороками» (С. 180). Однако он оставил «иным прочим (другим) делать такого рода выводы, как им понравится», из этой пугающей ситуации (С. 180–181). В то время когда «Таймс» осуждала статью Суинтона как явно «расистскую», она провоцировала Грили на вывод (прийти к выводу), что «эта китайская проблема действительно один из самых серьезных вопросов века». Однако враждебность Грили по отношению к ирландцам также подогревала его позицию, направленную против кули, причем таким образом, что в ином случае он согласился, что китайцы могут «предоставить полную возможность для соперничества» ленивым ирландцам, которые и составляют «класс рабочих, которые более тираничны по отношению к нанимателям и менее умелы в своей профессиональной работе, чем кто-либо иной». Он также поместил статью на своей первой странице, в которой корреспондент предположил, что китайские иммигранты могут «превратиться в нижний слой американского общества и, таким образом, поднять каждый класс, находящийся над ними, на более высокий уровень».

Тон редакторских страниц в «Нью-Йорк уорлд» быстро поднялся до степени истерии в вопросе о Норт-Адамсе. Эти китайские рабочие не вернутся в Китай, что всем (каждому) представлялось определенным, — аргументировал редактор, — по той простой причине, что они были париями и в первую очередь именно поэтому покидали свою родину. В качестве иллюстрации он рассказывал, как некий селестианец, который получил образование в Йеле и даже научился читать Горация и переводить Эсхила, был подвергнут остракизму и осмеян в Китае. Китайские пороки подвергнут коррозии и разрушат американские институты, чем дольше китайцы будут оставаться, — предупреждал редактор (С. 181).

Это мнение отражало настроения многих людей в США.

«Полиандрию (многомужество) мы знаем как институт, присущий Востоку, хотя и не точно китайский институт, со всеми вытекающими из этого последствиями: фактической проституцией и явной бесплодностью», — добавлял он. Точные намерения этого противника гарема не ясны. Но они отражают его почти иррациональную встревоженность в связи с Норт-Адамсом. Спустя несколько дней он в значительной степени протрезвел, чтобы застенчиво, глуповато допустить, что его реакция была, пожалуй, выходящей за пределы разумного по отношению к немногочисленным кули, которые в действительности прибыли на обувную фабрику Сампсона. Однако он пояснил, что его озабоченность касалась прецедентов, имевших место в Норт-Адамсе. Если справедливые требования рабочих против труда кули были порождены его редакторскими эмоциями, это стоило того, — делал он свой вывод. «Уорлд» «была подвергнута насмешкам другими за противоречие позиции в пользу свободной торговли, требуя ограничить китайскую иммиграцию. Редакционная статья в ответ объясняла, что не было несовместимости этих двух позиций. Свободная торговля, аргументировал редактор, снабжала (общество) общину дешевыми товарами, в то время как иммиграция кули всего лишь набивала карманы Сампсонов и угрожала самой природе общества.

Чарльз Дана, который всего лишь годом ранее был в высшей степени альтруистом относительно благословения Господа в отношении Америки применительно ко всем прибывавшим, ныне су-

етился и возбуждался в связи с Норт-Адамсом в «Нью-Йорк сан» (С. 181).

В финале он разразился тирадой против тех, кто, «как и многие разумные американцы, рассматривает вопрос о том, будут или не будут миллионы варваров-азиатов внезапно принесены и размещены рядом с нами, как если бы это был просто-напросто чистой воды расчет в долларах и центах». И точно так же плохими, аргументировал Дана, были «люди сентиментальные (руководствующиеся исключительно чувствами)», которые хотели бы «принести к нам сюда весь мир (целый мир), с тем чтобы он разделил с нами преимущества нашей высшей (все превосходящей) цивилизации, и спасти их от варварства. А в итоге их благотворительности они окажутся перед ситуацией, когда американцы будут голодать и умирать с той целью, чтобы кто-то еще (все иные — прочие) мог бы толстеть и здороветь. Для них также один человек так же хорош, как и любой другой человек, а рождение, образование, мораль и интеллект (сила разума) не значат ничего». Дана пришел к заключению, что исключение китайцев было всего лишь «высшей справедливостью» для работающего люда (рабочих), и все те, кто находился в оппозиции к этому, не были «ни добрыми американцами, ни хорошими экономистами, ни добрыми филантропами и даже не были здравомыслящими людьми». С этого времени Дана выступал за ограничения иммиграции китайцев, если не за тотальное исключение их всегда.

Беннет выставил напоказ свое деятельное лобызание, дискутируя вопрос о Норт-Адамсе. Сначала его главной заботой была все та же озабоченность возможностью того, что новые аболиционисты будут угрожать новой гражданской войной в связи с вопросом о кули. Близкое родство Норт-Адамса с «домом аболиционизма» вызвало острые воспоминания у Беннета, что он и выразил в своем личном (интимном) стиле: «“Пуп земли” никогда не будет спокойным (не обретет покой), пока тупоголовый ниггер или пигтэйлд (косуносящий) кули будут обеспечены (снабжены) этим самым “неоценимым благом свободы” — правом голосовать на выборах». Однако Беннет решил, причем спустя всего несколько дней, что обувь по низкой цене, вероятно, стоит риска того, что некие аболиционисты снова предстанут неустрашимыми князьями древности, а в равной степени и каких бы то ни было культурных и расовых страхов, сопровождающих эту иммиграцию. Пережив «развращенного, безнадежного и жестокого (отврати-

тельного) африканца в своей среде», Беннет думал, что американское общество сможет справиться с чайнаменом (с китайцем). Находясь в настроении более сангвиническом в раздумьях о перспективах (о будущем), Беннет решил, что «(эти) кули» могут быть американскими «индусами», и, следовательно, «англосаксы (их раса)» будут совместно эксплуатировать «азиатскую» или «языческую расу».

Всего лишь через месяц Беннет, однако, был поражен сильными (ударными) сомнениями, и он превратился в того, кто более пессимистично видел китайскую иммиграцию: «Они — это такой народ (такие люди), который является нашим антиподом во всем том, что касается общества и интеллектуальной жизни; невозможно представить себе цивилизации в большей степени различающиеся и отличающиеся, чем наша и их цивилизация; эти цивилизации никогда не будут гармонично существовать одна бок о бок с другой. Будет конфликт и... еще и другие революции (кроме этой) в области взаимоотношений, касающихся труда (и капитала)» (С. 182). Серия редакционных статей о притонах для курения опиума, о похотливых женищинах, об ужасающей грязи (грязище) и о болезнях (заразных заболеваниях) в чайнатаунах Калифорнии спровоцировала Беннета на то, чтобы сболтнуть, не подумав, и выпалить: «Сравнительно с этими подлыми китайцами те отвратительные отбросы общества, которые явились в Нью-Йорк из самых отвратительных дыр в Европе, являются рафинированными и привлекательными людьми» (С. 182–183).

Здесь снова можно обратиться к позиции Беннета, весьма показательной для американского общества в то время.

Он выражал некие надежды на то, что американское общество может справиться с чайнаменом. Он думал, что эти «кули» могут быть «американскими индусами», что даст возможность англосаксам совместно эксплуатировать «азиатскую расу».

Он же приходил и к иным заключениям: «Они — это такие люди, которые являются нашим антиподом во всем том, что касается общества и интеллектуальной жизни; невозможно представить себе цивилизации, в большей степени различающиеся и отличающиеся, чем наша и их цивилизация; эти цивилизации никогда не будут гармонично сосуществовать одна бок о бок с другой. Будет конфликт... и еще другие революции в области взаимоотношений, касающихся труда». «Сравнительно с этими подлыми китайцами

те грязные отбросы общества, которые явились в Нью-Йорк из самых отвратительных дыр в Европе, являются рафинированными и привлекательными людьми».

К концу июля объявление о том, что Китай согласился замедлить свою иммиграцию с тем, чтобы успокоить американские страхи, оказалось достаточным, чтобы умиротворить Беннета. Он настаивал на том, что условия, выдвинутые Ведделом Филипсом, были благожелательно встречены (приняты), а Горацио Сеймур всего-навсего «бил мертвую лошадь». Однако два месяца спустя Беннет получил доклады из Калифорнии о том, что, как только эти кули овладевают знанием того, как вести торговлю обувью или сигарами, они сами начинают заниматься этим бизнесом. Как деловые люди, как предприниматели китайцы были более эффективны, чем американцы при эксплуатации труда кули. Эти расстраивающие новости, тревожащие новости, вкуче с книгой Конвела оказались достаточны для того, чтобы на постоянной основе побудить Беннета пойти в антикитайский лагерь, то есть занять позицию, более согласованную с его же этноцентричными и расистскими предрасположениями. Беннет предостерегал о том, что больше не было просто вопроса о «борьбе или противостоянии, конкуренции труда и капитала». «Если китайцы сначала заменили негров, а затем ирландцев, — спрашивал он, — то где этому конец?» «Вскоре мы сможем увидеть их занимающихся тем, что они будут строить наши суда и дома, рыть наши каналы, водить поезда трамваев в наших городах... и, таким образом, окажется, что китайский вопрос интересует все классы нашего общества (общины)... Потому что нет абсолютно никаких ограничений поставки рабочей силы с Востока (из Китая), за исключением водоизмещения судов и железных дорог в целях их транспортировки» (С. 183).

К концу июля 1870 года Китай согласился замедлить свою иммиграцию. Прежде всего это означает, что власти Китая, уже во времена Великой Цинской империи занимались вопросом о распространении китайцев по планете и проявляли заботу о защите того, что им представлялось правами китайцев за пределами Китая как подданных китайской империи, а затем Китайской Республики, так и китайцев по крови. Это зафиксировано и в современной Конституции КНР.

Все это также лишний раз свидетельствует о том, что действия Китая, властей Китая в отношении США, в отношении такого вопроса, как переселение китайцев в Америку, иммиграции китайцев в США, — это никоим образом не вопрос о решениях и действиях индивидуально отдельного человека, человеческой личности. Китаец, китайский человек оказывается при всей этой операции лишь инструментом, «винтиком», который используют власти Китая в своих планах, в своей стратегии. Практические действия осуществляют китайские предприниматели, делающие это, исходя из материальной выгоды для себя.

Это также свидетельствует о том, что иммиграция китайцев в Америку началась в 1850-х годах с их «ввоза» на Западное побережье США, на берега Тихого океана. Американцы, США как государство считали, что они просто используют дешевую китайскую рабочую силу, особенно при строительстве железных дорог, поэтому благожелательно отнеслись к иммиграции китайцев. Для американцев, для властей Америки только позже становилось ясно в той или иной мере, какие отрицательные последствия несет с собой эта китайская иммиграция.

Это проистекало из того факта, что Китай, его власти, а также служившие одновременно и своим, и государственным интересам предприниматели осуществляли эту иммиграцию, имея не только планы на ближайшее время и стремясь получить немедленную или скорую материальную выгоду, но и руководствуясь стратегическими замыслами.

Именно поэтому спустя столетие Дэн Сяопин в беседе с американцами говорил: «Вы говорите, что мы не выпускаем людей из Китая? Скажите, сколько вам надо людей? Сколько миллионов? Мы их вам пришлем».

Иммиграция китайцев в США, начавшаяся на Западном побережье Америки в 1850-х годах, а на Восточном побережье Америки в 1870 году, оказалась началом «великого похода» китайцев в Америку с целью ее освоения.

Американцы осознавали то, что действительно происходило, медленно и постепенно. Они были эгоистичны и высокомерны, заносчивы. Поэтому им казалось, что все это осуществляется «в одностороннем порядке» в том смысле, что только одна сторона, а именно американцы, решает вопрос о том, приглашать ли китайцев, «брать» ли их на работу в США, а также вопрос об их отправке обратно в Китай тогда, когда это решат те же американцы.

Оказалось, что все тут не так. Китайцы вовсе не были согласны выполнять тяжелую работу за гроши и затем отправляться обратно в Китай. Американцы скоро убедились в том, что китайцы стремятся укорениться в Америке:

«Как только эти кули овладевают знанием того, как вести торговлю обувью или сигарами, они сами начинают заниматься этим бизнесом. Как деловые люди, как предприниматели китайцы были более эффективны, чем американцы при эксплуатации труда кули».

Профессор Миллер пишет об «антикитайской» позиции Беннета, о его «этноцентристских и расистских предположениях».

Конечно, можно и с этой стороны рассматривать взгляды того или иного редактора американской газеты. В то же время нет оснований отдавать властям Китая исключительное право выступать от имени «всего Китая». Здесь важно объективно оценивать действия и декларации властей Китая.

Вопрос этот сложен и многосторонен. Именно по этой причине Беннет и предостерегал о том, что больше не было просто вопроса о «борьбе или противостоянии, конкуренции труда и капитала».

«Если китайцы сначала заменили негров, а затем ирландцев, — спрашивал он, — то где этому конец?» «Вскоре мы сможем увидеть их занимающихся тем, что они будут строить наши суда и дома, рыть наши каналы, водить поезда трамваев в наших городах... и, таким образом, окажется, что китайский вопрос интересует все классы нашего общества... Потому что нет абсолютно никаких ограничений поставки рабочей силы с Востока (восточной рабочей силы), за исключением водоизмещения судов и железных дорог в целях их транспортировки».

Времена меняются, но суть вопроса остается. Речь идет о праве людей Америки защищать то, что им представляется главным: политическую и экономическую свободу, права человека, конституцию и законы Америки.

Тревога Беннета относительно той новости, что китайские кули развивали дух предпринимательства, ни в коем случае не была единичной. Несколько редакторов на востоке страны обсуждали это с определенным возбуждением, возможно, по той причине, что такой поворот событий был столь неожиданным. Реакция в редакторских статьях была сильнее в тех газетах, которые продолжали поддерживать иммиграцию китайцев. Например, «Нью-Йорк таймс» опубликовала серию редакционных статей

по вопросу об острой практической проблеме, о тех кули, которые работали только с тем, чтобы научиться тому, как торговать, и оставляли своих прежних боссов в стороне от бизнеса с помощью нечестной конкуренции. «Наниматели с каждым днем чувствуют все большее отвращение к этим злополучным монголоидам... отвращение к тому, что этот (предположительно) индивид, честно отслуживший срок контракта, теперь хочет повернуть свое умение для участия в производстве товаров к своей собственной выгоде» (С. 183). Этот редактор был, по крайней мере, в достаточной степени честен, чтобы признать, что такого рода предпринимательская инициатива была наилучшей американской традицией, добавляя: «Такая цель вне сомнений может быть обнаружена, если оппозиция будет действовать в “законной” манере, однако если законное положение Джона-китайца не вполне ясно, он начинает в таких громадных масштабах продавать товары дешевле своего бывшего нанимателя, что этот последний с большой скоростью теряет значительную часть своей клиентуры» (С. 183–184). В таком климате мнений даже свободная экономика оказывается чуждой американским обычаям и понятиям во всем том, что касалось китайцев (С. 184).

На практике оказывалось, что обстановка складывалась совсем не так, как предполагали и надеялись американцы.

Китайцы обосновывались в Америке не временно и не с тем, чтобы, накопив денег, отработав контрактное время, возвратиться в Китай, а с тем, чтобы практически навсегда закрепиться в Америке, создать свой бизнес и помогать своим родственникам, а в дальнейшем и китайскому государству. Одним словом, китаец-иммигрант превращался в постоянного жителя Америки, укоренялся в Америке и действовал к своей выгоде и выгоде для Китая.

Распространенной становилась такая практика, когда китаец, честно отслуживший срок контракта, хотел повернуть свое умение для участия в производстве товаров к своей собственной выгоде.

Можно было считать, что такая предпринимательская инициатива была наилучшей американской традицией. Однако дело было в том, что такой Джон-чайнамен (Джон-китаец) начинал в этих случаях в громадных масштабах продавать товары дешевле своего бывшего нанимателя, который быстро терял значительную часть своей клиентуры. В такой ситуации даже свободная экономика

оказывалась чуждой американским обычаям и понятиям во всем том, что касалось китайцев.

Иными словами, китаец-иммигрант действовал по-своему, использовал возможности, предоставлявшиеся американскими правилами, но превращал все это в предприятие, которое приносило выгоду ему самому, его семье, его китайскому государству, но не Америке. Иностраный китайский пришлый элемент поселялся в «американском доме» и превращался в своего рода «жучка-короеда». Здесь также просвечивало начало деятельности, которая именуется демпингом.

К 1875 году достаточное число китайцев прибыли на восточное побережье с тем, чтобы основать миниатюрные чайнатауны в Нью-Йорке, Бостоне и Филадельфии. На протяжении почти целого столетия до этого тонкая струйка китайцев нашла себе дорогу в восточную часть Соединенных Штатов. Первая группа прибыла в Балтимор как часть команды судна «Паллас» в 1785 году и провела там зиму в качестве людей, охраняемых в городе Филадельфии, прежде чем их отправили обратно домой. Китайские моряки, фокусники, циркачи и студенты проникали в города восточного побережья на протяжении всего XIX столетия. В 1836 году волнующие сообщения о «богослужении идолам на Черри-стрит» привели к тому, что репортер «Нью-Йорк таймс» занялся расследованием, и оказалось, что китайское поселение там состоит из 150 человек. Это были по большей части матросы под предводительством лидера, которого якобы звали «господин Чимпо Аппо». Проводивший расследование, бравший интервью корреспондент был разочарован тем, что не было найдено никаких идолов и только «различные китайские орнаменты, которые нежелательны». На самом деле мистер Аппо был священником методистской церкви, который предложил свои услуги в качестве миссионера китайцам в Нью-Йорке. Также сообщалось, что китайцы жили «по-братски», не наслаждались по праздникам блюдами из крыс и собак и не курили опиум. И иной раз женились на ирландских леди. В то время как вопросы, которые задавал репортер, отражали популярный стереотип китайца, само сообщение, которое было представлено, было по большей части проявлением типичного дружественного любопытства, в нем приветствовались эти ранние прибытия из Китая на восточный берег (С. 184).

Освоение китайцами Северо-Американского континента, их иммиграция или переселение на западный берег Атлантики, то есть в восточную часть США, фактически началось с момента образования такого государства, как Соединенные Штаты Америки. Сначала китайцев было немного. Американцы относились к сообщениям о них с любопытством. Но никакого вопроса о китайцах тогда не возникало.

Через сто лет, к 1875 году, в Нью-Йорке, Бостоне и Филадельфии появились пока миниатюрные чайнатауны. Все это говорило о том, что китайский «великий поход» на восток, в Америку, в том числе и в ее восточную часть, начался с момента создания США и так и не прекращается до сих пор. При этом китайцы в больших городах создавали свои собственные «города в городах», чайнатауны. Это были и «опорные базы» упомянутого «великого похода», и показатели того, что китайцы оставались и остаются «людьми своего китайского государства». Это также говорило о том, что китайцы никуда не собирались уезжать из освоенных ими мест проживания в Америке. Они не чувствовали себя и не были «перелетными птицами» или «временными переселенцами».

Спустя семнадцать лет «Нью-Йорк таймс» напечатала другую целую страницу — сообщение о чайнатауне в городе Нью-Йорке, население которого выросло приблизительно до 500 человек. По контрасту с прежним описанием история в 1873 году описывала натурализовавшихся иностранцев, которые непрерывно и постоянно играли в азартные игры, пожирали грызунов, жили в грязи и поклонялись отвратительным идолам. «В самом центре, посередине такого величественного христианского города, как Нью-Йорк, посередине театра последней встречи евангелического альянса, и это очень странно, но, тем не менее, это правда, существует пристанище для идолов». В статье подразумевалось, что имеет место еще большая практика поклонения идолам: «В ответ на вопрос корреспондента о “красивой, однако убого одетой малолетней белой девушке”», находившейся в опиумном притоне, его владелец «ответствовал с ужасающей интонацией короля Лира: “О, какие трудные времена в Нью-Йорке. Молоденькие девушки голодны. Многие приходят сюда. У китайца всегда есть какая-нибудь еда, и китаец любит молодых белых девушек. Хе, хе”». Читателя предостерегали, что это не пустое хвастовство; много белых девушек завлекается в эти опиумные притоны (С. 184).

Колония китайцев, прежде всего в Нью-Йорке, постоянно численно увеличивалась. Китайцы привезли с собой и сохраняли многие свои привычки и обычаи. Общение китайцев с американцами становилось более плотным. Возникали все новые те или иные вопросы. В том числе и об использовавшейся и поощрявшейся китайцами проституции белых американок.

Вера в то, что китаец развращает сексуальных проституток, ныне твердо внедрена в умы американцев (С. 184–185). «Скрайбнерс» в 1876 году в статье о китайских слугах предупреддала: «Вне зависимости от того, насколько хорошим может быть китаец, леди никогда не оставляют своих детей с ними, особенно маленьких девочек». Спустя три года Элбридж Герри обратился к президенту от имени Нью-Йоркского общества предотвращения жестокости по отношению к детям с просьбой-посланием вмешаться в дела в Китае с целью спасти детей некоторых потерпевших поражение повстанцев, которых должны были отдать солдатам «в целях и для осуществления практики, которая, к несчастью, слишком обычна на Востоке, но о которой лорд Кок говорил, что она “недостойна того, чтобы ее называть в среде христиан”».

Отсутствие китайских женщин среди китайских рабочих, которые прибывали на восточный берег в 1870-х годах, увеличило эти сексуальные страхи. Бостонский редактор перечислял неудобные шутки, ходившие повсюду в городе: «Будут ли китайцы брать в жены?» А «Нью-Йорк трибьюн» намекала на пугающие последствия для девиц кавказоидной расы в Массачусетсе. Когда некоторые китайцы присутствовали на занятиях в воскресной школе, пошли слухи о том, что они руководствовались вовсе не каким бы то ни было интересом к христианской религии, а в лучшем случае желанием учить английский язык, а в худшем — совращать, обольщать своих белых учительниц. Одна такая учительница, которая, как представляется, избежала опыта повреждения своей нетронутости, имела «свое здоровье надломленным» из-за запаха ее учеников-китайцев; это еще одна миссионер-мученица. Когда некоторые селестианцы женились на своих учительницах из воскресной школы, это вызвало скандал в нескольких приходах (церквях). Отец одной из невест настаивал на том, что его дочь была опоена наркотиками ее ухажером.

Страх перед китайскими прачечными как местом тайных встреч с дьяволом на западном берегу, упоминавшийся Оскаром Хэндлином, ни в коей мере не отсутствовал в других районах страны, что он подразумевал. В 1889 году китайская прачечная в Милуоки, Висконсин, была разрушена толпой из двух тысяч разъяренных хулиганов, после того как ее два владельца были обвинены в изнасиловании более 20 молодых белых девочек в возрасте от 9 до 18 лет в задней комнате. Такие случаи провоцировали появление сенсационных историй в прессе на востоке США. Под заголовком «Два монгола-минотавра — шокирующее совращение девственниц!» газета «Нью-Йорк уорлд» рассказала в деталях о показаниях молодых жертв в суде. В Бруклине две семнадцатилетние проститутки Лиззи Кэн и Минни Бреннан заявили, что китайские работники прачечной угрозами заставили их начать их «постыдную жизнь» в самом нежном возрасте. Миссис Бреннан попыталась задушить ближайшего к ней китайского наблюдателя в суде, когда она услышала об этом, а мистер Кэн угрожал отомстить всем китайцам (С. 185). Страх относительно совращения проституток китайскими иммигрантами внутри и вне их прачечных не был порожден в Калифорнии и не был ограничен этим штатом (С. 185–186). Его истоки было бы более точно искать у протестантских миссионеров в Китае и в описаниях китайцев, которые можно найти в американских журналах до прибытия первых иммигрантов. Мириады сообщений, которые поступали из Калифорнии после 1852 года, просто подтверждают и усиливают эту характеристику поведения китайцев (С. 186).

Сожительство людей разных национальностей на нашей планете неизбежно. Тем более в условиях, когда одни мужчины-китайцы, как в данном случае в Америке, оказываются среди американцев, людей других национальностей, в другой стране. Здесь возможно всякое. Для того чтобы все это «пришло в норму», не вызывало необоснованных подозрений или справедливых нареканий, должно пройти много времени, и тут приходится приложить много усилий.

Снапльвом китайских иммигрантов газеты в Нью-Йорке начали сообщать о темных делишках, которые творятся в китайском квартале этого города. Празднование китайского Нового года, которое с той поры стало таким привлекательным для жите-

лей Нью-Йорка, спровоцировало появление заголовка в 1874 году: «Поклонение идолам на Бакстер-стрит — празднество и курение опиума — великий идол “Фо”». Китайские похороны, банкеты и пикники стали поводом для дополнительных неблагоприятных репортажей. Даже китайское празднование в подвале пресвитерианской церкви на Спринг-стрит стало предметом подозрений и спекуляций. И, конечно же, имели место частые сообщения очевидцев о поедании китайцами соседских собак и кошек в дополнение к предполагавшейся диете из крыс. К 1883 году некоторые лидеры на Мотт-стрит угрожали судебными процессами за такую клевету. В 1876 году Беннет предупредил, что распространение китайцев по всей стране представляет собой серьезную угрозу «высшим интересам общества и цивилизации». Беннет в особенности любил медицинские метафоры и объяснял, что «проказа приходит в страну с каждым судном из Китая, и она будет заражать и разлагать не только политический организм, но святое для общества и святыни религии» (С. 186).

В целом происходил процесс, в ходе которого американцы так или иначе постепенно добивались того, чтобы китайцы-иммигранты соблюдали «американские правила и обычаи». Китайцы тоже так или иначе начинали приспособляться к жизни в Америке.

И в то же время общее настроение американцев оставалось тревожным, особенно чуткие из них прямо выражали опасения за состояние и судьбу «политического организма», «общественных и религиозных святынь» в США.

«Нью-Йорк таймс» была одной из немногих ежедневных газет, оставшихся на востоке, которая все еще выступала в поддержку абсолютно нелимитированной китайской иммиграции после 1875 года. Защита ею китайских иммигрантов носила немного левый характер, однако приводился довод, что «Джон» был лучшим дополнением к нашему обществу, чем «Падди», на это намекали в саркастической статье. Например, «Таймс» соглашалась, что китайцы были ужасно «деградировавшими», наблюдая один из их пикников в Бельвиле, Нью-Джерси. Во время пикника «ничто более крепкое, чем чай», не смочило их «тушеное собачье мясо». И даже тогда во время фейерверка виски не коснулось их губ, и ни один селестианец не был побит, насмехаясь, жаловался

редактор (С. 186). «Они время от времени дергали друг друга за косички совершенно добродушно и с тем, чтобы вызвать отвращение у каждого цивилизованного наблюдателя, который видит в этом прекрасную возможность оживления бунтов, от которых они отказались» (С. 186–187). Однако каждый знал, насколько «умельными подражателями» были эти «варвары»; читатели были уверены в том, что «Джон» вскоре научится напиваться допьяна и бить свою жену между двумя драками, и «мы сможем почувствовать, что пример цивилизации не полностью был напрасным». Нет необходимости говорить о том, что такого рода сарказм не был утрачен по отношению к ирландцам. «Нью-Йорк таймс» не полюбила ни китайцев, ни редакторов ирландских газет в городе (С. 187).

Газета «Нью-Йорк таймс» практически почти всегда была и оставалась наиболее уважаемым печатным органом. Демократическая партия США, многие образованные люди на востоке Америки даже после 1875 года выступали за нелимитированную иммиграцию китайцев. При этом играли свою роль антиирландские настроения. Китайцев сравнивали с ирландскими иммигрантами и приходили к выводу, что китайцы лучше ирландцев. Однако в этом находило выражение давно сформировавшееся негативное отношение к ирландцам, а также то, что с китайцами американцам еще предстояло встретиться и познакомиться на своей земле гораздо ближе.

Даже благожелательно настроенные американцы испытывали трудности в условиях нараставших контактов с китайцами. Когда китайский комиссионер (представитель) обосновался в резиденции в Провиденсе в 1877 году со своей женой и свояченицей, авторитетные граждане преисполнились решимости продемонстрировать, что у них нет никаких вульгарных предрассудков, присущих их соотечественникам где бы то ни было. Они призвали к порядку местного священника за то, что он обратился к уважаемым визитерам как к «язычникам». Чиновник Небесной империи добродушно принял их подарок — клетку для попугаев, однако с некоторым негодованием отнесся к предложению взять пристанских крыс. Рождение первого ребенка комиссионера ожидалось с нетерпением, но когда его свояченица обернулась «второй женой» и четыре месяца спустя тоже произвела на свет сына,

добрые люди из Провиденса ужаснулись, осознав, что полигамия практикуется в их христианском городе.

Параллельный случай касался китайского философа Ван Цин Фу, который прибыл в 1874 году и имел наглость думать, что он сможет обратить бостонцев и ньюйоркцев в буддизм. В серии лекций он жестоко критиковал американских миссионеров, которых он обвинял в том, что они рисовали фальшивую картину «китайской деградации, аморальности, идолопоклонства» с целью выжать больше денег из американского народа. «Язычник среди нас. Его ужасные еретические взгляды на христианские миссии в Китае» — такой заголовок возмущенная «Нью-Йорк уорлд» предпослала рассказу о Ван Цин Фу. И даже более космополитично настроенный редактор «Нью-Йорк таймс», который тепло приветствовал китайского философа в 1874 году, теперь, то есть в 1877 году, ощутил, что с него хватит «задабривающих» ремарок касательно христианства и христианских миссионеров (С. 187).

При ближайшем знакомстве американцам оказалось трудно, а фактически невозможно примириться с тем, что было обычным в Китае, то есть с тем, что богатый и занимавший важный пост китаец считал нормальным, будучи в США, фактически иметь и жену, и наложницу, а также детей и от жены, и от наложницы.

Американцам также пришлось столкнуться с тем, что китаец мог позволить себе, находясь в Америке, осуждать американских миссионеров-протестантов, которых в США видели как праведников, несущих в Китай «слово Божие».

В 1876 году доклад объединенного комитета конгресса, направленного в Калифорнию с целью исследовать проблему китайцев, получил большое распространение в американской прессе (С. 187). Хотя на 1200 или более того страницах показаний, включенных в доклад, содержалось несколько одобрительных отзывов бизнесменов и проповедников о китайской иммиграции, подавляющая часть доклада состояла из враждебных показаний адвокатов, судей, врачей, журналистов, профсоюзных лидеров и самозванных социологов, которые повторяли все негативные темы, которые развивались к тому времени (С. 187–188). И это вряд ли могло быть иначе. Сенатор Оливер Мортон был слишком болен, чтобы совершить поездку на западный берег, и уступил свое председа-

тельское кресло сенатору Сардженту от Калифорнии, которого поддерживал Пайпер из того же штата и Купер из Теннесси, после того как Мид и Вильсон из Нью-Йорка и Айовы соответственно вышли из комитета.

Несмотря на состав комитета, предубеждения (предрассудки) и истерическую чепуху, содержащуюся в докладе, редакторы с восточного побережья отнесли к докладу с большим уважением, чем он того заслуживал. Доклад комитета (комиссии) фактически провоцировал первые сомнения, появившиеся в «Нью-Йорк таймс» с 1873 года, относительно разумности продолжающейся иммиграции из Китая. «Можно допустить, что китайские иммигранты в целом нежелательны и что их прибытие — это несчастье», — признавался редактор. Другие редакторы отвечали на этот доклад требованием немедленных действий с тем, чтобы избавить страну от такого социального зла, хотя Беннет предостерегал (проявлял осторожность), советуя правительству (властям) создать лекарство, которое бы «защищало нас от притока (наплыва, вторжения, вливания) полуварваров-китайцев, не теряя при этом возрастающие преимущества (выгоды, пользу) от нашей торговли с Китаем». Редакционные статьи и статьи в журналах относительно проведенного конгрессом исследования китайцев в Калифорнии носили такие заголовки, как «Азиатское вторжение» и «Монгольская проблема», и редактор «Нью-Йорк уорлд» заявил, что он «содрогается от последствий этого вторжения». Беннет просил своих читателей и членов конгресса прочесть «вызывающие отвращение детали» этого доклада очень внимательно. Это снабжает американцев, утверждал он, «аутентичной и неопровержимой правдой относительно того, что столь часто соотносится со свинством, гадостью, грязью, нищетой, убожеством, проказой, венерическими заболеваниями; беззаконием, клятвопреступлением, вероломством и насилием; разложением молодежи и несправедливостью в отношении рабочего класса, что делает китайский квартал Сан-Франциско громадной раковой опухолью, которая пожирает мораль страны». Конгресс должен действовать, реагируя на этот доклад, заявлял Беннет, или «нести позор за увиливание от полноты ответственности». И даже более трезвая «Нью-Йорк таймс» озаглавила рассказ о докладе объединенного комитета конгресса о китайской иммиграции, когда он был опубликован в окончательной редакции, следующим образом: «Безнравственность слишком ужасная, чтобы

даже быть упомянутой — множество фактов, выводящих из себя». Редактор приходил к выводу, что «с точки зрения морали нет расы ариев, или европейской расы, которая не была бы намного выше китайцев как класса». «Безопасность государства» зовет к некоторым действиям, решил он (С. 188).

В 1876 году появился доклад объединенного комитета конгресса США, который был направлен в Калифорнию с целью изучения вопроса

Профессор Миллер, очевидно, отражая и свое мнение, и мнение многих людей в Америке середины XX века, явно отрицательно относится и к упомянутому докладу, и к принятому в 1882 году закону об исключении китайцев из перечня желательных в Америке иммигрантов, и вообще к общим настроениям в Америке в отношении китайцев, переселявшихся туда на протяжении всего времени знакомства американцев и китайцев, и вообще к оценке китайцев купцами, дипломатами и миссионерами в первое столетие знакомства американцев с китайцами.

Очевидно, что профессор Миллер считает ошибкой американцев и негативное отношение к китайцам, и принятие соответствующего закона о китайских иммигрантах. Он говорит о том, что в этом докладе содержались истерическая чепуха и предубеждения американцев.

У такой точки зрения есть свои основания. Действительно, народам приходится жить рядом и у себя на родине, и в соседней по планете стране. Народам при этом приходится постепенно приспосабливаться друг к другу. Находить общий язык и общие правила сосуществования.

Однако это длительный и очень трудный процесс. Ведь в данном случае речь идет не о высказываниях отдельных, относительно немногочисленных путешественников из Америки в Китай, хотя и о них тоже. Речь идет и не об обособленных от знакомства и взаимодействия, сожительства двух обществ людей двух стран. Речь идет и не о двусторонних дипломатических отношениях, то есть не о показной, во многом декоративной стороне отношений.

Речь идет о том, как себя вели, как себя чувствовали в массе своей американцы и китайцы, оказываясь рядом сначала на территории Китая и затем на территории Америки.

Собственно говоря, речь идет о поведении наций, о реакции одной нации на поведение другой нации. При этом американцы

как нация, исходя из ситуации в Америке, пользуясь американской политической демократией, заставили власти, конгресс принять упомянутый закон.

Может быть, сами американцы в чем-то ошибались, может быть, власти США при этом в чем-то ошибались. Но это лишь подтверждает то, что и действия американцев как нации, и действия американских властей необходимо рассматривать и с той точки зрения, что они в чем-то ошибались, и с той точки зрения, что они в чем-то выражали интересы народа и страны.

Сам тот факт, что США созрели до того, что был создан объединенный комитет конгресса США для обследования ситуации и изучения вопроса о китайцах-переселенцах в Калифорнии, говорит о том, что такой вопрос назрел. В иных странах вопрос о настроениях людей назревает, но власти остаются в стороне, предпочитают или считают выгодным (прежде всего для себя) не замечать возникшей ситуации.

Конечно, многое в поведении и решениях людей того времени как в Америке, так и в Китае, или китайцев на территории США, можно осуждать с принципиальной позиции равенства национальных общностей, с позиций осуждения всего того, что вызывалось преследованиями в США, предвзятостью американцев.

Однако необходимо принимать во внимание и то, что это был двусторонний процесс, что тут действовали и сами иммигранты-китайцы, которые ощущали себя «людьми государства Цин» на территории Америки, не говоря уже о самом этом «государстве Цин».

Каждая нация защищала себя. Делала это в условиях своего времени и методами своего времени. Пожалуй, столкновение или противостояние между американцами и китайцами в той или иной форме и степени, на той или иной стадии развития каждой из этих двух наций было в истории и остается неизбежным.

Собственно говоря, что произошло?

Американцы изначально допускали китайскую иммиграцию в США. Они ограничили ее, но не начали войну против Китая или против иммигрантов-китайцев на территории США.

Они со временем, пусть даже это заняло в общей сложности более ста лет, отменили постепенно упомянутый закон, касавшийся недопуска иммигрантов из Китая в Америку.

Но это, то есть принятие такого закона, было развитием событий, явившихся результатом действий обеих сторон. Можно гово-

рять о том, что американцы признали свою вину или ошибочность своего закона об исключении китайцев из числа желательных иммигрантов. Они действительно отказались от своего решения. Но и китайцам пришлось понять, что вести себя на территории другого народа и в другой стране нельзя, руководствуясь исключительно своими правилами и представлениями. Хозяином в любой стране является и должен быть только народ данной страны. Такой вывод делается во многих странах.

Знакомство американцев и китайцев — это важная часть знакомства китайцев и остального человечества. В общем и целом это показательная часть и это то, что в конечном счете помогало и помогает знакомиться и пытаться находить взаимопонимание китайцам и остальному человечеству, хотя этот процесс продолжает оставаться сложным, противоречивым и особенно осложняется в настоящее время, когда власти Китая начинают активно осуществлять свою глобальную стратегию, претендуя на то, что все остальные люди на Земле должны считать, что у них должна быть общая судьба с тем, что властители Китая считают судьбой Китая и китайцев.

Применительно к вопросу об истории взаимоотношений американцев и китайцев, к рассматриваемому вопросу о принятом в США законе, касавшемся иммигрантов-китайцев, важно также обратить внимание на то, что позиции сторон, американцев и китайцев, в определенном смысле и в определенной степени отражали и выражали не только рациональные, но и иррациональные чувства и мысли и той, и другой нации.

Политика государства и в США, и в Китае в той или иной степени и в данном случае отражала природные, изначальные, исторические, если не генетические, рациональные и иррациональные настроения и чувства и той, и другой нации.

Голод 1878 года породил страх того, что Китай наводнит Соединенные Штаты иммигрантами (С. 188). Это нанесло дальнейший удар по вере «Нью-Йорк таймс» в то, что закон спроса и предложения будет регулировать и сокращать эту иммиграцию (С. 188–189). Статьи о том, как голодающие китайцы были вынуждены доходить до каннибализма, и сказки о китайских чиновниках, которые вели себя как «класс человекообразных гиен, повергли в ужас цивилизованный мир», писал Беннет. Напоминая о воздействии на миграцию, которое повлек за собой картофе-

ный голод в Ирландии, редакторы со страхом спекулировали на теме о китайской иммиграции; как выразилась «Нью-Йорк уорлд», это начало «неизбежного вала (волны, прилива) неисчерпаемого моря, первый удар которого еще не обрушился на наши берега». В статье в «Норт Америкен ревью» была использована статистика времен голода в Ирландии наряду с некоторыми мальтузианскими аргументами; это приводило к выводу, что к 1900 году в Соединенные Штаты могли прибыть 100 миллионов китайцев. И раз уж Америка была бы так же переполнена, как Китай, — предостерегала статья, — «характеристики китайца, которые мы презираем, делают его самым грозным противником в борьбе за конечное выживание как наиболее приспособленного». В заключение автор спрашивал: «Разве монгол — это не чертополох на нашем поле? Должны ли мы вырвать его, как поступает мудрый земледелец, или мы будем уклоняться в движениях нашего разума от искусственной селекции (отбора) применительно к окружающей среде и оставим битву лишь шансам только природной селекции (отбора)?» (С. 189).

Ситуация осложнилась в связи с голодом в Китае и усилившимися в связи с этим опасениями в Америке того, что в США могут хлынуть миллионы китайцев. Под такими страхами не было реальных оснований. Однако они сыграли существенную роль, отражая настроения многих людей и сказываясь на отношении к закону о китайских иммигрантах. В них многие американцы видели тогда опасных конкурентов, тех, кто более приспособлен к борьбе за выживание.

И когда страх перед массовой китайской иммиграцией во все районы страны возобладал, страна была готова к определенным запретительным мерам (ограничительным мерам). В Вашингтоне руководство принятием и подстегивание принятия такого закона не было никоим образом ограничено сенаторами и членами палаты представителей от Калифорнии. Невозможно поставить в определенном порядке по демагогической эффективности усилия Сарджента из Калифорнии, Блэйна из Мэна, Уиллиса из Кентукки, Камерона из Висконсина, Брауна из Индианы или Шпеера из Джорджии с целью обеспечить принятие закона, который ограничил бы или исключил китайцев. Все они были открытые снофобы, которые разглагольствовали, обращаясь к своим коллегам

с почти идентичными аргументами, спекулируя на страхе перед численностью китайцев, на стагнации, рабстве, заразных заболеваниях и аморальности. Правда, что западные и южные контингенты голосовали единогласно за разного рода ограничения и меры по исключению, которые предлагались, но люди с востока и Среднего Запада, которые находились в оппозиции этим мерам в конгрессе, оказывались в значительной степени в меньшинстве среди представителей из своих секций. Например, первый успешный закон об исключении в 1882 году был принят палатой представителей 201 голосом за, 37 против и при 51 воздержавшемся. В то время как все 7 представителей от западной части США голосовали за, как это сделали 82 представителя юга, и 53 от восточных штатов тоже голосовали за по контрасту с 24 находившимися в оппозиции, и из представителей Среднего Запада 59 сказали да и 13 нет (С. 189).

Сенатор Сарджент фактически любил цитировать ободряющие письма, которые он получал от важных лидеров общественного мнения на востоке (С. 189–190). Он признавал, что Горацио Сеймур был тем, кто изначально организовал осуществление плана ограничить численность пассажиров на прибывавших судах как одну из мер по ограничению китайской иммиграции. А Эндрю Уайт, президент Корнельского университета, писал Сардженту в 1876 году: «Я признаю, что испытываю глубоко сидящий во мне страх перед этим нашествием азиатов, то есть людей того типа, который, как представляется, мы никогда не сформируем как какой бы то ни было сулящий надежду элемент этой (нашей) нации» (С. 190).

Здесь утверждается, что принятие закона об иммигрантах-китайцах произошло под давлением открытых синофобов. Профессор Миллер осуждает и синофобию, и синофобов, которые спекулировали на страхе перед численностью китайцев, на стагнации, рабстве, заразных заболеваниях и аморальности. В то же время он констатирует факты, а они говорили о том, что в поддержку закона выступало большинство законодателей, причем по всей стране, а не только в штате Калифорния.

Попутно можно обратить внимание на то, что вопрос о желательности или нежелательности китайской иммиграции в США в свое время в конечном счете предстал как вопрос, стоящий не перед политическими партиями или не только перед политиче-

скими партиями, но перед всеми районами страны, перед страной в целом, перед американцами как нацией. Он стал национальным вопросом для американцев и остается таким вплоть до настоящего времени.

Политика США в отношении современного Китая — это политика американцев как нации, нации в целом. Находящаяся у власти та или иная партия только выполняет так или иначе волю американцев как целого, как нации.

Более того, двусторонние отношения Америки и Китая представляют собой в своей основе отношения между двумя нациями, между американцами и китайцами как нациями. Конечно, свою роль играют политические лидеры, партии, государства, однако все это оказывается лишь временной формой осуществления настроений и стратегии, которая так или иначе существует у каждой из наций, у американцев и у китайцев.

После визита республиканца, президента США Ричарда Никсона в Китай в 1972 году вскоре стало очевидно, что речь идет не только о личных взаимоотношениях Никсона и Мао. Не только о взаимоотношениях Республиканской партии США и Коммунистической партии Китая. Не только об отношениях двух государств: США и КНР (кстати, дипломатические отношения не были установлены, то есть официально и формально не существовали до 1979 года), но между американцами и китайцами как нациями. Поэтому существует необходимость стараться как можно лучше понять, в чем состоят в тот или иной момент интересы каждой из этих двух наций, как они между собой соотносятся, чего можно ожидать от развития этих отношений.

Также является ошибкой интерпретировать вето, наложенное президентом Хейсом на первые ограничительные меры по отношению к китайцам, как индикатор (показатель) американского отношения вне запада и юга. Слишком часто это вето использовалось для иллюстрации того аргумента, что требования об исключении были инспирированы Калифорнией и поддержаны югом в противовес желанию открытой иммиграции в остальной части нации. Фактически же президент Хейс записал в своем дневнике в 1879 году: «Я удовлетворен тем, что нынешнее вторжение китайских рабочих рук (это ни в коем смысле не иммиграция — дети и женщины не прибывают) вредно и должно быть обескуражено (лишено поддержки и не должно поощряться). Наш опыт в обще-

нии с более слабыми расами — неграми и индейцами, например, — не вдохновляет... Я буду рассматривать благожелательно любые подходящие меры, направленные на отказ от вдохновляющей поддержки китайцев в их желании прибыть на наши берега».

По возвращении в США в 1876 году Сэмюэл Уэллс Уильямс был шокирован громадой враждебности в восточных штатах по отношению к китайской иммиграции и начал лекционный тур в попытке скорректировать ситуацию. Интересная редакционная статья в «Нью-Йорк таймс» в 1880 году также свидетельствовала о распространившемся страхе перед китайской иммиграцией по всей стране. «Никогда в истории этой страны не было извлечено столь многое из столь малого, как в случае с китайцами в Соединенных Штатах. <...> Невероятный шум, который был поднят по поводу “вторжения азиатских орд”, — это детская игра (несерьезная игра, ребячество)». Оба, Уильямс и автор редакционной статьи, были глухи к ролям, которые они играли, подпитывая эту истерию. Миссионер только поднял свой все еще популярный текст по Китаю, то есть «Серединное королевство», чтобы предоставить (расположить) важный источник боеприпасов для синофобов; и журналист должен был обратиться ко многим соображениям в его собственной «Нью-Йорк таймс», чтобы поместить свидетельства редакционного испуга перед иммиграцией из Небесной империи. Конечно же, в той же самой редакционной статье он допускал (признавал), что «характер китайцев в целом так же дурен, как его осуждали “синофобы”». Его аргумент при этом состоял в том, что всего лишь 92 327 китайцев вряд ли были теми «ордами, которые пожирали нашу землю» (С. 190).

Итак, современное видение ситуации, если считать таким мнение профессора Миллера, высказанное в книге, изданной в 1969 году, фактически являлось и осуждением принятия соответствующего закона в 1882 году, и осуждением настроений, образа мыслей, которые не просто преобладали, но были практически всеобщими тогда в Америке.

Мнение профессора Миллера было и осуждением позиции президента США.

В то же время очевидно, что следует не просто осуждать все это, но попытаться понять, по каким причинам в Америке сложилась такая ситуация и почему американцы пришли к такому решению.

Ведь все это, возможно, и не будучи совершенно неизбежным решением, имело под собой такие основания, как интуитивное желание американцев защитить себя и ощущавшийся американцами на уровне, возможно, подсознания страх перед планами и намерениями властей Китая и массами китайцев, безропотно или даже с воодушевлением выполнявших эту их глобальную стратегию в форме, присущей тому времени, особенно той их части, которая переселялась в Америку и в деятельности которой можно было увидеть или почувствовать все это.

Наконец, здесь можно также заметить, что в своей работе профессор Миллер обратил внимание на настроения и мысли огромной массы людей в Соединенных Штатах Америки. Речь в его книге идет не о дипломатических документах и даже не о рассуждениях отдельных ученых, пусть даже китаеведов, а о феномене, когда после образования США на мировой арене началось знакомство, началась встреча, началось сожитительство людей двух наций: американцев и китайцев.

При этом у профессора Миллера речь идет главным образом о настроениях американцев, об их отношении к китайцам. Следовательно, и об отношении Америки к Китаю.

В нашей стране до сих пор мы по большей части думали и писали об отношении китайцев к американцам, основываясь на китайских источниках. Благодаря профессору Миллеру, работам других американцев у нас появляется возможность сопоставлять настроения и мысли, а также действия по отношению друг к другу двух наций: американцев и китайцев.

ЗАПРЕТ

В своей работе профессор Миллер анализирует исключение китайцев в 1882 году из числа допускаемых в Америку иммигрантов в исторической и национальной перспективе. Прежде чем изложить свои выводы, он приводит несколько высказываний.

Насколько же равнодушны (апатичны), косны, непрогрессивны китайцы. Никакого прогресса (улучшения) в языке, литературе, моде, в архитектуре или инженерном искусстве — все так же читают книги и практикуют искусства древности без гения изобретательства или энергии осуществления чего-либо нового или предоставления каких бы то ни было свидетельств прогресса.

*Преподобный Харлоу Ортон. Ежегодное обращение.
Историческое общество штата Висконсин
(23 февраля 1869 года). С. 14.*

Мы привыкли думать о китайцах как о тех, кто принадлежит к деградировавшей расе, кто невежествен по отношению к цивилизованной жизни...

Атлантик манфли (Бостон). 1869. Т. XXIII. С. 747.

Я не вижу, как кто бы то ни было из думающих людей, которые любят эту страну, мог бы морально поддерживать это вторжение монголов, включая сюда и подрыв нашей цивилизации.

*Монтгомери Блэр // Нью-Йорк таймс.
6 марта 1882 года.*

Профессор Миллер считает, что все это отражало общие настроения американцев своего времени, и осуждает такие высказывания.

Что же касается оценки самого факта исключения китайцев из списка желательных иммигрантов, то здесь важно сразу же обра-

туть внимание на то, что профессор Миллер издал свою работу в 1969 году, то есть фактически речь идет о мнении в США, у некоторых американцев о том, как оценивать отношение американцев к китайцам, прибывавшим в Америку сто лет тому назад, за сто лет до появления работы профессора Миллера. При этом оценка американцами китайцев тогда складывалась из того, что стало известно американцам за первые почти сто лет знакомства и общения с китайцами. Мы же попытаемся рассказывать обо всем об этом, сопровождая все это взглядом из нашего времени, то есть спустя полвека после появления книги профессора Миллера, и, естественно, с позиций человека, живущего в России.

Обращение к работе профессора Миллера дает редкую возможность сопоставить, насколько это окажется в наших силах, взгляды на отношения Америки и Китая, которые сформировались или существовали 250 лет тому назад, затем после первого столетия знакомства американцев и китайцев, далее спустя еще 100 лет, в середине XX века, и, наконец, спустя почти 250 лет после образования США, то есть во втором десятилетии XXI века. Век, еще век и еще полвека — вот вехи, о которых можно подумать, обращаясь к этому сюжету.

Принятая интерпретация законов об исключении китайцев, содержащаяся в главе первой (в начале книги профессора Миллера) в качестве «калифорнийских тезисов», не выдерживает тщательной проверки и должна быть существенным образом модифицирована. Видеть политику исключения просто как победу навязчивых предрассудков калифорнийцев неточно и нечестно. Хотя этот штат, безусловно, катализировал и стал конечником копья этого движения за исключение, имеются гораздо более мощные национальные и исторические силы, которые действуют, чем просто случайность уравновешенного соотношения интересов политических партий. Даже весьма исполненная энтузиазма сказка о таком незначительном (малом) измерении способна заставить прыгать собаку, которая меньше всего хотела бы прыгать (С. 191).

В США на протяжении длительного времени превалировало представление о том, что закон об исключении китайцев-иммигрантов был принят под давлением со стороны прежде всего или исключительно калифорнийцев, а также под давлением навязчи-

вых предрассудков калифорнийцев. Конечно, калифорнийцы были, можно сказать, своего рода авангардом движения в пользу принятия такого решения. Однако, с точки зрения профессора Миллера, в настоящее время такое объяснение представляется легковесным и неточным. Выясняется, что решающую роль в этом сыграли общенациональные и исторические силы в США.

Страх создания постоянного холопского класса, что мотивировало респектабельные элементы в Калифорнии встать в оппозицию иммиграции китайцев, был страхом национального, а не районного (регионального) масштаба, причем центр этой тяжести располагался гораздо дальше к востоку (С. 191–192). Лидеры общественного мнения на востоке были именно и озабочены тем, что Мэри Кулидж назвала «беллетристической о кули», и не все из их взглядов можно с легкостью отвергнуть как амбициозное политическое желание угодить Калифорнии в ситуации, когда баланс сил был почти равен. Президент Грант не был ни калифорнийцем, ни кандидатом в президенты в 1874 году, когда он обратился к конгрессу с целью положить конец иммиграции китайцев на том основании, что китайцы (селестианцы, жители, подданные Небесной империи) — это не добровольные иммигранты, но абсолютные рабы (С. 192).

Одним из основополагающих принципов в США является принцип свободы, свободы человека. Это предполагает недопущение появления и существования в Америке класса господ и класса холопов. США созданы на основе безусловности такого взгляда.

Когда в Америку были привезены («импортированы») китайцы, у американцев, естественно, возникло опасение того, что они могут составить холопский класс в стране. Это было недопустимо с точки зрения всех американцев, в масштабах всей страны, а не только одного региона или штата, в частности Калифорнии.

Отсюда возник вопрос о «кули». Поэтому и президент США Грант в 1874 году обратился к конгрессу с целью положить конец иммиграции китайцев на том основании, что китайцы (жители Небесной империи или селестианцы) — это не добровольные иммигранты, но абсолютные рабы.

Добрая воля, собственное желание человека, с точки зрения американцев, должно быть присуще ему, если он желает стать гражданином Соединенных Штатов Америки.

Следовательно, первопричиной негативного отношения к китайским иммигрантам в Америке была присущая, во всяком случае тогда, китайским переселенцам их «собственная природа», ибо они по привычке или с готовностью «числили себя холопами» и в Китае, и в Америке.

У американцев при знакомстве с китайскими иммигрантами в самой Америке возникло чувство, что пришельцы из Китая и сами не хотят быть свободными людьми, и не по своей доброй воле прибыли в Америку, и могут с течением времени составить некий новый класс холопов в Соединенных Штатах.

Дело было в китайцах, в их традициях и в их образе мыслей, в сущности взглядов в Китае на взаимоотношения человека и власти, власти императора, власти государства в Китае. Действия американцев были защитой принципа свободы человека, человеческого достоинства. Американцы тем самым говорили китайцам: перестаньте быть холопами, и тогда добро пожаловать в Соединенные Штаты Америки.

Озабоченность с позиций культуры допущением таких незнакомых и таких непохожих, разнородных мигрантов, как китайцы, не была ограничена каким-то одним из районов (регионов) страны. Восточные редакторы артикулировали такие страхи по крайней мере так же рано, как они были выражены в Калифорнии. Американцы, в общем, пришли к заключению, что теория плавильного котла вовлекает в себя процесс движения в обоих направлениях, посредством чего иммигранты вносят свой вклад в культурную матрицу в ходе (в процессе) становления «американизированными». Вплоть до прибытия китайцев, однако, ни одна группа иммигрантов не отличалась в достаточной степени от корней англо-американцев в целях компромисса там, где речь идет об основных социальных институтах, таких как христианская религия и этика, моногамия или теория природных прав, не говоря уже о доктрине материального прогресса для индивида. Оказавшись лицом к лицу с конкретной возможностью того, что может оказаться необходимым пожертвовать существенными элементами этой самоочевидной, не требующей доказательства, аксиоматичной веры во имя гибридной «американизации» в условиях плавильного котла, многие редакторы и законодатели открыто изменили свою позицию. Основы социального характера не подлежат дискуссии. Иммигрант должен

превратиться в обращенного и сбросить свою иностранную языческую шкуру. Альтернатива была тотальным исключением культурно отличающихся групп, и такой плавильный котел был скорее ограниченным, чем безграничным в охвате. И таким образом, Акт об исключении китайцев от 1882 года означал революционный поворот в курсе в процессе истории американской иммиграции, что было наполнено тревожащими последствиями для будущего (С. 192).

Здесь возникает необходимость обратиться к вопросу о том, в чем будущее человечества, на каких принципах оно может строиться или должно строиться.

Американцы обсуждали в связи с этим вопросом то, что в Америке именуется теорией плавильного котла. Эта теория предполагает, что Соединенные Штаты Америки — это будущее человечества, это тот плавильный котел, в котором всем людям, прежде всего в США, предстоит переплавиться, преобразоваться и выплавить новое единое и при этом многообразное человечество. Теория плавильного котла предполагает, что все люди без ограничений приглашаются на добровольной основе в этот плавильный котел. При этом имеется в виду, что каждый человек, каждая национальная общность или группа внесет что-то свое в общую матрицу человечества.

Таким был изначальный взгляд. На практике становилось ясно, что следует думать о двустороннем движении в ходе процесса переплавки и даже отношения к теории плавильного котла.

Оказалось, что в США с самым основанием этого государства уже были заложены такие его основы, такие основы американского общества, которые, с точки зрения американцев или «ядра американцев», англо-американцев, подлежали сохранению, их надо было «хранить вечно», они не подлежали изменению.

Оказывалось необходимым защищать такие основы и не допускать разрушающего воздействия на них того, что несло с собой эту опасность. Не подлежащими разрушению американцы видели ряд вещей: христианскую религию и этику, моногамию или теорию природных прав, не говоря уже о доктрине материального прогресса для индивида.

Пришествие китайцев, их поведение, особенности их культуры, присущих им характера, традиций ставили ситуацию под угрозу. Американцы были вынуждены осознать и настаивать на том,

что основы социального характера, основы существования общества, сложившегося в США, не подлежат дискуссии.

С этой точки зрения иммигрант должен превратиться в обращенного и сбросить свою иностранную языческую шкуру.

Альтернатива была тотальным исключением культурно отличающихся групп, и такой плавильный котел был скорее ограниченным, чем безграничным в охвате.

Профессор Миллер полагал, что закон, принятый в 1882 году, означал революционный поворот в курсе в процессе истории американской иммиграции, что было наполнено тревожащими последствиями для будущего.

Действительно, речь тут на первый взгляд шла о том, что сами же американцы, будучи поборниками свободы, отказывали тем или иным национальным сообществам, культурным группам в праве вливаться в американский плавильный котел.

Весь вопрос был в том, что те или иные национальные сообщества или культурные группы несут в себе и навязывают «остальному человечеству» свои правила, главным из которых является требование подчиняться «общей судьбе», «общему будущему», «общности человечества» под управлением властей упомянутого национального сообщества или культурной группы. Настроения и даже образ мыслей, существующие в современном Китае, выражены, в частности, в песне, где имеются слова: *Во юн юань бу бянь во хуан сэ ды лян* — «Я никогда не изменю свое желтое лицо».

Таким образом, в законе 1882 года можно видеть попытку защитить свободу от грозившей ей несвободы, демократию от самовластия, республику от монархии, или абсолютной власти, в том или ином ее проявлении или форме.

Сторонники плюрализма в сфере культуры на протяжении длительного времени утверждали, что плавильный котел — это миф и что американцы всегда имели в виду котел, в котором иммигрант очищался от своих иностранных обычаев и привычек. Существовала серьезная нужда в изучении исторического значения, которое было дано концепции плавильного котла. Настолько, насколько это касалось китайцев, стало очевидным, что лидеры американского общественного мнения действительно имели в виду плавильный котел до того, как они прибыли, хотя и такой, который уже исключал индейцев и негров. В качестве мигрантов китайцы создали первую серьезную угрозу этой концепции

(С. 192). У них было мало того ценного, что можно было внести в любую эволюционно развивающуюся американскую культуру в глазах большинства деятелей общественного мнения, и они (китайцы), и в это верили (американцы), были неизменны (непреложны), упорно цеплялись за старые обычаи и с упорством противостояли «прогрессу» и «моральному улучшению» (С. 192–193). Таким образом, громадное неравенство (несоразмерность) в сфере культуры, созданное иммиграцией китайцев, представлялось даже еще более угрожающим. Дискуссия по «вопросу о китайцах» играла значительную роль в ходе трансформации концепции Америки по поводу плавильного котла от такой концепции, которая сливала лучшее от всех культур-доноров в новый синтез, к той концепции, которая успешно требовала (достигла) следовать английским уставам (подчиняться английским уставам) (С. 193).

Суть дела в том, что при знакомстве с китайцами, особенно с китайцами-иммигрантами, американцам пришлось встретиться с такой национальной общностью и с такими представлениями китайцев о себе и об остальном человечестве, что стало очевидно, что американцам предстоит защищать свои основные нравственные и иные ценности от стремления китайцев не только не американизироваться, но и, напротив, со временем ассимилировать американцев.

Для китайцев, особенно тогда, когда речь шла об их первой волне переселенцев в Америку, когда речь шла об их отношении к американскому плавильному котлу, вопрос стоял не о том, чтобы влиться в американское общество, стать гражданами США, а о том, чтобы оставаться «людьми государства Цин», фактически «имуществом государства Цин», частью нации Китая среди американского общества и постепенно навязывать американцам сначала свое постоянное присутствие в Америке на своих правилах, а затем и извлекать из Америки выгоды в интересах осуществления глобальной стратегии Китая.

При встрече с китайцами речь пошла не об их вливании в американское общество, не об их превращении в часть американского общества, а о том, что китайцы всегда и везде, в том числе и в США, будут оставаться китайцами, будут стараться навязывать свой «новый порядок», а потому задача каждой из частей остального человечества, в том числе американцев, состоит в том, чтобы обороняться, защищаться от действий властей Китая, которые

они осуществляют руками своих подданных, «своего имущества», то есть и китайцев, поселившихся на территории США. Совместимость возможна только в индивидуальном порядке, но не в принципе и не применительно к взаимоотношениям двух наций: американцев и китайцев.

Современная расистская теория, которая развивалась (эволюционировала) на протяжении трех десятилетий неограниченной китайской иммиграции, добавила биологическое измерение к утверждению об отсутствии у китайца пригодности с точки зрения культуры. Теория микробов применительно к культуре, использованная в своих построениях и предположениях расистами, помогла утвердить (внедрить) страхи в сфере культуры, спровоцированные прибытием китайцев, и заложила, казалось, более научную основу под отрицание этих иммигрантов. «Кровь Востока (восточная кровь)» определяла «мысли Востока (восточный образ мыслей)» и «привычки Востока (восточные привычки)», что мешало (предотвращало) любой возможности того, что китайцы могли бы быть «американизированы». Договор Берлингема, заключенный в 1868 году, и произошедшее двумя годами позднее поражение поправок Самнера и Трамбула к закону о натурализации в сенате официально признали это путем отрицания права на гражданство для китайских иммигрантов. Самые сильные сторонники (те, кто поддерживал) неограниченной иммиграции китайцев со всей ясностью высказались и пояснили, что они не могут представить себе китайцев как постоянную часть американского общества (С. 193).

В 1850–1870-х годах осуществлялась неограниченная иммиграция китайцев в США. Профессор Миллер считает, что можно и, очевидно, нужно было избежать принятия закона об исключении китайцев из числа допускавшихся или приветствовавшихся в Америке иммигрантов. Судя по духу его высказываний, он хотел бы «склонить голову перед китайцами и признать вину», восстановить «правильное» отношение к китайцам, основанное на декларации согласия, считаться с правом китайцев управлять своими делами на своей земле, а также обладать равными правами с представителями других наций, а то и самих американцев на территории США.

Отсюда можно проводить нить к признанию «факта» «неправильного» отношения американцев к китайской иммиграции, «не-

правильности» объявления китайцев «нежелательными иммигрантами», а также к признанию «неправильности» «неустановления» межгосударственных отношений с Мао Цзэдуном и его государством в момент образования КНР.

Профессор Миллер вводит мысль о «неправильности» взглядов в Америке на китайцев, когда, как он подчеркивает, утверждалось, что «кровь Востока» определяла «мысли Востока» и «привычки Востока». А это в свою очередь исключало любую возможность того, что китайцы могут быть американизированы.

Конечно, расистские взгляды прошедших веков в значительной степени остались в прошлом. Однако дело не в терминах. Дело в сути. Здесь следует обратить внимание на то, что Цзян Цзэминь говорил о крови китайцев, в частности, о том, что она гуще, чем вода в Тайваньском проливе.

И дело не только в этом. А в том, что двумя главными мыслями, на которых основаны взгляды современных властителей Китая, являются их обращение к нации Китая, все частицы которой соединены прежде всего понятием крови и, во-вторых, понятием многочисленности китайцев.

«Нас много», «у нас одна кровь» — вот привычные представления многих китайцев. В китайском языке есть понятия чистой крови и смешанной крови, при этом смешанная, или «нечистая», кровь считается признаком неполноценности.

Что же касается американизирования китайцев, то история показала, что об этом речь не только, по сути дела, никогда не шла, но и не идет в настоящее время. Китайцы могут становиться формально гражданами любого государства, но при этом они будут оставаться в значительной степени во власти тех или иных правителей Китая, будут выполнять волю «нации Китая», будут верны прежде всего нации Китая. Далеко не случайно Коммунистическая партия Китая именуется себя и авангардом нации Китая.

Интуитивное для большинства американцев, как нам это представляется, понимание того, что китайцы, по сути дела, не желают и не будут становиться преданными гражданами США, и побудило американцев во второй половине XIX века отрицать право китайцев на американское гражданство.

Так что же побудило жителей восточной части США двинуться дальше простого отрицания права на гражданство к тому, чтобы молча, неохотно соглашаться и зачастую ак-

тивно поддерживать запрет (окончание, завершение) этой иммиграции? Ведь в конце-то концов китайцы еще не прибыли на восточное побережье в значительном количестве. Подобно «перелетным птицам», они не оставались в стране и, как это можно было предполагать, должны были вернуться в Китай, после того как помогут заполнить нужду на западном побережье в дешевом труде (дешевых рабочих руках). Бизнесмены (деловые люди) и священнослужители-протестанты, которые были самыми яркими сторонниками (выступали в поддержку) китайской иммиграции, доказывали (приводили тот довод, аргумент), что китайцы должны были отвезти обратно в Китай семена христианства и вкус к американским товарам и, таким образом, продолжать служить интересам Соединенных Штатов и Господа.

Несколько факторов помогают объяснить, почему жители восточной части США отказались (отвергли) эту явно (очевидно) благоприятную ситуацию. Многие из них разделяли страхи Горация Грили, состоявшие в том, что «ручей» проживавших может превратиться в «Ниагару», которая перенесет и разнесет китайцев через Скалистые горы и через Великую равнину с тем, чтобы затопить нацию китайскими иммигрантами (С. 193). Решающим при принятии первого закона об исключении был страх перед громадным населением Китая, а без этого можно было бы удивляться (изумляться), ставить вопрос следующим образом: не был бы тогда восток страны более склонен просто позволить Калифорнии принять на себя «бремя» китайской иммиграции с тем, чтобы обрести от этого его коммерческие и духовные вознаграждения (награды, выгоды) (С. 193–194).

В связи с китайской иммиграцией перед американцами встали проблемы. Одна из них состояла в том, что американцы в массе своей по всей стране, в том числе на побережье Атлантического океана, где китайцев почти еще и не было, были обеспокоены иммиграцией китайцев и не только поддерживали предложения не предоставлять китайцам право становиться гражданами США, но и стали соглашаться с запретом китайской иммиграции.

Здесь привлекает внимание тот факт, что на американцев большое впечатление произвела многочисленность китайского населения. В умы американцев легко входила мысль о том, что там, где имеются практически незаселенные или малозаселенные про-

странства, можно ожидать волну переселенцев из Китая, где этого населения «через край».

Это не было практической проблемой, но это оказывало воздействие на умы многих людей в Америке. Воздействие на умы иной раз важнее реальной ситуации.

Здесь попутно можно вспомнить или подумать о том, что и до сих пор в разных случаях люди начинают думать о перемещениях масс людей из одной части света в другую его часть.

В свое время в Китае Сунь Ятсен был обеспокоен мыслью о том, что население США может превзойти население Китая. Оснований для таких мыслей не было, но мысли были и свою роль играли, настраивая китайцев против американцев.

Был и такой момент в истории, когда японцы вознамерились заселить Маньчжурию. Чан Кайши отправил идеолога Дай Цзитао в Японию, где он уговаривал японских парламентариев заселять не китайский северо-восток, а Канаду.

Вот и в настоящее время то тут, то там возникают мысли о передвижении масс китайского населения через границы Китая, особенно в случае, если в Китае возникнут беспорядки.

Реальной угрозы всего этого в настоящее время нет. Однако такие мысли существуют, продолжают возникать и беспокоить. Воздействие на политику всех сторон они оказывают.

В Америке во времена, о которых мы говорим, был страх перед громадным населением Китая. Этот страх действительно играл роль и перевешивал, казалось бы, разумные соображения о том, что вполне можно ограничить деятельность китайских переселенцев Калифорнией и получать экономические выгоды от использования в этой части США китайской дешевой рабочей силы.

Очевидно, что каждая нация стремится самоутвердиться, а также защищать свое право на существование, на свою землю. В свое время именно это и произошло с американцами в Америке, когда речь зашла о китайских иммигрантах.

При этом можно вспомнить и о том, что перед китайцами такая проблема не стояла ни тогда, ни в настоящее время. Напротив, китайцы, их правители могли спекулировать на своей возможности распоряжаться миллионами переселенцев, которых они направляли туда, куда считали выгодным для себя.

Вторым фактором, который явился причиной того, что восток оказал активную поддержку решению исключить китайцев,

был страх перед тем, что эти «проживавшие» (жители) представляют собой серьезную угрозу здоровью нации. К 1870 году американцы стали чувствительны к вопросу о соотношении грязи и болезней. На протяжении следующего десятилетия среди них возростала озабоченность специфически китайскими микробами, которые могли заражать нацию сифилисом, холерой, оспой и, что намного хуже, безымянными инфекционными болезнями, распространенными в котлах для варки плоти разврата Востока. Озабоченность потенциальным экспортом и большого числа людей, и опустошающих (разрушительных) заболеваний стала причиной того, что некоторые лидеры общественного мнения в Америке стали спекулировать на тему о том, что народы низшего уровня могут побороть группу высшего уровня в слепой дарвинистской борьбе за выживание сильнейшего (наиболее приспособленного). При вмешательстве разума в закон природы, аргументировали они, такой конкуренции можно избежать, и американская цивилизация будет в большей безопасности (С. 194).

Итак, были две главные причины, по которым сопротивление переселению китайцев в Америку стало всеамериканским.

Во-первых, страх перед громадой населения Китая, страх перед тем, что при неограниченной иммиграции китайцев их придет столько, что Америка окажется ими «затоплена». Иначе говоря, это было проявление американцами понимания необходимости обеспечить свое положение хозяина на своей земле, стремление не оказаться в численном меньшинстве, то есть в положении национального меньшинства сопоставимо с китайцами.

Во-вторых, это было проявление американцами стремления быть и оставаться здоровой телесно нацией. Это была забота о сохранении американской цивилизации.

1870 год оказался решающим в процессе кристаллизации антикитайских чувств на восточном побережье. В то время как тамошние редакторы выражали определенную озабоченность относительно самой природы китайских иммигрантов, они были в основном удовлетворены ограничением места пребывания китайских иммигрантов на тихоокеанском побережье, отрицая предоставление им прав гражданства и поощряя их возвращение в Китай после осуществления ими их экономических функций там. Вслед за договором Берлингема оптимизм дарвинистско-

го характера значительно вырос во многих газетах на востоке США, чьи редакторы были уверены, что англо-американская порода окажется лучше китайцев (возьмет верх над китайцами) в любом соперничестве рас. В таком настроении эти редакторы проявляли желание позволить китайцам мигрировать куда угодно в Соединенных Штатах и свободно смешиваться с кавказским (кавказоидным, европеоидным) населением. Однако такое настроение быстро изменилось с прибытием китайских рабочих в Массачусетс в июне 1870 года, и некоторое число редакторов восточного побережья начали ратовать за исключение китайцев.

Хотя страх перед тем, что пригоршня селестианцев в Норт-Адамсе была всего только авангардом той армии, которая способна с легкостью стать многомиллионной, явно был решающим фактором при кристаллизации антикитайских чувств на востоке, другие события во время летнего периода 1870 года также вдохновляли этих редакторов на то, чтобы выступить адвокатами исключения. Спустя всего несколько недель после их дебюта в Норт-Адамсе китайским иммигрантам было отказано в праве на натурализацию (приобретение гражданства) в сенате, это была та акция, которая представлялась сопоставимой с официальными санкциями на культурные и расовые страхи, выражавшиеся прессой. За этим быстро последовали новости о том, что христианские миссионеры подвергались пыткам и их убивали в Тяньцзине (С. 194). Остаток лета был заполнен слухами и ложными сообщениями о прибытии новых групп китайских рабочих в различные места на востоке (С. 194–195). В конечном счете одна такая группа материализовалась в Нью-Джерси в сентябре вместе с новостями, что китайские кули в Перу подняли кровавый бунт (восстание). Именно это несчастливое сочетание событий на протяжении периода в четыре месяца скорее, чем только (или просто) акция Сампсона в Массачусетсе, стало причиной того, что многие редакторы добавили (присоединили) свои голоса к крику (призыву) за исключение китайцев в последние (заключительные месяцы) 1870 года (С. 195).

Профессор Миллер подчеркивает, что 1870 год оказался решающим в процессе кристаллизации антикитайских чувств на Восточном побережье США.

Действительно, чувства усилились. Произошло это под воздействием ряда фактов: появления китайских иммигрантов в качестве

рабочих и на Восточном побережье США, пыток и убийств христианских миссионеров в Тяньцзине, бунта китайских кули в Перу.

Довольно интересно то, что те историки, которые анализировали вопрос о китайцах в Калифорнии, также подчеркивают значение 1870 года как того года, когда антикитайские силы достигли высшей степени организации и широкой степени поддержки со стороны населения. Дальнейшее развитие событий подтверждает ту интерпретацию (трактовку), что синофобия носила скорее общенациональный (всеамериканский), чем чисто региональный (частичный) характер (являлась чувствами чисто регионального характера). То, что успешное прохождение закона об исключении все-таки должно было ждать еще целое десятилетие, — это своего рода дань могущественным экономическим и религиозным интересам, которые оказывали поддержку иммиграции китайцев, а в равной степени и инерционной силе обязательства (приверженности) Америки открытой иммиграции в это время (С. 195).

Ситуация оказалась характерна именно для США. С одной стороны, вопрос о китайской иммиграции, будучи поднят сначала в одном штате, в Калифорнии, затем стал общенациональным. Он стал очевидным для всеамериканского общественного мнения именно в 1870 году.

С другой стороны, понадобилось еще целое десятилетие для того, чтобы стало возможным принять закон о китайской иммиграции. Оказалось, что, несмотря на мощные всеамериканские настроения, продолжали играть роль экономические и религиозные интересы, а также инерция приверженности Америки принципу неограниченной, или открытой, иммиграции. Сам характер власти в Америке требовал учета всех этих факторов.

Для того чтобы раскрыть механизм, с помощью которого было организовано антикитайское движение на общенациональном уровне, было бы необходимо рассмотреть роль организованного труда (организованных профсоюзов) и, возможно, ирландской прессы и священнослужителей (духовенства, клира) Римской католической церкви внутри уравновешенной политической ситуации. Айра Кросс составил хронику важной роли, которую сыграли профсоюзы в антикитайском движении в Калифорнии. Роберт

Сигер демонстрировал, что в Калифорнии духовенство Римской католической церкви и ее пресса были настроены с симпатией к требованиям, что китайцы должны уйти. В то время как протестантское духовенство в целом находилось в оппозиции их исключению. Это, возможно, было функцией этнического характера, присущего руководству в обоих — и в церкви, и в профсоюзах. По крайней мере, Мэри Кулидж и многие оппоненты исключения в XIX веке осуждали ирландцев за провоцирование, организацию и руководство антикитайским движением в Калифорнии. Однако профсоюзные организации и церковь действовали, переходя границы штата и различия между частями страны (географического порядка), как это делало в существенной степени ирландское руководство (С. 195).

Снова можно вспомнить о том, что профессор Миллер озглавил свой труд «Нежелательный иммигрант. Образ китайцев (в умах) у американцев. 1785–1882». Столетие, первое столетие знакомства американцев и китайцев профессор Миллер хотел бы представить как время, когда огромную роль сыграл образ китайцев в головах американцев, представление о китайцах у американцев.

При чтении книги профессора Миллера возникает впечатление, что он хотел бы, чтобы упомянутый образ воспринимался как искусственно созданное представление.

Оно и привело к решению о том, что китайцы — это нежелательные иммигранты в Америке.

Из этого можно сделать вывод, что история могла бы сложиться и по-иному, если бы не появилось такое представление о китайцах у американцев.

Однако в действительности реальное знакомство с китайцами на своей территории сформировало в Америке того времени негативное отношение к китайцам, превратило китайцев в глазах американцев в нежелательных иммигрантов.

То, что профессор Миллер называет антикитайским движением на общенациональном уровне, было естественно возникшим движением и под давлением фактов, и под давлением их интерпретации, рассказов свидетелей и мнения аналитиков о китайцах, и под давлением естественной реакции множества американцев на знакомство с китайцами на территории США.

Свою роль тут играли профсоюзы и служители церкви.

Профсоюзы были настроены против китайцев как вероятных штрейкбрехеров.

Служители церкви были разделены.

Католики были настроены критически.

Протестанты выступали за благожелательное отношение к китайцам.

В целом вся эта картина показывала, сколь различны были общества в Америке и в Китае.

В Америке были профсоюзы, были разные церковные организации, то есть разные точки зрения у разных церквей. В Китае ничего этого не было.

Нетрудно предъявлять обвинения профсоюзам как спинному хребту антикитайского движения на общенациональном уровне. Профсоюзные лидеры в каждом районе страны атаковали кули (выступали с нападениями по вопросу о кули) с помешательством того, кто прижат спиной к стене (параноидально). Их страх перед тем, что китаец-рабочий будет использован с той целью, чтобы создать индустриальный феодализм (промышленный феодализм, феодализм в промышленности), не был лишен оснований (С. 195). «Эти “селестианцы” не принадлежали ни к одной из организаций, проводивших забастовки, — они не волновались из-за сверхурочных — не проявляли озабоченности оплатой их труда — не осмеливались диктовать условия своим нанимателям», — объяснял один из редакторов, обосновывая использование китайцев в Норт-Адамсе (С. 195–196). И действительно, одна только их враждебность по отношению к организованному труду (к профсоюзам) и позволяла некоторым редакторам, имея свои синофобские и расистские склонности, поддерживать почти с легким сердцем использование Келвином Сампсоном китайских штрейкбрехеров (С. 196).

У профсоюзов были основания критиковать китайцев. Они видели в китайцах орудие вероятного создания в США индустриального феодализма. Это отбросило бы американских рабочих назад. Китайцы фактически проявляли враждебность по отношению к американским профсоюзам.

Менталитет осажденной крепости, созданный у профсоюзных лидеров такими антикитайскими чувствами, вел к ярому

открытому расистскому осуждению китайцев. Даже Камерон, у которого была репутация гораздо более либерального человека по сравнению с его коллегами в вопросе о неграх, потребовал, чтобы китайцы были запрещены, и угрожал «суровыми мерами, к которым основатели республики прибегали как к последнему средству (на крайний случай), когда аргументы и обращения проваливаются в желании убедить и когда неправильное (дурное), наносящее непереносимую боль, бывает слишком мучительным, чтобы допускать его рождение». С новостями о конвенции в Мемфисе в 1869 году Камерон отбросил антикитайскую кампанию профсоюзов в «Уоркингменс адвокат» и потребовал расовой лояльности от всех американцев с целью уничтожить «монгольскую траву (гибель)».

И если Камерон не получил такую лояльность населения в целом, он определенно получил ее от профсоюзных лидеров. Самые известные спикеры от профсоюзов своего времени (того времени) Джордж Макнэйл, Джон Суинтон, Джон Айриш, Паудерли, Сэмюэль Гомперс, Юджин Дебс, Генри Джордж и Уильям Маклохлин были открытыми синофобами. Фактически (по сути дела) каждая профсоюзная газета и организация были в оппозиции по вопросу о китайской иммиграции после 1870 года. Даже представители негров на первой профсоюзной конвенции профсоюзов цветных штатов в Балтиморе в декабре 1869 года приняли пункт в поддержку исключения китайцев. И тем более еще более радикальные группы и лидеры не стали исключением из этого преследования китайцев. Международная ассоциация рабочих, которая прекратила свое существование в 1873 году, приняла направленную против кули резолюцию всего год спустя после того, как она призвала к «полному политическому и социальному равенству для всех без различий по полу, вере, цвету или условиям» на своей первой конвенции в Кливленде. Публикации, такие как «Социалист» в Нью-Йорке и «Нашинл социалист» в Цинциннати, выступали против иммиграции китайцев. Анархист Йозеф Бьюкенен объяснил, что, хотя он верует в равенство людей, он должен провести черту, когда речь идет о китайцах, и предпочитает именовать свой план «Ограниченным братством людей» (С. 196).

Фактически в 1870-х годах в США сформировалось общее отношение к китайцам-иммигрантам. Против них выступали все американские профсоюзы и их руководители, вся печать профсо-

юзов. Более того, такую же позицию занимали не только профсоюзы белых, но и профсоюзы черных рабочих. Против этих иммигрантов выступила и Международная ассоциация рабочих. В США и социалисты, и анархисты выступали против иммиграции китайцев. Делались заявления о том, что вера в равенство людей не препятствует проведению черты, когда речь идет о китайцах. Анархист Бьюкенен предпочитал в связи с этим именовать свой план «Ограниченным братством людей».

По сути дела, все американцы, несмотря на разную расовую принадлежность, то есть и белые, и черные американцы, и все профсоюзные организации, все политические партии и направления, течения заняли по вопросу о китайских иммигрантах сходные или одинаковые позиции; можно даже говорить, пусть с оговорками, что речь шла об одной общенациональной позиции. Так оказалось, что в итоге первого века знакомства американцев и китайцев по этому вопросу сформировалось своего рода противостояние наций: американцев и китайцев; возможно, точнее в последнем случае было бы говорить о властях монархического Китая.

Когда Ричард Тревеллик попытался поставить условием то, что эта оппозиция со стороны профсоюзов относилась «к импорту, но не к свободной иммиграции китайцев», в своем обращении в качестве президента к Национальному союзу профсоюзов во время конвенции в Цинциннати в 1870 году, он столкнулся с жесткой оппозицией (С. 196). Те историки, которые чувствовали необходимым обнажить то, что калифорнийцы находились за каждым национальным выражением синофобии до 1882 года, могли выжать многое из того факта, что Делани из Сан-Франциско был председателем «Комиссии по труду кули» на этой конвенции (С. 196–197). Однако комитет по обращению Тревеллика также был в оппозиции к этому различению кули и иммигрантов, и вся конвенция поддержала это. Профсоюзы не были настроены в пользу такого мелочного педантизма. Когда Вендел Филипс и другие жертвователи в «Социалист» попытались провести такое же различие, как и Тревеллик, они были откровенно и энергично призваны к порядку (к исполнению своего долга) читателями. «Я верю в расу, и в этом вопросе меня поддерживают многие известные социалисты и просвещенные мыслители наших дней» — так выражал свой протест один из подписчиков (жертвователей) (С. 197).

Нельзя сказать, что по этому вопросу не было борьбы. Когда президент Национальной ассоциации профсоюзов призвал отнестись возражения со стороны профсоюзов «к импорту, а не к свободной иммиграции китайцев», он столкнулся с жесткой оппозицией.

Принципы, которые существовали для американцев, требовали равенства и свободы. Однако в случае с китайской иммиграцией американцам пришлось столкнуться с несвободой в Китае и с тем, что речь идет, по сути дела, о «торгово-политической» операции властей Китая или о поощрении ими такой операции, потому что сами люди, которых доставляли на морских судах из Китая в Америку, не были свободными людьми, не были отдельными и самостоятельными личностями, а были абсолютно бесправны. Их, как рабов или холопов, их китайские хозяева продавали американским хозяевам для выполнения тяжелого физического труда.

Это было совершенно новое явление для американцев. Китайцы в этом смысле отличались от людей других национальностей, других национальных общностей, которые приезжали в Америку.

Понимание того, что речь в данном случае идет об «импорте какого-то своеобразного товара», а не о добровольном стремлении людей переселиться в Америку, пришло в среду американцев.

Кроме всего прочего практика пребывания китайцев в Америке показала, что они остаются тесно связанными между собой группами, принадлежащими к своей культуре, к своей нации, и именно это и побуждало людей в Америке, и белых, и черных, опасаться такого «соседства», да еще и на равноправных началах, в «своем американском доме».

В условиях того времени использовалось слово «раса». Люди говорили, что в данном случае они «верят в расу». При этом имелось в виду, что они стремятся защитить себя как американцев. Защитить от китайцев как иного национального сообщества, иной расы, которая, как ощущали американцы, не стремилась американизироваться, стать частью «американской расы», частью американского общества, стать такими же, как и другие, гражданами США.

Джон Суинтон был ближе по характеру к рабочему, когда он занял откровенно расистскую позицию в своей колонке в «Нью-Йорк трибьюн» в 1870 году против всех китайцев, кули или свободных иммигрантов: «Монгольская кровь — это развращенная

(испорченная) кровь и кровь сниженного качества. Монгольский тип человечества — это низший тип, низший по своей органической структуре, по жизненной силе или физической энергии и по конституциональным условиям развития. В этом вопросе согласны все антропологи и этнологи». Чарльз Бергман горячо аплодировал, когда десять лет спустя, то есть в 1881 году, он потребовал во время конвенции Американской федерации труда (профсоюзов) в Питсбурге, чтобы конгресс запретил китайскую иммиграцию «абсолютно»; речь шла о резолюции, которая прошла при одном-единственном ином голосе. Как объяснил это Камерон: «Нет такой вещи, как китайская иммиграция. Говорить об этом так равнозначно тому, чтобы сказать, что мясо Буэнос-Айреса (!) эмигрировало в Великобританию» (С. 197).

Высказывания людей того времени, особенно с точки зрения современных взглядов, можно называть расистскими. В то же время необходимо понимать суть вопроса. Она состояла в том, что встреча и знакомство американцев с китайцами оказались встречей во многом несовместимых человеческих сообществ. Встретились сторонники демократии со сторонниками самовластия. Встретились сторонники республики со сторонниками монархии. Встретилось мнение американцев, выступавших за равенство и равноправие на основе закона всех людей вне зависимости от различий между ними, и Китая, где господствовало отношение к человеку как к «вещи», как к «собственности» или «имуществу» хозяина, правителя, императора.

Взаимное приспособление требовало времени, усилий. При этом оказывалось, что американцы нуждались в определенном периоде, когда неограниченный наплыв или неограниченный «импорт мяса Китая» в Америку должен был быть запрещен.

Конечно же, было несколько инакомыслящих (диссидентов) в отношении этой почти единодушной позиции, занятой организованным трудом (профсоюзами) против китайской иммиграции. Немногие, по большей части интеллектуалы, попытались утверждать мнение о различиях между кули и свободными иммигрантами, в то время как другие просто хранили молчание по этому вопросу. Лига реформ в сфере труда в Новой Англии отказалась провести дискуссию по китайскому вопросу на собрании в 1871 году, и Социалистическая рабочая партия сумела избе-

жать принятия резолюции, направленной против кули, на своей конвенции в 1878 году. Когда «Америкен социалист» осмелилась критиковать Крени за защиту насилия как средства, с помощью которого отделяются от китайцев, она была атакована «Нэшнл социалист». Можно также сделать вывод, исходя из его тотального молчания по этому вопросу, что Уильям Сильвис не был счастлив перед лицом растущей одержимости навязчивой идеей в отношении китайцев в рядах членов профсоюза вплоть до своей смерти в августе 1869 года. Пропаганда профсоюзов умело эксплуатировала все популярные страхи, относящиеся к китайской иммиграции; периодические издания и памфлеты рассказывали о грязи, болезнях и пороках китайцев и представляли перетолкованные аргументы дарвинианского порядка, в чем время от времени доходили до степени желтой опасности (С. 197). Такие темы появлялись во множестве и более часто, чем экономические проблемы, такие как дешевизна оплаты труда китайцев. Конечно же, жалобы последнего рода редко представляли без подкреплений в виде утверждений, что плата за труд, которая понижалась из-за кули, вынуждала женщин из белых семей заниматься проституцией — они обычно продавали свою плоть тем же китайцам, которые заражали их «проказой китайского проклятия». Когда Джон Айрши заявил, что veto Хейса наносит оскорбление каждой женщине в Америке, его аудитория, состоявшая из представителей рабочего класса, знала совершенно точно, что он имел в виду (С. 198).

Профессор Миллер высказывает мнение о том, что профсоюзы были почти единодушны в этом вопросе. В то же время в этой среде имелись некоторые инакомыслящие, была и часть людей, которые хранили молчание. Симпатии профессора Миллера на стороне двух последних категорий.

Одновременно он осуждает пропаганду профсоюзов, которая, по его словам, умело эксплуатировала все популярные страхи, имеющие отношение к китайской иммиграции; периодические издания и памфлеты рассказывали о грязи, болезнях и пороках китайцев и представляли перетолкованные аргументы дарвинианского порядка, в чем время от времени доходили до степени желтой опасности.

Собственно говоря, это общее место в иной раз прорывающихся противоречиях по вопросу о Китае и китайцах, а точнее, по

вопросу о политике властей Китая в последнее столетие, прежде всего Мао Цзэдуна и его последователей в особенности.

Здесь в первую очередь необходимо сказать, что Мао Цзэдун и его приверженцы и последователи являются наследниками конфуцианской мысли о старшинстве везде и всегда, о том, что все и вся должны добровольно подчиняться верховенству старшинства, подчиняться беспрекословно власти, то есть утверждают принцип единовластия или самовластия. А это не только определяет некую основу или стержень внешней политики, но и отношение к человеку, к человеческой личности, к достоинству и правам человека как к тому, что должно подчинять политической воле, желаниям и приказам правителя, власть имущего. Причем, согласно идее конфуцианства, если люди не подчиняются мирно навязываемой им воле, господству власть имущего, то у него есть право заставить их подчиниться силой.

Американцы, так сложилась история их взаимоотношений с китайцами, столкнулись именно с таким «порядком», который в Китае китайские власти считали само собой разумеющимся.

Свободный человек в лице американца встретился с самовластием и восстал против него в борьбе за принцип свободы и равенства людей на Земле. Вот в чем была суть столкновения между американцами и китайцами в то время.

Сам термин «желтая опасность» зачастую вплоть до настоящего времени, как и вообще критику любых, в особенности главных составных частей политического режима, существующего в КНР, обычно осуждают с помощью такого приема, как обвинение в адрес тех, кто видит суть проблемы в том, что они, дескать, излишне эмоциональны, пытаются создать впечатление, что стремление защитить свободу, равенство, независимость людей, права человеческой личности — это якобы эмоциональный подход к политике властителей Китая, которые не делают ничего такого, что заслуживало бы осуждения.

Противоречия возникали в США и тогда, когда обращали внимание на дешевизну труда китайцев. Сегодня это может быть дешевизна китайских товаров и т. п.

Тогда это, в частности, приводило к ухудшению условий существования в других странах и, в частности, к проституции, то есть сказывалось на женщинах. И это защитники политики Мао Цзэдуна и его последователей пытаются оправдывать или не замечать.

Часто то зло, которое выдвигалось в повестку дня китайской иммиграцией, намеренно описывалось весьма смутно в этих источниках, обращаясь к «азиатским ужасам» и «губительной атмосфере жизни Востока», и таким образом читатель мог усилить опасности с помощью своего собственного воображения. Медицинские метафоры использовались настолько часто, что было трудно во всех случаях определить и сказать, имели ли эти авторы в виду привычки в обществе или физические несчастья, когда они вели речь о китайской «проказе» и «распространении рака» в американских городах.

В других случаях точная природа угрозы называлась более исчерпывающе. «Уоркингсмен адвокат» в 1873 году тщательно каталогизировала различные методы, с помощью которых китайцы разлагали основной поток крови нации. «Бесчисленные притоны», гнездившиеся подле каждого китайского квартала (поселения китайцев), удерживали белых девушек с целью «преступлений, которые невозможно назвать». В качестве слуг китайцы приносили с собой свои «низкопробные привычки» и «отвратительные болезни» тут уже непосредственно в американский дом. Там им разрешалось «купать и одевать маленьких белых девочек». Будучи введены в заблуждение (обмануты) детским внешним видом этих китайцев-боев, слуг в доме, матери без задних мыслей раздевались в их присутствии. Под видом безвредно выглядывших сигар китайцы заносили большие болезни в американские семьи. «Своими изъязвленными проказой руками они заворачивали свои опадавшие струпья (чешуйки) проказы в табак, и курильщики всасывали их в свой организм, что могло проявиться через год или через десять лет, и дети могли унаследовать болезнь от невнимательного отца» (С. 198).

И в данном случае, с одной стороны, особенно «с высоты сегодняшнего дня», можно осуждать такого рода обвинения. С другой стороны, в то время все это существовало в действительности, в практической жизни, и можно понять тех, кто стремился все это прекратить.

Эти профсоюзные журналисты продолжали грехотать об экономической угрозе китайского предпринимательского духа. Кули свертывали сигары и делали ботинки только до той поры, пока они не овладевали навыками делать бизнес. «Джон в целом

слишком умен, чтобы работать за доллар двадцать пять центов, если он видит возможность заработать больше», — предупредил Камерон белых нанимателей (работодателей). С доходами от заработной платы кули на фабриках сигар и обуви эти селестианские бизнесмены производили впечатление тех, кто распространялся экономически и географически, и таким образом его следующей ступенью могло оказаться банковское дело в Нью-Йорке (С. 198). Это был тот эффективно работавший аргумент, который возбуждал страхи у множества редакторов, настроенных против профсоюзов, которые поддерживали китайскую иммиграцию (С. 198–199).

Профессор Миллер последовательно проводит мысль о том, что в Америке по ряду причин был создан такой образ китайцев, который подтолкнул американцев, играя на их предрассудках, их предвзятости, их предубеждениях, к очевидно не обоснованному и неправильному решению о недопущении в США китайских иммигрантов.

Вопрос о политике властителей Китая, о реальных действиях и поведении китайцев-иммигрантов в Америке пытались при этом сводить к утверждению, что американцам следует считаться с тем, что дух предпринимательства оказывается в большей степени присущ китайцам, чем американцам, и невозможно возражать против того, чтобы китайцам в Америке были предоставлены возможности для проявления ими духа предпринимательства.

Самые эффективные из этих статей в периодической печати профсоюзов были перепечатаны много раз на протяжении 1870-х годов, часто в том же журнале или отдельно как часть памфлета с тем, чтобы убедить читателей, которые мало нуждались в убеждениях такого рода, в том, что китайцы несут с собой «моральную гибель, нищенство (пауперизм) и болезни в своей толпе».

Если пять самых известных ирландских газет в Нью-Йорке на протяжении 1870-х годов были все типичны для этого жанра, то редакторы-ирландцы были единодушно в оппозиции иммиграции китайцев. По иронии судьбы аргументы синофобского характера, которые можно обнаружить в кельтской прессе, зачастую напоминали те, которые были направлены против иммигрантов-ирландцев местными (аборигенами) редакторами. При этом курение опиума заменяло пристрастие к тому, чтобы

пить виски; конечно же, однако, в других отношениях эти ирландские редакторы жаловались на то, что китайцы были не знакомы с демократией, подрывали христианство, совершали преступления и были безнравственны. Такие «деградировавшие расы», как «ниггеры и чайнамены», были «неспособны» понять принципы демократии, за которые последовательно вели борьбу ирландцы, — это декларировала «МакГи иллюстрэйтед уикли» в 1877 году. «Вы не можете резко остановиться при проведении того курса, который вы взяли, вы филантропы», — издевался редактор «Айриш ситизен» над республиканцами в 1870 году. «Или Декларация независимости требует от этой нации открыть свои двери для 300 миллионов бесстыдных желтых мошенников, или не требует допускать три или четыре миллиона вонючих идолопоклонников — черных парней». Он напомнил им, что «разумные люди хотели держать этих негров на своем месте». По контрасту с китайцами иммигранты с Изумрудного острова (из Ирландии) многое приобрели в Соединенных Штатах, — напоминал этот редактор своим читателям — и это при том, что, как можно предполагать, среди них не было никаких урожденных англосаксов. Однако он всего лишь требовал, чтобы скорее расовая, чем этническая дискриминация формировала основу американской политики в области иммиграции: «Мы хотим, чтобы белые люди обогащали страну, а не того, чтобы монголы добивались ее деградации и навлекали на нее позор и бесчестие» (С. 199).

Свою лепту в формирование в США негативного образа китайцев вносили ирландцы, их СМИ. Здесь тоже возникал «единый фронт белых людей» против «деградации», которую несли с собой китайцы.

Однако по сравнению с профсоюзной прессой этнические ирландские газеты в Нью-Йорке намного меньше мучились навязчивой идеей — китайским вопросом. Селестианские иммигранты должны были разделить ирландское возмущение Англией, неграми, атеистическими публичными школами, ложей оранжистов и бичом человечества, седьмым полком, который обычно использовался для защиты маршей протестантов при праздновании битвы при бойне каждое 12 июля, исходя из кельтской справедливости (С. 199).

СМИ ирландцев в то же время призывали китайцев разделять возмущение ирландцев Англией, неграми, атеистическими публичными школами, ложей оранжистов и т. д.

Дело против католического духовенства и католической прессы вне Калифорнии вести труднее, если люди не будут подразумевать антикитайские чувства за своим почти полным молчанием по этому вопросу (С. 199–200). Это упущение находится в резком контрасте с непрекращающимися требованиями более великой справедливости для индейцев, а в равной степени борьбы против любых ограничений европейской иммиграции, которые можно обнаружить в официальных и полуофициальных католических источниках того времени. Одна история знаменитой газеты «Кэтолик телеграф» приводила к выводу, что ее редакторы «заявили об иной позиции» по вопросу об иммиграции с Востока. Когда официальный представитель церкви в Нью-Йорке выступил с репримандом в отношении Дениса Керни в 1878 году, это произошло по той причине, что он проповедовал социализм, а не из-за его яростной синофобии (С. 200).

Католическая церковь и ее печать в Америке практически отмалчивались, не затрагивали тему китайской иммиграции.

В 1878 году «Америкен кэтолик квотерли ревью» на миг прервала молчание, совершив некую острую атаку на китайскую иммиграцию. «Не состоит ли наш долг в том, чтобы обращать их (китайцев) на путь истины?» — спрашивал один анонимный жертвователь. «Да. Если они хотят быть обращены, но они не хотят. <...> Они язычники, неописуемо нечисты, нетерпимо грязны; и будем ли мы реформировать их? Да, если это возможно, но это невозможно». Автор был осторожен и стремился отделить себя от вульгарного «ничего незнания» Керни, однако он хотел исключить китайцев тихо и спокойно. Знаменитый либеральный католический историк Джеймс Гилмар Шие внес еще одну статью в это издание в 1880 году под названием «Быстрый рост опасных классов в Соединенных Штатах», в которой он потребовал, чтобы китайцы были удалены из страны — вместе с пауперами, развратниками, мормонами и утопическими социалистами. Большую часть проблем нации можно было бы решить такой экстрадией, считал Шие, наряду с включением Господа Бога в консти-

туцию. Он делал уступку, допуская, что некоторые преступления и пороки существовали среди иммигрантов-ирландцев, однако это являлось результатом бедности. По своей натуре (природе) ирландцы были «чисты, добродетельны и здоровы», — настаивал Шие. В то время как «ошибки китайцев были наследственными (традиционными)», — настаивал он (С. 200).

Однако и среди ирландцев были те, кто требовал удаления китайцев из страны по той причине, что «ошибки китайцев были наследственными». Это означало, что китайцам с этой точки зрения были присущи врожденные пороки, «пороки от природы». Таким образом, и в среде ирландцев китайцы-иммигранты не могли найти защиту.

Вскоре после введения в силу первого закона об исключении Брайан Клинч суммировал китайский вопрос «как имеющий отношение к американским католикам» в том же католическом журнале. Он внимательно осудил синофобию Керни и обещал «честную эволюцию» вопроса. «Описывать азиатских иммигрантов как тело, состоящее из прокаженных и рабов», было точно так же «абсурдно» с точки зрения Клинча, как настаивать на том, что американское «суровое испытание» может «сдерживать всех китайцев, которые хотят приехать». И все же Клинч оказался всего-навсего более утонченным Керни. Пользуясь более умеренным языком, он поднял все стандартные популярные экономические, культурные и расистские аргументы против китайской иммиграции. Его откровенная поддержка теории микробов применительно к области культуры имела интересные последствия для евангелической миссии христианства (С. 200). Он аргументировал, что история научила нас, что только европейцы обладают естественной основой для того, чтобы быть христианами (для христианства); и именно по этой причине так легко было обратиться в христианство германские племена, которые оккупировали Рим, в то время как было невозможно христианизировать марокканцев и арабов в Испании (С. 200–201). Три века провала усилий европейских миссионеров в Азии и Африке вынудили его прийти к выводу о том, что «детской» была даже сама надежда на обращение, когда дело касалось небелых. Китайцы в Америке никогда не превратятся в христиан, никогда не разовьют в себе то «чувство патриотизма, любви к политической свободе, которое

является общим для всех рас Европы». Однако Клинч обусловил то, что индейцы и негры могут оставаться, поскольку у них есть «природное право» быть здесь, в то время как у китайцев такого права нет (С. 201).

Среди католиков США существовало и такое мнение, что, думая о китайцах, необходимо принимать во внимание евангелическую миссию христианства и ее историю. С этой точки зрения только европейцы обладают естественной основой для того, чтобы быть христианами (быть обращенными в христианство). История попыток обращать людей в Азии и в Африке в христианство свидетельствует о том, что «детской» была сама надежда на обращение небелых людей. При этом также утверждалось, что китайцы в Америке никогда не превратятся в христиан, никогда не разовьют в себе то «чувство патриотизма, любви к политической свободе, которое является общим для всех рас Европы».

Один официальный католический представитель, Сэмюэль Беккер, в свое время профессор университета в Вирджинии и секретарь епископа Уилмингтона в Делавэре, написал остроумный памфлет о политическом кризисе, произведенном расследованием совместного комитета конгресса китайской проблемы в Калифорнии в 1876 году. В предисловии к этому памфлету Беккер, однако, допустил, что католики «присоединились как институт к травле китайцев». Если духовенство было так же, как Беккер, раздражено ролью, которую сыграла их паства в антикитайском движении, они оставили мало свидетельств этого и приветствовали жалобы Беккера молчанием.

Более систематизированное исследование профсоюзов и католического духовенства вне или за пределами Калифорнии, уделяющее (придающее) специальное внимание роли ирландцев в вопросе о китайцах, необходимо (в нем имеется нужда). Скучность (бедная ситуация) сохранности и хаотичная организация записей относительно ирландской прессы и католических газет, которые пользовались по крайней мере полуофициальным статусом, создают громадные, но не непреодолимые препятствия для такого предприятия (С. 201).

Вопрос о том, насколько всеобщим было принятие американцами негативного образа китайцев, до конца не разрешен. По мне-

нию профессора Миллера, здесь необходимы дополнительные исследования.

Последний и самый решающий фактор успеха антикитайского движения на общенациональном уровне был историческим фактором, а именно это неблагоприятный образ китайцев, который предшествовал их появлению в Соединенных Штатах. Это, конечно же, представляет собой предмет особой заботы при данном исследовании. Калифорнийцам не нужно было приложить много усилий для убеждения своих соотечественников в том, что китайцы будут нежелательными гражданами. Существующий образ китайцев в Америке уже сделал это за них. На протяжении десятилетий американские торговцы, дипломаты и протестантские миссионеры развивали и распространяли концепции относительно китайцев, их обмана (хитрости), коварства, идолопоклонства, деспотизма, ксенофобии, жестокости, умерщвления младенцев и интеллектуальной и сексуальной извращенности (порочности). Этот негативный образ (представление) уже нашел отражение в американских журналах и учебниках по географии до 1840 года; факт, который расходится с утверждениями, сделанными многими дипломатическими историками, состоит в том, что американцы уважали китайцев и симпатизировали им во время англо-китайских войн (С. 201–202). Эти войны в сочетании с Тайпинским восстанием, миссией Берлингема, Тяньцзиньской резней и эмиграцией китайских «кули» в Западное полушарие совпали с развитием признанных модернизированными (современными) массмедиа в Соединенных Штатах. Немедленным результатом явился выдающийся скачок в сфере озабоченности в Америке Китаем, если каким-то индексом тут может служить то, что в массмедиа после 1840 года имело место громадное увеличение освещения этой нации (рассказа об этой нации). И именно этот неблагоприятный, развитый ранее взгляд торговцев, дипломатов, миссионеров на китайцев оказался в распоряжении редакторов для популяризации его на протяжении этого периода, во время которого имела место (случилась) целая цепь сенсационных событий в Китае (С. 202).

Помимо всей упомянутой цепи исторических событий, можно обратить внимание и на следующее обстоятельство.

Время с 1776 по 1882 год — это фактически первое столетие истории Соединенных Штатов Америки.

И так случилось помимо воли американцев или китайцев, что именно первое столетие формирования самой нации американцев и самоутверждения этой нации на мировой арене, включая и войну за освобождение от колониального положения в XVIII веке, и войну внутри США в XIX веке, именуемую гражданской войной, то есть включая две войны, которые американцы, выступавшие против колониального положения и против рабства, выиграли и чем они гордились, гордились победой принципов свободы и равенства, утверждения прав человеческой личности, совпали с первым столетием знакомства американцев с китайцами.

Американцы с их принципами не могли согласиться с принципиальной же позицией китайских властей и массы используемых ими подданных китайского императора.

Отсюда естественным выглядит негативное представление о китайцах у американцев.

Собственно говоря, нации встретились. Начали знакомиться друг с другом. Увидели, что общего между ними мало, и поняли, что пока каждая нация может и должна жить отдельно и самостоятельно, будучи хозяином у себя дома и не претендуя на то, чтобы, будучи в гостях, диктовать свои условия «хозяевам» «чужого монастыря».

Главная задача синофобов состояла в том, чтобы убедить соотечественников (приятелей) американцев в том, что в настоящее время ставшая знакомой культурная угроза со стороны китайской иммиграции перевешивает любые возможные экономические и религиозные выигрыши, которые могут быть ее следствием (следовать от нее). Мощный накал национальной гордости, который характеризовал эру после гражданской войны, делал выполнение этой задачи менее трудным, и это облегчалось всеми старыми обвинениями против китайцев, к которым добавлялись новые страхи рабства, враждебных племен (родов), таинственных микробов, нечестной конкуренции со стороны неожиданного предпринимательского духа китайцев и извращенных дарвинистских аргументов, которые превосхищали страх перед желтой угрозой, который был более четко артикулирован спустя десятилетие.

И как только закон об исключении был принят, это произвело свой собственный эффект (воздействие) на представления (образ) американцев о Китае. Выборочный (случайный) взгляд на

массмедиа после 1882 года показывает, что знакомые тематика и страхи относительно китайцев приняли исторические пропорции к концу века. Это иллюстрирует функциональную взаимозависимость между когнитивным образом (образом, существующим в сознании, присущим познанию) и институциональным изменением. Действия властей (правительства) превратили неблагоприятный образ китайцев в официальное определение этого; и журналисты живо снабдили это большим иллюстративным материалом, взятым из чайнатаунов в Америке, с целью оправдания этого решения и на будущее. Те, кто выступал против исключения до 1882 года, пострадали от определенной массы (доли) когнитивного диссонанса после того, как это стало официальной политикой. Этот диссонанс мог быть облегчен изменением политики исключения или регулированием образа с тем, чтобы оправдать запоздало (задним числом) решение об исключении китайцев. Судя по накалу (высокой сфере действия) критики китайцев после 1882 года, причем в тех газетах и журналах (ресурсах), которые до того выступали против исключения, — протестантское духовенство, некоторые бизнесмены и «Нью-Йорк таймс», — кажется, что многие американцы избрали последний метод когнитивного упорядочения (С. 202).

Профессор Миллер видит принятие закона об исключении китайских иммигрантов как ошибку, которая усугубила, ухудшила и так до того времени неправильное отношение американцев к китайцам.

Эта ошибка, с точки зрения профессора Миллера, была совершена под воздействием синофобов, то есть под воздействием эмоций. Этой ошибки могло и не быть и не должно было быть — это следует из рассуждений профессора Миллера.

Время, прошедшее с тех пор, с момента принятия закона об исключении китайских иммигрантов в 1882 году, показало, что стороны продолжают нащупывать пути к знакомству между собой в такой степени, чтобы это дало им возможность искать и находить то или иное взаимопонимание, чтобы затем на этой основе искать и находить ту или иную степень доверия.

Пожалуй, сам факт принятия в 1882 году соответствующего закона в большей степени способствовал постепенному развитию двусторонних отношений и не позволил еще больше усилить негативное отношение к китайцам на территории США.

Начавшаяся до принятия этого закона неограниченная иммиграция китайцев в США могла привести, если бы ее не ограничили, к острым столкновениям между американцами как хозяевами своей земли и китайцами, которые, будучи гостями, претендовали на равное положение с единственными законными хозяевами этой территории.

Преувеличенная реакция на китайских иммигрантов в Америке в XIX веке может также иллюстрировать другие отношения, гипотезу чего представил Толман как результат своих экспериментов на «когнитивных картах (планах) (познавательных картах, картах познания)» (С. 202–203). Толман предположил, что «три динамизма, соответственно именуемые “регрессом”, “фиксацией” и “перенесением агрессии на иные группы”, являются выражением когнитивных карт (познавательных планов или карт), которые являются слишком узкими, и что возникает и создается внутри нас как результат слишком насильственных мотиваций или слишком интенсивной фрустрации (расстройства, крушения) (С. 203).

Профессор Миллер считает преувеличенной реакцию в США на китайских иммигрантов.

С его точки зрения, мотивация, приведшая к решению о недопущении китайских иммигрантов в США, была «слишком насильственной». Она была также результатом слишком интенсивной фрустрации, то есть расстройства, крушения надежд.

Очевидно, что профессор Миллер хотел бы, чтобы на рубеже 1960–1970-х годов стороны, в первую очередь США, осознали эти уроки прошлой истории их взаимоотношений. Поняли, что во взаимоотношениях с Китаем Америка не должна питать слишком большие надежды и в то же время не слишком бурно реагировать на то, что американцам представляется крушением упомянутых надежд.

Развивая свое представление (когнитивный образ) о китайцах в XIX веке, американцы неоднократно (раз за разом) совершали эксперименты, следуя по пути нереалистичных ожиданий, за которыми следовали горькие (острые) разочарования. С самого начала своей торговли в Китае американцы ожидали (благодарности) награды, вознаграждения, что не материализовалось

никогда. Тогда все были полны ожиданий того, что горстка миссионеров или, вероятно, Господь Бог повлияет на быстрое и чудодейственное массовое обращение китайцев (в христианство). Провал реализации этих достижений (выгод) до 1840 года был отнесен на счет неразумных запретов Китая на деятельность торговцев и миссионеров, устранение которых (ограничений) путем войны явилось возможностью вновь возросших (надувшихся) надежд. Прозелитизм (обращение в свою веру), благоприятный баланс в торговле — если не благосостояние, басни о котором давно ходили, — и нормальные дипломатические отношения должны были бы последовать за подписанием договора в Ванся в 1844 году. И, однако, каждый раз американские надежды, достигая нереального уровня, имели (являли) своим следствием все большее расстройство. Горечь, причиной которой было это разочарование, можно было увидеть в запоздавшем оправдании Опиумной войны к 1850 году со стороны некоторых ярких критиков Англии во время самого этого конфликта (С. 203).

С точки зрения профессора Миллера, американцы в XIX веке сами создавали для себя, у себя в умах свое представление о китайцах.

Таким образом, наряду с реалиями, с тем, какими именно в действительности были китайцы, у американцев возникало и представление о них. Возникало представление, которое не было реальным. Значит, американцы, прежде всего с точки зрения профессора Миллера, сами виноваты в том, что их отношения с китайцами складывались не так, как это могло быть и должно было быть. Для этих двусторонних отношений были характерны следовавшие раз за разом циклы: нереалистичные ожидания — горькие и острые разочарования.

Иначе говоря, история в XIX веке раз за разом учила американцев, а они так ничему и не научились и раз за разом повторяли свои ошибки. Такой предстает в видении ее профессором Миллером история американо-китайских отношений.

Китай при таком видении событий предстает неким непоколебимым утесом, о который раз за разом разбиваются волны американских надежд. Америка здесь представлена полной благородных устремлений, выдвигающей явно выгодные с ее точки зрения для китайцев предложения, то есть предстает чудачком, идеалистом, действующим в ущерб своим интересам, оказавшимся неспособ-

ным понять суровую правду жизни, то есть то, что с Китаем возможны только отношения по принципу, когда каждая сторона берет у партнера лишь то, что считает выгодным для себя, и исходит из того, что в конечном счете партнер должен подчиняться требованиям и претензиям, выдвигаемым китайской стороной.

Профессор Миллер приводит примеры такого хода событий. С его точки зрения, с самого начала своей торговли в Китае американцы ожидали благодарности, награды, вознаграждения, что не материализовалось никогда. Действительно, ожидать благодарности от китайцев в вопросах торговли не приходилось и не приходится. Торговля с ними может быть в лучшем случае только обменом между сторонами теми товарами, которые каждая сторона считает выгодным брать у партнера. Таким образом, в торговле должен соблюдаться принцип равенства и материальной выгоды. Слова о взаимности, о взаимной выгоде, о двустороннем выигрыше остаются при этом декорацией, предназначенной для создания внешне благоприятной атмосферы.

Далее, американцы ожидали быстрого, массового и чудодейственного обращения китайцев в христианство. И этого не произошло. Это говорило о том, что во взаимоотношениях с Китаем китайцы могут принимать или воспринимать что-то из духовного багажа партнера, однако китаизируя это, придавая этому исключительно китайский характер, превращая это в то, что ассимилировано китайцами.

Никакая чуждая для Китая идеология не может быть принята китайцами. Более того, китайцы и изначально, и в дальнейшем стремились навязывать остальному человечеству свой образ мыслей, свою идеологию. Китайцы намерены в конечном счете китаизировать и всякую идеологию, и всякую религию, с которыми они сталкиваются на дорогах истории.

Ассимиляция и китаизация всего и вся, с чем приходится сталкиваться на пути к «великому возрождению великой нации Китая», — вот в чем состоит ядро политики последователей Мао Цзэдуна в современном Китае.

Американцы в XIX веке, реагируя на действия китайских властей, считали это следствием неразумных запретов со стороны китайских властей на деятельность американских торговцев и миссионеров.

Здесь можно снова отметить то, что двусторонние отношения между американцами и китайцами начались не с установления

официальных дипломатических отношений, а с того, что в Китае иной раз называют *минь цзянь вай цзяо* — внешними связями между народами.

Причем здесь играли свою роль действия обеих сторон, каждой в отдельности, в двух областях: в торговле и в сфере религии (идеологии). И в той, и в другой области в конечном счете американцам пришлось постепенно осознать, что речь может идти не о внесении неких казавшихся американцам или считавшихся американцами общепринятыми общечеловеческих понятий и правил в качестве руководящих принципов установления и налаживания отношений, а о договоренности о том, с чем согласны обе стороны.

При этом каждый термин и каждая формулировка в двусторонних договоренностях, документах трактуется каждой стороной по-своему, и партнер должен исходить из этого, стремиться как можно глубже понять позицию другой стороны.

Устранить такие запреты иностранцы, прежде всего англичане, но и сочувствовавшие им американцы, надеялись путем войны.

Американцы считали, что первый договор, подписанный ими с китайцами в Ванся в 1844 году, мог обеспечить при его надлежащем выполнении обращение китайцев в христианскую веру, благоприятный баланс в торговле и нормальные дипломатические отношения.

Каждый раз американские надежды раздувались до невероятного уровня, и каждый раз они имели своим следствием все большее расстройство.

Собственно говоря, то, о чем говорит профессор Миллер, — это описание взглядов, существовавших и существующих в Америке. При этом бросается в глаза то, что действующим лицом здесь оказывается лишь одна из сторон, а именно американцы. На самом деле в двусторонних отношениях действующими сторонами являются обе стороны. Возможно, что непонимание этого или недостаточное понимание этого сказалось на истории американо-китайских отношений.

Тайпинское восстание быстро возродило надежды на протестантский, коммерчески ориентированный Китай, исполненный благодарности за американский нейтралитет во время первой англо-китайской войны и за победоносное обращение Хун Сюцюаня, совершенное руками американского миссионера. Еще раз эти ожидания превратились в иллюзорные в результате выяв-

ления богохульства и ксенофобии тайпинов. Британская политика была снова оправдана в горьком выводе, что бомбардировка — это единственный путь иметь дело с китайцами. Благодаря «мудрости», проявленной королевским флотом, мы получили новый договор в 1858 году с тем, чтобы ликвидировать «лазейки» предшествующего договора, препятствовавшие сбору нами урожая материальной выгоды и души. Эти новые надежды, как это было доказано, оказались, однако, еще более эфемерными, чем прочие, когда китайцы «вероломно напали из засады» на франко-британские силы в Дагу и унизили американского посланника в Пекине. По сути дела, этот цикл случился слишком быстро, чтобы позволить американскому оптимизму испариться, и угрожавшая (возникавшая угроза) гражданская война в Соединенных Штатах укоротила любую остроту (горечь, которая была следствием событий), вытекающую из них (С. 203).

Дальнейшие события профессор Миллер трактует в том же ключе: иллюзорные надежды Америки и их крушение под напором реальных событий.

Здесь прежде всего, хотя и уже вторым по счету в исторической последовательности после иллюзий, порожденных сообщениями купцов и миссионеров о Китае, всплывает феномен Тайпинского восстания. Это действительно было событие внутри Китая, которое в Америке видели, преувеличивая его значение для американо-китайских отношений.

В США фактически еще раз и еще раз безосновательно надеялись на то, что наконец-то американцам удалось оказать воздействие на китайцев. Китайцы, дескать, приняли христианство, были в массовом порядке обращены в христианство, стали христианами. В результате возник протестантский, коммерчески ориентированный Китай.

В середине XX века в нашей тогдашней стране, в таком государстве, как СССР, тоже возникла мысль, даже убеждение, оказавшееся, впрочем, иллюзией, в том, что появился «новый Китай», который «шагает рядом с могучим Советским Союзом», как пели в советской песне «Москва — Пекин».

Американцы на какой-то момент сочли, что их и китайцев-тайпинов объединяет общая религия, то есть христианство, протестантизм, и что этот «новый Китай», или «протестантский Китай», станет коммерциализированным, то есть не только молящимся

одному с американцами Богу, но и разделяющим с американцами принципы торговых взаимоотношений.

Более того, в США так же безосновательно возникла иллюзия, что китайцы испытывают к США чувство благодарности за нейтралитет США во время первой англо-китайской войны 1840–1842 годов. На самом деле китайцы никакого чувства благодарности к американцам, как и вообще к кому бы то ни было в мире, тогда, как, впрочем, и всегда, не испытывали.

Для них не было существенной разницы между англичанами и американцами. Они видели и тех, и других врагами. Китайцы считали, что США просто стараются извлечь выгоду для себя из сложившегося положения, и попытались сыграть на иллюзорном, ими же самими и только ими же самими создававшемся представлении об американцах как «друзьях» Китая в отличие от британцев.

В США тогда существовала еще одна иллюзия. Американцы думали, что китайцы могут быть им благодарны за победоносное обращение в христианство вождя тайпинов Хун Сюцюаня, совершенное американским миссионером.

На самом деле само появление тайпинов было чисто внутрикитайским событием. Тайпины, подняв восстание против власти маньчжуров, против Великой Цинской империи, просто сочли выгодным отделиться от них, маньчжуров, и их империи и религиозно. И здесь им представилось наиболее выгодным поднять не знамя одной из религий, существовавших в Китае, а знамя какой-то новой религии. Это оказалось знамя христианства.

Однако все это было исключительно внутренними китайскими событиями, и никакой благодарности по отношению к американцам китайцы-тайпины не испытывали. Скорее они могли считать, что это американцы должны быть им, во-первых, благодарны за то, что в Китае поднято это знамя, и, во-вторых, за то, что в мире наконец-то появился подлинный, исключительно китайский, самый настоящий и единственно верный протестантизм.

Очень быстро американцы убедились в том, что они остаются для «людей Китая», в том числе для тайпинов, чужими и чуждыми. Ксенофобия и богохульство, с точки зрения американцев, были и оставались присущими всем в Китае, в том числе и тайпинам.

Так оказалось, что второй раз за историю отношений американцы откуда-то извлекли надежду на новый, коммерциализиро-

ванный и протестантский Китай, и второй раз за всего одно столетие эта надежда рухнула.

Американцам пришлось тогда присоединиться к англичанам в их уверенности в том, что заставлять китайцев идти на договоренности можно только благодаря залпам орудий, в данном случае Британского королевского флота.

Здесь вспоминаются слова Мао Цзэдуна о том, что залпы орудий Октябрьской революции в России донесли до китайцев марксизм-ленинизм. Залпы упоминались и в том, и в другом случае. Однако все дело, с точки зрения «людей Китая», было в том, что это были «залпы чужих», «чужие залпы», которые так или иначе нужно было осмыслить в Китае, сделать выводы и использовать в своих и исключительно своих интересах, в том числе и применительно к иностранцам.

Уже упоминалось о том, что Ху Яобан говорил, что еще раньше марксизма в Китай пришли «две госпожи»: «госпожа Демократия» и «госпожа Наука». Вопрос о марксизме в Китае — это совсем непростой вопрос. Тут у китайцев есть разные мнения. Есть позиция Мао Цзэдуна, а есть позиции других лидеров КПК.

Немаловажным представляется и упоминание профессором Миллером о том, что именно тогда китайцы унизили американского посланника в Пекине. Именно это следует воспринимать как проявление подлинного отношения к американцам в тогдашнем Китае.

Все это происходило в преддверии гражданской или внутренней войны в США. Поэтому то, что происходило в Китае, оказалось настолько далеко от действительно волновавших американцев внутренних событий в Америке, что в США даже не поднялась значительная новая волна горечи как следствие новых разочарований.

Иллюзии и разочарования — такой предстает трактовка американо-китайских отношений с той точки зрения, которая существует в Америке.

На самом деле знакомилась и сталкивались две нации, каждая из которых была преисполнена самоуверенности и утверждала свою самостоятельность и самозначительность. Нации только «увидели» одна другую. Им предстояло начать знакомиться. Пытаться понять друг друга, а затем искать пути к взаимопониманию по тем или иным вопросам и осознанию необходимости поиска общих принципов, понятий, формулировок и терминов.

И если у китайцев никогда не было никаких иллюзий в отношении американцев, в Китае никогда не считали, что можно заставить американцев добровольно и сознательно следовать за китайцами, то в Америке такие иллюзии существовали.

Это вызывалось, в частности, присущим американцам в данном случае высокомерием, исходившей изнутри попыткой считать себя выше китайцев, своим правом учить китайцев. Американцы попытались выступить в роли наставника для китайцев. Они далеко не сразу поняли, что китайцам ничего нельзя и невозможно навязывать. Более того, у китайцев всегда существовала уверенность в том, что это иностранцам рано или поздно придется согласиться с тем, чтобы быть ассимилированными китайцами.

С точки зрения китайцев, претензии американцев на роль «ведущих» во взаимоотношениях с китайцами не имели под собой никаких оснований. Американцам пришлось на протяжении длительного времени постепенно осознать это, осознать, что речь идет об отношениях равноправных субъектов, «действующих лиц» на мировой арене.

К 1869 году лидеры американского общественного мнения еще раз исполнились энтузиазма относительно наших перспектив в Китае; спасибо за это следует сказать Энсону Берлингему. Наша особая дружба с этой нацией позволит нам монополизировать китайский рынок в интересах американских производителей и эксплуатировать дешевую рабочую силу из Китая в Соединенных Штатах (С. 203). Здесь было меньше интереса (заинтересованности) в душах китайцев, вероятно (или возможно) по той причине, что американские миссионеры с подозрением и сомнением относились к договору Берлингема (С. 203–204). Спустя год новости из Тяньцзиня и новые взрывы ксенофобии в Китае разрушили эти надежды о скалы разочарования (С. 204).

В третий раз за одно столетие, за XIX век, американцы породили у себя надежды, исполнились энтузиазма относительно перспектив США в Китае. Это произошло в конце 1860-х годов, особенно благодаря подписанному тогда договору Берлингема.

Так получилось, что в те времена американцы подписали с китайцами два договора: в Ванся в 1844 году и договор Берлингема в 1868 году. (Попутно, просто ради напоминания, необходимо сказать, что в 1896, 1924, 1937, 1945, 1950 и 2001 годах Россия [СССР]

и Китай подписали между собой шесть договоров. В истории отношений России с Китаем и Америки с Китаем есть нечто сходное.)

У американцев снова возникла и утвердилась, пусть на ограниченное время, мысль об особой дружбе американцев с китайцами.

Такие настроения возникали и у других стран, в частности в нашей стране, во времена существования СССР.

Дело в том, что ни в том, ни в другом случае ответного искреннего движения со стороны Китая либо вовсе не было, либо оно оказывалось непревалирующим в политике тех, кто держал в своих руках власть над Китаем.

Американцы благодаря договору Берлингема думали, что им удастся монополизировать китайский рынок в интересах американских производителей и эксплуатировать дешевую рабочую силу из Китая в США.

Очевидно, естественным, хотя, возможно, и не осозанным в должной степени уроком тут явилось то, что на сей раз в Америке уже было меньше интереса или заинтересованности в душах китайцев, то есть в стремлении обратить китайцев в христианство.

Американцы интуитивно начали понимать, что китайская душа останется китайской душой.

Подчинить себе образ мыслей китайцев, их души никому никогда не удавалось. Скорее иностранцам пришлось сталкиваться с настойчивостью китайцев, с навязыванием ими своей точки зрения иностранцам.

Речь могла идти только о поисках некоторого взаимопонимания или договоренности по некоторым вопросам, но не о духовной общности. С этим пришлось столкнуться всем, в том числе и американцам и людям в нашей стране.

И третья волна иллюзий американцев относительно развития отношений с Китаем разбилась о суровые факты: убийства миссионеров в Тяньцзине, новые взрывы ксенофобии в Китае.

Так получилось, что в XIX веке в США по крайней мере трижды вспыхивали иллюзорные представления о Китае, несбыточные надежды на то, что удастся «научить», «наставить» китайцев, «принести им свет Евангелия» и общепринятые правила торговли. И все три раза все эти надежды рухнули. Китай оказался совсем не тем, чем он представлялся американцам.

Образ Китая в Америке, представление о китайцах в Америке оказалось ложным, иллюзорным, лишенным практических оснований. Особую роль при этом играли самопредставления амери-

канцев и китайцев, каждой нации о себе. Каждая стремилась самоутвердиться. При этом речь шла, по сути дела, о соперничестве. Оно было неизбежно. Другое дело, что имелаась возможность договариваться о трех главных принципах взаимоотношений: мире, независимости и равноправии. Но до осознания этого и в Америке, и в Китае было тогда еще очень далеко.

Цикл высоких (грандиозных) надежд, их крушения и горького разочарования, что ясно прослеживается в сообщениях миссионеров, был также заметен, хотя и менее отчетливо выражен в большинстве газет, которые писали о Китае. Когда американские посланники в Китае Хэмфри Маршалл в 1853 году и Росси Браун в 1869 году попытались поставить на сверку растущую волну оптимизма, спровоцированную, соответственно, Тайпинским восстанием и договором Берлингема, редакторы подвергли их поношению, за что впоследствии были вынуждены извиниться перед ними, когда последующие события в Китае разрушили их оптимизм. Этот образец надежды и разочарования может также помочь объяснить огромную несостоятельность (великую несостоятельность) американских редакторов, когда они рассуждали на тему о нашей политике в отношении китайской иммиграции. Чрезвычайно опасно обобщать позицию газет в отношении китайцев, не следуя вывертам редакции, поворотам и возвратным движениям на протяжении многих месяцев. Когда один историк инцидента в Норт-Адамсе пришел к заключению в 1947 году, что «Гораций Грили и его "Нью-Йорк трибьюн" оказались значительно позади Кэлвина Сампсона и его китайцев», то он заявил это на основании единственной редакционной статьи, которую он цитировал из вторых рук, то есть ссылаясь на «Нэйшн»; он совершил грубую ошибку. В противовес тому, что он рассматривал как кельтскую заносчивость со стороны рабочих в Норт-Адамсе, Грили естественно поддержал действия Сампсона против Криспинс. Однако Грили и его редакционная команда также были объектом тех же самых социальных, культурных, расовых и медицинских страхов относительно китайской иммиграции, которые воздействовали на редакторов на востоке. Эти страхи были выражены Грили лично и его газетой на протяжении десятилетий до прибытия китайцев в Норт-Адамс. Поэтому «Нью-Йорк трибьюн» в 1870 году колебалась между подтверждением и почти истерическим осуждением действий Сампсона точно так же,

как они колебались между надеждой и разочарованием на протяжении десятилетий в своих редакционных дискуссиях по вопросу о китайско-американских отношениях. Весьма возможно, что наша нынешняя горечь по отношению к Китаю может быть еще одной фазой лишенной иллюзий реакции на недопустимые ожидания, которые родились из высокоромантизированной особой китайско-американской дружбы в 1930-х годах и во время Второй мировой войны. Китай в известном смысле был наименее успешной коммерческой и духовной частью «провозглашенной (задекларированной) судьбы» Америки (С. 204).

Китайская иммиграция в США — это лишь часть, причем не главная часть всего комплекса американо-китайских отношений. Изучение этого явления, изучение процесса, который привел к принятию в США в 1882 году закона об исключении китайцев из числа желательных или допускавшихся в США иммигрантов, позволяет увидеть и некие общие черты характеристики американо-китайских двусторонних отношений на протяжении всей их истории.

В США редакторы массовых печатных изданий выражали социальные, культурные, расовые и медицинские страхи относительно китайской иммиграции. Профессор Миллер, как представляется, считает эти страхи не только преувеличенными, проявлением ненужных эмоций, но и наносившими вред реальному характеру взаимоотношений, реальной возможности строить их без учета таких страхов.

На самом деле эти страхи или то, что профессор Миллер называет такими страхами, были проявлением интуитивных ощущений, политической интуиции американцев как нации. В истории взаимоотношений с китайцами не одна нация так или иначе в лице своих политических руководителей пыталась занять позицию «учета» требований китайских властей имущих пойти им навстречу во всем, выполнять все то, что они требовали или требуют. И каждый раз оказывалось, что эти китайские властители имели такой исторический счет, такие претензии, которые удовлетворить было нельзя, если отстаивать возможность для той или иной нации самосохраняться, самосуществовать, оставаться самостоятельной и независимой. Китайцы в этих случаях вели себя как хозяева всего человечества. Они требовали абсолютного подчинения. В этом-то состоит и нынешняя проблема во взаимоотношениях китайцев

и остального человечества, всех его частей и каждой его части в отдельности.

Профессор Миллер упоминает о четвертой волне иллюзий и разочарований в американо-китайских отношениях. Речь идет о недопустимых ожиданиях, которые родились из высокоромантизированной особой американо-китайской дружбы в 1930-х годах и во время Второй мировой войны. Профессор Миллер приходит к выводу о том, что Китай был наименее успешной коммерческой и духовной частью «провозглашенной (задекларированной) судьбы» Америки. Так, еще в 1969 году американец, профессор Миллер в результате своего исследования заговорил о «провозглашенной судьбе» Америки. Это и является проявлением американской позиции в вечном соперничестве судеб Америки и Китая. В настоящее время председатель КНР Си Цзиньпин говорит об общей судьбе человечества, всех его частей, каждой его части, то есть и США, с судьбой Китая.

Американцам и китайцам предстоит понять необходимость договариваться о соотношении судеб этих наций на основе упомянутых главных принципов: мира, самостоятельности, равноправия. От этого зависит и судьба человечества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ситуация на Земле, и в особенности активное осуществление власти имущими в континентальном Китае того, что в их представлении является глобальной стратегией Китая, все более настойчиво приводит к мысли о том, что перед человечеством, перед всеми людьми, живущими на нашей планете, встает вопрос о том, какими являются в настоящее время и как могут складываться в будущем взаимоотношения между китайцами как нацией, с одной стороны, и всем остальным человечеством, с другой стороны.

Что в настоящее время и в будущем играет и будет играть решающую роль, определяющую роль: предубеждения и с той, и с другой стороны или несовместимость интересов этих сторон? Дело в том, что каждая из сторон пришла к нынешнему положению вещей по преимуществу именно с таким багажом: с предубеждениями в отношении другой стороны и с тем, что предстает как несовместимость интересов этих двух сторон.

Здесь в первую очередь необходимо обратить внимание на две нации: на американцев и на китайцев. В настоящее время каждая из них прилагает усилия с той целью, чтобы сохранить себя, ведет борьбу за независимость и самостоятельность, за то, чтобы продолжать стоять во весь рост, а также обогащаться, то есть повышать уровень жизни населения, и, наконец, усиливаться. Именно усиление, наращивание прежде всего военной, но и экономической мощи, по сути дела, определяет внешнюю политику современных государств каждой из этих двух наций.

Нациям предстоит осознать, что человечество — единое целое. У него одно гнездо — планета Земля. Люди — это земляне. Путь к осознанию будет долгим.

Придется осознать необходимость руководствоваться тремя главными принципами: вечного мира, абсолютной независимости, полного равноправия.

Осознание равенства, равноправия всех людей, всех национальных общностей потребует громадных усилий и времени.

Препятствием служат иррациональные представления тех или иных наций о себе, стремление навязать остальному человечеству себя в качестве Учителя, идеи великого возрождения Китая как великой нации, мысль о том, что «Америка прежде всего».

Важно, чтобы никакой вождь, никакая политическая партия, никакое государство не навязывали себя другим в качестве вождя, не навязывали мысль об общей судьбе, общей мечте, общем будущем во главе с ними.

Здесь важно отказаться от мысли об историческом долге всех иных-прочих перед той или иной нацией. Мысль о периоде унижения, оскорбления, притеснения используется как прикрытие осуществления стремления установить свой «новый порядок» на планете Земля.

При желании любая нация может предъявить любой другой нации исторические претензии или исторический счет, в том числе и на так называемые утраченные территории, или подвесить нерешенные вопросы, требовать, по ее мнению, справедливо и рационально решить то, что она считает такими вопросами, в частности вопросы об исторической принадлежности земель или акваторий.

Грядет борьба за землю, воду, воздух. Все это — общее достояние человечества, и в то же время каждая нация защищает и будет защищать свое неотъемлемое право на свою землю, свою воду, свой воздух. Они одновременно находятся и в «индивидуальном» пользовании каждой соответствующей нации-хозяина, и в «общем пользовании». Здесь будет возникать все больше вопросов. Решать их можно только совместно и только при соблюдении упомянутых главных принципов сожительства людей на Земле: мира во взаимоотношениях между всеми, абсолютной самостоятельности каждой нации, их полного равноправия.

Если человечество хочет выжить, продолжать существовать, тогда всем придется осознать, что во главу угла должен быть поставлен принцип признания разнообразия человечества, равных прав любой его части.

На Земле много людей смешанной крови, цветных, цветного населения. Существует вопрос о том, чтобы перестать делить людей, отделять людей с «чистой кровью» от людей с «нечистой кровью», со «смешанной кровью».

Каждому человеку и каждой национальной общности, каждой нации предстоит осознать себя и как самостоятельного субъекта, и как часть той или иной национальной общности, малой и боль-

шой. Какой будет их судьба? Как им найти прочную основу для сосуществования с теми, кто считает себя «чистыми» нациями, людьми с «чистой кровью»?

Сколько их сейчас, сколько будет в дальнейшем?

Наряду с вопросом о «чистоте крови» иной раз поднимается, по сути дела, вопрос о «силе крови». Речь при этом заходит об ассимиляции, о том, «чья кровь сильнее», кто кого способен ассимилировать.

В Америке существует термин «плавильный котел». В то же время иной раз обостряется вопрос о защите уже живущих в США от тех или иных «пришельцев», иммигрантов.

В Китае Мао Цзэдун говорил Хрущеву, что китайцы ассимилировали всех, с кем им пришлось встретиться на протяжении всей их истории.

В китайском языке существуют термины *хунь сюе эр* — «дети смешной крови» (в частности, родившиеся у китайок от японцев во время Второй мировой войны) и *хунь дань* — «подонки» (так называли людей из нашей страны в КНР во время «культурной революции» Мао Цзэдуна).

Существует и имеет длительную историю цветное население в Южной Африке. Это своего рода люди (мыса) Доброй Надежды, если говорить об одном из мест, где они живут. В Бразилии говорят, что среди населения страны нет никого, в ком бы ни смешались разные крови.

Таким образом, на планете есть страны с разной ситуацией, если говорить о «чистоте крови» и об отношении к людям со «смешанной кровью». Есть Китай, есть Индия, есть Бразилия, есть Южная Африка, не говоря о том, что это та проблема, которая практически касается любого народа и любой страны.

И сколько же в мире людей с «нечистой» или «смешанной» кровью! А ведь это будущее или часть будущего человечества. Невозможно запретить любить друг друга людям «разной крови». Разных национальных общностей. Чувства сильнее крови, разум сильнее крови и расизма.

Маяковский в одной из своих пьес призвал людей на земле: «Встаньте красивыми цветными группами». Вот символ и картина будущего с точки зрения разумного и чувствующего, испытывающего человеческие чувства человека.

Человечность должна возобладать, только это спасет человечество. Не социализм, а человечность спасет и Китай, и все человечество, все нации.

21 февраля 2018 года интернет сообщил, что посол КНР в США сказал: следует бояться не Китая, а конфронтации с Китаем. (Как бы в ответ американцы выдвинули установку: соперничество — это не обязательно враждебность.)

Впервые американцам столь ясно и на официальном уровне было предъявлено требование строить свою внешнюю политику таким образом, чтобы это не вызывало недовольства в Пекине, у руководителей КПК — КНР.

Человечество впервые оказалось в ситуации противостояния с Китаем.

Профессор Миллер в наименовании своего труда применил слово Image — «образ, подобие, вызванное в воображении, представление о чем-то».

Это и то, что имеется в виду под художественным образом. Очевидно, что профессор Миллер имел в виду нечто искусственно созданное в воображении американцев, своего рода вымышленное представление американцев о китайцах. Оно возникло под воздействием исторических обстоятельств, не было реальным и помешало американцам правильно относиться к китайцам и даже правильно понимать китайцев, правильно строить политику в отношении китайцев. Может быть, при этом имелось в виду, что достаточно понять все это, приложить усилия к тому, чтобы правильно относиться к китайцам, и тогда отношения между Америкой и Китаем наладятся. Станут нормальными и благоприятными для обеих сторон.

При таком взгляде на это оказывается, что американцам следовало понять, что они в истории были не правы, что они были виноваты перед китайцами, что у них есть исторический долг перед китайцами.

Одновременно при таком подходе китайцы оказывались объектом, а не субъектом. На самом деле речь шла о двух субъектах, о двух нациях, от активных действий которых зависело состояние двусторонних отношений. Обе нации, каждая в отдельности, несут ответственность за состояние их отношений.

Образ народа и страны в умах людей той или иной страны очень важен. Иной раз он оказывается важнее экономики и прочего.

Встреча американцев и китайцев — это первая встреча двух этих частей человечества.

Ныне в процессе их знакомства начинается важный этап.

Китай оказывается все поглощающим или все ассимилирующим спрутом. Он поглотил, переварил и китаизировал буддизм, христианство, марксизм.

Остается подвешенным, может быть, пока вопрос об иудаизме и мусульманстве.

После такой ассимиляции, переваривания, китаизирования получается продукт, неприемлемый для остального человечества, используемый в целях установления своей власти над всем миром теми, кто держит в своих руках власть в Китае*.

Всего лишь два века тому назад иностранцы стучались в двери Китая, добиваясь их открытия, а сегодня китайцы стучатся в двери остального человечества; возникает проблема их взаимного приспособления.

В XIX веке не было ни интернета, ни телевидения, ни радио, ни кино. Но были, прежде всего в Америке и в Европе, в Англии, газеты и журналы. Редакторы этих изданий играли важную роль. Основой знаний служили впечатления путешественников, очевидцев.

Тогда не было массового туризма. Связи между странами осуществлялись отдельными людьми с каждой из сторон.

Американцы задумались над вопросом о том, почему именно и только китайцы оказались «нежелательными иммигрантами» в США.

Возникли предположения: может быть, американцы руководствовались при этом решении предубеждениями, от которых теперь избавились; или, может быть, здесь сказалась несовместимость американцев и китайцев?

На самом деле причина и не в предубеждениях, хотя они и были, и не в несовместимости, хотя и для нее имелись вполне определенные основания.

Человечество оказалось перед проблемой Китая, перед глобальной стратегией Китая.

Китайцам и остальному человечеству придется либо совместно найти решение проблемы Китая, то есть согласовать принципы

* О взаимоотношениях китайцев и американцев я писал ранее в нескольких работах: Рубеж перед стартом: китайская проблема для России и США на пороге XXI века. М., 1999; Нации и государства: Сб. ст. о китайско-американских отношениях. М.: ИДВ РАН, 2001; Китай и сентябрьская трагедия Америки. М., 2002; Россия — Китай — Америка: От соперничества к гармонии интересов. М., 2006; Казус Америки // Глобальная стратегия Китая. М., 2016; За кулисами американо-китайских отношений. Полвека спустя после рукопожатия Мао и Никсона в Пекине. М., 2018.

сожительства на планете, либо их неотвратимо ждет столкновение, в котором может погибнуть все человечество.

Мы уже упоминали о том, что свою работу профессор Миллер назвал: «американский образ» китайцев. Слово образ имеет значения «представление», «впечатление». Иными словами, речь может идти о том, что у одного народа создается впечатление, представление о другом народе, об образе этого народа.

Возникает вопрос о том, насколько образ соответствует реалиям. Однако образ — это то, что складывается из впечатлений, а те формируются из слов и фактов. Под воздействием фактов и слов. Таким образом, даже с поправками на то, что нам представлен образ, все то, что представляет собой факты, касающиеся китайцев, присущие китайцам и их поведению, их действиям, а также все слова, сказанные китайцами и о китайцах, все это следует принимать во внимание, когда приходится думать о китайцах и о возможности сосуществования с ними, о настоящих и будущих взаимоотношениях между китайцами и остальным человечеством.

Никто, ни одна страна не последовала за США в недопущении в нее китайской иммиграции.

Китай всегда был обидчиком тех народов, до которых он дотягивался, он их переваривал, ассимилировал, китаизировал.

В истории случилось так, что часть человечества оказалась вне досягаемости Китая. Китай и остальное человечество, его значительная часть много веков существовали по отдельности.

Остальное человечество достигло успехов в производстве вооружений и в других областях. Поэтому при встрече с китайцами на определенное время имело некоторое преимущество.

Теперь все вернулось или почти вернулось на круги своя. Китай становился и в некоторых отношениях уже стал обладателем военной и экономической мощи. У него есть твердая сила — возможность принуждать военным путем. Есть мягкая сила — заставить без применения жестких или военных мер. И есть пропаганда и помощь, чем он обманывает соперников.

Одна пятая часть человечества, то есть китайцы, согласно планам и заявлениям их властей, намерены китаизировать планету. В этом смысле, с их точки зрения, глобализация в конечном счете должна стать китаизацией всей планеты. Цель глобализа-

ции по-китайски, глобализации со спецификой Китая или самобытной, исключительно китайской глобализации — это китаизация планеты.

Они говорят о сообществе общей судьбы, об общей мечте, об общей судьбе, об общем будущем китаизированного человечества. Это означает, что, с их точки зрения, у всех остальных частей человечества их судьба, мечта, будущее должны быть общими с китайцами.

Марксизм должен быть только китаизированным. Социализм должен быть только исключительно и самобытно китайским. Это должно быть общей идеологией человечества.

Идеология, то есть образ мыслей, должна быть китаизирована.

Образ жизни должен быть китаизирован.

Религия должна быть китаизирована.

Население должно быть ассимилировано и китаизировано.

Если кратко представить себе то, что происходило во взаимоотношениях американцев и китайцев после их встречи, то обозначится следующее.

Это была встреча республики и монархии, демократии и самовластия.

Сначала в Китае появились разведчики республики — купцы, дипломаты, миссионеры.

Потом американцы подписали с китайцами два договора: договор в Ванся в 1844 году и договор Берлингема в 1868 году.

Затем последовал отказ китайцам в натурализации в США и во въезде туда в качестве иммигрантов.

В 1896 году состоялась первая встреча на высшем уровне. Фактически главный китайский министр того времени Ли Хунчжан побывал с визитом в США и встретился с президентом Кливлендом. Ли Хунчжан выступал за то, чтобы китайцы, которых он называл *Цин го жэнь* — «людьми государства Цин», имели право и приезжать в Америку, и пользоваться там равными правами со всеми ее жителями.

Далее США участвовали в походе объединенной армии восьми держав в Китай. Это делалось под лозунгом защиты жизней иностранцев в Пекине.

Потом обе стороны предпринимали каждая свои дипломатические маневры.

Затем были отношения союзничества при Чан Кайши и Рузвельте в целях совместной борьбы против японской военной агрессии.

Далее США отстранились от внутренней борьбы в Китае между Гоминьданом и КПК. Американцы сохранили связи с китайцами на острове Тайвань после создания КНР.

В 1950–1960-х годах США исходили из существования союза между СССР и КНР.

Затем пришло осознание того, что Мао Цзэдун считает нашу страну и наш народ своим врагом. В 1972 году президент США Никсон посетил КНР, встретился с Мао Цзэдуном. Стороны заверили друг друга в том, что у них нет намерений воевать друг против друга, а также заявляли о том, что считают угрозой для себя политику СССР. В результате последовало установление связей, а далее межгосударственных дипломатических отношений.

У американцев в значительной степени и под воздействием обмана со стороны Мао Цзэдуна и его последователей возникла иллюзия выступления в роли ведущего, опекающего слабый Китай, который «помогает» Америке бороться против СССР.

Наконец, в начале XXI века к американцам начало приходить осознание того, что Америку провели, ею воспользовались.

В настоящее время происходит соперничество и противостояние между США и КНР в глобальных масштабах.

В мировой истории происходят значимые для человечества революции. В 1974 году Дэн Сяопин на сессии Генеральной Ассамблеи ООН представил позицию Мао Цзэдуна. В частности, он подчеркнул, что в истории человечества до сих пор были только три революции: американская, французская, китайская.

С этой точки зрения революции в России еще не было. Это говорилось тогда, когда еще существовали СССР и КПСС, когда Мао Цзэдун стремился создать единый всемирный фронт борьбы против нашего народа и нашей страны (вслед за Мао Цзэдуном, уже после его смерти, этот призыв повторил Дэн Сяопин). Таким путем он также внушал, прежде всего американцам и европейцам, что у них и у Китая есть один общий враг — СССР. На самом деле в XX веке в Китае, затем в России избавились (по сути дела, номинально) от монархий. При этом сохранили самовластие. Существенные сдвиги были в 1991 году в России и в «золотое десятилетие» реформ в 1980-х годах в Китае. Однако пока Россия и Китай ждут своих подлинных революций.

Ситуация на планете складывается таким образом, что Китай, его власти при поддержке большинства своего населения ставят целью создание такой совокупной государственной мощи, которая будет превосходить любую иную силу в мире.

Как в этой ситуации вести себя нашему народу и нашей стране? В чем наш главный интерес, заинтересованность?

В мире, независимости и равноправии.

Следовательно, самое важное — это обеспечение мира.

Это предполагает поддержание мира в межгосударственных отношениях, недопущение превращения Китая в военного противника, в военного врага.

Однако это зависит не только от нас, но и от самого Китая, причем в первую очередь.

Весь вопрос в том, чтобы, обеспечивая мир во взаимоотношениях с Китаем, недопущение войны Китая против нас, защитить нашу независимость и самостоятельность, свободу и независимость нашего народа, нашей страны, нашей родины.

При этом нам важно делать это и во взаимоотношениях с Китаем, и во взаимоотношениях с остальным человечеством, прежде всего с США, с Европой, с Индией и т. д.

Что же касается выводов из истории взаимоотношений различных стран с Китаем, то можно отметить, что сначала американцы в XIX веке поверили в возможность возникновения и создания при их активном участии и помощи «нового Китая», «христианского Китая», «протестантского Китая». В результате получили опыт и урок: осуществить это невозможно.

Затем в XX веке русские поверили в возможность возникновения и создания при их активном участии и помощи «нового Китая», «коммунистического Китая», «социалистического Китая». В результате получили опыт и урок: осуществить это невозможно.

Китай мог называть себя и «новым Китаем», однако стремится возродить величие прежнего Китая, а это означает распространение ассимиляции на всех жителей Земли.

ОБ АВТОРЕ

Юрий Михайлович Галенович родился 20 апреля 1932 года в Москве. В 1954 году окончил китайское отделение Московского института востоковедения.

Далее на протяжении четверти века участвовал в практической работе в области наших двусторонних отношений с Китаем. Работал на Выставке достижений экономического и культурного строительства СССР в городах Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, Ухане; был переводчиком торгпредов в Китае И. А. Еремина и М. И. Сладковского. Ведал связями в области культуры и образования в посольстве СССР в КНР, работал в составе наших делегаций на пограничных консультациях и переговорах в 1964, 1969–1970, 1979 годах, переводил глав наших делегаций П. И. Зырянова, В. В. Кузнецова. Ему довелось переводить беседы А. Н. Косыгина с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем, А. Н. Шелепина с Ху Яобаном и Ли Сяньнянем, А. И. Микояна с региональными китайскими руководителями; послов С. В. Червоненко и С. Г. Лапина с Лю Шаоци, Чжу Дэ, Чжоу Эньлаем, Чэнь И. Работал во время их проезда и пребывания в Москве с Е Цзяньином, Ду Жуньшэном, Чэнь Ицзы. Был переводчиком во время пребывания в нашей стране китайских писателей и деятелей искусства: Тянь Ханя (в том числе во время его встречи с К. М. Симоновым), Лао Шэ, Ба Цзиня, Ся Яня, Мэй Ланьфана (при его встрече с Г. С. Улановой). Знаком со знатоками русского языка в Китае: Гао Маном, Янь Минфу, Ли Фэнлинем; со специалистами в области наших двусторонних отношений: Сюе Сяньтянем, Ян Чуаном, Линь Цзюнем, Гао Фэем. Как и другие сотрудники посольства СССР в Пекине в годы «культурной революции» в КНР, был награжден орденом за мужество при выполнении служебного долга. Занимался анализом в государственных учреждениях наших двусторонних отношений и таких внутрисполитических событий в КНР, как «культурная революция» и «дело Линь Бяо».

В 1970-х годах в секретариате ООН был директором отдела внешних сношений, который ведал всеми информационными центрами ООН в мире и связями ООН с неправительственными организациями.

Будучи в США, изучал состояние и перспективы китайско-американских отношений. Общался с известными американскими китаеоведами, политическими деятелями и журналистами: Эд. О. Клаббом, Дж. Сервисом, Дж. Фэйрбэнком, Эд. Райсом, М. Уилбуром, Р. Скалапино, Д. Барнетом, А. Уайтингом, Л. Паем, Э. Вогелем, С. Вэнсом, Т. Робинсоном, С. Левином, М. Пилсбери, Г. Солсбери, С. Топпингом, Дж. Лилли, П. Чжаном, У. Оверхолтом, Р. Уитке.

С конца 1970-х годов на протяжении десяти лет занимался научно-организационной работой в качестве заместителя директора сначала Института Африки (где, в частности, изучал отношения Китая со странами этого континента), а затем Института Дальнего Востока АН СССР.

С конца 1980-х годов сосредоточился на научно-исследовательской работе, является главным научным сотрудником Института Дальнего Востока РАН. За последнюю четверть века стал автором шестидесяти монографий. Вот главные направления его исследований и названия соответствующих монографий:

1. Анализ истории КНР и КПК и внутривнутриполитического положения в КНР («Из истории политической борьбы в КПК /1966–1969 гг./»; «Смерть Мао Цзэдуна»; «Противостояние: Пекин, Тяньаньмэнь, 1989 год»; «Китайское чудо или китайский тупик»; «Призрак Мао»; «О чем пишут авторы сборника “Китай недоволен”»). Автор раздела «История Китая второй половины двадцатого столетия» в шестом томе «Истории Востока», изданной Институтом востоковедения РАН. Ответственный редактор и автор «Введения» «Истории КНР (1949–1976 гг.). — VIII тома десятитомной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века».

Отношения между берегами Тайваньского пролива: «Самоутверждение сыновей Тайваня»; «Китайские метаморфозы»; «Москва — Пекин, Москва — Тайбэй».

2. Жизнь и деятельность практически всех политических лидеров Китая в XX и XXI веках («Цзян Чжунчжэн, или Неизвестный

Чан Кайши»; «Мао Цзэдун вблизи»; «Великий Мао»; «Гибель Лю Шаоци»; «Возвращение Лю Шаоци»; «Пэн Дэхуай и Мао Цзэдун»; «Путешествие на родину Дэн Сяопина»; «Дао Ху-гуна /о Ху Яобане/»; «Наказы Цзян Цзэминя: принципы внешней и оборонной политики современного Китая»; «Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае»; «Новое лицо Китая /о Ху Цзиньтао/»; «Чжао Цзыян и реформы в Китае»; «“Великое возрождение” “великой нации Китая” и Россия /о Си Цзиньпине/»).

«Китайская альтернатива» (сопоставление взглядов, позиций и действий Лю Шаоци и Мао Цзэдуна, Ху Яобана и Дэн Сяопина).

«За кулисами советско-китайских отношений». На основе рассмотрения мемуаров Ши Чжэ, переводчика бесед Мао Цзэдуна со Сталиным и Хрущевым, во многом по-новому предстает история взаимоотношений советских и китайских коммунистов и взаимоотношений внутри руководства КПК.

3. История и современное состояние двусторонних отношений России и Китая («“Белые пятна” и “болевые точки” в истории советско-китайских отношений»; «Россия — Китай: шесть договоров»; «История взаимоотношений России и Китая» /в четырех книгах/; «Четыреста лет соседства России с Китаем»; «Россия и Китай в XX веке: граница»; «“Войны Нового Китая” и его дипломатическая служба»; «Исторический счет” к России и к СССР в “Истории Коммунистической партии Китая”»; «“Исторический счет” к России и к СССР в “Истории Китайской Народной Республики”»; «Китайские претензии. Шесть крупных проблем в истории взаимоотношений России и Китая»; серия из шести монографий под общим названием «Россия и Китай в XX веке. Нации и их лидеры»: «От императора Николая II и императрицы Цыси до Ленина и Сунь Ятсена»; «Два генералиссимуса: И. В. Сталин и Цзян Чжунчжэн /Чан Кайши/»; «Сталин и Мао. Два вождя»; «Два “первых лица”: Хрущев и Мао Цзэдун»; «От Брежнева и Мао Цзэдуна до Горбачева и Дэн Сяопина»; «Москва — Пекин, Москва — Тайбэй»). Итогом анализа внешней политики КНР является труд «Глобальная стратегия Китая». В нем внимательно проанализирована внешнеполитическая деятельность Мао Цзэдуна. Ю. М. Галенович является автором раздела «Российско-китайская граница в XX веке» в коллективной монографии «Границы Китая: история формирования»

(под общ. ред. В. С. Мясникова и Е. Д. Степанова. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 182–224).

4. Современное китайское россиеведение или оценка в КНР истории российско-китайских отношений, исчезновения СССР и КПСС, взаимоотношений РФ и КНР, внутренней и внешней политики России («История КПСС и СССР в трактовке китайских ученых»; «Взгляд на Россию из Китая. Прошлое и настоящее России и наших отношений с Китаем в трактовке китайских ученых»; «Россия в “китайском зеркале”. Трактовка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений»; «Китайские поминки по КПСС и СССР»; «Плач по безвременно усопшим. Трактовка в КНР исчезновения СССР и КПСС»).

5. Соотношение интересов России, Китая и США («Рубеж перед стартом: китайская проблема для России и США на пороге XXI века»; «Китай и сентябрьская трагедия Америки»; «Россия — Китай — Америка. От соперничества к гармонии интересов?»).

6. Отдельно необходимо отметить выполненный Ю. М. Галеновичем перевод с его предисловием и послесловием китайского классического труда «САНЬ ЦЫ ЦЗИН (Троеслово)».

7. В КНР в переводе на китайский язык издана серия его монографий на общую тему «Россия и Китай в XX веке. Нации и их лидеры». Эта серия состоит из шести монографий: «От императора Николая II и императрицы Цыси до Ленина и Сунь Ятсена»; «Два генералиссимуса: И. В. Сталин и Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши)»; «Сталин и Мао. Два вождя»; «Н. С. Хрущев и Мао Цзэдун»; «От Л. И. Брежнева и Мао Цзэдуна до М. С. Горбачева и Дэн Сяопина»; «Москва — Пекин, Москва — Тайбэй». В этих работах китайским читателям представлено сопоставление взглядов автора и китайских коллег на историю наших двусторонних отношений с конца девятнадцатого по начало двадцать первого столетия.

Ю. М. Галенович — доктор исторических наук (защищенная в ИДВ АН СССР диссертация о политическом курсе Мао Цзэдуна в отношении нашей страны, о соотношении внутренней и внешней политики в годы «культурной революции» в КНР); кандидат филологических наук (защищенная в МГИМО МИД СССР диссертация об интонации простого предложения в современном китайском языке и о соотношении тона и интонации в китайском языке),

профессор всеобщей истории. Читал лекции по истории взаимоотношений России и Китая в РГГУ и МГИМО (У), в Пекинском институте международных отношений. На протяжении нескольких десятилетий является заместителем председателя правления Общества российско-китайской дружбы. Заместитель председателя Всесоюзной ассоциации китаеведов. Председатель совета Московско-Тайбэйской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству.

В итоге пять лет учебы на китайском отделении Московского института востоковедения, три года в аспирантуре МГИМО, двадцать пять лет практической работы в сфере двусторонних отношений, в том числе в Китае и в Америке, сорок лет научной работы.

Особенность этой работы в пристальном изучении трактовки в современном Китае истории наших взаимоотношений с Китаем, истории Китая в XX и XXI веках, внутривосточного положения и борьбы в Китае, истории взаимоотношений России (СССР, РФ) и Китая (Китайской Республики и Китайской Народной Республики) и комментариях китаеведа к этой трактовке.

В последние годы сосредоточился на изложении позиции нашей стороны в своего рода диалоге с китайскими коллегами по вопросам истории русско-китайских, советско-китайских отношений. В ответ на официальную трактовку в КНР истории взаимоотношений КПСС и КПК, СССР и КНР, России и Китая, изложенную в «современном троекнижии» («История КПК»; «История КНР»; «Обобщение подвешенных вопросов истории взаимоотношений России и Китая»), опубликовал свое троекнижие: «Исторический счет к России и СССР в “Истории КПК”», «Исторический счет к России и СССР в “Истории КНР”», «Китайские претензии. Шесть крупных проблем в истории взаимоотношений России и Китая». Развитием этой темы является и монография «За кулисами советско-китайских отношений».

В настоящее время важным представляется изучение китайских текстов по вопросам наших двусторонних отношений; трактовка, разъяснения их содержания, сути, формулировок и терминов с точки зрения китаеведа; сопоставление трактовок истории китайскими коллегами и российским китаеведом с позиций защиты коренных национальных интересов нашей страны.

В последние годы все большее значение приобретает проблема соотношения интересов Китая и остального человечества. При этом важно обратиться к истории и состоянию американо-китайских отношений. На эту тему написаны и изданы работы: «Глобальная стратегия Китая» (М., 2016. 1176 с. Раздел «Казус Америки». С. 25–161); «За кулисами американо-китайских отношений». Подготовлена к изданию, помимо данной работы, то есть «Истоков американо-китайских отношений», монография «Америка — Китай: глобальное противостояние». Определенное отношение к этой теме имеет и готовящаяся к печати работа «Китайские страгемы».

ПЕРЕЧЕНЬ РАБОТ АВТОРА

«Культурная революция» в Китае. Борьба в китайском руководстве. Май 1966 года — апрель 1969 года. (В четырех книгах).

Кн. 1: «Культурная революция» в Китае. Борьба в китайском руководстве. Май — декабрь 1966 года. Академия наук СССР. Институт Дальнего Востока. Информационный бюллетень. Специальный выпуск. Для служебного пользования. — М., 1974. [13,75 п. л.]

Кн. 2: «Культурная революция» в Китае. Борьба в китайском руководстве. Январь — июнь 1967 года. — М., 1974. [15 п. л.]

Кн. 3: «Культурная революция» в Китае. Июнь — ноябрь 1967 года. — М., 1975. [14 п. л.]

Кн. 4. Ч. 1: Декабрь 1967 года — апрель 1969 года. — М., 1977. [12,75 п. л.]

Кн. 4. Ч. 2: Декабрь 1967 года — апрель 1969 года. — М., 1977. [15 п. л.]

Из истории политической борьбы в КПК (1966–1969 гг.) / Институт Дальнего Востока Академии наук СССР (ИДВ АН СССР). — М., 1988. — 298 с.

«Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений / Институт Дальнего Востока Российской академии наук (ИДВ РАН). — М., 1992.

Т. 1: От октября 1917 г. до октября 1949 г. — 170 с.

Т. 2: СССР и КНР (1949–1991 гг.): В 2 кн. — Кн. 1. 140 с.; Кн. 2. 132 с.

Противостояние: Пекин, Тяньаньмэнь, 1989 год / ИДВ РАН. — М., 1995. — (Информационный бюллетень № 6, 7, 8).

Ч. 1: Студенчество и интеллигенция. — 121 с.

Ч. 2: Коммунистическая партия Китая. — 169 с.

Ч. 3: Телесериал «Плач по реке». — 88 с.

Чэнь Ицзы. Китай: десятилетие реформ: В 2 ч. / пер. с китайского и вступит. ст. Ю. М. Галеновича: «Неофициальная история реформ, или Исповедь китайского восьмидесятника». — М.: ИДВ РАН, 1996. — Ч. 1. 161 с.; Ч. 2. 147 с. — (Информационный бюллетень № 10, 11).

- К вопросу о национальном самосознании китайцев в конце XX века.** — М.: ИДВ РАН, 1999. — 139 с.
- Рубеж перед стартом: китайская проблема для России и США на пороге XXI века /** Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ». — М., 1999. — 316 с. — (Научные доклады. Вып. 99).
- Цзян Чжунчжэн, или Неизвестный Чан Кайши.** — М.: Муравей, 2000. — 358 с. — (Политические деятели Китая. XX век).
- Гибель Лю Шаоци.** — М.: Восточная литература РАН, 2000. — 144 с.
- Прав ли Дэн Сяопин, или Китайские инакомыслящие на пороге XXI века.** — М.: Изограф, 2000. — 288 с.
- Нации и государства: Сб. статей о китайско-американских отношениях.** — М.: ИДВ РАН, 2001. — 184 с.
- Россия и Китай в XX веке: граница.** — М.: Изограф, 2001. — 336 с.
- Заметки китаевода.** — М.: Муравей, 2002. — 328 с.
- Китайское чудо или китайский тупик?** — М.: Муравей, 2002. — 144 с.
- Призрак Мао.** — М.: Время, 2002. — 208 с.
- Москва — Пекин, Москва — Тайбэй.** — М.: Изографус, 2002. — 656 с.
- Самоутверждение сыновей Тайваня.** — М.: Муравей, 2002. — 200 с.
- Путешествие на родину Дэн Сяопина.** — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2002. — 156 с. — (Лидеры Китая XX века).
- Китай и сентябрьская трагедия Америки /** Научно-образовательный форум по международным отношениям. — М., 2002. — 168 с.
- Россия — Китай: шесть договоров.** — М.: Муравей, 2003. — 408 с.
- От императора Николая II и императрицы Цыси до Ленина и Сунь Ятсена.** — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2003. — 200 с.
- Наказы Цзян Цзэминя: принципы внешней и оборонной политики современного Китая.** — М.: Муравей, 2003. — 335 с.
- Смерть Мао Цзэдуна.** — М.: Изограф, 2005. — 672 с.
- Пэн Дэхуай и Мао Цзэдун. Политические лидеры Китая XX века.** — М.: Огни, 2005. — 264 с.
- Россия — Китай — Америка: От соперничества к гармонии интересов?** — М.: Русская панорама, 2006. — 575 с. — (Размышления историка).
- Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае.** — М.: Памятники исторической мысли, 2006. — 392 с.

- Мао Цзэдун вблизи.** — М.: Русская панорама, 2006. — 325 с. — (Лидеры Китая).
- Китайские метаморфозы. Китай на пороге XXI века.** — М.: Муравей, 2006. — 384 с.
- Российско-китайские отношения (конец XIX — начало XXI в.) /** Институт Дальнего Востока РАН. — М., 2007. — 272 с.
- История КПСС и СССР в трактовке китайских ученых /** Институт Дальнего Востока РАН. — М., 2007. — 132 с.
- Дао Ху-гуна:** В 2 кн. — М.: Русская панорама, 2008.
Кн. 1: Жизненный путь Ху Яобана. — 448 с.
Кн. 2: Подвиг Ху Яобана. — 540 с.
- Новое лицо Китая.** — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008.
Кн. I: Положение в партии. — 376 с.
Кн. II: Состояние общества. — 376 с.
Кн. III: XVII съезд КПК: программа Ху Цзиньтао. — 306 с.
- Возвращение Лю Шаоци.** — М.: Русская панорама, 2008. — 407 с.
- Два генералиссимуса: И. В. Сталин и Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши).** — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008. — 372 с.
- Сталин и Мао. Два вождя.** — М.: Восточная книга, 2009. — 574 с.
- Взгляд на Россию из Китая. Прошлое и настоящее России и наших отношений с Китаем в трактовке китайских ученых.** — М.: Время, 2010. — 304 с.
- О чем пишут авторы сборника «Китай недоволен».** — М.: ИДВ РАН, 2009. — 85 с.
- Китайская мозаика.** — М.: ИДВ РАН, 2009. — 415 с.
- Китайские сюжеты: Чем доволен и недоволен Китай.** — М.: Восточная книга, 2010. — 480 с.
- Троесловие: Сань-цзы-цзин /** пер. с кит., предисл. и послесл. Ю. М. Галеновича. — М.: ИДВ РАН, 2010, — 370 с.
- Троесловие (Сань-цзы-цзин).** / пер. с кит., предисл. и комм. Ю. М. Галеновича. — М.: СПСЛ: Русская панорама, 2012. — На рус. и кит. яз. — 296 с. — (ANTIQUA: литературные памятники и источники).
- Пятьдесят лет с Китаем.** — М.: Вагриус: Изограф, 2011. — 352 с.
- Россия в «китайском зеркале». Трактовка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений.** — М.: Восточная книга, 2011. — 416 с.

- История взаимоотношений России и Китая:** В 4 кн. — М.: СПСЛ: Русская панорама, 2011. — (Размышления историка).
Кн. I: Две нации — две трансформации (XVII — начало XX в);
Кн. II: Два государства — три партии (1917–1949 гг.). — 464 с., карты.
Кн. III: Один строй — два государства (1949–1991 гг.): В 2 ч. — Ч. 1: Гл. 1–11. — 464 с.; Ч. 2: Гл. 12–21. — 336 с.
Кн. IV: Две нации — три партнера (1991 — начало XXI в.). — 600 с., карта.
- Китайские интерпретации.** — М.: Восточная книга, 2011. — 400 с.
- Четыреста лет соседства России с Китаем.** — М.: Восточная книга, 2011. — 256 с.
- Китайские поминки по КПСС и СССР.** — М.: Восточная книга, 2011. — 264 с.
- «Войны Нового Китая» и его дипломатическая служба.** — М.: Восточная книга, 2012. — 640 с.
- Великий Мао. «Гений и злодейство».** — М.: Язуза: Эксмо, 2012. — 784 с.
- Два «первых лица»: Хрущев и Мао Цзэдун.** — М.: ИДВ РАН, 2012. — 322 с.
- От Брежнева и Мао Цзэдуна до Горбачева и Дэн Сяопина.** — М.: ИДВ РАН, 2012. — 224 с.
- Чжао Цзыян и реформы в Китае.** — М.: СПСЛ: Русская панорама, 2012. — 752 с. — (Лидеры Китая).
- «Исторический счет» к России и к СССР в «Истории Коммунистической партии Китая».** — М.: Восточная книга, 2012. — 512 с.
- «Великое возрождение» «великой нации Китая» и Россия.** — М.: Восточная книга, 2013. — 240 с.
- «Исторический счет» к России и к СССР в «Истории Китайской Народной Республики».** — М.: Восточная книга, 2014. — 288 с.
- «Плач» по «безвременно усопшим». Исчезновение СССР и КПСС: трактовка в Китае.** — М.: Восточная книга, 2014. — 192 с.
- Китайские претензии. Шесть крупных проблем в истории взаимоотношений России и Китая.** — М.: СПСЛ: Русская панорама, 2015. — 1136 с.
- Глобальная стратегия Китая.** — М.: Русская панорама, 2016. — 1176 с.: ил. — (Размышления историка).

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / гл. ред. акад. РАН С. Л. Тихвинский; Ин-т Дальнего Востока РАН. — М.: Наука, 2013.

Т. VIII: Китайская Народная Республика (1949–1976) / отв. ред. Ю. М. Галенович. — М., 2017. — 800 с.

Китайская альтернатива. — М.: Форум, 2017. — 376 с.

За кулисами советско-китайских отношений («Судьба толмача»). — М.: Русская панорама: СПСЛ, 2018. — 704 с.: ил. — (Размышления историка).

«Десять жизней» Ван Мина. — М.: НФАМ, 2018. — 492 с.

За кулисами американо-китайских отношений (Полвека спустя после рукопожатия Мао и Никсона в Пекине). — М.: НП ИД «Русская панорама»: ООО «СПСЛ», 2019. — 816 с.

В КНР в 1999 году издательством «Сычуань жэньминь чубаньшэ» издана серия работ под общим названием **«Россия и Китай в XX веке. Нации и их лидеры»**. Серия состоит из следующих книг:

Нигула юй Цыси. Ленин юй Сунь Чжуншань /Николай и Цыси. Ленин и Сунь Ятсен/. — 243 с.

Лян да юаньшуай: Сыдалинь юй Цзян Цзеши /Два генералиссимуса: Сталин и Чан Кайши/. — 287 с.

Лян да линсю: Сыдалинь юй Мао Цзэдун /Два вождя Сталин и Мао Цзэдун/. — 485 с.

Лянгэ ибашоу: Хэлусяофу юй Мао Цзэдун /Два «первых лица»: Хрущев и Мао Цзэдун/. — 294 с.

Булежинефу юй Мао Цзэдун. Гээрбацяофу юй Дэн Сяопин /Брежнев и Мао Цзэдун. Горбачев и Дэн Сяопин/. — 205 с.

Шицзи чжи цзяо ды Элосы юй Чжунго /Россия и Китай на рубеже веков/. — 338 с.

Готовятся к изданию:

Китайские стратагемы.

Америка и Китай: глобальное противостояние.

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Социально-политическое электронное издание

Галенович Юрий Михайлович

ИСТОКИ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Корректор *Е. А. Соседова*

Верстка *О. Б. Русакова*

Обложка *И. И. Мамыкин*

Подписано к использованию 10.02.20

Формат 12,5×19,5 см

Гарнитура Times New Roman

ООО «Издательский дом ВКН»

107497, Москва, ул. Бирюсинка, д. 6, к. 1–5

Телефон: (495) 374-59-68

Сайт: www.vkn-press.ru

Эл. почта: vkn@muravei.ru

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиагор»

Сайт: <http://www.intermediator.ru>

Телефон: (495) 587-74-81

Эл. почта: info@intermediator.ru

Юрий Михайлович Галенович — китаевед, профессор, доктор исторических наук. Автор работ о Китае, русско-китайских и американско-китайских отношениях.

Многие годы работал в Китае, несколько лет в Америке. Знаком со многими видными американскими китаеведами.

Обратил внимание на то, что во втором десятилетии XXI века в США появились работы о нынешнем состоянии американо-китайских отношений, а в свое время

был издан труд об истории американо-китайских отношений. Начиная диалог с американскими исследователями, выступает с тремя монографиями: «Истоки американо-китайских отношений», «За кулисами американо-китайских отношений», «Америка — Китай: глобальное противостояние».

В настоящее время становится все более очевидным, что на мировой арене двумя «главными игроками» являются американцы и китайцы. Во всяком случае, и те, и другие соперничают и так или иначе претендуют на лидерство.

Возникает вопрос о характере их взаимоотношений, история которых насчитывает около 240 лет. Это и мало, и много. С одной стороны, исторически это краткий срок. С другой стороны, здесь многое заставляет задуматься. Обращение к истокам представляется полезным для понимания их нынешнего состояния и перспективы. Это и повод говорить о взаимоотношениях наций на планете.

Всего лишь два века тому назад иностранцы стучались в двери Китая, добиваясь их открытия, а сегодня китайцы стучатся в двери остального человечества. Речь начинает идти о проблеме их взаимного приспособления.

Мы хотели бы познакомить читателей с тем, какими представляли себе китайцев и Китай американцы начиная с XVIII века.